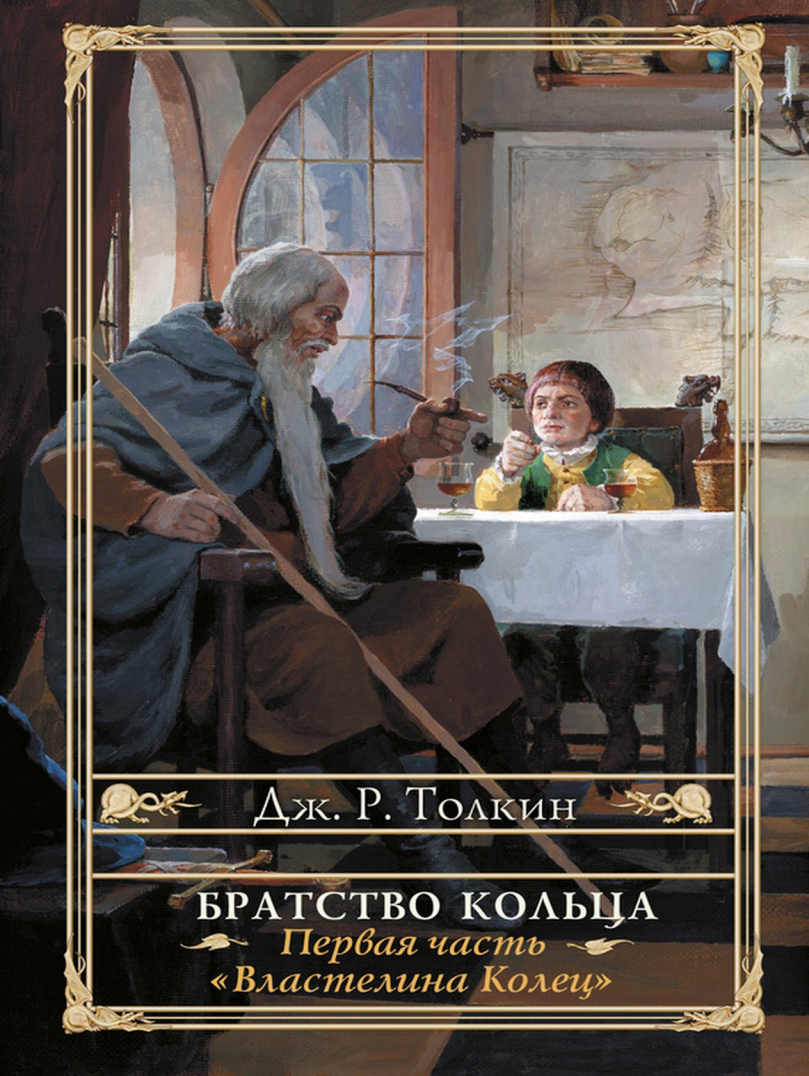


Дж. Р. Толкин

БРАТСТВО КОЛЬЦА

Первая часть
«Властелина Колец»

Братство кольца
Джон Роналд Руэл Толкин

Аннотация
Джон Толкин. Братство кольца
Пролог
  I. О хоббитах
  II. О трубочном зелье
  III. Устройство Шира
  IV. История находки кольца
  V. О летописях Шира
Книга I
  Глава I. Долгожданные гости
  Глава II. Тень прошлого
  Глава III. Втроем веселее
  Глава IV. Самая короткая дорога к грибам
  Глава V. Заговорщики
  Глава VI. Древлепуща
  Глава VII. В гостях у Тома Бомбадила
  Глава VIII. Туман над упокоищами
  Глава IX. «Резвый пони»
  Глава X. Колоброд
  Глава XI. Клинок во тьме
  Глава XII. Бегство к броду
Книга II

Глава I. Встречи
Глава II. Совет у Элронда
Глава III. Кольцо уходит на юг
Глава IV. Путь во мгле
Глава V. Морийский мост
Глава VI. Лотлориен
Глава VII. Зеркало Галадриэль
Глава VIII. Прощание с Лориеном
Глава IX. Великая река
Глава X. Отряда больше нет

Аннотация

Трилогия «Властелин Колец» — одна из тех великих книг, встреча с которыми становится Событием. Эпическая красота повествования, вечная тема борьбы Добра и Зла, большой подвиг маленького героя и, самое главное, — тот фантастический и вместе с тем удивительно реальный мир, в котором хочется остаться навсегда.

Издание, которое вы держите в руках, выполненное в переводе Владимира Грушецкого и Наталии Григорьевой и оформленное знаменитым художником Денисом Гордеевым, — не просто книга на все времена, не просто культовое фэнтези от одного из самых известных писателей, но произведение искусства, сочетающее в себе волшебство слова и рисунка.

Джон Толкин
Братство кольца

J.R.R Tolkien

The Lord of the rings. The Fellowship of the Ring

Originally published in the English language by HarperCollins Publishers Ltd.

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers Limited и литературного агентства Andrew Nurnberg.

The Fellowship of the Ring © The Trustees of The J.R.R.Tolkien, 1967

Settlement 1954, 1966

© Перевод Н. Григорьева, В. Грушецкий

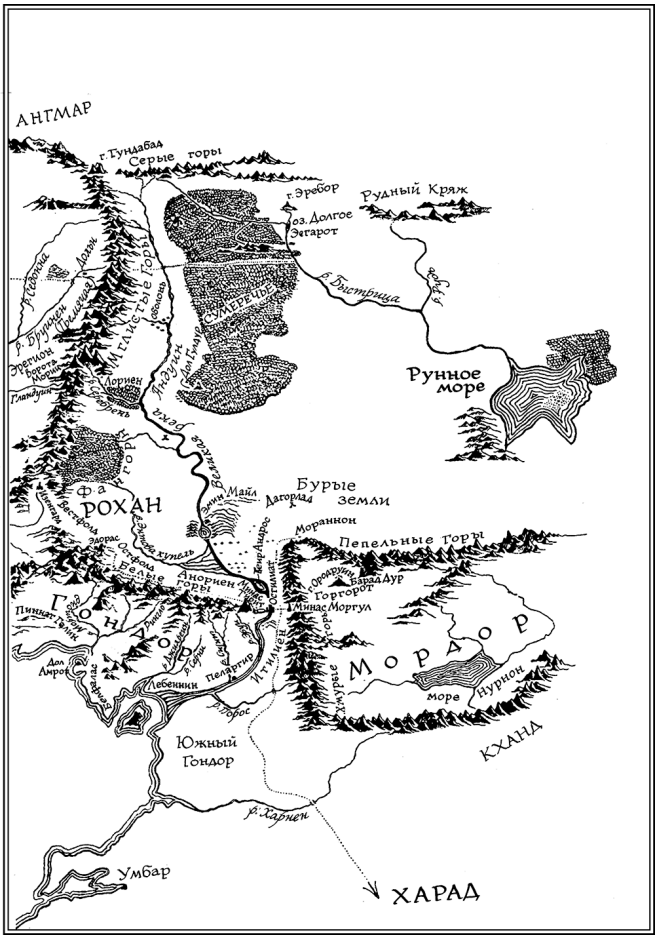
© Перевод стихов И. Гриншпун

© Художественное оформление, иллюстрации Д. Гордеев

© ООО «Издательство „АСТ“»

* * *

N
Среднеземье
Арнор
Шир
Эриадор
Гондор
Синие горы
Серебристая гавань
Белые горы
Хоббитон
Бакленд
Брыль
Форност
Заветерь
Западная дорога
Южная дорога
Тарбад
р. Лунь
р. Бережливая
р. Изен


АНГМАР
г.Тундабад
Серые горы
г.Эребор
Рудный Кряж
оз.Долгое
Эгларот
Мглистые горы
Мглистый Лес
Мирквуд
Великий Лес
Темнолесье
Эсгалдуин
Андуин
Лориен
Эмин Муил
Рунное море
Бурые земли
Майл
Дагорад
Мораннон
Пепельные горы
Роханские ворота
Изенгард
Белые горы
Анорнен
Эред Нимрайс
Горгорот
Барад Дур
Минас Моргул
Итилиен
Пеларгир
Лебенники
Мордор
Мордорские горы
Нурнен
море
Кханд
Южный Гондор
Умбар
ХАРАД

Три — эльфийским владыкам в подземный предел
Семь — для гномов, царящих в подгорном просторе
Девять — смертным, чей выверен срок и удел.
И одно — Властелину на чёрном престоле
В Мордоре, где вековечная тьма:
Чтобы всех отыскать, воедино созвать
И единою чёрною волей сковать
В Мордоре, где вековечная тьма.

Пролог

I. О хоббитах

В книге речь пойдет в основном о хоббитах. Читатель узнает немало и о них, и об их истории, а коли захочет узнать больше, пусть заглянет в Алую Книгу Западного Крома. Кое-что из нее уже публиковалось в книжке «Хоббит» — это начальные главы, написанные знаменитым на весь мир Бильбо, первым по-настоящему прославившимся хоббитом. Он назвал эти фрагменты «Туда и Обратно», потому что повествуют они о путешествии на Восток и возвращении в родные места, а главное — о Приключении, которое повлекло за собой величайшие события Эпохи, во многом изменившие, конечно, и жизнь хоббитов. Об этих событиях и пойдет рассказ.

Многие читали «Хоббита», многие, да не все, поэтому в нашей книге не обойтись без основных сведений об этом замечательном народе, да заодно уж надо напомнить и о самом Приключении.

Хоббиты — народ неприметный, но древний, в прошлом весьма многочисленный. В том, что их стало меньше, нет ничего удивительного, если учесть стремление хоббитов к мирной жизни и

любовь к ухоженной земле. Самое милое дело для них — тщательно и заботливо возделанные поле или садик. Есть и всякие приспособления, но только те, без которых не обойтись, — кузнечные мехи, водяные мельницы да ручные ткацкие станки — других они не признают и не держат.

Нас они издавна звали Верзилами и сторонились, предпочитая не связываться. Сейчас встретить хоббита — большая редкость: слух у них чуткий, зрение — острое, а движения проворные и ловкие, несмотря на склонность к полноте и стремление к покою. Издавна владели они умением исчезать бесшумно и бесследно, едва заслышав издали спотыкающуюся поступь какого-нибудь Верзилы. И так это у них ловко получалось, что люди стали поговаривать о волшебстве. На самом деле ни с какой магией хоббиты, конечно, не знались, а неуловимостью своей обязаны были исключительно мастерству, основанному на бережном отношении к традициям, большой практике и близкой дружбе с землей, что для неуклюжих Больших народов и несвойственно, и непонятно.

Хоббиты — народ маленький, ростом чуть поменьше Гномов, и не такие кряжистые, конечно. По нашим меркам — фута три-четыре в вышину.

Сейчас-то и трехфутовые — редкость, а в давние дни, конечно, бывали и повыше. Из Алой Книги можно узнать, например, о Бандобрасе Туке, сыне Изенгрима Второго, — был он четырех с половиной футов ростом и мог ездить на лошади. Только два героя древности превосходили его ростом, но о них речь впереди.

Хоббиты, населявшие Шир во дни мира и благоденствия, были веселым народом, одевались в яркие цвета (больше всего любили желтое и зеленое), а обувались редко — подошвы у них были что твоя подметка, и ноги (книзу в особенности) покрывал густой курчавый волос (как, впрочем, и головы), чаще всего шатеновой масти. Само собой, сапожное ремесло у хоббитов не в почете, а вообще-то народ они умелый и здорово мастерят всякие мелкие штуки. Красавцами хоббитов не назовешь, а вот добродушия им не занимать: круглолицые, краснощекие, рот в любой момент готов разулыбаться до ушей, если, конечно, нет более важных занятий: завтрака там или обеда. Вот уж в этом хоббиты знают толк, в «поесть-попить» душу вкладывают, могут за стол и по шести раз на день усаживаться — было бы что на стол поставить. Гостеприимство у них в обычае, подарки дарят с легкой душой и принимают с

радостью.

Совершенно понятно: хоть и разошлись мы с ними за долгие века, но они нам родня, куда ближе Эльфов или тех же Гномов. И язык у нас с хоббитами общий был, и любили-ненавидели мы с ними примерно одно и то же. Но где, в каком колене это родство — теперь уже не вспомнишь. В незапамятной древности затерялись корни хоббитов. О том времени помнят Эльфы, но их предания ограничиваются эльфийской историей. В них и люди-то упоминаются мимоходом, а о хоббитах и вовсе ничего нет. Как бы там ни было, а хоббиты жили себе потихоньку в Средиземье еще задолго до того, как остальные народы заметили их. Оно и понятно: в мире без счета всяких странных созданий, до хоббитов ли тут! Но во дни Бильбо и его племянника Фродо все вдруг изменилось: хоббиты, без всякого на то желания, стали важными, знаменитыми и заставили думать о себе Мудрых и Великих.

Те Дни Третьей Эпохи Средиземья давно канули в прошлое, даже очертания материков с тех пор изменились, но хоббиты и посейчас живут там, где тогда жили: на северо-западе Древнего Мира, к востоку от Моря. Откуда пришли в эти края их предки, никто не помнил уже во времена

Бильбо. Не хоббитам хвастать любовью к отвлеченным знаниям (кроме генеалогии, пожалуй), но в некоторых знатных домах все же читали старинные летописи и даже добавляли к ним кое-что услышанное от Эльфов, Гномов или от Людей. Собственные хоббитские хроники начинаются с прихода в Шир, и самые древние легенды не заглядывают в прошлое дальше Дней Скитаний. Однако, если внимательно присмотреться к этим легендам, к характерным словечкам и обычаям, станет ясно, что Хоббиты, как и другие известные народы Среднеземья, переселялись с востока на запад. Их самые первые предания относятся, видимо, к тому периоду, когда они жили в верховьях Андуина, между окраиной Ясного Бора и Мглистыми Горами. Достоверно неизвестно, какая причина побудила их предпринять долгий и опасный переход через горы в Эриадор. Сами Хоббиты жаловались на Людей, которых-де, стало слишком много, а иногда упоминали Тень, превратившую Ясный Бор в Сумеречье.

Еще до того, как началось переселение, существовало три хоббичьих рода-племени: Мохноноги — посмуглее, поменьше других ростом, но и попроворнее, — предпочитали холмы и взгорья; Хваты — большерукие и крепконогие, кряжистей

других хоббитов, — населяли равнины и речные долины; ну а светлокожие и светловолосые, высокие и гибкие Лесовики, само собой, всем прочим местам предпочитали лесные дебри.

В давние времена Мохноноги долго жили в предгорьях и водились с Гномами. Они раньше других двинулись на Запад и добрались уже до Заветери, когда остальные еще только собирались в путь. Они-то и есть самые взаправдашние Хоббиты и по числу, и по верности старым обычаям селиться кучно в норах и пещерах.

Хваты надолго задержались на берегах Великой Реки и там близко сошлись с Людьми. На Запад Хваты двинулись после Мохноногов и выбрали путь вниз по течению Гремячей на юг, где и обосновались надолго между Тарбадом и дунгарскими землями, прежде чем снова сняться с места и уйти на север.

Лесовиков-северян и во все-то времена было немного. Ходили они в друзьях у Эльфов и, видно, от Дивного Народа переняли способность к языкам и пенью, а вот в ремеслах не преуспели. Поэтому в старину они предпочитали охоту земледелию. Стронувшись с места, Лесовики пересекли горы севернее Дольна, а затем спустились по течению Седонны и вскоре смешались

в Эриадоре с родичами, пришедшими раньше их. Отчаянные и неугомонные, они часто становились вождями в кланах Мохноногов и Хватов. Даже во времена Бильбо крепкие корни Лесовиков питали уважаемые роды Туков и хозяев Заскочья.

На западных землях Эриадора, между Мглистыми и Синими Горами, хоббиты общались и с людьми, и с эльфами. Здесь еще можно было встретить дунаданов, королей Людей, пришедших из-за Моря, с Заокраинного Запада, а теперь быстро терявших влияние и вынужденных наблюдать, как земли некогда могучего Северного Княжества приходят в запустение. Для хоббитов свободного места оказалось предостаточно, и пришельцы начали обживать новые земли. Конечно, ко времени Бильбо многие из этих первых поселений исчезли без следа, многие, но не все. Вот, например, Брыль уцелел, хотя и уменьшился существенно. Располагалась эта деревня в Чагром Бору, милях в сорока восточнее Шира.

Видимо, ко дням первых поселений относится знакомство хоббитов с письменностью. Учителями были, конечно, дунаданы, перенявшие, в свою очередь, искусство письма от эльфов. Древние языки постепенно забылись, и хоббиты

говорили на Вестроне — Всеобщем языке, распространенном от Арнора до Гондора и от Белфаласа до Линдона, однако некоторые свои словечки все же сохранили, особенно в именах и названиях дней и месяцев.

Переселение на Запад дало начало хоббитскому летосчислению. Исторические хроники начинаются с путешествия, предпринятого в 1601 году Третьей Эпохи братьями Марчо и Бланко. Заручившись ленной грамотой у великого князя в Форносте[1], братья во главе великого множества хоббитов пересекли по Мосту Каменных Луков темноводный Берендуин и обосновались между рекой и Дальними Холмами. Земли были дарованы им в обмен на обязательство присматривать за мостами и дорогами и всячески содействовать княжьим гонцам.

Вот с этого момента и начинаются хроники Шира — год перехода через Брендидуин (так хоббиты на свой манер стали звать реку) стал Первым Годом, и дальше летосчисление велось

[1] Сноски: 1

Судя по гондорским хроникам, это был Аргелеб, двадцатый князь Арнора, из рода северных князей, прервавшегося спустя три сотни лет, после Арведуи. — *Примеч. авт.*

от этой даты[2]. Новый край полюбился западным хоббитам, и вскоре они вторично исчезли из истории Людей и Эльфов. Хоббиты сами избирали своих правителей, интересовались только своими делами и ни в какие события внешнего мира не вмешивались. Правда, на последнюю битву с Чародеем из Ангмара они, по их собственным словам, послали в Форност отряд лучников, но ни в одной из хроник Людей об этом нет ни слова. Вскоре после той войны пришел конец Северному Княжеству. Теперь хоббиты и вовсе считали страну своей собственной. Правитель стал зваться Таном, и к нему перешла вся власть, принадлежавшая раньше князю. После Темной Чумы (в 37 году) около тысячи лет край не тревожили ни войны, ни другие стихийные бедствия. Хоббиты множились и процветали вплоть до самой Долгой Зимы и последующего за ней голода, унесшего тысячи жизней. Но ко времени нашей истории Дни Смертной Напасти (1158–1160 гг. по летоисчислению Шира) давным-давно стали историей и канули в прошлое, а хоббиты снова успели привыкнуть к благоденствию. Когда-то здешние земли славились как богатейшие кня-

[2] Сноски: 2

Например, годы Третьей Эпохи по счету эльфов и дунаданов можно вычислить, прибавляя к году по летосчислению Шира число 1600.

жеские угодья. Долгий отдых перед приходом хоббитов пошел им только на пользу, и плодородие страны казалось неиссякаемым.

Страна эта протянулась на 40 миль от Лисьих Ложков до Брендидуинского Моста и на 50 миль — от западных взгорий до болот на юге. Хоббиты звали страну Широм, правил ею Тан, сообразуясь со здравым смыслом, и трудолюбивое население без устали обихаживало свой уютный закоулок Большого Мира, словно ничего другого на свете не существовало. Мало-помалу хоббиты стали считать, что и во всем остальном Среднеземье царят мир да покой и любой достойный народ имеет полное право на обеспеченную жизнь. Об Охранителях, чьими трудами так долго поддерживался благостный уклад Шира, хоббиты то ли запамятовали, то ли не хотели думать. Они находились под защитой, но почему это так и кто взял на себя сей труд, не понимали.

Воинственностью хоббиты не отличались никогда. Конечно, в древние времена, в суровом тогдашнем мире, приходилось и им браться за оружие, но ко дням Бильбо воспоминания об этом сохранились только в редких преданиях. Первая и последняя битва, случившаяся возле самых границ Шира, стала достоянием седой истории,

но в Хрониках упоминалась: то было сражение на Зеленых Полях в 1147 году, когда Бандобрас Тук отразил нападение орков. С годами даже климат в стране стал мягче, а волки, хлынувшие сюда с севера в годы Долгой Зимы, сохранились только в бабушкиных сказках. Правда, кое-какое оружие в Шире имелось: место ему было отведено над каминами и на стенках гостиных, а некоторая часть хранилась в музее, звавшемся Маттом Домом. Словечко *маттом* обозначало у хоббитов то, что в общем-то и не нужно, а выбросить жалко. Немало *маттомов* было и в домах, часто они переходили из рук в руки в качестве подарков.

Как ни странно, долгое благоденствие ничуть не повлияло на поразительную стойкость хоббитов к невзгодам. Это был крепкий народ, способный терпеливо переносить лишения и беды. Такое свойство неизменно приводило в недоумение всякого, не способного увидеть суть за румяными рожицами и солидными животиками добродушных обитателей Шира. Чтобы вызвать в хоббите гнев, надо было очень постараться; никто никогда не убивал здесь животных ради забавы, но при необходимости ловкие хоббичьи руки вполне могли управиться и с оружием. Лучниками, например, они были прекрасными,

а зверушки, шаставшие по садам и огородам, усвоили твердо — если уж хоббит нагнулся за камнем, лучше немедля убраться с глаз долой.

Поначалу все хоббиты жили в норах (надо сказать, они и до сих пор чувствуют себя уютней всего именно в норах), но со временем жилье стало разнообразней. Уже при Бильбо древних обычаев позволяли себе придерживаться только самые богатые и самые бедные семьи. Последние рыли норы с единственным окошком или вовсе без него, а зажиточных простое рытье, конечно, не устраивало, и они создавали под землей настоящие хоромы (их называли *смеалами*) со множеством переходов и залов. Для такого жилья требовалось подходящее место, которое не вдруг найдешь, поэтому на равнинах и в низинах хоббиты стали строиться на поверхности. Вслед за тем и в холмистой местности, даже в исконных норьих областях — в Хоббитоне, в Тукборо, в Микорыте на Белых Увалах, — появились во множестве деревянные, каменные и кирпичные дома. Селился в них все больше мастеровой люд — мельники, кузнецы, каретники. Вскоре и при богатых норах появились наземные постройки — сараи, мастерские.

Обычай строить усадьбы и амбары пошел от

жителей Марей. Здесь, в Восточной Чети, жили степенные, крупные хоббиты, в слякотную погоду разгуливавшие в гномьих башмаках. Конечно, они вели свое происхождение от Хватов, на это указывала короткая поросль у многих на подбородках. Ни у Мохноногов, ни у Лесовиков никакого намека на бороду и в помине не было. На самом деле жители Марей и Заскочья — поселения на восточном берегу реки — пришли в Шир позже остальных откуда-то с юга и принесли с собой немало чудных имен и странных словечек, нигде больше в Шире не встречавшихся.

Вполне вероятно, что дома хоббиты научились строить у дунаданов, а то и прямо у *тех*, Первых Эльфов. Ведь ко времени нашей истории еще не все Высокие Эльфы покинули Среднеземье; их поселения встречались и в Серебристой Гавани, и в других местах, не так уж далеко от Шира. Сразу за болотами стояли с незапамятных времен три эльфийские башни — две поближе, одна — самая высокая — подальше на зеленом холме. Лунными ночами их странный мерцающий свет был виден издалека. Хоббиты Западной Чети поговаривали, что с вершины башни на холме можно увидеть Море, но, насколько известно, ни один из них туда не лазал. Да и то сказать, к Морю хоббитов

не тянуло. Мало кто из них бывал на побережье, а таких, чтобы вернулись и рассказали — и того меньше. Что-то у хоббитов с водой не ладилось: и речки особенной любви не вызывали, а уж чтобы по ним в лодках или так плавать — это и вовсе не про них!

Раз башни стояли так недалеко, значит, когда-то эльфы были у хоббитов в соседях, но время шло и отношение к ним со стороны хоббитов почему-то менялось от добрососедского до настороженно-недоверчивого. Слово «Море» постепенно приобрело зловещий, загробный оттенок, и про башни на западных холмах хоббиты постарались забыть.

От кого бы ни позаимствовали хоббиты навыки в строительстве, башен они не строили. Наоборот, предпочитали дома низкие, длинные, удобные. Самые первые из них были теми же самыми *смеалами*, крытыми соломой или дерном, со сводчатыми стенами, лишь немного приподнимающимися над землей. Со временем хоббиты переняли кое-какие секреты и строительные приспособления у Гномов, кое-что и сами сообразили, и постройки в Шире стали куда более разнообразными. Неизменным осталось только пристрастие к круглым дверям и окнам.

И дома, и норы в Шире всегда были большими, рассчитанными на многочисленные хоббитские семьи (холостяки Бильбо и Фродо были здесь редчайшим исключением, ну так у них и других странностей хватало — чего стоила одна только дружба с эльфами!). Иногда, как в Смеалищах Туков или у Брендискоков в Брендинорье, в наследственном поместье более или менее мирно уживались много поколений родичей. Родством хоббиты дорожат необыкновенно. С величайшей тщательностью рисуются во многих семьях сложнейшие фамильные древа, и всякий, кто имеет дело с этим народом, должен точно знать, кто с кем в родстве и в каком. Здесь мы не рискнем приводить эти запутанные схемы, но в конце Алой Книги Западного Крома есть еще одна небольшая как бы самостоятельная часть, которую все, кроме хоббитов, нашли бы невероятно скучной. Она содержит именно генеалогические древа многих хоббитских родов. Ее-то, пожалуй, чаще всего и читают хоббиты, предпочитающие всей другой литературе что-нибудь хорошо знакомое, четкое, ясное и без всяких там сложных противоречий.

II. О трубочном зелье

Говоря о прежних днях хоббитов, надо упомянуть об одной удивительной привычке, усвоенной этим народом давно и прочно: они с помощью трубок из дерева или глины вдыхают и выдыхают дым от тлеющих высушенных листьев растения, известного под названием «трубочного зелья», или просто «листьев». Похоже, это какая-то разновидность табака. Происхождение обычая или, как говорят сами хоббиты, «искусства» курения теперь уже не установишь. Все, что было известно по этому поводу, собрано и сведено воедино Мериадоком Брендискоком (позднее — хозяином Заскочья) в трактате «Травник Шира». И табак, и Мериадок родом из Южной Чети, и тот и другой упоминаются в нашем повествовании, поэтому стоит обратить внимание на вступление к «Травнику».

«Это искусство, — пишет почтенный Мериадок, — мы смело можем считать своим собственным изобретением. Трудно сказать, когда впервые изо рта и ноздрей хоббитов пошел дым. Во всех легендах и семейных преданиях табак упомянут. За многие века в качестве набивки

трубок перепробовали множество разных трав — и едких, и сладковатых на вкус. Но все летописи отводят первенство в выращивании настоящего трубочного зелья Тобольду Дудкинсу из Долгой Долины в Южной Чети, а было это во дни Изенгрима Второго, около 1070 года по счету Шира. С тех пор все лучшие сорта поступают именно оттуда: и „Лист Долгой Долины“, и „Старый Тоби“, и „Южная Звезда“.

Никто не знает, как Старый Тоби нашел табак, и сам он до последнего дня никому об этом не рассказывал. Путешествовал он немного, вряд ли ходил дальше Брыля, но о травах знал все. Вполне возможно, что именно в Брыле Тоби и узнал о табаке. Во всяком случае, сейчас он растет там на любом южном склоне. Конечно, брыльские хоббиты считают себя первыми курильщиками, но их послушать, так они во всем впереди Шира. Хотя насчет табака они, похоже, правы. Верно и то, что к Гномам трубочное зелье пришло через Брыль. А потом уж втянулись и другие народы — Следопыты, Маги и прочие, которые до сих пор ходят взад-вперед через древний перекресток. Таким образом, центр этого искусства определяется достоверно — корчма „Резвый Пони“, которую с незапамятных времен содержит семья

Маслютиков.

Однако мне не раз приходилось путешествовать на юг, и я пришел к выводу, что табак не всегда рос на землях Шира. К нам на север он пришел из низовий Андуина, а туда попал в свое время из-за Моря вместе с Людьми Запада. В Гондоре его сколько угодно, там он выше и гуще. Разводят его ради запаха цветов. За века, прошедшие со времен Элендила, табак по Зеленопутью добрался до севера и обосновался в теплых защищенных местах, подобных Долгой Долине. Но хоть в Гондоре и начали разводить табак немного раньше, набить им трубки первыми догадались хоббиты. Маги, и те переняли искусство курения от нас. Правда, один из моих знакомых магов утверждал, что владеет этим искусством давным-давно, и в это можно поверить: курит он так же здорово, как и все остальное делает».

III. Устройство Шира

Шир состоит из четырех четвертей, или Четей: Северной, Южной, Восточной и Западной. Каждая из них содержит, в свою очередь, множество областей, поселений и местечек, чаще всего носящих имена родов, некогда обитавших на этих землях. Почти все Туки жили или живут в своих Тукгорах, а вот о Сумниксах или Умниксах этого не скажешь. Восточные и западные окраины составляли отдельные, не входящие в Чети области. Заскочье и Западный Кром вошли в состав Шира в 1462 году.

В то время никакого «правительства» в Шире не было. Каждый род занимался своими делами, сводившимися в основном к тому, чтобы вырастить, а потом съесть еду, и дела эти занимали практически все время. Жители Шира скупостью не страдали, обходились тем, что имели, и ради богатства из кожи вон не лезли. Наверное, поэтому небольшие фермы, маленькие мастерские и лавчонки оставались неизменными на памяти многих поколений обитателей Шира.

Воспоминание о княжеской власти в Форносте еще жило в народе, хотя князя не было уже без

малого тысячу лет, а развалины Форноста (или Северины, как называли его хоббиты) давно заросли буйными травами. Ощущая себя живущими в настоящем государстве, хоббиты с пренебрежением относятся ко всяким диким народам и прочим тварям (вроде троллей), живущим «без царя в голове». Все свои проверенные временем Правила (так хоббиты называют те немногие законы, по которым живет Шир) они приписывают князю и соблюдают неукоснительно.

Среди знатных хоббитских родов испокон веку выделялся род Туков; еще лет триста назад булава Тана перешла к нему от Староскоков, и с тех пор каждый новый старейшина Туков неизменно принимал этот титул. Он созывал сходы и считался воеводой ширской дружины и хоббитского ополчения, но нужды в них не возникало уже так давно, что танство постепенно превратилось просто в почетное звание. Уважение Тукам приносили более весомые вещи: многочисленность, богатство и целый ряд выдающихся родичей, обладавших в равной мере и сильным характером, и склонностью к авантюрам. Правда, всяких приключений в Шире не любили — морока с ними сплошная, — но Тукам прощали, а старейшину Туков величали не иначе, как полным именем

(вообще-то употреблявшимся в Шире редко) с добавлением числительного при необходимости, — например, Изенгрим Второй.

В ту пору, о которой пойдет речь, единственным представителем власти был мэр Микорыта (и всего Шира). Его избирали на Вольной Ярмарке в Белых Увалах, проводившейся каждые семь лет в середине лета. Первейшей (и чуть ли не единственной) обязанностью мэра было присутствие на пирах по случаю праздников (а в них недостатка никогда не было). Заодно мэр исполнял обязанности Почтмейстера и Первого Ширрифа (что-то вроде начальника полиции). Но если почтовая служба еще требовала некоторых хлопот, — хоббиты, владеющие грамотой, без конца писали своим родственникам, друзьям и знакомым, жившим дальше полутора послеобеденных прогулок, — то ширрифам делать было попросту нечего. Единственным признаком формы для них являлось перо на шляпе, а полицейские функции сводились к розыску заблудившегося скота да разбирательствам из-за потрав, в коих повинен был все тот же скот. На всю Управу Благочиния вполне хватало двенадцати ширрифов — по три на каждую Четь. На границах их требовалось больше. Там они, что называется, «околачивали»

— присматривали за всякими «околотнями», большими и маленькими, чтобы не досаждали.

Как раз когда начиналась эта история, околотней развелось великое множество. Посыпались сообщения и жалобы на всяких разумных и неразумных чужаков, наводнивших Приграничье. А уж это — первейший признак неблагополучия: все не так, как следовало бы и как всегда было. Правда, большинство хоббитов и ухом не вело, даже Бильбо не задумался над тем, что сулят эти события. Шестьдесят лет минуло с тех пор, как он вернулся из Путешествия. Даже по хоббитским меркам возраст его считался весьма преклонным, ведь едва ли половина хоббитов справляет свое столетие. Но как бы там ни было, а Бильбо жил себе да жил, и, надо заметить, жил безбедно; видно, от богатства, обретенного в странствиях, кое-что еще оставалось. Что привез, да что истратил, да сколько осталось — про то он никому не рассказывал, даже любимому племяннику Фродо. И найденное кольцо по-прежнему хранил в тайне.

IV. История находки кольца

В «Хоббите» рассказано, как в один прекрасный день у дверей Бильбо появился могучий Маг Гэндальф Серый и с ним — тринадцать гномов, а именно: сам Торин Дубощит, гном царского рода в изгнании, со товарищи. И в этой компании Бильбо, к своему немалому удивлению, апрельским утром 1341 года по ширскому счету отправился в путь, добывать сокровища Подгорных Королей, которые гномы потеряли где-то под Эребором. Предприятие завершилось успешно, дракона при сокровищах удалось извести; но, хотя было совершено немало подвигов, а в Битве Пяти Воинств пал Торин, в долгих хрониках Третьей Эпохи великие эти события заняли бы всего несколько строчек, если бы не «случай» в пути. В Мглистых Горах на путников напали орки, и отставший Бильбо заплутал в подгорных лабиринтах. Там в темноте он нашарил на камнях кольцо и положил в карман. Тогда находка показалась ему просто маленькой удачей.

В поисках выхода Бильбо спускался все глубже, к корням гор, пока наконец не забрел в тупик. Дальше хода не было. Здесь, навсегда скрытое от

всякого света, лежало вечно спокойное озерцо, посредине которого жил на острове Горлум — маленькое отвратительное создание. В крошечной лодочке, больше похожей на корыто, гребя широкими лапами, пялясь в темноту огромными, бледно-мерцающими глазами, он шастал по озеру, ловил слепую от рождения рыбу и пожирал живьем. Впрочем, он не был привередлив: удавалось без особенных хлопот словить орка — годился и орк. Горлум владел сокровищем. Давным-давно, когда он жил еще на свету, к нему попало кольцо, золотое кольцо, делавшее своего обладателя невидимым. Ничего, никого и никогда Горлум не любил так, как это странное украшение. Он называл кольцо «моя прелесть», разговаривал с ним, даже если не носил при себе. Когда не надо было охотиться, выслеживать орков, он хранил свое сокровище в укромной ямке на островке.

Будь кольцо при нем, он не задумываясь напал бы на Бильбо, как только встретил его. Но именно в этот момент кольца у Горлума не оказалось, зато хоббит сжимал в руке острый эльфийский клинок. Стремясь выиграть время и отвлечь внимание, Горлум предложил Бильбо поиграть в загадки, поставив на кон обещание показать до-

рогу к выходу против жизни хоббита, которому в случае проигрыша предстояло пойти на обед Горлуму. У Бильбо не было выбора: он окончательно заблудился и совершенно не представлял, куда идти. Пришлось соглашаться. Они загадали друг другу немало загадок, и в конце концов Бильбо повезло. Мучительно придумывая очередную загадку, он нащупал в кармане незнакомый предмет и машинально воскликнул: «Что это у меня в кармане?», а Горлум, приняв вопрос за загадку, не смог отгадать с трех раз.

Мастера старинной игры расходятся во мнениях, можно ли считать такой вопрос загадкой, но все признают, что если уж Горлум принялся отвечать и ответил три раза, все было честно и проигрыш требовал уплаты. Бильбо настаивал на выполнении условий, но втайне подозревал со стороны скользкой твари подвох, хотя обещания, данные в подобных условиях, во все времена и у всех народов соблюдались свято, и только самые распоследние злыдни рисковали нарушать их. Однако именно таким злыднем и стал Горлум за долгие годы, проведенные во мраке, наедине с кольцом. Он замыслил черное предательство, оставил Бильбо и бросился на свой островок за кольцом. Он изрядно проголодался, злился из-за

проигрыша и, будь с ним «его прелесть», свернул бы хоббиту шею, не посмотрев на оружие.

Но кольца на островке не было. Горлум потерял его. Оно ушло. От жуткого визга Горлума, обнаружившего пропажу, у Бильбо волосы встали дыбом, хоть он, конечно, не понял, в чем дело. Зато Горлум, правда с запозданием, нашел ответ на загадку. «Что там у него в карманах?» — зашипел он, и бледные глаза запылали во мраке зеленым пламенем. Одно желание легко читалось в них: вернуться, немедленно прикончить хоббита и отыскать «свою прелесть». Бильбо едва успел заметить опасность и метнулся прочь от воды. Ему снова повезло: на бегу он сунул руку в карман, и кольцо словно само скользнуло ему на палец. Горлум промчался мимо, не заметив хоббита, он спешил к выходу, чтобы не пропустить «вора». Бильбо осторожно двинулся за ним. Горлум скулил на ходу, ругался, жаловался и причитал, без конца поминая «свое сокровище». Постепенно Бильбо кое-что понял, и надежда забрезжила перед ним. Раз ему посчастливилось найти настоящее волшебное кольцо, значит, появился шанс ускользнуть и от Горлума, и от орков.

Горлум привел хоббита к незаметному лазу у подножия восточного склона и улегся поперек

выхода, принюхиваясь и прислушиваясь. Бильбо чуть было не поддался искушению пустить в дело меч, но жалость остановила его руку — положение-то было неравным: у него были и кольцо, и меч, а у Горлума — ничего. Поэтому, собравшись с духом, он просто перепрыгнул через Горлума и помчался к выходу, преследуемый истошными воплями: «Вор! Вор Сумникс! Мы навсегда ненавидим его!»

Любопытно, что, встретившись со своими спутниками, Бильбо описал события не совсем так, как они происходили. Оказывается, в случае проигрыша Горлум обещал ему «подарочек», но когда, и в самом деле проиграв, отправился за ним — волшебным кольцом, полученным некогда в день рождения, — на остров, оказалось, что кольца нет. Конечно, ведь Бильбо еще раньше нашел это самое кольцо, а теперь еще и выиграл его, поэтому кольцо принадлежало хоббиту по праву. Но раз Горлум не сдержал обещания, Бильбо потребовал показать дорогу к выходу и так выбрался наружу. Эта же версия оказалась записанной и в воспоминаниях Бильбо, он сам настолько поверил в нее, что даже Совет у Элронда не заставил его усомниться. Естественно, в этом виде история попала и в Алую Книгу, и во

многие списки с нее. Но некоторые хроники содержат истинное описание событий, и исходят они, конечно, либо от Фродо, либо от Сэмиуса. Они-то знали правду, хотя и не стали менять собственных записей Бильбо.

Ну а Гэндальф, например, и вовсе не поверил истории, рассказанной Бильбо. Он очень заинтересовался кольцом и в конце концов вытянул из Бильбо подлинное описание событий. На некоторое время это даже всерьез нарушило их дружеские отношения, но маг считал, что правда дороже. Гэндальфа прежде всего насторожило бессмысленное вранье, вовсе не свойственное хоббитам. Очевидно, о подарке Бильбо заговорил с подачи Горлума — тот тоже без конца твердил о «подарочке на день рождения». Маг задумался, но прошло немало времени, пока все подробности этой истории не прояснились даже в его умнейшей голове.

О дальнейших приключениях Бильбо говорить почти нечего. Кольцо помогло ему ускользнуть от орков. Он и дальше пользовался им, чтобы помочь друзьям в трудные минуты, но не показывал никому. По возвращении домой он говорил о кольце только с Гэндальфом и Фродо и был уверен, что во всем Шире никто, кроме них, не подозревает о его существовании. И рассказ о своем путешествии он показывал только Фродо.

Верный меч Шершень Бильбо повесил над камином, а бесценную кольчугу из драконьей сокровищницы, подаренную гномами, предоста-

вил Маттом Дому в Микорыте. Зато старый плащ с капюшоном лежал дома в комоде, а кольцо на изящной цепочке всегда было в кармане у хоббита.

Бильбо вернулся домой 22 июня 1342 года на пятьдесят втором году жизни, и с тех пор в Шире не происходило ничего примечательного до того дня, когда господин Сумникс начал готовиться к празднованию своего стоодиннадцатилетия — в 1401 году по счету Шира. С этого момента и начинается наша история.

V. О летописях Шира

Роль, сыгранная хоббитами в великих событиях конца Третьей Эпохи, пробудила в них интерес к собственной истории. Шир вошел в состав Воссоединенного Королевства. По этому поводу устные предания были собраны и записаны, положив начало Летописям Шира. Некоторые знатные хоббиты оказались причастны к великим делам, и теперь во многих семьях старательно изучались древние истории и легенды.

В конце первого столетия Четвертой Эпохи в Шире насчитывалось уже немало библиотек, содержащих множество исторических трудов и хроник. Среди них отличались хранилища в Недовышках, в Смеалищах и в Брендинорье. Наше повествование о конце Третьей Эпохи заимствовано главным образом из Алой Книги Западного Крома[3], хранившейся в Недовышках, в доме Очарованов, потомственных Дозорных Западного Крома. Предположительно это подлинный личный дневник Бильбо, бывший с ним в Дольне.

---

[3] Сноски: 3

См. Приложение II: годы 1451-й, 1462-й, 1482-й и примечание в конце Приложения III.

Фродо вернул его в Шир, существенно дополнил, а в 1420–1421 годах дописал историю Войны. Она составила отдельный том, который и хранился вместе с тремя другими, переплетенными в красную кожу, подаренными дядей племяннику при расставании. Позже к этим четырем томам добавился пятый с комментариями, генеалогией и другими материалами, касающимися хоббитов — членов Братства Кольца.

Подлинная Алая Книга не сохранилась, но потомки Сэмиуса сняли с нее несколько копий, большинство — с первого тома. Самая замечательная из этих копий имеет свою историю. Хранившаяся в Смеалищах, написана она, тем не менее в Гондоре, возможно, по настоянию внука Перегрина, и завершена в 1592 году по счету Шира, или в 172 году Четвертой Эпохи. Южный список заканчивается словами: «Финдегил, Королевский писец, завершил сей труд в 172 году и свидетельствует о точном согласии с Книгой Тана в Минас Тирите, являющейся точной копией Алой Книги Перианатов, изготовленной по велению Короля Элессара. Алая Книга Перианатов подарена Королю Элессару Таном Перегрином в день его возвращения в Гондор в 64-м году».

Судя по этой надписи, Книга Тана — наиболее

полный список с Алой Книги. В Минас Тирите она была тщательно исправлена, особенно в части эльфийских имен и названий, дополнена кратким изложением «Истории Арагорна и Арвен», не связанной непосредственно с Войной. Как удалось установить, полная «История…» принадлежит перу Барахира, внука Правителя Фарамира, и записана вскоре после ухода Короля. Но самое важное в копии Финдегила — это уникальные «Переводы с эльфийского», сделанные Бильбо. Все три тома выполнены с величайшим тщанием и мастерством. Работая в Дольне с 1403 по 1418 год, Бильбо обращался к редчайшим источникам. Он не только работал с летописями, но и говорил с теми, кто помнил начало эльфийской истории. «Переводы…» повествуют о Древнейших Днях, поэтому Фродо не включил их в свой вариант и здесь они не приводятся.

Далеко не все из того, чем располагали хранилища Тукборо, нашло отражение в Алой Книге. Достославные Мериадок и Перегрин, старейшины двух знатнейших родов Шира, имели тесные связи с Гондором и Роханом, поэтому списки Брендинорья, например, содержат множество фрагментов истории Эриадора и Рохана. Часть из них записана самим Мериадоком, хотя лучше

известны другие его работы: «Травник Шира» и «Летосчисление», связывающие календарный счет Шира и Брыля с календарями Дольна, Гондора и Рохана. Мериадок также является автором небольшого трактата «Древние понятия и имена Шира», содержащего любопытные рассуждения о родстве хоббитского языка с языком Рохана и объяснение происхождения особых ширских словечек и названий.

Хранилище в Смеалищах содержало источники, может быть, менее интересные для хоббитов, но весьма ценные для Большой Истории. В этом заслуга Перегрина. Он, а позже — его наследники собрали немало манускриптов, составленных писцами Гондора и содержавших копии или переложения преданий о временах Элендила. Только здесь и можно отыскать сведения об истории Нуменора и возвышении Саурона. Не исключено, что именно в Смеалищах с помощью архивов Мериадока была осуществлена первая сводка «Повести Лет»[4].

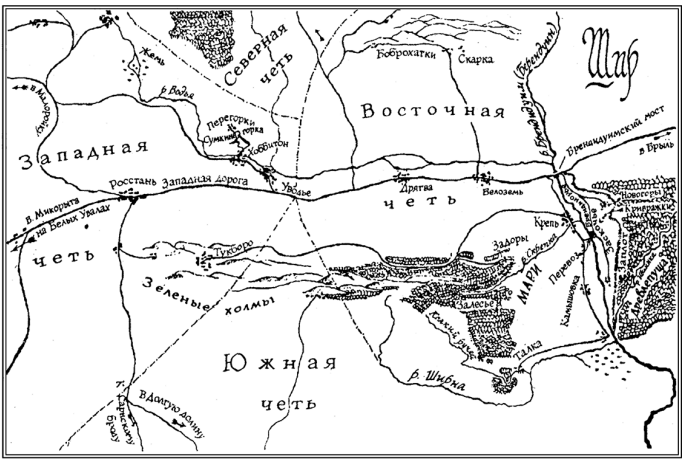
Несмотря на предположительный характер многих дат, особенно относящихся ко Второй Эпохе, труд заслуживает самого пристального

[4] Сноски: 4

В самом сокращенном виде она представлена в Приложении и содержит описание главнейших событий вплоть до конца Третьей Эпохи.

внимания. Возможно, в этой работе Мериадок пользовался сведениями, полученными во время частых посещений Дольна. Там после ухода Элронда еще долго жили его сыновья и многие Высокие Эльфы. Говорят, что и Келеберн жил там после ухода Галадриэль, но нет упоминаний о том, когда он отправился в Серебристую Гавань. Вместе с ним из Среднеземья ушла последняя живая память о Древнейших Днях.

Книга I


Северная
четь
Восточная
Западная
четь
Южная
четь
Шир
Боброхатки
Скарка
Перегорье
Сумкино
Хоббитон
Уфолье
Росстань Западная дорога
в Микорита
на Белых Увалах
Пузырь
Зеленые холмы
Дрягва
четь
Велозем
Задоры
Крепь
Первоз
Мари
Залесье
Ольхи
Гдыка
р. Шибма
Брендауинский мост
в Бурль
Новогорь
Ветрянка
Ветрянка
Камышовка
Вдоль Дороги
Вдоль Дороги
Вдоль Дороги

Глава I
Долгожданные гости

В Хоббитоне был переполох. Господин Бильбо Сумникс, хозяин Засумок, объявил о намерении отпраздновать свое стоодиннадцатилетие и пообещал *очень* щедрое угощение. Во всем Шире Бильбо слыл богатым чудаком с тех самых пор, как шестьдесят лет назад сначала запропал куда-то, а потом вернулся как снег на голову невесть откуда. О сокровищах, добытых Бильбо за тридевять земель, ходили неутихающие легенды. Многие верили, что подземелья Засумок ломятся от кладов. Но не только предполагаемое богатство заставляло хоббитов поглядывать на Бильбо с недоверчивым удивлением. Годы шли и шли, а по господину Сумниксу этого было не

заметить. В девяносто он выглядел едва ли на пятьдесят. В девяносто девять его называли «хорошо сохранившимся», хотя правильнее было бы сказать «ничуть не изменившийся». Некоторые качали головами — дескать, многовато для одного, нечестно быть и очень богатым, и очень здоровым одновременно. «Это даром не пройдет, — говорили они, — вот увидите, как бы расплачиваться не пришлось».

Но пока об оплате не было и речи. Наоборот, частенько платил господин Сумникс, и большинство хоббитов прощали ему за щедрость и удачу и странности. Он вовремя навещал родственников (кроме Дерикуль-Сумниксов, конечно), а уж среди бедных и незнатных хоббитов приятелей у него было хоть отбавляй. А вот друзей не было. И так продолжалось до тех самых пор, пока не подросли кое-какие младшие родичи.

Любимцем Бильбо был юный Фродо Сумникс. Когда Бильбо стукнуло девяносто девять, он вдруг усыновил сироту Фродо, сделал своим наследником и предложил переселиться в Засумки. Тут уж все надежды Дерикуль-Сумниксов, давно с вожделением посматривавших на усадьбу, рухнули окончательно.

Случаю было угодно, чтобы Бильбо с Фродо еще

и родились в один день, 22 сентября.

— Фродо, мальчик мой, — сказал как-то раз Бильбо, — перебирался бы ты ко мне. Глядишь, и день рождения вместе отмечали бы.

Фродо в ту пору ходил в доростках. Так хоббиты зовут молодежь в безответственном возрасте между двадцатью и тридцатью тремя, после чего хоббит наконец может считать себя взрослым.

Прошло еще двенадцать лет. В Засумках каждый год весело отмечали двойной день рождения, к этому привыкли, но любому было ясно, что нынешней осенью готовится нечто необычное. Бильбо исполнялось 111 лет — возраст для хоббита весьма почтенный, да и число любопытное, ну а Фродо готовился отметить тридцатитрехлетие — тоже знаменательная дата — совершеннолетие по-хоббитски.

Постепенно набирали силу разговоры и в Хоббитоне, и в Уводье. Слухи о предстоящем событии множились и вскоре гуляли по всему Ширу. Бильбо склоняли и так, и эдак; и характер, и привычки, и история эта его сумасшедшая — все вдруг опять стало предметом обсуждения. Старшее поколение с удовольствием обнаружило, что молодежь внимает их байкам с неослабным вниманием, чего отродясь не бывало. Но редко кому

удавалось собрать столь благодарную аудиторию, как Старичине Хэму, садовнику из Засумок. Он, почитай, переселился в «Ветку Плюща» — маленький трактирчик по дороге к Уводью, и с утра до вечера со знанием дела просвещал публику. Мало того, что он уже сорок лет ходил за садом в Засумках, так ведь и до этого незнамо сколько помогал прежнему садовнику, старому Хаткинсу. В последние-то годы, когда сильно стала донимать спина, да и ломота в суставах не отпускала, в саду все больше младшенький его работал — Сэм. Отец с сыном жили на самой Горке, прямо под Засумками, и отношения у них с обоими Сумниксами были весьма дружественные. Старичина Хэм частенько повторял: «Другого такого приятного и почтенного хоббита, как господин Бильбо, поискать — не найти». Да и то правда: Бильбо обращался к старому садовнику не иначе как «мастер Хэмфаст» и всегда советовался с ним по поводу любых «корешков», особенно картофельных, насчет которых Хэм слыл виднейшим знатоком в округе.

— А что за гусь этот Фродо, который с ним живет? — спрашивал у Хэма старый Нетак из Уводья. — Хоть он и зовется Сумникс, а все ж наполовину — Брендискок. Не пойму я этих

Сумниксов из Хоббитона, чего им жен где-то в Заскочье искать? Известно, там весь народ чокнутый!

— Точно! Они там все с заскоком, — ввернул Дэдди Большеног, сидевший тут же, за столиком (дело было, конечно, в «Ветке Плюща»). — А чего удивляться? Живут на неправильном берегу, почитай что в Пуще самой, а там — место дурное, даже если хоть полправды есть в том, что про этот лес болтают.

— Оно, конечно, верно, Дэд, — покряхтел Старичина Хэм. — Не то чтобы Брендискоки из Заскочья в самой Пуще жили, но порода чудная. Экая блажь: на лодках этих самых по реке ездить! Как это: по воде ездить — да сухим! Шебутной народ. Да только молодой господин Фродо не из таковских. Он, слышь, сильно на нашего Бильбо похож, и не только с виду. Отец-то у него все-таки Сумникс был. Вполне, между прочим, уважаемый хоббит господин Дрого. Да что толку, раз его булькнули.

— Э-э, как это — булькнули? — переспросило сразу несколько голосов. И эту, и другие мрачные истории здешние хоббиты слыхали не по одному разу, конечно, но в Хоббитоне страсть как любят всякие семейные были и небылицы и готовы

слушать их хоть до морковкиного заговения.

— Так ведь дело-то как было, — оживился Хэм. — Господин Дрого, значит, женился на этой бедняжке Примуле Брендискок. Бильбо она приходилась кузиной по материнской линии, мать-то у ней была младшенькой Старого Тука, а господин Дрого нашему Бильбо в аккурат — троюродный кузен. Стало быть, Фродо сразу и двоюродный и троюродный ему племянник. Хэ! Наш пострел везде поспел, как говорится. Раз гостил господин Дрого у тестя, у мастера Горбадока, значит, в Брендинорье (он там частенько после женитьбы гащивал — очень покушать любил, — а вы знаете, как у Горбадока кормят!). Стало быть, отправились они домой на лодке этой самой, да на середине Брендидуина возьми да булькнись, и он, и жена его, а Фродо маленький сироткой остался…

— А я слыхал, это самое, они при лунном свете покататься решили, — вмешался старый Нетак. — Ну а Дрого-то был солидный хоббит, вот под ним лодка и потопла…

— Да нет. Это жена его спихнула, а он за нее ухватился, вот они оба и булькнулись, — тут же перебил мельник Песошкинс.

— А ты больше слушай, что тебе наболтают! —

огрызнулся Хэм, недолюбливавший мельника. — «Спихнула!» Скажешь тоже! В этих самых лодках пошевелиться-то нельзя, сразу опрокинешься. Ну, дело не в этом. Главное, остался Фродо сиротой в одночасье, да среди этих свихнутых из Заскочья, да в толкотне тамошней — у старого Горбадока меньше сотни родственничков и не гостило никогда. Господин Бильбо очень великодушно поступил, когда выручил паренька из этой компании. Оно конечно, для Дерикуль-Сумниксов удар был. Когда он в тот раз ушел да сгинул, они уж совсем было заполучили Засумки, а он возьми да вернись, пришлось им убираться восвояси несолоно хлебавши. С тех пор господин Бильбо наш живет и живет, хоть бы на день постарел! Вот и на здоровье! Дерикули аж зеленые со злости. А тут — на тебе! Наследник! Да еще все бумаги выправлены честь по чести. Теперь Дерикулям Засумками только снаружи и любоваться.

— А верно поговаривают, что в этих Засумках приличный кус деньжат засунут? — поинтересовался какой-то чужак, прибывший из Микорыта в Хоббитон по делам. — Под Горкой, говорят, ходов полно, а там все сундуки, сундуки, а в них все золото, золото?

— Ну, тогда ты больше моего знаешь, — провор-

чал Хэм. — Наш Бильбо живет — нужды не знает, но чтоб ходы рыть — про такое я не слыхивал. Помнится, я еще в доростках ходил, лет шестьдесят тому, когда он вернулся и торговал Засумки. Хаткинс меня как раз приглядывать за садом ставил, чтобы, значит, народ лишний без толку не шастал. Как сейчас помню, господин Бильбо на Горку поднялся, и пара пони при нем. Два сундука точно было, может и с сокровищами, — в тех краях-то, говорят, аж горы золотые, — но чтобы ради двух сундуков ходы рыть — это зачем же? Вот парнишка мой, Сэм, стало быть, он в усадьбе все ходы-выходы знает, а никаких таких богатств особых тоже не видал. Он у меня прямо помешался на историях, которые ему Бильбо рассказывал, пока грамоте учил. А что? Вреда ведь от нее не будет. По мне, я ему говорю, картошка да капуста лучше эльфов с драконами, да и по тебе тоже. Не путайся ты во всякие умные дела да в чужие заботы. А то — забот полон рот, а толку никакого! Вот как я ему говорю, и другим бы то же самое сказал, — добавил Хэм, поглядывая на чужака с мельником.

Однако похоже было, что слушателей он не убедил. На слухах о сокровищах Бильбо выросло не одно поколение хоббитов.

— Может, оно и так, да ведь он и потом не раз отлучался, поди, немало прибавил к первой-то порции, — выразил общее мнение Песошкинс. — Вы гляньте, кто его навещает: гномы всякие да еще этот колдун старый, Гэндальф, и прочие не лучше. Ты мне можешь сколько угодно заливать, а я тебе скажу: Засумки — место подозрительное и народ там — с заумью.

— Ты, конечно, здорово в этом понимаешь, — ядовито ответил Хэм, чувствуя, что сегодня мельник не нравится ему больше обычного, — может, в других местах куда как лучше. Тут вот неподалеку живут некоторые в норах с позолоченными стенами, да что-то я не слыхал, чтобы там гостю кружку пива поднесли, а на Сумкиной Горке гостю завсегда рады. Вот и с Рождением этим… Сэм мой говорит, что на праздник каждого пригласят, а кого пригласят, тому и подарки будут, каждому, вот оно что! И не когда-нибудь, а уже в этом самом месяце!

«Этот самый месяц» был сентябрь, такой чудный, какого давно не помнили. Спустя пару дней пополз слух (не иначе как от всезнайки Сэма) о готовящемся фейерверке, да таком, которого не видали больше века, с самой кончины Старого Тука.

Утро да ночь — сутки прочь. Тот День постепенно приближался. Как-то под вечер в Хоббитоне появилась и с трудом поднялась в гору повозка. Пораженные хоббиты повысыпали из дверей, таращась на невиданный экипаж. На козлах, распевая песни, сидели длиннобородые гномы в плащах с капюшонами. Некоторые из них остались в Засумках, а прочие скоро уехали. Но то было только начало. Не прошло и двух недель, и от Брендидуинского Моста появилась двуколка. Вожжи держал в руках высоченный старик в длинном сером плаще с серебристым шарфом и в остроконечной синей шляпе. Долгая белая борода и густые брови украшали лицо приезжего. Хоббитята, нюхом почуяв фейерверочные штуки, с гомоном проводили двуколку до ворот Засумок. У дверей Бильбо старик начал выгружать кучу свертков, пакетов и коробок самых разных размеров. На всех стояла яркая красная метка , а рядом та же буква «Г» была повторена эльфийскими рунами .

Конечно, «Г» обозначало «Гэндальф», а рядом с коробками стоял и сам маг, известный в Шире искусник по части огней, дымов и светов. Были у него и другие дела, посерьезней и поопасней фейерверков, но о том ширский народ не знал и

не думал. Хоббитам его появление сулило дивные развлечения. «Серый дед-огневед!» — кричала ребятня, а старик слушал и улыбался. В Хоббитоне он бывал наездами и никогда не оставался надолго, но его хорошо знали, если не в лицо, то по рассказам, а вот о потешных огнях только слышали.

Гномы с помощью самого Бильбо споро перетаскали все в дом, и хозяин оделил хоббитят мелкой монетой, но, к их глубокому разочарованию, ни одной нарядной шутихи, ни одной хлопушки им не перепало.

— Бегите-ка гулять. Все получите в свое время, — успокоил их Гэндальф.

Дверь закрылась. Хоббитята поглазели на нее еще немножко, да только без толку, и поплелись с холма. Им казалось, что праздник вообще никогда не наступит.

А хозяин и гость сидели возле открытого окна, выходящего в сад. Солнце перевалило за полдень, в воздухе сновали и шуршали стрекозы, все дышало миром и покоем. В саду, как бывает только перед осенью, буйствовали цветы. Львиный зев, настурции, подсолнухи заглядывали в круглые окошки.

— Какой яркий у тебя сад, — заметил Гэн-

дальф.

— Да, — просто согласился Бильбо. — Знаешь, я очень люблю его, и весь этот добрый старый Шир тоже, но, видно, пора мне отдохнуть.

— Значит, все-таки будешь делать, как решил?

— Решил-то я давно, а вот решился, пожалуй, только сейчас.

— Ну и ладно. Раз решил — делай. Только уж делай, как задумал, глядишь, еще и обойдется все, и для тебя, и для других тоже.

— Ох, хорошо бы. Но уж в четверг я повеселюсь. Очень мне хочется сыграть одну маленькую шутку…

— Интересно, кто смеяться будет? — покачал головой Гэндальф.

— Там посмотрим, — беспечно ответил Бильбо.

На следующий день к Горке потянулась вереница повозок. Еще с понедельника из Засумок посыпались заказы на все съедобное и несъедобное, что только можно было приобрести в Хоббитоне, Уводье и окрестностях. Народ воодушевился, пообборвал лишние листки в календарях и принялся высматривать почтальона в ожидании приглашений. И приглашения не заставили себя ждать. Их было столько, что пришлось кликнуть добровольцев на подмогу. На Горку потекли

ответы с вариациями на тему: «Благодарю Вас, непременно буду».

На воротах Засумок появилась табличка: «Беспокоить только по гостевым делам», но даже те, у кого такие дела находились, редко проникали в дом. Бильбо был занят: писал приглашения, отмечал галочкой в списке ответы, упаковывал и надписывал подарки и занимался кое-какими личными приготовлениями. Маг не показывался.

Проснувшись как-то поутру, хоббиты узрели большой луг перед усадьбой перегороженным веревками и утыканным шестами для палаток и павильонов. На склоне холма появились ступени, ведущие от самой дороги, и огромные белые ворота. В Тугосумах, соседней деревеньке, изнывали от любопытства и зависти. Старичина Хэм бросил делать вид, будто занят в саду работой.

Шесты начали одеваться цветными полотнищами. Один павильон особенно отличался размерами: в него поместилось даже большое старое дерево, росшее посреди луга. Теперь ветки его украсились множеством фонариков, пришедшихся как раз над главным столом. Красиво, конечно, но хоббитов больше занимала кухня, сооруженная прямо под открытым небом в се-

верном углу луга. Там с утра до ночи суетилось множество поваров и поварят из окрестных трактиров, призванных в помощь гномам и прочему пришлому люду, поселившемуся в последнее время на Горке. Возбуждение, владевшее хоббитами, достигло предела.

В среду, в самый канун праздника, небо нахмурилось и этим всех весьма обеспокоило. Однако четверговый рассвет рассеял тучи, а вместе с ними и опасения ворчунов. С восходом солнца затрепетали на высоких шестах разноцветные вымпела, и веселье началось.

Бильбо звал в гости, но правильнее было бы сказать — на всеобщее народное гулянье. Все соседи получили приглашения. Те немногие, которых забыли, тоже пришли. Гости прибывали из других Четей, а кое-кто даже из-за границы. Возле новеньких белых ворот гостей и сопровождающих встречал сам Бильбо и раздавал подарки направо и налево. Подарки получали и приглашенные, и неприглашенные, и даже те, кто потихоньку выходил через дальнюю калитку и входил в ворота снова. Так заведено в Шире — дарить подарки на свой день рождения. Обычай древний и весьма приятный, хотя и не всегда подарки оказываются такие дорогие и щедрые,

как в этот раз.

В Хоббитоне и в Уводье что ни день, так обязательно чье-нибудь рождение, поэтому уж раз-то в неделю каждый хоббит смело может рассчитывать на подарок, — и до сих пор никто на усталость не жаловался. Однако сегодня подарки были просто отменные. Малолетки пришли в буйный восторг и даже про еду забыли. Таких игрушек они отродясь не видывали. Одна другой лучше, и наверняка есть волшебные. Причины для восторгов действительно имелись: многие игрушки заказывались еще год назад и проделали неблизкий путь — это была настоящая гномья работа.

Когда наконец поток гостей иссяк, на лугу начались танцы, игры, зазвучала музыка и песни. И конечно же — пир. Были задуманы три перемены: завтрак, чай и обед (он же — ужин), но разницы между ними оказалось немного. Просто во время завтрака и чая все гости сидели за столами и дружно жевали; в остальное время за столами все равно жевали, но не все. Кушали непрерывно с одиннадцати до половины седьмого, когда в небе вспыхнули первые потешные огни. Пришел черед Гэндальфа. Все здесь, от замысла до исполнения, принадлежало ему. Маг сам и запускал все эти

дивные ракеты. Высоко в небе они взрывались, вспыхивали звездами, разлетались на части, и каждая горела своим огнем, создавала свой узор. Попутно Гэндальф щедро раздаривал шутихи, хлопушки, пугалки, пищалки, гром-гремушки и еще успевал поджигать гномьи свечи, эльфийские фонтаны и мерцающие звезды. Зрелище получилось незабываемое. Мастерство Гэндальфа явно росло с годами. В небо поднимались огни, похожие на стаи птиц, — они еще и пели к тому же. Вырастали зеленые деревья с дымными стволами, на них стремительно распускались листья, светящиеся ветви роняли сияющие цветы прямо на восхищенных зрителей; цветы таяли, не достигая земли, оставляя в воздухе нежный аромат. Взлетали рои огнистых бабочек и, переливаясь, порхали среди горящих ветвей; в небо рвались стройные колонны, через миг превращавшиеся в орлов, в величавые парусные корабли или в строй плывущих лебедей; разражалась желтым ливнем багровая туча; потом вдруг с громовым кличем вверх устремились сотни серебряных копий, грациозно повернулись и со змеиным шипом вонзились в речную гладь. А последний сюрприз, подготовленный Гэндальфом в честь Бильбо, просто доконал собравшихся. Все огни

погасли. Вверх медленно поднялся огромный клуб дыма и обрел очертания одинокой горной вершины. Оттуда рванулись зеленые и алые струи огня, а вслед за ними взлетел дракон, красный и золотой, ростом поменьше обычного, но до ужаса настоящий: из пасти вырывается пламя, глаза свирепо уставились вниз. Дракон взревел и трижды дохнул поверх голов толпы на лугу. Все разом пригнулись, многие попадали на траву, а дракон со свистом промчался над палатками, перекувырнулся в воздухе и взорвался над Уводьем.

Когда гости немного пришли в себя, Бильбо пригласил всех на ужин. Тут уж взяли себя в руки даже испугавшиеся по-настоящему. Разве можно заставлять ждать себя, когда речь идет о превосходном ужине! Хоббиты гурьбой устремились к столам, а некоторые особо приглашенные проследовали в большой павильон с деревом на семейное торжество. Таких набралось двенадцать дюжин — ровно гросс (вообще-то у хоббитов гросс — счетное число для скота и не очень-то годится для гостей); в основном — родня Бильбо и Фродо, несколько близких друзей и Гэндальф. Приглашения оказались у многих молодых хоббитов, допущенных к столу с родительского позволения

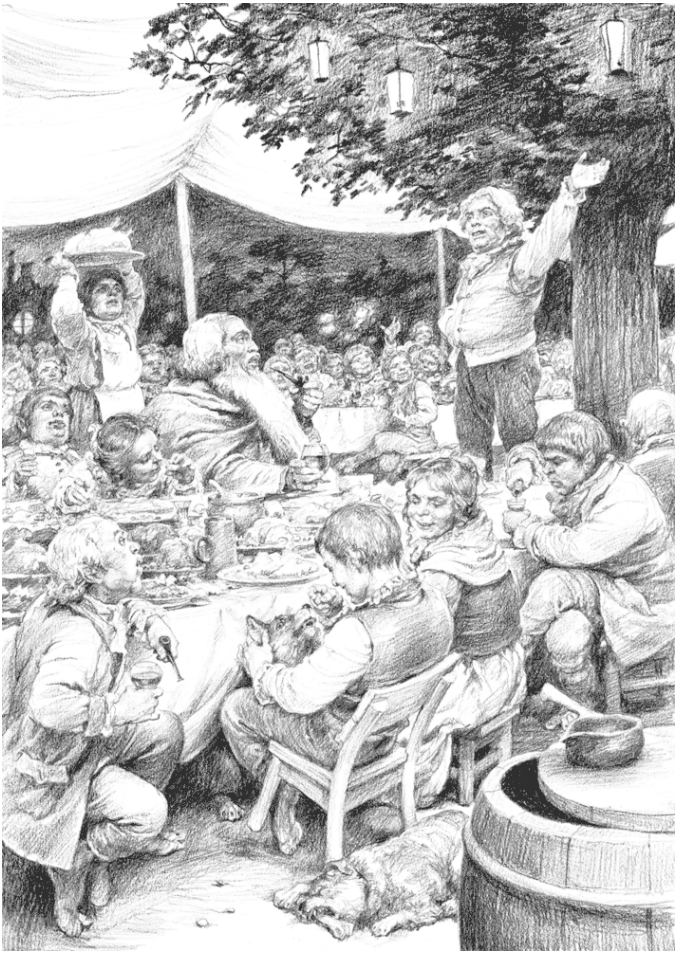
(в Шире спокойно относятся к тому, что дети засиживаются допоздна, особенно если при этом представляется случай лишний раз поесть. Ведь на воспитание подрастающего поколения уходит столько провизии!).

Гросс состоял из Сумниксов и Умниксов, Туков и Брендискоков, Рытлов (родня Бильбо по бабушке) и Хрюклов (родня, наоборот, по дедушке), Кроттов и Пузиксов, были Помочь-Лямкинсы и Дудкинсы, Сдобкинсы и Бобровники, а также Большеноги. Многие могли похвастаться лишь очень отдаленным родством с хозяином, а некоторые и в Хоббитоне-то до этого никогда не бывали. Дерикуль-Сумниксов представляли Отто и его жена Лобелия. Вот уж кто терпеть не мог Бильбо! Но пригласительный билет, написанный золотыми чернилами, был так красив, а стол их кузена так известен, что отказаться было совершенно невозможно.

Все сто сорок четыре гостя предвкушали небывалый пир и если чего и опасались, так неизбежной послеобеденной речи хозяина. Бильбо ведь мог и стихами заговорить, а после пары стаканчиков, бывало, заводил разговор про свои нелепые приключения в каких-то немыслимых краях. Однако опасения опасениями, а пир превзошел все

ожидания: богатый, обильный, разнообразный, он все продолжался и продолжался. Окрестные продуктовые лавки позакрывались на неделю, из них все было выбрано подчистую. Но как оно никуда не делось, а все было тут, на столах, убытка никто не понес.

Когда гости слегка осоловели, настало время Речи. Народ за столами пребывал в том приятном удовлетворении, когда можно лениво поковыривать любимые блюда, потягивать любимые напитки и не страшиться никаких речей, даже в стихах. Они были согласны выслушать что угодно и даже похлопать при необходимости.



— Дорогие мои! — начал Бильбо, поднявшись с места. «Слушайте! Слушайте!» — заорали все, и клич пошел гулять по рядам, нарастая и сопротивляясь собственному смыслу. Бильбо перешел под дерево и влез на стул. Свет от фонариков блестел на его сияющей физиономии, сверкал на золотых пуговицах расшитого шелкового жилета, и весь он был на виду у собравшихся. Одной рукой он помахивал в воздухе в такт словам, а другую держал в кармане.

— Мои дорогие Сумниксы и Умниксы, — начал он снова, — дорогие мои Туки и Брендискоки, Рытлы и Хрюклы, Пузиксы и Кроттсы, Помочь-Лямкинсы и Дудкинсы, а также Сдобсы!

— И Большеноги! — заорал старый хоббит из глубины павильона. Конечно, это был Большеног, его огромные, редкостно шерстистые лапищи покоились на столе, выставленные на всеобщее обозрение.

— И Большеноги, — согласился Бильбо, — и еще любезные мои Дерикуль-Сумниксы, которых я рад снова приветствовать в Засумках. Сегодня мне исполнилось сто одиннадцать!

— Ура! Долгих лет жизни! — послышались со всех сторон крики, сопровождаемые топотом под столами. Вот это правильно! Вот это Бильбо

молодец! Так и надо! Коротко и ясно!

— Надеюсь, — повысил голос Бильбо, — вы веселитесь так же, как и я.

Оглушительные хлопки. Крики «Да!» (и «Нет»). Шум дудок, свирелей и флейт. Молодежь пустила в ход хлопушки и обнаружила внутри маленькие, превосходной работы музыкальные инструменты. В дальнем углу юные Туки и Брендискоки, полагая, что дядюшка Бильбо уже закончил (а чего еще говорить-то?), составили оркестрик и завели веселенькую танцевальную мелодию. Эверард Тук с Мелиссой Брендискок наладились было сплясать на столе «Прыг-Дрыг» — танец милый, но несколько фривольный.

Но Бильбо еще не кончил. Отобрав дудку у ближайшего хоббитенка, он резко дунул в нее три раза. Шум поутих.

— Я не задержу вас долго, — крикнул он и вызвал гул одобрения. — Я собрал вас вместе для одного дела.

Что-то в его словах, в том, как они были сказаны, произвело впечатление. Стало еще тише. Один-два Тука навострили уши.

— По правде, даже для трех дел. Во-первых, сказать вам, как я люблю вас всех, а сто одиннадцать лет — это слишком мало, когда живешь среди

таких славных хоббитов.

Бурный взрыв одобрения.

— Половину из вас я знаю вполовину хуже, чем хотел бы, а другую половину люблю вполовину меньше, чем она того заслуживает.

Пожалуй, сказано было сложновато. Послышалось несколько жидких хлопков, пока остальные прикидывали, надо ли относиться к сказанному как к комплименту.

— Во-вторых, я хотел отпраздновать мой день рождения.

Снова восторг.

— Надо бы сказать: наш день рождения. Сегодня ведь мой племянник Фродо вступает в совершеннолетие и в права наследования.

Несколько снисходительных хлопков от старших и громкие крики: «Фродо! Ура старине Фродо!» — от молодежи. Дерикуль-Сумниксы угрюмо гадали, как понимать слова «вступает в права наследования».

— Нам на двоих — сто сорок четыре, да и вас здесь столько же: один гросс, можно сказать.

Пожалуй, это была бестактность. Вдруг многие гости сообразили (а Дерикуль-Сумниксы в особенности), что их позвали только для ровного счета, как иногда в ящик с бутылками

напихивают всякую ветошь, чтобы не звенело. «Гросс! — послышалось фырканье. — Довольно-таки вульгарно!»

— А еще сегодня годовщина моего прибытия на бочке в Эсгарот на Долгом Озере. Тогда-то я не вдруг и вспомнил о своем дне рождения, не до того было. Знаете, в пятьдесят один как-то не очень за этим следишь. Но ужин был хорош. Помнится, я подхватил тогда жуткий насморк и мог сказать друзьям только: «Бде очень бдиядно», теперь у меня нет насморка, и я скажу: — Мне очень приятно видеть вас на нашем скромном празднике.

Мертвая тишина. Многие чувствовали — от стиха теперь не отвертеться. Эх! Почему бы не кончить говорильню и не дать всем выпить за его здоровье! Но Бильбо не стал декламировать. Он продолжал Речь.

— В-третьих, и в-последних, я хочу сделать *объявление*. — Последнее слово он произнес таким значительным тоном и так громко, что заставил напряженно выпрямиться всех, кто к этому времени еще мог сидеть.

— Должен с сожалением объявить, что, хотя, как я уже сказал, мне маловато ста одиннадцати лет, прожитых в таком приятном обществе, пора

заканчивать. Я ухожу. Покидаю вас. Сейчас же. Немедленно. Пока!

Он шагнул со стула и исчез. Тут же сверкнула ослепительная вспышка, гости зажмурились, а когда открыли глаза, Бильбо нигде не было. Все сто сорок четыре хоббита, утратив дар речи, откинулись на спинки стульев. Старый Одо Большеног с грохотом убрал ноги со стола. Некоторое время за столом царила полная тишина, а потом все эти Сумниксы, Умниксы, Туки, Брендискоки и прочие загомонили разом.

Общее мнение признало в шутке дурной вкус, и понадобилось немало еды и питья, чтобы сгладить потрясение и досаду. «Свихнутый! Точно! Я всегда говорил!» — слышалось отовсюду. Даже Туки, за редким исключением, сочли исчезновение нелепой выходкой.

Один старый Рори Брендискок, сохранивший, несмотря на обильные возлияния, способность трезво мыслить, сказал своей невестке Эсмеральде: «Что-то за этим кроется, помяни мое слово, дорогуша. Ведь этот шалый Сумникс опять намылился улизнуть. Экий пень старый! Да нам-то что с того? Съестное он ведь не с собой унес», — и Рори громко стал призывать Фродо, требуя вина.

Фродо единственный из присутствующих не

произнес ни слова. Он сидел возле опустевшего стула Бильбо и, казалось, не замечал ни вопросов, ни недовольства хоббитов. Он знал о готовящейся шутке и порадовался, что она удалась, с трудом удержался от смеха, глядя на обескураженные физиономии гостей, но только сейчас с грустью почувствовал, как не хочется ему расставаться со старым дядюшкой. Он очень привязался к Бильбо, пожалуй, любил его больше всех остальных. Гости вернулись к еде и питью, Дерикуль-Сумниксы, осерчав, ушли, а Фродо, вдруг ощутив усталость от затянувшегося праздника, распорядился насчет вина, молча осушил бокал за здоровье Бильбо и незаметно выскользнул из павильона.

Произнося речь, Бильбо теребил в кармане золотое кольцо, то самое волшебное кольцо, которое он столько лет хранил в тайне от всех. Сходя со стула, он надел кольцо на палец, и больше его с тех пор в Хоббитоне не видел никто.

Он вернулся в дом, постоял, прислушиваясь к гомону на лугу, снял праздничную одежду, аккуратно сложил и убрал вышитый шелковый жилет. Потом быстро накинул старый камзол и подпоясался кожаным поясом. Пристегнул короткий меч в потертых черных ножнах. Открыл

ключом ящик в комоде и извлек пахнущий нафталином сильно поношенный дорожный плащ с капюшоном. Несмотря на бережное хранение, плащ совершенно потерял первоначальный вид, даже цвет угадывался с трудом. Наверное, когда-то он был темно-зеленый. Одежда почему-то оказалась великоватой. В кабинете Бильбо достал из огромного стенного шкафа сверток, переплетенный в кожу том и большой конверт. Книгу и сверток уложил в объемистую котомку, в конверт опустил кольцо на тонкой цепочке, немного торопясь запечатал его и надписал крупно: «Фродо». Оглянувшись, он поставил конверт на каминную полку, но вдруг снова схватил и сунул в карман. В этот миг дверь отворилась и вошел Гэндальф.

— Привет, — нервно сказал Бильбо. — А я как раз гадал: появишься ты или нет.

— Рад *видет*ь тебя, — отвечал маг, усаживаясь в кресло. — Мне нужно было застать тебя и сказать пару слов. По-моему, ты считаешь, что все прошло превосходно, как ты и задумал, а?

— Пожалуй, — кивнул Бильбо. — Хотя вспышка была очень неожиданной. Даже я растерялся, а остальные — и подавно. Твоя работа?

— Моя, — согласился маг. — Все эти годы ты

держал кольцо в тайне, и это было мудро. Ничего другого, чтобы объяснить твою выходку гостям, мне в голову не пришло.

— А шутку мне подпортил. И что тебя все время тянет лезть в чужие дела, — усмехнулся Бильбо. — Впрочем, ты, как всегда, все знаешь лучше других.

— Я лучше делаю, когда *знаю*, — без улыбки ответил маг. — А сейчас у меня уверенности нет. Ладно, дело к концу. Ты добился, чего хотел: напугал или озадачил всех своих родичей и подкинул всему Ширу тему для разговоров. Ее надолго хватит. А дальше?

— Мне нужен отдых, долгий отдых, Гэндальф. Я ведь говорил тебе раньше… Я вряд ли вернусь… да что там! Я ведь и не собираюсь возвращаться. Вот, все уже приготовил. Я старый. Да, знаю, по мне не скажешь, но вот внутри… — Бильбо помолчал. — «Хорошо сохранившийся!» — фыркнул он. — Вовсе нет. Во мне все как-то тает, словно натягивается что-то, если ты понимаешь, о чем я. Ну, как будто кусок масла размазывают по слишком большому куску хлеба. Это же неправильно, да? Вот я и решил что-нибудь изменить.

Гэндальф пристально взглянул на хоббита.

— Да, — медленно проговорил он. — Это непра-

вильно. После всего, что ты сказал, твой план представляется мне наилучшим.

— Ну вот я и решил. Горы снова увижу, а, Гэндальф? А потом найду тихое местечко и отдохну, и никаких тебе родственников, никаких нудных гостей у двери… Мне нужно закончить мою книгу. Я даже конец уже придумал. Вот послушай: «И с тех пор он жил счастливо до конца дней своих».

Гэндальф рассмеялся.

— Конец хорош. Да ведь никто же не прочтет ее, даже с таким концом.

— Ну… прочтут в свое время. Фродо вот уже читал. Ты приглядывай за ним хоть в полглаза, ладно?

— Ладно. Могу даже и двумя глазами.

— Если бы я сказал, он бы ушел со мной, — вздохнул Бильбо. — Да он сам предлагал вместе пойти, но это не по правде. Ему пока и здесь хорошо. А мне уж очень захотелось перед концом повидать дикие края и горы, горы в особенности. А Фродо Шир любит. Ему здесь все мило: и поля, и речушки, и перелески. Ему уютно здесь. Я ведь все ему оставляю, ну, разве что мелочи кое-какие… Пусть распоряжается, может, это ему счастье принесет. Теперь он сам себе хозяин.

— Все оставляешь, говоришь? — прищурив-

шись, переспросил Гэндальф. — И кольцо, стало быть? Ты ведь так хотел?

— Ну да, это, значит, и кольцо… ага, — начал заикаться Бильбо.

— Где оно? — поинтересовался маг.

— В конверте, если уж тебе непременно знать надо, — быстро заговорил Бильбо. — Там, на камине. То есть — нет, тут оно, в кармане! — Видно было, что старого хоббита мучают сомнения. — Ведь мелочь же, — мягко сказал он, словно заговаривая сам себя. — Ну и что? Почему бы ему там не остаться?

Гэндальф задержал на Бильбо долгий взгляд, и глаза его сверкнули.

— Я думаю, Бильбо, лучше его оставить. Разве ты передумал?

— Нет, не передумал… Да. Вот дошло до дела, а мне ужасно не хочется расставаться с ним. Да ведь и зачем обязательно расставаться? Зачем это тебе-то нужно? — вдруг вскрикнул он, и голос его странно изменился. Теперь в нем слышались резкие визгливые нотки пополам с досадой. — И всегда ты изводил меня этим кольцом! Я ведь много чего привез из путешествия, почему тебя остальное не заботит?

— Я не изводил тебя, — спокойно сказал маг. —

Мне нужна правда. Это очень важно. Волшебные кольца несут в себе древнюю магию, тем и интересны. Мало их на свете. Ты же знаешь, магия — моя специальность, вот я и интересуюсь. Раз ты собрался странствовать, мне нужно точно знать, где будет кольцо. А еще я думаю, что оно слишком долго пробыло у тебя. Больше оно тебе не пригодится, или я ошибаюсь во всем остальном…

Бильбо так и вскинулся на эти слова. Глаза хоббита сердито заблестели, всегда добродушное лицо стало резким.

— А тебе-то что за дело, где мои вещи лежат? — вскрикнул он. — Мое оно, понял? Я его нашел. Оно само пришло ко мне!

— Допустим, — спокойно произнес маг. — А зачем так орать-то?

— А ты сам виноват, — как-то всхлипнул Бильбо. — Ведь говорят же тебе: мое оно. Собственность моя. Моя… моя прелесть. Да, мое сокровище!

Ни одна черточка не дрогнула в лице мага. Только глаза выдавали настороженное удивление.

— Его уже называли так раньше, — проговорил он, — только не ты.

— А я вот сейчас назвал. Ну и что? Знаю я, Гор-

лум так говорил. Но это — раньше. А теперь не его оно, а мое. И будет моим!

Гэндальф встал и заговорил резко, почти грозно:

— Не будь дураком, Бильбо. Каждое твое слово против тебя. Кольцо слишком долго за тебя держалось. Дай ему уйти! Тогда и сам станешь свободен.

— Я буду делать, как мне нравится, — упрямо твердил Бильбо.

— А ну полегче, любезный хоббит, — прервал его маг. — Мы с тобой долго были друзьями, и ты мне кое-чем обязан. Давай-ка, делай, как обещал. Оставь его!

— Если ты сам хочешь мое колечко, так и скажи! — чуть не зашелся в крике Бильбо. — Только ты его не получишь! Я не отдам мое сокровище! — Рука хоббита нащупывала рукоять меча на поясе.

Глаза Гэндальфа полыхнули.

— Ты что-то разошелся, дружок. Смотри, скоро придет мой черед гневаться. Не хочешь ли посмотреть на настоящего Гэндальфа Серого? — Маг шагнул вперед и разом словно вырос до потолка. Его огромная тень заполнила всю комнату.

Бильбо отшатнулся к стене. Рука его вцепилась

в карман. Несколько секунд они стояли лицом к лицу, пока воздух в комнате не зазвенел. Гэндальф не сводил с хоббита сосредоточенного взгляда. Бильбо безвольно опустил руки и начал крупно вздрагивать.

— Что это на тебя нашло, право слово? — жалобно выговорил он. — Никогда я тебя раньше таким не видел. В чем дело-то? Оно мое, ведь так? Я его нашел, а Горлум прикончил бы меня, если бы не кольцо. Я ведь не вор, что бы он там ни кричал, ты-то знаешь…

— А я тебя никогда вором не называл, — серьезно отвечал Гэндальф, — а сам и подавно никогда им не был. Я не ограбить тебя стараюсь, а помочь. Хорошо бы ты доверял мне, как раньше.

Он повернулся, и огромная грозная тень съежилась до нормальных размеров. Перед Бильбо снова был седой старец, сутулый и встревоженный. Хоббит провел рукой по глазам.

— Прости меня, — попросил он мага. — Я, знаешь, как-то странно себя почувствовал. Наверное, это даже счастье — не тревожиться из-за него больше. В последнее время я только о нем и думаю. А с некоторых пор, сдается мне, меня все чей-то взгляд ищет. Мне ужасно хочется надеть кольцо, чтобы исчезнуть, спрятаться… А то вдруг

думаю: не опасно ли оно, не зашвырнуть ли его подальше. Я уж пробовал запирать его, да места себе не находил, снова в карман клал. Удивительно даже. Видишь вот, не могу решиться.

— Так доверься мне, — посоветовал маг. — Уходи и оставь его. Перестань владеть им. Откажись. Оставь его Фродо, а уж за ним я пригляжу.

Видно было, как нелегко дается Бильбо решение. Наконец он вздохнул.

— Хорошо, — передернул плечами и улыбнулся вымученно. — В конце концов, зачем было и затевать все это. — Он кивнул головой в сторону стены, из-за которой доносился приглушенный шум праздника. — Я ведь думал как: раздарить побольше подарков, тогда, может, легче будет и с ним расстаться. Оказалось, не легче. Просто жаль, если все приготовления прахом пойдут. Так совсем можно шутку испортить.

— Ради него все и делалось, — тихонько подсказал Гэндальф.

— Хорошо, — резко произнес Бильбо. — Оно останется у Фродо. И остальное тоже. — Он глубоко вздохнул. — Пора мне трогаться, а то как бы не столкнуться с кем. Я уже распрощался и начинать все сызнова не вынесу.

Он подхватил сумку и направился к двери.

— Кольцо пока еще у тебя в кармане, — снова подсказал Гэндальф.

— Ох, и правда! — воскликнул Бильбо уже другим, освобожденным голосом. — И завещание тоже, и остальные бумаги. Ты лучше возьми его, передай сам. Так оно спокойней.

— Нет, кольца мне не давай, — поспешно ответил маг. — Положи на каминную полку, как задумал. Никуда оно не денется до прихода Фродо. Я его дождусь.

Бильбо вынул конверт, но в последний миг рука дрогнула, и он выронил его. Маг стремительно нагнулся, подхватил конверт и поставил на место, рядом с часами. На секунду лицо хоббита замглилось судорогой гнева, но он тут же рассмеялся.

— Ну, вот и все. Ухожу, — сказал он, выбрал у двери любимый дорожный посох и, выйдя в залу, тихонько свистнул. Тут же из трех разных дверей, прервав работу, вышли три гнома.

— Все ли готово? — спросил Бильбо. — Уложено, надписано?

— Все, — был ответ.

— Тогда — в путь! — И хоббит шагнул за порог.

Стояла чудесная ночь. Бильбо поднял лицо к темному бархатному небу, усыпанному крупны-

ми звездами, шумно втянул носом воздух.

— Как славно выйти в дорогу на ночь глядя, вместе с гномами! Вот о чем тосковал я долгие годы! Прощайте все. Всего доброго! — произнес он с чувством и поклонился своему старому дому. — Прощай, Гэндальф!

— Прощай до поры, Бильбо, — ответил маг, стоя на пороге. — Будь поосторожнее. Ты уже не юноша, должен понимать, что к чему.

— Ха! «Поосторожней»! Еще чего! Да не беспокойся ты за меня. Я счастлив теперь, а это, сам знаешь, дорогого стоит. Время уходит, — добавил он и вдруг тихонько запел:

Бежит дорога все вперед.
Куда она зовет?
Какой готовит поворот?
Какой узор совьет?

Сольются тысячи дорог
В один великий путь.
Начало знаю; а итог —
Узнаю как-нибудь.

Бильбо оборвал песню, повернулся спиной к огням и шуму на лугу и, махнув рукой гномам, зашагал по тропинке вниз с холма. Перескочил

ограду и сразу затерялся в ночи, словно ветерок, прошелестевший в траве.

Гэндальф с порога долго смотрел ему вслед.

— Прощай, дорогой мой Бильбо, — тихо проговорил он. — Мы еще увидимся. — Он вошел в дом и прикрыл дверь.

Пришедший вскоре Фродо застал мага глубоко задумавшимся в кресле у окна.

— Ушел? — спросил Фродо.

— Да, — ответил Гэндальф, — все-таки ушел.

— Я думал, ну, то есть надеялся до самого сегодняшнего вечера, что это только шутка, — вымолвил Фродо. — А в душе-то знал: уйдет он. Вот, хотел пораньше вернуться, застать его…

— Он сам хотел уйти потихоньку, — сказал маг. — Не кори себя и не беспокойся. С ним теперь все будет в порядке. Он тебе пакет оставил, вон там.

Фродо взял конверт, повертел его в руках и отложил.

— Там, должно быть, завещание и прочие бумаги, — произнес Гэндальф. — И кольцо.

— Кольцо! — удивился Фродо. — Так он и кольцо мне оставил? Вот чудно. С чего бы это? Хотя такая вещь всегда может пригодиться…

— Это как посмотреть, — заметил Гэндальф. —

Я бы на твоем месте не стал им пользоваться. Лучше бы о нем не знать никому. И мой тебе совет: храни его понадежней. А теперь пойду-ка я спать.

Фродо понимал: как новый хозяин Засумок, он должен попрощаться с гостями. Теперь уже о странном исчезновении Бильбо узнали все, и все, конечно, приставали к Фродо. Ему оставалось только твердить: «Не сомневаюсь, к утру все разъяснится». После полуночи прибыли повозки — развозить гостей. На каждую набилось помногу очень недовольных хоббитов. Вскоре явились заранее приглашенные уборщики и на тачках развезли тех, кого забыли или не заметили под столами.

Медленно прошла ночь. Встало солнце. Хоббиты проснулись куда позже. На лугу разбирали павильоны, снимали палатки, убирали посуду, лавки, стулья, цветы со столов, забытые сумочки и носовые платки и остатки пиршества, конечно. К слову сказать, еды осталось — всего ничего. Потом опять начал подходить народ — на этот раз уже без приглашения. К середине дня даже те, кто вчера укушался основательно, переварили ужин и собрались на лугу перед усадьбой. Толпа получилась не маленькая. Нельзя сказать, чтобы

им были рады, но ждать — ждали.

Фродо, стоявший на крылечке, улыбался, но выглядел усталым. Каждого посетителя он приветствовал, но к сказанному вчера смог добавить немного.

— Господин Бильбо в отъезде, — повторял он. — Насколько мне известно, у него все благополучно.

Некоторых пришлось пригласить в дом. Бильбо, уходя, оставил для них «послания», кое-какие подарки и вещи. Все они были помечены, например, так: «Аделарду Туку — в собственную собственность» — надпись на зонтике. Аделард был известен множеством прихваченных в разное время по ошибке чужих зонтов. «Для Доры Сумникс — в память о долгой переписке с любовью от Бильбо» — на вместительной корзине для бумаг. Дора приходилась сестрой Дрого и была старейшей родственницей Бильбо и Фродо. В свои девяносто девять она имела только одну страсть — писать пространные письма, начиняя их добрыми советами. «Милу Кротту — вдруг да понадобится — от Б. С.» — на золотом пере с чернильницей. Мил сроду не ответил ни на одно письмо. «Ангелике на пользу от дядюшки Бильбо» — на хорошеньком зеркальце. Она была

младшей из Сумниксов и день-деньской могла разглядывать в зеркале свою миленькую мордашку. «Для коллекции Хуго Помочь-Лямкинсу от пожертвователя» — на пустой книжной полке. Хьюго обожал брать книги, но отдавал только в крайнем случае. «Лобелии Дерикуль-Сумникс в подарок» — на коробке с серебряными ложками. Бильбо не без основания подозревал, что она перетаскала немало ложек из буфета Засумок во время его предыдущего путешествия. И Лобелия знала о его подозрениях. Однако она стойко вынесла оскорбление и унесла ложки. Таких подарков было множество — всех не перечислишь. За долгую жизнь в доме скопилась куча ненужных вещей. Это весьма свойственно и другим хоббитским жилищам, они все почему-то быстро захламляются. Потому-то давний обычай — дарить подарки на собственный день рождения — так уважают. Подарки, конечно, не всегда новые. Бывает, один-два *маттома* забытого назначения кочуют по всей округе, переходя из рук в руки, но у Бильбо такого не случалось. Он всегда все дарил по первому разу и хранил полученное от других. Теперь, после памятного дня рождения, усадьба стала выглядеть почище.

Не все подарки были с намеком. Много вещей

разошлось точно по назначению, туда, где их ждали и нуждались в них. В Тугосумах жило много бедноты, там дары Бильбо вызвали подлинную радость. Например, Старичина Хэм получил два мешка картошки, новую лопату, шерстяной жилет и мазь для суставов. Старый Рори Брендискок, хозяин бедный, но радушный, очень порадовался дюжине бутылок «Старой Винодельни» — крепкого красного вина из Южной Чети, в меру выдержанного, заложенного в погреба еще отцом Бильбо. Рори после первой же бутылки простил Бильбо все и объявил его славным малым.

После раздачи Фродо остался владельцем добротной обстановки, книг, картин и необходимых припасов. Никакого намека на деньги или драгоценности не было и в помине: даже в подарках не попалось ни одной монетки, ни единого камешка.

Уже после полудня Фродо пришлось потрудиться. Кто-то пустил слух, будто имущество Засумок раздают задарма. Понабилась туча народа; многие хоть и понимали, что зря пришли, да выйти уже не могли. Ярлыки стали отрываться и путаться, то и дело вспыхивали ссоры. Кое-кто прямо в доме начал меняться и торговать подарками. Пришлось придерживать тех, кто

пытался исправить желания бывшего хозяина и прихватывал вещь, которую считал ну прямо для него предназначенной. Дорогу к воротам забили тележки и тачки.

В разгар суеты явились Дерикуль-Сумниксы. Фродо к этому времени покинул театр подарочных действий, чтобы отдохнуть хоть немного, и передал командование своему другу Мерри Брендискоку.

Когда Отто громогласно пожелал видеть Фродо, Мерри с вежливым поклоном сказал:

— Ему нездоровится. Он отдыхает.

— Прячется, значит, — тут же встряла Лобелия. — Ну да мы хотим его видеть и увидим! Иди-ка, скажи ему об этом.

Мерри оставил их в зале на время, достаточное для отыскания причитавшихся им ложек. Однако на этом Дерикули не успокоились. Когда их наконец провели в кабинет, Фродо сидел за столом над бумагами. Вид у него был усталый. Завидев входящих родственников, он встал, нащупывая что-то в кармане.

Дерикуль-Сумниксы пошли в наступление. Сначала они принялись торговаться, предлагая за разные ценные вещи, не предназначенные к раздаче, смехотворные цены. Когда же Фродо

ответил, что дарит только предметы, отобранные самим Бильбо, они заявили, что все это весьма подозрительно.

— Ты-то своего не упустил, я полагаю, — набычился Отто. — А ну, предъяви завещание.

Если бы не Фродо, наследником стал бы Отто Дерикуль-Сумникс. Он внимательно прочел документ и гневно фыркнул. К несчастью для него, документ был составлен честь по чести, а подписи семи свидетелей, сделанные красными чернилами, красовались там, где им положено.

— Опять мимо! — в сердцах сказал он жене. — Это надо же! Шестьдесят лет ждать и чего дождаться? Ложек? Тьфу!

Но от Лобелии так легко было не отделаться. Когда, спустя некоторое время, Фродо вышел из кабинета, то нашел ее деятельно исследующей все уголки и закоулки. Она как раз принялась простукивать полы. Пришлось решительно выпроводить ее за порог, предварительно освободив от нескольких ценных вещиц, случайно завалившихся к ней в зонтик. При прощании лицо Лобелии исказили муки творчества. Она пыталась создать сокрушительную прощальную фразу, но в итоге ограничилась простой грубостью.

— Ты еще пожалеешь об этом, молокосос! Ты-то чего с ним не ушел? Ты же нездешний! Какой ты Сумникс! Ты… ты… Брендискок ты, вот ты кто!

— Слыхал, Мерри? Вот какие оскорбления приходится выслушивать! — сказал Фродо, закрывая за ней дверь.

— Разве это оскорбление? — откликнулся Мерри. — Это же комплимент. Правда, незаслуженный.

Им пришлось еще раз обойти усадьбу дозором. Сначала они обнаружили трех молодых хоббитов (двух Умниксов и одного Пузикса), усердно ковырявших дырки в стенах одной из кладовок. Потом пришлось выдержать маленькое сражение с Санчо Большеногом, внуком старого Оддо. Он как раз приступил к интенсивным раскопкам в другой кладовой, ему там эхо особенное почудилось. Всех этих кладоискателей подогревало древнее правило: если богатство добыто колдовским способом, то кто найдет его (если не помешают), тому оно и достанется.

Выставив наконец Санчо, Фродо повалился в кресло.

— Мерри, закрывай лавочку, — простонал он. — Запри дверь, никого не пускай, пусть хоть с тараном приходят.

Только он собрался выпить чашку чаю, как в передней снова послышался стук. «Опять Лобелия, — подумал Фродо. — Придумала-таки, что сказать. Ну, ничего, подождет». — И он принялся заваривать чай.

Стук повторился уже громче, но Фродо решил не обращать внимания. Внезапно в окне показалась голова Гэндальфа.

— Фродо, если ты и дальше намерен не пускать меня, придется дунуть на дверь — ищи ее потом по всей норе!

— Ох, Гэндальф, дорогой! — вскричал Фродо. — Ну, конечно, сейчас же открою, — и бросился в прихожую. — Входи. Я ведь думал — это Лобелия.

— А-а, тогда прощаю. Я встретил ее. Она направлялась в Уводье, и с таким видом, от которого и парное молоко вмиг скиснет!

— Да я и сам чуть не скис. Честно. Даже за кольцо уже взялся. Только и оставалось — исчезнуть.

— Это ты напрасно, — сказал Гэндальф, усаживаясь. — Поосторожнее с кольцом, Фродо. Я ведь для того и вернулся, чтобы поговорить с тобой о кольце.

— А что такое с ним?

— Для начала скажи-ка, что ты уже знаешь?

— Только то, что Бильбо рассказывал. Ну, как он

нашел его, да как пользовался им в путешествии. Ты же знаешь эту историю.

— Интересно, какую именно? — усмехнулся маг.

— Да нет, не ту, что он гномам рассказывал, а потом в книгу записал, — махнул рукой Фродо. — Он мне настоящую историю рассказывал. И еще сказал, что ты донимал его, пока не узнал всей правды, поэтому лучше и мне знать. Помню, он так и сказал: «Между нами секретов быть не должно, а дальше нас они не пойдут. Теперь ты видишь: кольцо мое».

— Любопытно, — отозвался Гэндальф. — Ну а ты что обо всем этом думаешь?

— Если ты насчет «подарочка», то настоящая история куда правдоподобнее. Непонятно даже, зачем было другую придумывать. На Бильбо непохоже, да и вообще — чудно.

— И по-моему — тоже. Но с тем, кто пользуется таким сокровищем, могут и почуднее вещи случаться. Ты имей это в виду и будь с подарком поосторожнее. Ведь в нем могут таиться и другие силы, кроме тех, для невидимости…

— Не понимаю, — честно признался Фродо.

— Да я и сам пока не очень-то понимаю, — ответил маг. — Но после сегодняшней ночи очень

мне твое кольцо интересно. Ладно, не беспокойся. Просто послушай моего совета — не пользуйся им, а то, знаешь, пойдут разговоры… И храни его понадежнее, да так, чтоб не знал никто.

— Сплошные загадки, — растерянно проговорил Фродо. — Чего ты боишься?

— В том-то и дело, что сам не знаю. Сейчас мне пора идти. Может, когда вернусь, буду знать больше. Ну, до свидания. — Маг встал.

— Да куда ж ты так сразу? — вскочил Фродо. — Я думал, ты хоть неделю побудешь тут со мной, поможешь мне…

— Помог бы, обязательно помог бы, но теперь вот решил идти. Меня может долго не быть, но я повидаюсь с тобой непременно, как только смогу. Жди меня в любой день, но открыто я больше в Шир не приду. Не любят меня здесь, оказывается. Говорят, спокойствие нарушаю. Бильбо вот похитил, если не хуже. Поговаривают, — маг подмигнул, — мы с тобой сговорились, чтобы здешние сокровища прикарманить.

— Да ну их! — воскликнул Фродо. — Это ведь Отто с Лобелией. Фу, гадость какая! Да я бы им не только Засумки отдал, но еще и от себя бы добавил, лишь бы вернуть Бильбо или вместе с ним бродяжить уйти. Только я Шир люблю, — вздох-

нул он. — Правда, если так дальше пойдет, меня тоже странствовать потянет. Интересно, увижу я Бильбо когда-нибудь?

— Мне тоже интересно, — ответил маг, — и не только это. Ладно, до свидания, малыш. Береги себя. И жди меня. Особенно в неподходящее время. Всего доброго!

Фродо проводил мага до дверей. Гэндальф махнул на прощание рукой и ушел, шагая удивительно быстро. Но Фродо, глядя на его согбенную спину, вдруг подумал, что старый маг несет на плечах груз куда более серьезных забот, чем потешные огни. Серый плащ мелькнул в наступающих сумерках и пропал.

Прошло немало времени, прежде чем Фродо встретил Гэндальфа снова.

Глава II
Тень прошлого

Гэндальф оказался прав. Новое исчезновение Бильбо дало пищу разговорам не только в Хоббитоне, но и по всему Ширу. Об этом судачили год, а вспоминали и того больше. Со временем Сумникс-заумникс, исчезающий с треском и блеском, а появляющийся с мешком золота и драгоценных камней, стал любимым героем всяческих баек и страшных историй, из тех, что так хорошо слушаются зимой у камина.

Но пока история была у всех на слуху, у очевидцев и их слушателей постепенно сложилось единодушное мнение о старом, беспутном Бильбо, который, видно, свихнулся окончательно и удрал неведомо куда, чтобы сгинуть в реке ли,

в болоте ли; да ведь и то сказать: пожил, пора и честь знать. Ну а сбил его с панталыку, вестимо, Гэндальф.

— Ладно — Бильбо, — качали головами старики, — лишь бы этот проклятущий чародей Фродо в покое оставил. Может, уймется малый, наберется ума, еще, глядишь, нормальным хоббитом станет!

Ко всеобщему удивлению, маг оставил-таки Фродо в покое и сам, в свою очередь, куда-то запропал. Да только ума это Фродо не прибавило. Уже очень скоро за ним прочно укрепилась репутация хоббита со странностями. Начать хоть с отказа от траура! На следующий год Фродо, нимало не заботясь о том, как посмотрят на это соседи, устроил праздник в честь стодвенадцатилетия Бильбо. Правда, торжество получилось скромным — гостей собралось не больше двадцати, да и тех, как говорят хоббиты, «едой припорошило, винцом покрапало», — и о празднике скоро забыли. Однако через год Фродо дал понять, что намерен отмечать день рождения сгинувшего дядюшки ежегодно, и скоро к этому привыкли. Сам Фродо не раз говаривал, что не верит в кончину Бильбо, но на вопросы о том, где же тогда искать старого хозяина Засумок, только пожимал плечами.

Жил он один, но друзей имел, не в пример Бильбо, много — в основном молодежь из рода Старого Тука. Они и раньше частенько навещали Засумки, а теперь и вовсе чувствовали себя здесь как дома. Чаще других Фродо навещали Фолко Умникс и Фредегар Пузикс, но в ближайших друзьях ходили Перегрин Тук (которого все звали попросту Пиппин) и Мерри Брендискок (настоящее-то имя — Мериадок, но об этом редко кто вспоминал). Вот эта троица и бродила по всему Ширу, хотя часто Фродо, к удивлению добропорядочных хоббитов, видели и одного, то на тропинках Уводья, а то и вовсе в Северной Чети, в холмах, под звездами. Мерри и Пиппин полагали, что их друг, как раньше Бильбо, гостит у эльфов.

Шло время, и вот сначала кто-то один, а потом и многие стали замечать и за Фродо признаки «отменной сохранности». Внешне он выглядел здоровым, энергичным хоббитом, едва вышедшим из доростков, да ведь лет-то ему было уже немало.

Приятно чувствовать себя хозяином настоящего имения, «господином Сумниксом с Сумкиной Горки», весьма приятно, и несколько лет Фродо был совершенно счастлив и совсем не заботился о будущем. Но от года к году где-то в самой глу-

бине сознания хозяина Засумок росло сожаление о неких упущенных возможностях. Временами, особенно осенью, он вдруг начинал грустить о каких-то диких краях, и странные видения незнакомых гор наполняли его сны. Тогда-то Фродо и говорил себе: «А что? Может, однажды и я уйду за Реку», но тут же отвечал: «Не сейчас, конечно, когда-нибудь потом».

Он и не заметил, как промчался четвертый десяток, близилось пятидесятилетие. Дата казалась ему значительной, если не грозной. Бильбо было столько же, когда его настигло Приключение. Покоя уже не было; старые, милые и такие знакомые тропинки наскучили Фродо. Он теперь часами просиживал над картами и все гадал — что там, за границами, что таят эти сплошные белые пятна? Все чаще и все дальше уходил он один, вызывая у Мерри и остальных друзей нешуточное беспокойство.

В ту пору в Шире как никогда развелось разных чудных странников, и Фродо не раз замечали беседующим с этим перехожим людом. Шир полнился слухами о небывалых событиях, творящихся в мире, а Гэндальф сгинул напрочь и за несколько лет не удосужился даже весточки о себе подать, так что Фродо по мере сил собирал

новости. Эльфы, которые раньше в Шир почти не заглядывали, вдруг двинулись на запад. В вечерних сумерках они шли по лесным тропинкам, шли и не возвращались, покидали Среднеземье, предоставляя разбираться с новыми тревогами и заботами остающимся. Затем на дорогах стали встречать гномов, да столько, сколько никогда не видели. Древней Западной Дорогой они и прежде добирались к своим копям в Синих Горах, но вообще-то она вела в Серебристую Гавань. Именно от гномов и получали в Шире новости, да только гномы неразговорчивы, а хоббиты нелюбопытны. Однако теперешние гномы были все больше чужедальние и не к древним копям направлялись, а просто искали пристанища на западе. Вид у них был встревоженный, и Фродо не раз приходилось слышать произнесенное шепотом слово «Враг» и зловещее название страны далеко на востоке — Мордор.

Не сказать, чтобы оно было совсем незнакомым — оно маячило зловещей тенью в глубинах самых седых легенд. По последним слухам выходило, что злая сила, изгнанная Белым Советом из Сумеречья, тут же объявилась в древних твердынях Мордора. Говорили о Темной Крепости, отстроенной заново… Там рассадник войн и сердце страха,

расползающегося по жилым землям. Беглецы сообщали, что в горах снова развелись орки. Да что — орки! Тролли появились: коварные, вооруженные, куда более опасные, чем встарь. И полз шепоток о существах еще более жутких, неведомых доселе и неназываемых.

Большинство-то хоббитов по-прежнему не брало эти разговоры в голову, но отмахиваться от беспокойных вестей становилось все затруднительнее. Некоторые ведь бывали по делам в Приграничье и тоже рассказывали о всяких неприятных диковинках.

Как-то раз, по весне, аккурат в год пятидесятилетия Фродо, в «Зеленом Драконе» — трактире на дороге в Уводье — в самой, можно сказать, середине Шира, — состоялся примечательный разговор.

В углу, возле камина, сидел Сэм Гэмджи — сын Старичины Хэма, а против него нянчил кружку мельников Тэд Песошкинс. Вокруг собрался прочий деревенский люд, со вниманием прислушивавшийся к беседе.

— Много странного всякого слыхать у нас в последние дни, — говорил Сэм.

— А, брось! — отмахнулся Тэд. — Ты слушай больше, не такое услышишь. Всякой брехни мне

и дома хватает.

— Может, у тебя дома брехни и хватает, про то тебе виднее, — не спустил мельнику Сэм, — а в том, что говорят, правды больше, чем ты думаешь. Ведь разговоры откуда-то берутся, верно? Вот хоть драконов возьми…

— Спасибо, обойдусь, — ответил Тэд. — Когда маленький был, на всю жизнь про них наслушался, а теперь они мне ни к чему. Есть один в Уводье — наш «Зеленый», и хватит. Верно, ребята? — спросил он под общий хохот собравшихся.

Сэм, посмеявшись вместе со всеми, гнул свое.

— Ладно, не хочешь драконов — не надо. А про ходячие деревья что скажешь? Говорят, видели одно за Вересковой Пустошью на днях…

— Да кто говорит-то?

— А братан мой, Хэл. Он тут работал в Перегорках у господина Умникса, а потом подался на охоту в Северную Четь и сам видел.

— Ага. Хэл твой вечно чего-то видит, особливо то, чего нету.

— Как это — нету? Высоченное, как вяз, а один шаг — семь ярдов!

— Ну, стоит себе вяз и стоит. Эка невидаль!

— Да говорю тебе — шло оно! А потом, всякий знает — нету в Северной Чети вязов!

— Ну, значит, твоему Хэлу и видеть нечего, — победно заявил Тэд.

Многие слушатели одобрительно засмеялись. По их мнению, Тэд заработал очко.

— Все равно, — не уступал Сэм. — Разве мало чудного народа сейчас проходит через Шир? Его что, только Хэл видит? А сколько их еще на границах сворачивает? Сам ведь знаешь, околотни отродясь так не суетились. Я вот слыхал, Эльфы на Запад уходят, к Морю идут, за Белые Башни. — Сэм неопределенно махнул рукой. Ни он сам, да и никто из собравшихся не знали толком, где это самое Море и сколько до него добираться. Но всем было известно древнее предание о Серебристых Гаванях, где время от времени поднимают паруса эльфийские корабли, чтобы уйти из Среднеземья и никогда не возвращаться.

— И вот плывут они, плывут за Море, идут на Заокраинный Запад, а нас здесь оставляют, — пригорюнившись, говорил нараспев Сэм, похоже, видя перед собой эти гордые и печальные эльфийские корабли, но тут Тэд захохотал во все горло.

— Старые сказки! — авторитетно заявил он. — Ну, плывут и пусть себе плывут. Тебе-то какое дело? Или мне, положим. А потом, видал, что ли, кто, как они плывут? Да ни одна живая душа в

Шире!

— Ну, не знаю, — задумчиво произнес Сэм. Он никому не рассказывал, как однажды издали вроде бы видел эльфа на опушке леса и сильно надеялся еще увидеть. Никакие истории из слышанных в детстве не запали ему в сердце так глубоко, как путаные и отрывочные предания об эльфийском народе.

— Даже в наших краях, — обиженно проговорил Сэм, — есть такие, которые знались с Дивным Народом. Вот хоть господин Сумникс, хозяин мой. Он тоже говорит, что Эльфы уплывают, а уж он-то о них кое-что знает. А старый господин Бильбо куда больше знал и мне рассказывал, когда я еще мальчонкой был.

— А-а, оба сдвинутые! — пренебрежительно отмахнулся Тэд. — Старый-то Бильбо просто сумасшедший был, но и Фродо, похоже, по той же дорожке пошел. Вот, значит, откуда твои новости! Так бы и сказал сразу, нам бы голову не морочил. Ладно, я — до дому. Ваше здоровье! — Тэд опорожнил кружку, громко стукнул ею по столу и вышел за порог.

Сэм больше не пытался никого убеждать. Он сидел себе в уголке и думал. Думал о том, что работы в усадьбе непочатый край, трава вон растет не по

дням, а по часам, полоть надо… нет, не только сад был у него на уме. Наконец он вздохнул, допил пиво и вышел потихоньку.

Было начало апреля. После недавнего ливня небо расчистилось, и поздние светлые сумерки незаметно перетекали в ночь. Хоббитон засыпал под ясными звездами, а Сэм неторопливо шагал по дороге и посвистывал задумчиво.

Примерно в это время после долгого отсутствия объявился Гэндальф. Раньше он заглядывал изредка, всегда — неожиданно, всегда — ночью. Посмотрит на Фродо, поговорит о пустяках и перед рассветом — был таков. А потом пропал. И вот уже лет девять о нем не было ни слуху ни духу. Фродо уже подумывал с грустью, что, видать, хоббитские дела совсем перестали интересовать Гэндальфа Серого. Но вот как-то раз тем самым вечером, когда Сэм в задумчивости брел домой, в окне кабинета Фродо раздался знакомый стук. Фродо с радостью бросился открывать, и уже через минуту они с Гэндальфом сидели у окна, разглядывая друг друга.

— Все в порядке, а? — спросил Гэндальф. — Ты все такой же, Фродо!

— И ты тоже, — улыбнувшись, ответил Фродо, а про себя отметил, что Гэндальф выглядит

усталым и постаревшим. Хоббит тут же засыпал его вопросами, и за разговорами о последних событиях и о делах самого мага они засиделись далеко за полночь.

Наутро, после завтрака, Фродо затопил камин (после дождей было сыровато), и они снова уселись возле окна. В саду буйствовала зелень, и на каждом листочке, на каждой веточке бриллиантово посверкивали капельки росы. Гэндальфу припомнилась похожая весна — лет, кажется, семьдесят назад, — когда Бильбо сбежал из Засумок, не прихватив с собой даже носового платка. Пожалуй, седины у мага в голове с тех пор прибавилось, борода стала подлиннее, но глаза сверкали по-прежнему и курил он, развлекаясь пусканием колец, с прежним удовольствием. Фродо же, напротив, сидел, погрузившись в беспокойные мысли. Даже утренний свет замглился для него принесенными магом известиями. Наконец он нарушил молчание.

— Ты вчера начал о кольце моем говорить, да сам же решил отложить до света. Ты сказал: оно опаснее, чем я думаю… Так что там с ним такое?

— Видишь ли, — неторопливо начал маг, — оно действительно оказалось неизмеримо могущественнее, чем я предполагал. Сила его столь

велика, что никому из смертных не владеть им. Наоборот, это оно завладеет любым своим обладателем.

Это давняя история. Когда-то в Эрегионе эльфы отковали несколько, как вы их называете, волшебных колец. Одни были посильнее, другие — послабее. Сначала, пока они учились, кольца были слабые. Для эльфийских мастеров это была просто интересная задачка, но эльфийские забавы могут оказаться опасными для смертных. А Великие Кольца, изготовленные последними, опасны необыкновенно.

Видишь ли, милый мой, — маг испытующе взглянул на Фродо, — тот, кто владеет одним из Великих Колец, не умирает. Правда, и не живет тоже. Он просто *продолжается* до тех пор, пока не устает от ноши времени. А если он еще и часто прибегает к Кольцу, для невидимости, там, или для чего другого, — участь его еще горше. Он словно истачивается о время, бледнеет, выцветает, пока не сходит на нет, пока не исчезает для этого мира навсегда, пока не оказывается обречен вечно бродить в нездешнем сумраке под неусыпным взором темной силы, которой подвластны кольца. Это неизбежно, дело только во времени. Если обладатель Кольца крепок духом и чист в

помыслах — позже, в прочих случаях — раньше, но темная сила неминуемо подчинит его себе.

— Ужас какой! — вырвалось у Фродо, и в кабинете повисло долгое молчание, прерываемое лишь щелканьем ножниц Сэма в саду.

— И давно ты узнал об этом? — вымолвил наконец Фродо. — А Бильбо как же? Он тоже знал?

— Не больше, чем он тебе рассказывал, — отозвался Гэндальф. — Не стал бы он оставлять тебе Кольцо, если бы считал его опасным. Оно ему казалось прекрасным и полезным, а всякие неприятности, с ним связанные, он относил на свой счет. Он говорил, что Кольцо постепенно занимает все его мысли, он тревожился из-за него постоянно, но и думать не думал, что виновато в этом само Кольцо. Правда, Бильбо заметил, что Кольцо меняет размеры и вес, потому считал необходимым приглядывать за ним (да и за тобой просил) в оба глаза. Он знал, как легко оно может соскользнуть с пальца, на который перед тем едва влезло.

— Да, об этом он предупреждал меня в последнем письме, — кивнул Фродо. — Я его с тех пор всегда на цепочке держу.

— Весьма разумно, — одобрил маг. — Вот свое долголетие Бильбо с Кольцом никогда не свя-

зывал. Здоровье он считал своей собственной заслугой и гордился этим еще как. Но в последние годы неуютно ему было. «Тонкий я стал, — говорил он, — словно размазанный». Это Кольцо брало над ним верх.

— И давно ты об этом знаешь? — снова спросил Фродо.

— Знаю? — задумчиво повторил Гэндальф. — Мудрые, Фродо, много знают. Но про *это* Кольцо наверняка я не знаю и сейчас. Догадываюсь о многом, но пока сомневаюсь. Надо проверить кое-что. А впервые я стал догадываться… постой, когда же? — Маг потер лоб. — Пожалуй, в тот год, когда Белый Совет выгнал темную силу из Сумеречья. А накануне битвы Пяти Воинств Бильбо нашел Кольцо. Очень мне тогда беспокойно стало, хотя и без причины вроде. Я все думал — откуда у Горлума взялось одно из Великих Колец? А что Кольцо его из Великих — в том сомневаться не приходилось. Потом этот странный рассказ Бильбо про свой «выигрыш». Не поверил я ему. А когда добился от него правды, понял: ведь это он пытается доказать свои права на Кольцо. Ну совсем как Горлум со своим «подарочком на день рождения». Два вранья и такие похожие — забеспокоишься тут. В чем дело? Ясно ведь — в Кольце.

Это оно заставляло врать своих владельцев. Так я получил первое серьезное предупреждение. Я советовал Бильбо пользоваться им пореже, да только он не слушал, злиться начинал. А что мне было делать? Не отбирать же Кольцо силой, не было у меня на то права. Да и вреда это принесло бы немало. Я мог только ждать и наблюдать. Хотел посоветоваться с Саруманом Белым, да что-то меня удержало.

— Кто это? — спросил Фродо. — Никогда о нем не слышал.

— Ничего удивительного, — улыбнулся маг. — Он хоббитами не интересуется. До сих пор не интересовался, по крайней мере. Саруман — мудрейший из Мудрых, магистр Ордена и глава Совета. Но знания его росли вместе с его гордостью. Он не терпит, когда вмешиваются в его дела. А эльфийские кольца — малые и большие — он изучает давно. Только все, что он говорил на Советах, противоречило моим догадкам. Одних сомнений маловато для действий, и я все ждал, все наблюдал. С Бильбо ведь не случалось ничего плохого. Шли годы, и я снова начинал тревожиться: годы-то шли, да только не для Бильбо! Я успокаивал себя: «Подумаешь, — говорил я, — по материнской линии в роду у него много

долгожителей. Куда торопиться? Подождем». И я ждал. Ждал до той самой ночи, когда он собрался уходить. Вот тут я увидел, как он мечется, и мне стало по-настоящему страшно. Никакие слова Сарумана уже не могли меня успокоить. Я своими глазами наблюдал, как действует темная сила. С тех пор я все пытаюсь постичь истину.

— Но ведь ему это не насовсем повредило? — с беспокойством спросил Фродо. — Он ведь оправится со временем, а?

— Ему уже лучше, — улыбнулся Гэндальф, но тут же нахмурился. — В этом мире, Фродо, все о Кольце может знать только одна сила. Правда, ни одна сила в мире не знает всего о хоббитах. Кроме меня, ими никто из Мудрых не интересуется. Это такая незаметная наука, хотя неожиданностей в ней полно. То эти хоббиты мягче масла, а то, глядишь, натыкаешься на них, как на старый древесный корень. Оказывается, некоторые из них способны сопротивляться Кольцу Власти дольше, чем думают Мудрые. Право, не стоит беспокоиться за Бильбо. Да, он долго владел Кольцом и пользовался им иногда, это еще будет сказываться. Думаю, не скоро он сможет увидеть Кольцо снова без опасности для себя. Но жить спокойно и даже счастливо ему никто не мешает.

Он ведь сумел расстаться с Кольцом по своей воле, а это очень важно. Нет, о почтенном Бильбо голова у меня больше не болит. Ты — другое дело. Я в последнее время только и занимаюсь этими симпатичными, бестолковыми хоббитами. Ты даже не представляешь, какая будет потеря для всего Среднеземья, если темная сила накроет Шир и все ваши Пузиксы, Умниксы, Дудкинсы и Помочь-Лямкинсы (да, чуть не забыл чудаковатых Сумниксов!) станут ее рабами.

Фродо содрогнулся.

— С какой стати? — вырвалось у него. — И зачем этой силе такие рабы?

— Сдается мне, — слегка улыбнулся Гэндальф, — что, на ваше счастье, до недавних пор эта сила и знать не знала о каких-то там хоббитах. Но с *недавних* пор ваше безопасное житье кончилось. Конечно, Врагу вы не нужны — слуг у него достаточно. Но больше он о вас не забудет и не успокоится, пока не превратит счастливых и свободных хоббитов в жалких рабов. По злобе. И из мести.

— Злоба? Месть? — удивленно переспросил Фродо. — Но за что нам мстить? Я так и не понял, какое Врагу дело до нас с Бильбо и до нашего Кольца?

— Ему до всего есть дело, — вздохнул Гэндальф. — Ты пока не видишь грозящей опасности. Я и сам долго сомневался, но теперь время пришло. Я покажу тебе. Дай-ка мне Кольцо на минутку!

Фродо с удивлением достал Кольцо, отцепил с цепочки и неохотно протянул магу. Оно показалось ему таким тяжелым, что он едва сумел вытянуть руку.

Гэндальф взял Кольцо. Оно сияло у него в пальцах чистым золотым блеском.

— Видишь на нем какие-нибудь знаки? — спросил он Фродо.

— Нет там ничего, — ответил хоббит, — и никогда не было. Я сто раз смотрел.

— Ну, тогда смотри еще! — И маг, к ужасу Фродо, бросил Кольцо в камин, в самый жар.

Фродо вскрикнул и схватился за щипцы, но Гэндальф остановил его.

— Подожди! — приказал он, метнув на Фродо внимательный взгляд из-под косматых бровей.

С Кольцом ничего такого не происходило. Оно лежало себе на углях, темнея четким контуром. Спустя минуту-две Гэндальф поднялся, закрыл ставни и задернул занавеску. В комнате стало темно и тихо, только Сэмовы ножницы приглу-

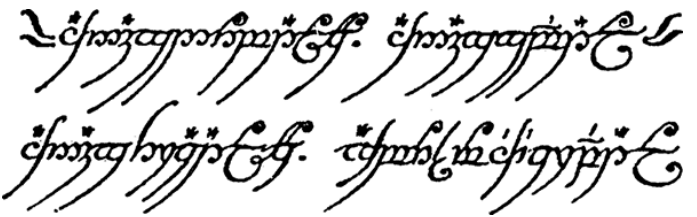
шенно клацали под окном. Маг еще немного постоял, глядя в огонь, потом щипцами выкатил Кольцо из камина и поднял его. Фродо перевел дух.

— Холодное! — сказал Гэндальф. — Держи!

Фродо принял Кольцо дрожащей рукой, и оно показалось ему плотнее и тяжелее обычного.

— Смотри внимательно, — велел Гэндальф.

Фродо вгляделся и, к своему изумлению, обнаружил на совершенно гладкой прежде внутренней поверхности ясно видимые письмена, начертанные тончайшими штрихами. Впрочем, нет, первое впечатление обмануло его. Знаки словно проступали огненно из глубины Кольца.



— Я не могу прочесть, — едва слышно произнес Фродо.

— Не можешь, — жестко подтвердил Гэндальф. — Зато я могу. Руны древние эльфийские, а язык — мордорский. Не надо ему здесь звучать. Я

переведу для тебя надпись на Всеобщее наречие. Слушай!

Чтобы всех отыскать, воедино созвать
и единою черною волей сковать…

Здесь только две строчки из древнего заклинания, слишком памятного по эльфийским преданиям:

Три — эльфийским Владыкам в подзвездный предел;
Семь — для гномов, царящих в подгорном просторе;
Девять — смертным, чей выверен срок и удел,
И Одно — Властелину на черном престоле
В Мордоре, где вековечная тьма:
Чтобы всех отыскать, воедино созвать
И единою черною волей сковать
В Мордоре, где вековечная тьма.

Маг замолчал, а потом продолжал медленно, глухим голосом:

— Это — Кольцо-Владыка. Это оно призвано сковать всех черною волей. Это его потерял Враг

много веков назад, утратив вместе с ним большую часть своей силы. Он жаждет заполучить его больше всего на свете, но он не должен его получить.

Фродо сидел ни жив ни мертв. Ему уже виделась ужасная длань, занесенная с Востока как грозовая туча, готовая накрыть и его, и Шир, и весь этот весенний мир.

— Но как же… — он запнулся, голос вдруг перестал ему повиноваться, — как же оно мне досталось?

— А-а, — протянул Гэндальф, — это длинная история. Начало ее теряется в Черных Годах, а память об этом времени осталась только у Мудрых. Если бы я решил рассказывать тебе все, нам и до зимы не управиться. Вчера я говорил о Сауроне Великом, Темном Властелине. Так вот, он снова восстал и вернулся в Мордор. Даже вам должно быть знакомо это название, оно призраком проходит по краю самых древних ваших преданий. После каждого поражения Мрак менял обличья и разрастался вновь.

— Лишь бы теперь этого не случилось! — не сдержался Фродо.

— Мне тоже этого не хотелось бы, — согласился маг, — как не хотелось, уверяю тебя, всем, жившим под угрозой Мрака раньше. Только ведь их желания не спрашивали. Мы не выбираем времена. Мы можем только решать, как жить в те времена, которые выбрали нас. А наше с тобой,

Фродо, время чернее день ото дня. Враг быстро входит в силу. Пока планы его зреют, но, когда настанет их срок, нам придется туго. Нам пришлось бы очень туго даже без этой роковой находки… — Он показал глазами на Кольцо. — Оно нужно ему. Вернув утраченную мощь, он станет непобедим, тогда не устоят последние наши оплоты, и все земли скроет Вторая Тьма. Ему очень нужно это Кольцо. Три Кольца, светлейшие из всех, эльфийские владыки укрыли от Врага, он не коснулся их. Семью владели гномы. Три из них Враг обнаружил, четыре сожгли драконы. Девять Колец он подарил смертным. О! Это были величественные и гордые короли. С тех пор они в ловушке. Много веков назад попали они под власть Кольца и стали Призраками, тенями во мраке, самыми ужасными слугами Саурона. Много веков назад в мире в последний раз видели Девятерых, но — кто знает? Мрак растет, могут вернуться и они. Ладно, хватит! — оборвал себя маг. — Не стоит говорить об этом даже таким чудесным утром в мирном и уютном Шире.

— Вот оно как, Фродо… — продолжал он некоторое время спустя. — Девять — у него. Семь — считай, тоже, кроме тех, которых нет. Три пока скрыты. Но они не интересуют его. Одно, только

Одно ему нужно, то, которое сделал он сам, то, которое он наделил своей собственной огромной силой, которое выковано для того, чтобы править остальными. Попади оно к нему в руки — тогда не устоять даже Трем эльфийским, а все, созданное с их помощью, придет в запустение.

Вот в чем ужас-то, Фродо! Он ведь думал, что Одно исчезло, что эльфы уничтожили его, ведь только так и должно было быть! И вдруг он узнает, что Одно нашлось. Теперь он ищет его, только об этом и думает. Оно — его величайшая надежда и наш величайший страх…

— Ну почему, почему его не уничтожили! — закричал Фродо. — Раз Враг такой могучий, раз Кольцо для него такая ценность, как же он потерял его? — Рука Фродо стиснула Кольцо в кулаке, словно не желая отдавать протянувшимся призрачным щупальцам Мрака.

— Кольцо у него отобрали, — сказал Гэндальф. — Тогда эльфы не уступали ему в могуществе, к тому же многие люди были на их стороне, и какие люди! В ту пору нуменорцы пришли на помощь Среднеземью. Вот уж эту главу из древней истории следует рассказать! Тогда тоже сгущался Мрак, но на его фоне блистали величайшая доблесть, богатырские подвиги, и блистали

не напрасно. Когда-нибудь я расскажу тебе о тех днях, а может, тебе расскажут другие, кто помнит их лучше… А пока скажу только главное: о том, как эта вещь попала к тебе.

Гил-Гэлад, Король Эльфов, и славный Элендил с Заокраинного Запада одолели Саурона в бою, хотя и ценой собственной жизни. Сын Элендила, Исилдур, отсек мечом палец Саурона вместе с Кольцом и взял Кольцо себе. Дух Саурона вынужден был бежать и долгие годы скрывался, пока тень его снова не обрела форму в дебрях Сумеречья. Но Кольцо… Кольцо пропало. Исилдура на берегу Реки, возле Оболони, подстерегли орки. Весь отряд пал в бою. Сам же Исилдур, надев Кольцо, бросился в воду и ушел бы, конечно, ведь орки не видели его, но тут Кольцо соскользнуло у него с пальца, и туча стрел накрыла его… — Гэндальф помолчал. — Там, в темных затонах Оболони, Кольцо исчезло из легенд и историй, кануло в небыль, но об этом знали немногие. Даже Совет не знал большего. И вот теперь, после долгих поисков и размышлений, я, кажется, могу продолжить историю Кольца Всевластья.

Века спустя, но все равно очень далеко от твоего времени, жил на берегах Реки, на самом краю Глухих Земель, искусный, быстрый народец. Думаю,

они вам родня, скорее Хватам, чем прочим. Воду они любили, строили лодочки из тростника, рыбку ловили… И была там семья одна, зажиточная, уважаемая и многочисленная. Заправляла всем суровая и мудрая бабушка. Одного непоседливого отпрыска звали Смеагорл. Все-то ему интересны были всякие корни да начала. То он нырял в глубокие озера, то рылся под деревьями, то копал глубокие ямы и только наверх старался глаза не поднимать. Не нужны ему были ни солнышко, ни листва на деревьях, ни открытые всем ветрам вершины холмов.

И был у него друг по имени Деагорл, тоже вроде него, остроглазый, но не такой прыткий и послабее. Как-то раз отправились они на лодке к Оболони, там тогда цвели огромные поля ирисов. Смеагорл хлюпал по грязи возле берега, лягушек пугал, а Деагорл удил с лодки рыбу. Он уже задремывать начал, а тут такое клюнуло, что в миг его из лодки вон вынесло и ко дну потащило. Леску-то он выпустил, да в последний момент заметил на дне что-то блестящее и подхватил. А когда вынырнул, весь в водорослях, подплыл к берегу и поболтал в воде ладошкой — глядь! в руке у него оказалось дивное золотое кольцо! И так оно сияло и переливалось на солнце, что Деагорл закричал

от радости. А с берега из-за дерева наблюдал за ним его приятель. Пока незадачливый рыбак разглядывал свою находку, он подкрался к нему сзади и заглянул через плечо.

— Дай нам *это*, Деагорл, голубчик, — попросил он вкрадчиво.

— Это еще с какой стати? — опешил Деагорл.

— А с такой, что у нас день рождения, голубчик, мы его хотим.

— А мне-то что! — хмыкнул Деагорл. — Я тебе уже подарил подарок, хватит с тебя. А это я нашел, себе и оставлю.

— Конечно, конечно, голубчик, — согласился Смеагорл, схватил приятеля за горло и задушил его, так понравилась ему блестящая находка. А потом он надел Кольцо на палец.

О судьбе Деагорла так никто и не проведал. Убит он был далеко от дома, и тело хитро спрятано. Смеагорл же, вернувшись один, очень скоро обнаружил, что его не замечает никто, если только Кольца не снимать. Ох уж доволен он был своим открытием, и вся его подлая натура тут просто расцвела. Он выведывал чужие секреты, пакостил всем, кому только мог, подслушивал и подсматривал, подкрадывался незамеченным и скоро настолько опостылел всей родне, что они

лупили его при каждой возможности, а он кусал их за ноги. Он принялся воровать и теперь уж не разговаривал ни с кем, только урчал сам с собою «горлум, горлум», вот его и прозвали Горлумом, прокляли и велели убираться вон. Бабушка, чтобы сохранить мир в семье, самолично выставила его из норы.

Он поскулил, поплакал, пожаловался на несправедливость и жестокость мира, но, делать нечего, пошел себе вверх по Реке. Встретил ручеек, текущий с гор, и пошел к его истоку. Невидимыми пальцами ловил он рыбу в горных озерах и поедал ее сырой. Как-то раз стояла большая жара, Горлуму напекло голову и, когда он склонился попить над озерной гладью, солнечные блики больно ударили его по глазам. Он удивился. Никогда не поднимая головы, он успел забыть о солнце, а теперь, вспомнив, глянул вверх и погрозил ему кулаком. Взгляд его задержался на вершинах Мглистых Гор впереди, и внезапно Горлум подумал: «Там, под горами, должно быть темно и прохладно. Там солнцу ни за что не достать меня. А у корней гор — должны же у них быть корни! — наверное, таятся удивительные загадки, о которых никогда не слышали наверху».

И вот ночью он поднялся высоко по склонам,

отыскал пещеру, из которой вытекал ручей, и как червяк, извиваясь, заполз внутрь, скрылся в самом сердце гор и исчез из истории наземья. Кольцо ушло вместе с ним, и даже его создатель, вернув со временем часть утраченной силы, ничего не мог разузнать о нем.

— Горлум? Ты сказал — Горлум? — вдруг дошло до Фродо. — Так это та самая тварь, с которой повстречался Бильбо? Мерзкая история!

— А по-моему, печальная, — возразил маг. — На месте Горлума могли оказаться и другие, даже кое-кто из знакомых мне хоббитов.

— Да не верю я, что он из нашего народа! — воскликнул Фродо. — С чего это тебе в голову пришло?

— Однако это правда, — ответил Гэндальф. — О вашем происхождении я знаю побольше вашего. Даже рассказ Бильбо подтверждает родство. Они ведь прекрасно поняли друг друга, куда лучше, чем хоббит мог бы понять гнома или эльфа. Даже загадки у них были общие.

— Ну, загадки и другие народы загадывают, — не соглашался Фродо, — и в общем-то одни и те же. Но хоббиты никогда не жульничают, а этот Горлум только и думал, как бы смухлевать. Он ведь ничего не терял в случае проигрыша.

— Ты не берешь в расчет одного, — терпеливо сказал Гэндальф, — Кольца. Горлум оказался для него таким крепким орешком, что даже после стольких лет оно не разрушило его окончательно. Какие-то проблески совести у него остались. Он оказался устойчивым, как… как хоббит. Где-то в сердце он сохранил уголок, и через него, как через щель, льется свет, пусть хотя бы только из прошлого. Я уверен, он рад был знакомому голосу, принесшему в его тьму отзвук ветра, образы деревьев, трав и прочих забытых вещей. Конечно, злая часть его натуры от этого еще больше озлилась. Если бы с ней можно было справиться, если бы его еще можно было спасти… — Гэндальф вздохнул. — К сожалению, на это мало надежды. Но «мало» — не значит «нет». А ведь Кольцо у него очень давно. Правда, он не часто им пользовался… и не весь выцвел. Он тощий, но жилистый. Его сознание изъедено Кольцом, а все загадочные подгорные тайны на поверку оказались ничего не стоящими. Там нечего искать, нечего делать, разве что выслеживать пищу да предаваться обидным воспоминаниям. Со всех сторон — несчастное он существо. Ему опостылела тьма, свет он никогда не любил, а всему виной — Кольцо!

— Как это? — перебил Фродо. — Оно ведь для него «сокровище», «его прелесть»! Если бы он видел в нем свои беды, так избавился бы от него давно, бросил бы, ушел куда-нибудь.

— Ты слышал уже достаточно, чтобы начать понимать, — остановил его маг. — Да, он ненавидел Кольцо так же сильно, как любил. И себя любил и ненавидел. А воли на то, чтобы избавиться от Кольца, у него уже не осталось. Кольца Власти сами за собой приглядывают. Кольцо может покинуть владельца, переменить его, а тот, кто владеет таким Кольцом, по доброй воле с ним не расстанется. Думать об этом может, а сделать — нет. Насколько я знаю, кроме Бильбо это никому не удавалось. Да и он-то едва справился, и не без моей помощи. Но если бы само Кольцо не помогло, все равно ничего бы не вышло. Это оно оставило Горлума.

— И пришло к Бильбо? — недоверчиво спросил Фродо. — А ты не думаешь, что какой-нибудь орк тут лучше сгодился бы?

— Не стоит иронизировать, дружок. Во всей этой долгой истории нет ничего более удивительного: Бильбо, заплутав в темноте, натыкается рукой на волшебное кольцо! Здесь, Фродо, действует не одна сила, а несколько. Само Кольцо

хочет вернуться к своему прежнему хозяину. Оно покинуло Исилдура и погубило его; оно поймало бедного Деагорла и тоже погубило, а затем высосало Горлума. Горлум стал мал и слаб и больше не нужен: что ж, Кольцу так и плавать взад-вперед по подземному озеру? А в это время воспрял хозяин, его темные мысли словно пронзили Среднеземье, — и Кольцо оставило Горлума. Для чего? Пока лишь для того, чтобы попасться самому подходящему владельцу — Бильбо из Шира!

Да, на замысел Врага это не похоже. Здесь действует другая сила, и, видно, именно она привела к Кольцу Бильбо, а не его создателя. Бильбо *суждено* было найти эту страшную штуку. Но тогда и тебе *суждено* владеть им. Только эта мысль и обнадеживает меня.

— А меня — нет, — недовольно помотал головой Фродо. — Я, наверно, не все понял. Мне сейчас другое интересно. Скажи, про Горлума и Кольцо ты точно знаешь или думаешь, что так могло быть?

Гэндальф хитро прищурился.

— Многое я знал, многое сумел узнать, но тебе про свои дела докладывать не собираюсь. История Кольца Власти, судьбы Элендила и Исилдура известны всем Мудрым. А в том, что твое коль-

цо — то самое Кольцо Всевластья, я убедился недавно.

— Но когда? — нетерпеливо воскликнул Фродо.

— Да вот только что, в этой самой комнате. Правда, я уже знал, что не ошибаюсь. Мне пришлось долго и трудно идти к этой последней проверке. Я долго не мог взять в толк, как в эту историю попал Горлум. Пришлось поломать голову. Впрочем, в догадках больше нет нужды. Я видел его.

— Горлума? — подскочил Фродо.

— Горлума, конечно. Чему тут удивляться? Найти его было непросто, времени потребовало, но теперь и это сделано.

— Тогда ты знаешь, что было после той их встречи с Бильбо? Знаешь ведь?

— Знаю, но не наверняка. Я пользовался тем, что узнал от самого Горлума, а он ведь врет на каждом шагу. Любое его слово нужно разглядывать и проверять со всех сторон. Например, он упорно зовет Кольцо «подарочком на день рождения», хоть ты режь его! От бабушки, дескать, досталось, а у нее таких штук полно было. Я готов поверить, что его бабушка была весьма почтенной особой, но уверять меня в том, что у нее было множество эльфийских колец власти

— напрасное дело, а твердить, что она дарила их направо и налево — зря время терять. Видишь ли, убийство Деагорла тяжелым пятном легло на совесть Горлума, вот он со временем и придумал историю, а пока сидел в темноте и глодал кости, почти поверил в нее и сам. Ведь день рождения у него и правда был, и Деагорл мог бы подарить ему Кольцо. Кольцо подвернулось очень кстати, оно ему должно было достаться, ну и так далее. Я долго терпел, выслушивая от него все эти бредни, но мне нужна была правда. Пришлось припугнуть его и в конце концов выжать подлинную историю, все равно по капле, все равно вместе с причитаниями и недомолвками. Уж он юлил, уж он изворачивался, но рассказал все и про загадки, и про бегство Бильбо. А вот дальше я не стал его мытарить. Какой-то другой страх, сильнее, чем передо мной, не давал ему говорить. Он только грозился «еще отобрать свое», у него-де теперь тоже друзья есть, и очень даже сильные, они ему помогут, Сумникс еще поплатится, вор такой! Вот на этом его заколодило. Как он клянет и ненавидит Бильбо, если бы ты знал! И, между прочим, помнит, откуда Бильбо родом.

— Это как же? — похолодев, спросил Фродо.

— Так ведь Бильбо ничего глупей не придумал,

как представиться, а чтобы узнать, откуда такие берутся, надо было только наружу вылезти. Он и вылез. Без Кольца он не может, и ни свет, ни орки его не остановили. Год-другой промучался и вылез. Кольцо ему уже не вернуть, оно отпустило Горлума, поэтому, выбравшись на белый свет, он почувствовал себя старым, голодным, но терять ему теперь было нечего.

Свет он ненавидит по-прежнему, тут вряд ли что изменится, но он приспособился безлунными ночами выслеживать себе пропитание и скоро окреп на свежем воздухе, осмелел и нашел-таки дорогу в Сумеречье.

— Ты там его и встретил?

— Я видел его там. Но где он был до этого? Его непросто понять. Он то плачет, то грозится. Все приговаривает: «Что там у него в кармане? Я не догадался, нет, моя прелесть, не догадался! У-у, мошенник! Нечестный вопрос! Не по правилам. Он первый обманул. А ведь я мог бы придушить его, моя прелесть! Мог бы!» И так без конца. Но у меня хватило терпения; по намекам, по недомолвкам я понял, что ему удалось дошлепать до Эсгарота. Везде он вынюхивал, подслушивал, а молва о великих событиях далеко разошлась по Диким Землям, Бильбо поминали частенько, Горлуму

нетрудно было вызнать, откуда он родом. Мы ведь не скрывались, когда возвращались в Шир.

— Так почему же он не пришел сюда? — дрожа от возбуждения, спросил Фродо.

— Да, — задумчиво кивнул Гэндальф, — вот мы и до этого добрались. Думаю, он пытался. Во всяком случае, он шел на запад, дошел до самой Великой Реки и… повернул. Нет, его не расстояние испугало. Есть какая-то другая причина. По крайней мере, так думают друзья, выследившие его для меня.

Сначала по свежему следу его вели Сумеречные Эльфы. Птицы и звери были здорово напуганы, лес полнился разговорами о призраке-кровопийце, похищавшем птенцов из гнезд и детенышей из нор. Но схватить его не удалось, а когда след повернул на юг, эльфы отстали. И тут я совершил ошибку. Боюсь, она нам еще дорого обойдется. Я позволил ему уйти, оставил все как есть. Многого я еще не знал, а главное — доверял Саруману. На исправление этой ошибки ушли годы, а в них было немало темных, опасных дней. Когда я вновь решил пойти по следу, он давно остыл. Это было уже после ухода Бильбо. Если бы не помощь моего давнего друга Арагорна, ничего бы не вышло. Он величайший Следопыт. Вместе с

ним мы обыскали Дикие Земли — и напрасно. Я потерял надежду, ушел в другие края, и тут Горлума словили. Мой друг вернулся из опаснейшей вылазки и приволок эту несчастную тварь.

Он скулил, жаловался, обвинял нас в жестокости, это был сплошной «горлум-горлум», а когда на него нажали, начал корчиться, словно вспомнил недавнюю пытку. Сомнений не было: он таки прокрался на юг и добрался до Мордора.

Страшная тишина повисла в кабинете. Фродо слышал только суматошные удары собственного сердца. Даже из сада не доносилось ни звука.

— Мордор! — словно очнувшись, произнес Гэндальф. — Он притягивает к себе все злое, подчиняет волю самых разных существ и созывает их в свои пределы. Кольцо Врага сделало Горлума доступным этому зову. Многие заговорили о новом Мраке с юга, Мраке, ненавидящем Запад. Вот откуда были его «новые, с-славные друзья», обещавшие ему помочь отомстить. Глупец! Сунувшись в Мордор, он был обречен. Его схватили, пытали. К нам он попал уже на обратном пути. Видно, ему дали какое-то поручение. Впрочем, это уже не важно. В Мордоре свершилось худшее. Враг понял, какое кольцо нашлось. Он знает, где погиб Исилдур. Он знает, где нашел Кольцо Деа-

горл. Он понял, что это одно из Великих Колец, достаточно было сообразить возраст Горлума. Это не могло быть Одно из Трех. Их никто не терял, и зла в них не было. Семь и Девять сочтены им. Значит, у Горлума оказалось Одно, единственное. И наконец, Враг узнал о хоббитах и Шире. Думаю, он уже знает, где это. Боюсь, он уже подумывает о том значении, которое приобретает в судьбах Среднеземья доселе неприметная фамилия Сумникс.

— Но это же ужасно, то, что ты говоришь! — закричал Фродо. — Куда хуже, чем я думал! Гэндальф! Ну скажи же, что делать? О, какая жалость, что Бильбо не убил эту подлую тварь, ведь он мог это сделать, мог!

— Жалость? Да, жалость как раз и остановила Бильбо. И еще — милосердие: нельзя убивать без нужды. Награда не заставила себя ждать. Кольцо не справилось с ним лишь потому, что, забрав его, Бильбо начал с жалости.

— Конечно, ты прав, — сказал Фродо. — Я перепугался, у меня голова кругом пошла, но... ты знаешь, у меня все равно нет к Горлуму никакой жалости.

— Ты не видел его, — нахмурился Гэндальф.

— Не видел и не хочу! — воскликнул Фродо. —

Да какая разница? Ведь ты же не хочешь сказать, что после всего ты и эльфы оставили его в живых! Ведь он же не лучше любого орка, он — вражий прихвостень! Он заслуживает смерти!

— Верно. Заслуживает. И не только он. Многие из живущих заслуживают смерти, а многие из умерших — жизни. Ты можешь вернуть ее им? То-то же. Тогда не спеши осуждать и на смерть. Никому, даже мудрейшим из Мудрых, не дано видеть все хитросплетения судьбы. Вряд ли Горлум исправится прежде, чем умрет, и все же такая возможность есть. Его судьба не случайно переплелась с историей Кольца, и, сдается мне, роль свою он сыграл не до конца. А коли так, еще неизвестно, чем обернется простая жалость хоббита Бильбо для судеб всего этого мира, а для твоей собственной судьбы — тем паче. Горлум стар и очень несчастен. Нет, мы не убили его. Эльфы Сумеречья стерегут его, но им не занимать мудрости и обращаются с ним мягко.

— Ладно. Пусть Бильбо не должен был убивать Горлума. Но зачем он взял Кольцо? Лучше бы он не находил его, тогда бы оно и мне не досталось. А ты? Зачем ты позволил мне держать его у себя? Почему не заставил выбросить такую страшную вещь?

— Позволил? Заставил? Да ты, видно, не слушал меня или вовсе голову потерял? Выбросить, значит? Такие кольца легко находятся, как ты мог заметить. В недобрых руках Кольцо способно принести большие беды. Но горшей беды, чем возвращение к Врагу, и придумать нельзя. А так наверняка и случилось бы. Враг напрягает всю свою мощь, всю волю, чтобы найти его и притянуть к себе.

Эх, Фродо, Фродо, конечно, оно опасно, и мне беспокойно за тебя. Но ты даже не представляешь, как много поставлено на карту. Только поэтому я рискнул. Да, я был далеко, но ни дня за все эти годы Шир не оставался без надежной охраны. Я был уверен, что ты не станешь пользоваться им часто, а до тех пор и бояться особенно нечего. К тому же девять лет назад я еще не все знал, а с той поры мы с тобой и не виделись.

— Значит, надо было уничтожить его, — не унимался Фродо. — Ты ведь сам сказал, что это нужно было сделать давным-давно. Хоть бы предупредил меня, хоть бы весточку послал, уж я бы с ним разделался!

— Интересно, как? — устало усмехнулся Гэндальф. — Ты пробовал?

— Нет, но... — Уверенности у Фродо поуба-

вилось. — Ведь можно же как-то разбить или расплавить его…

— Ну что ж, — рассудительно произнес маг. — Попробуй! Прямо сейчас.

Фродо как-то нехотя достал Кольцо и взглянул на него. Оно снова стало гладким, сияющую поверхность не портила ни одна щербинка, ни одна отметинка. Фродо невольно подумал о том, как красива и совершенна его округлость. Сразу чувствовалось, что перед тобой драгоценная вещь. Еще минуту назад он собирался швырнуть его в огонь, в самый жар, и вдруг понял, что не в силах этого сделать. Нерешительно покачав Кольцо в руке, словно взвешивая, Фродо припомнил все ужасы, услышанные от Гэндальфа, пересилил себя и взмахнул рукой… но в итоге положил Кольцо в карман.

Гэндальф невесело рассмеялся.

— Вот видишь, — сказал он, — теперь и ты боишься расстаться с ним. А если бы я «заставил» тебя, ты бы не вынес принуждения. Разбить его нельзя. Самый тяжелый молот тут бессилен. В твоем камине и обычное-то золото не расплавить, но с Кольцом и кузнечный горн не справится. Говорят, Кольца Власти горели в драконьем огне, но вот беда, драконы перевелись нынче. Впрочем,

даже Анкалагон Черный, дракон из драконов, не справился бы с Кольцом Всевластья. Его ведь ковал сам Саурон.

Есть лишь один способ избавиться от твоего Кольца: бросить в жерло Ородруина. В недрах Огненной Горы даже Врагу не достать его, там оно сгинет. Если, конечно, ты действительно хочешь уничтожить его.

— Да хочу, конечно, хочу! — вскричал Фродо. — То есть не я, я ведь не смогу… Но пусть оно пропадет пропадом! Почему оно меня-то выбрало?

— На этот вопрос никто тебе не ответит, — покачал головой маг. — Не думай, заслуг у тебя особых нет, ни силы, ни мудрости. Но ты избран, значит, не о чем говорить, придется обходиться теми силой, сердцем и разумом, которыми располагаешь.

— Да на что я гожусь! Вот ты — сильный и мудрый. Может, ты и возьмешь его?

— Нет! — воскликнул Гэндальф, поспешно вставая. — С его силой мое могущество станет ужасным. А от меня и сила Кольца удесятерится! — Глаза мага горели, лицо словно осветилось внутренним огнем. — Не надо испытывать меня. У Гэндальфа Серого нет желания превращаться

в Темного… Властелина. Да, Кольцо легко найдет дорогу к моему сердцу, хотя бы через жалость. Велика моя жалость к малым мира сего, и великая сила нужна мне, чтобы творить добро. Но я не возьму его, не возьму даже на хранение. Моих сил может не хватить, чтобы побороть искушение. Оно слишком необходимо мне, ибо впереди я предвижу великие опасности.

Маг резко повернулся, подошел к окну и распахнул ставни. В комнату хлынул солнечный свет. Невдалеке, посвистывая, шел по дорожке сада Сэм.

Некоторое время Гэндальф смотрел в окно, потом повернулся к Фродо и сказал:

— Решать придется тебе, но, какое бы решение ты ни принял, на меня можешь рассчитывать. Я помогу тебе нести это бремя, но у нас мало времени. Враг не медлит. Он действует.

В комнате снова надолго установилась тишина. Гэндальф давно сидел в кресле, задумчиво разглядывая дымные кольца и завитки, возникавшие над трубкой, но из-под полуопущенных век в то же время внимательно наблюдал за Фродо.

Хоббит сидел сгорбившись, не сводя глаз с догорающих углей в камине. Постепенно ему стало казаться, будто взгляд его погружается в какой-то

огненный колодец, и он тут же вспомнил об огнедышащем жерле Ородруина.

— Ну, — прервал его мысли Гэндальф, — что ты надумал?

— А? — вздрогнул Фродо, с трудом возвращаясь к действительности. — Я не знаю еще, — проговорил он, удивляясь солнечному свету, заполнившему кабинет. Ведь только что в его мыслях царил мрак, перемежаемый огненными сполохами. — Хотя подожди. Если я правильно тебя понял, сейчас главная моя задача — сохранить Кольцо.

— Ну что ж, — медленно произнес Гэндальф, — храни. Если твоя цель будет состоять только в этом, особого вреда от Кольца не будет.

— А ты тем временем, может, найдешь ко-

го-нибудь более подходящего, — быстро сказал Фродо. — А сейчас пока... я ведь стал теперь опасен, ну, для тех, кто рядом со мной, правда? Значит, мне нельзя оставаться в Шире. Придется бросать Засумки, бросать все и уходить. — Он тяжело вздохнул. — Как бы я ни относился порой к этим глуповатым пустомелям, но я должен спасти их. Хотя, знаешь, я иногда подумывал, что небольшое землетрясение или нашествие драконов пошло бы им на пользу. Но сейчас я так не думаю. Пусть все здесь останется уютным и безопасным — мне от этого легче будет. Хорошо знать, что где-то кто-то уверенно стоит на собственной земле, даже если этот кто-то — не я.

Помнишь, я собирался уйти с Бильбо, да и потом тоже... но я представлял себе, понимаешь, такие каникулы, или вот как у Бильбо... даже поинтересней и обязательно с хорошим концом. А теперь получается чуть ли не изгнание, бегство от одной напасти к другой, может быть, еще худшей, отныне опасности так и будут таскаться за мной хвостом. И, наверное, идти мне придется одному, правда? Я ведь... маленький, слабый, а Враг — он такой могучий и ужасный!

Фродо замолчал, но мысли его продолжали нестись вскачь. Он ощутил вдруг жгучее желание

уйти как можно скорее, уйти вслед за Бильбо и, может быть — кто знает? — вновь встретить его. Желание было таким сильным, что даже страх отступил перед ним. Фродо чуть не поддался ему и не кинулся к дверям, забыв о шляпе, как некогда Бильбо не вспомнил о носовом платке.

— Фродо! Дорогой ты мой! — воскликнул Гэндальф. — Я всегда говорил: хоббиты — удивительный народ. Казалось бы — чего проще? Поживи с ними месяц — и все про них знаешь, ан через сотню лет они вдруг такое выкинут! Признаюсь, при всем моем к тебе уважении, такого ответа я не ждал. Бильбо не ошибся в выборе наследника, хотя едва ли думал, насколько это важно. Наверное, ты прав. Кольцо уже не может оставаться в Шире, его здесь не скроешь. Придется уйти. Так и тебе, и другим будет лучше. И забудь про то, что тебя звали Сумниксом. Фамилия достойная, но за пределами Шира весьма небезопасная. Что бы нам для тебя такое придумать? Давай-ка на время путешествия ты станешь Норохолм. А насчет того, с кем идти, ты уж сам решай. Если есть кому довериться, да чтобы еще отправился с тобой невесть куда, то почему бы не пойти в компании? Только, конечно, подумай прежде, а потом выбирай. И — очень тебя прошу — не бол-

тай, пожалуйста, даже с ближайшими друзьями. У Врага везде уши... — Гэндальф вдруг замолчал, настороженно прислушиваясь. Фродо тоже обеспокоила какая-то неестественная тишина последних минут. Маг ловко и бесшумно пробрался к окну, резко перегнулся и схватил что-то внизу. Под окном взвизгнули, и показалась вытягиваемая Гэндальфом за ухо курчавая голова Сэма.

— А-а, разрази тебя гром! — вскричал Гэндальф. — Да ведь это Сэм Гэмджи! Что это ты тут поделываешь?

— Ох, не надо грома, господин Гэндальф, сударь! — взмолился Сэм. — Что поделываю? Да вот, газончик под окошком подстригаю, зарос ведь он совсем, как же его не подстричь? — И Сэм для убедительности пощелкал в воздухе ножницами.

— Не врать мне! — сурово оборвал его маг. — Я твоих ножниц уже давненько не слышу. Зачем подслушивал?

— Чего? Кого? — На Сэме лица не было. — Что это вы такое говорите, сударь? Рано еще подсушивать, сена-то еще не набралось...

Брови у мага встали дыбом. У Фродо мелькнула мысль, что шутки кончились.

— Хватит валять дурака! Последний раз по-хорошему спрашиваю, что ты слышал и зачем это

тебе понадобилось?

— Господин Фродо! — заверещал Сэм. — Не давайте ему превращать меня! Мой же старик не перенесет этого! Я ничего плохого не хотел, честью клянусь, сударь!

— Не тронет он тебя, — с трудом сдерживая улыбку, проговорил Фродо. Сцена была и тревожной, и комичной одновременно. — Конечно, ты не нарочно. Встань как следует и отвечай, о чем спрашивают.

— Так ведь, сударь, — начал Сэм все еще дрожащим голосом, — я тут такого понаслушался, да толком не понял ничего: и Враг, значит, и Кольца, и драконы, горы там огненные всякие, а еще — эльфы, вот оно, главное-то! Я ведь, сударь, жуть как люблю такие истории, что бы там Тэд ни говорил. Мне так хочется на эльфов поглядеть! Возьмите меня с собой, господин Фродо! — взмолился он неожиданно.

Гэндальф, так и державший Сэма за ухо во время его сбивчивого монолога, рассмеялся, подхватил садовника за шиворот и, легко перенеся через подоконник со всем садовым инвентарем, поставил на пол в комнате.

— Значит, на эльфов поглядеть захотелось? — грозно, но уже не страшно спросил он. — Хозяин,

стало быть, уходит, и ты с ним решил податься?

— Да вот так оно и получилось, сударь, — оправдывался Сэм. — Я как услыхал, что господин Фродо уходить собрался, аж поперхнулся. А вы-то, поди, и услыхали.

— Надо мне уходить, Сэм, ничего не поделаешь, — вздохнул Фродо. До него только теперь стало доходить, что простым «прощай» уютным Засумкам здесь не обойдешься. — Я-то пойду, но, — он сурово посмотрел на Сэма, — если ты и впрямь мне добра хочешь, держи язык за зубами, понял? Секрет тебе достался смертельно опасный. Если кто от тебя хоть словечко об этом услышит, думаю, Гэндальфу недолго превратить тебя, ну, хоть в жабу пятнистую, а в сад еще и ужей запустить.

Лицо Сэма жалобно сморщилось, ноги подогнулись, и он упал на колени.

— Встань, встань, — деловито сказал ему Гэндальф. — Я тут придумал кое-что получше. За подслушивание наказание ты все-таки получишь, заодно и от болтовни твоей мы убережемся. Пойдешь с господином Фродо.

— Я?! — вскричал Сэм и заметался по комнате, словно пес перед прогулкой. — Я пойду? Эльфов посмотрю и все такое! Ура! — завопил он и

неожиданно разрыдался.

Глава III
Втроем веселее

— Уходить надо тихо и времени не терять, — говорил Гэндальф спустя две недели. Фродо хоть и решился, да все никак собраться не мог.

— Знаю, — досадливо поморщился Фродо. — Но не могу же я исчезнуть, как Бильбо, тогда на весь Шир разговоров не оберешься.

— Исчезать не годится. Ни в коем случае! — энергично подтвердил Гэндальф. — Я сказал: не терять времени, но вовсе не имел в виду пороть горячку. Конечно, хорошо бы покинуть Шир без лишних разговоров, ради этого и задержаться можно, но не слишком.

— Как насчет осени, скажем, после нашего дня рождения? — спросил Фродо. — К этому времени

я что-нибудь придумаю.

Сказать по правде, когда дошло до дела, ему совершенно расхотелось уходить куда бы то ни было. Засумки вдруг стали необыкновенно родными, и последним летом в них просто невозможно было пожертвовать. Осенью — Фродо знал это — уходить будет легче. В это время года его всегда начинало тянуть в дальние края. Он и срок наметил особенный: свое пятидесятилетие — сто двадцать восьмой день рождения Бильбо. Дата казалась самой подходящей. «Следом за Бильбо» — эти слова он часто повторял про себя, они мирили его с необходимостью предстоящего ухода. О Кольце он старался не вспоминать вовсе, ибо вместе с ним пришлось бы думать и о конце путешествия. С Гэндальфом он своими мыслями особенно не делился, а о чем тот догадывался — никогда было не понять.

Вот и в этот раз маг долго смотрел на Фродо и наконец с улыбкой согласился.

— Ладно. Пусть так и будет. Только уж не позже. И, прошу тебя, будь осторожен. Никому ни слова о том, куда идешь. За Сэмом гляди. Сболтнет — взаправду в жабу превращу.

— Знаешь, — усмехнулся Фродо, — о том, куда я иду, мне проболтаться трудно. Я ведь и сам не

знаю.

— Не говори ерунды! — оборвал Гэндальф. — Речь не о том, чтобы ты не оставлял нового адреса на почте. Никто не должен знать о твоем уходе из Шира, по крайней мере пока ты не уйдешь подальше. Особенно — куда ты пошел: на север, на запад ли.

— А я ведь об этом и не думал, — сокрушенно покачал головой Фродо. — Бильбо шел за сокровищем. Туда и обратно. А я? Все наоборот. Иду, чтобы сокровище потерять, да и на обратный путь мне, по-моему, надеяться нечего.

— Давай-ка не будем гадать о том, чего ни ты, ни я знать не можем, — остановил его Гэндальф. — Может, тебе суждено добраться до Огненной Горы, а может, это сделают другие. Пока ты к такому пути не готов.

— Конечно, нет, — не раздумывая, согласился Фродо. — А тогда куда же мне идти?

— Навстречу опасности, — ответил маг. — И, по возможности, избегая ее. Я советовал бы тебе отправиться в Дольн. Раньше путь туда считался безопасным, правда, с годами все становится хуже…

— Дольн, — задумчиво проговорил Фродо. — Что ж, пусть будет Дольн. Пойду на восток. Вот

и Сэму случай эльфов повидать. — Говорил он спокойно, но вдруг ощутил в сердце горячее желание увидеть знаменитого Элронда Эльфинита, вдохнуть воздух легендарной долины, где до сих пор в мире и покое жил Дивный Народ.

Однажды летним вечером сразу загудели возбужденно и «Ветка Плюща», и «Зеленый Дракон». На время были забыты и великаны, и прочие чудеса на границах, другое взволновало постоянных посетителей: прошел слух, что господин Фродо продает — а может, уже и продал — Засумки. Да кому! Дерикуль-Сумниксам!

— Ну, положим, не задаром, — говорили одни.

— Да за бесценок отдал, — кипятились другие. — Много ты с Лобелии возьмешь! (Отто к тому времени уже несколько лет как помер. Прожил сто один год, возраст почтенный, но ничего особенного.)

Однако вопрос, почему Фродо вдруг надумал продавать свою прекрасную усадьбу, волновал собравшихся даже больше, чем цена. Многие придерживались мнения (возникшего, заметим, не без помощи самого Фродо), что денежкам Бильбо пришел конец, вот наследник и собирается продать усадьбу, а на вырученные средства скромно пожить, но уже не в Хоббитоне, а перебравшись

поближе к многочисленной родне в Заскочье. «Подальше от Дерикулей, стало быть», — добавляли некоторые. Правда, у этой версии было много противников — слишком укоренилась в головах жителей Хоббитона мысль о сокровищах в подвалах Засумок. Они видели в происходящем происки Гэндальфа, хоть и непонятно пока, какие коварные планы вынашивает маг. Вроде никто его и не видел, но все знали, что он в Засумках. Колдовство ли тому виной или стесненные средства, а факт оставался фактом: Фродо Сумникс возвращался в Заскочье.

— Вот, осенью собираюсь, — отвечал и сам Фродо на расспросы любопытных, — Мерри Брендискок норку мне там торгует, а может, домик небольшой присмотрит. — На самом деле Мерри уже подобрал и купил маленький домик на выселках, неподалеку от Заскочья. Такая мысль пришла Фродо после того, как он выбрал дорогу на Дольн. Заскочье ведь находится на самой восточной границе Шира, и он старательно изображал намерение переехать и поселиться там навсегда. Это выглядело правдоподобно — в Заскочье он родился и вырос.

Гэндальф провел в Шире больше двух месяцев. Но вот как-то вечером, в конце июня, уже после

того, как Фродо решил окончательно тронуться в путь, маг внезапно объявил, что снова уходит, и завтра же утром.

— Ненадолго, надеюсь, — сказал он. — Мне нужно на юг, разузнать кое-что. Слишком я у тебя засиделся.

За небрежным тоном Фродо уловил нешуточное беспокойство.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

— Как будто ничего, — ответил маг. — Забот много. Знаешь, надо приглядеть за всем самому. Дошло до меня тут кое-что. Если окажется, что уходить тебе надо немедленно, я вернусь, в крайнем случае весточку пришлю. А ты собирайся, как решил, и — я тебя прошу — поосторожней с Кольцом. Ни в коем случае не пользуйся им.

Уходя на рассвете, он говорил Фродо:

— Жди меня со дня на день. Я вернусь, самое позднее, к твоему прощальному ужину. Похоже, идти нам надо вместе.

Поначалу слова Гэндальфа обеспокоили Фродо. Он пытался представить, какие такие вести погнали мага в дорогу, но вскоре забыл об этом. Стояла замечательная погода. Щедрое лето уходило, сменяясь изобильной осенью: ветки деревьев гнулись под тяжестью плодов, мед сочился из

ульев, а колос в полях был тяжел и крепок. Но в преддверии осени беспокойство снова вернулось. Гэндальфа не было. Шел сентябрь, а от него не приходило никаких вестей. Близился день рождения, а вместе с ним — Уход. Как всегда перед дальней дорогой, хлопот хватало. Пришли помочь уложиться Фредегар Пузикс и Фолко Умникс, а Пиппин с Мерри теперь уже не отлучались из усадьбы. Впятером они быстренько перевернули все вверх дном.

Двадцатого сентября от ворот Засумок отъехали две тяжело груженные крытые повозки со скарбом из усадьбы, предназначенным для нового дома. Следующий день уже не на шутку встревоженный Фродо провел у ворот, высматривая Гэндальфа. Четверг, день праздника, выдался таким же улыбчивым и ясным, как и много лет назад, в памятный день рождения. Гэндальф не появился. На вечер был назначен прощальный пир. Стол накрыли скромно, на пятерых, — сам Фродо и четверо помощников. Но настроение было совсем не праздничным. Тревога из-за отсутствия Гэндальфа, скорое расставание с друзьями тяготили хозяина. Однако четверо молодых хоббитов уселись за стол с воодушевлением, и вечеринка, несмотря ни на что, удалась. В столовой

Засумок было пустовато, мебель, кроме стола и стульев, отсутствовала, но отменные еда и питье способствовали благодушному настроению, скоро установившемуся за столом. Запасы провизии Фродо продавать не собирался.

Последний бокал «Старой Винодельни» Фродо сопроводил тостом:

— Что бы ни случилось с прочим моим добром, когда до него доберутся Дерикули, этому, — он посмотрел сквозь бокал на свет, — я нашел-таки достойное применение. — И под громкие возгласы одобрения медленно допил вино.

В этот вечер было спето немало песен; среди множества тостов не забыли и тост за здоровье Бильбо; поговорили о многих делах, а совсем уже к ночи выбрались проветриться и поглядеть на звезды. Потом разошлись спать. День рождения кончился, а Гэндальф так и не пришел.

Следующим утром с последней повозкой Мерри и Фредегар отбыли в Заскочье.

— Не спите по дороге, — крикнул Мерри, выезжая за ворота, — тогда послезавтра встретимся. А я, уж так и быть, согрею дом к вашему приходу.

Фолко после завтрака отправился домой, и в усадьбе с хозяином остался один Пиппин. Фродо, не находивший себе места, все ждал Гэндальфа.

Откладывать уход дольше, чем до вечера, стало невозможно, и он решил ждать до последнего. Если маг так и не появится — ну что ж, придется ему прогуляться в Заскочье, может, еще и догонит их по дороге. Фродо твердо решил идти пешком: во-первых, хотелось не торопиться и напоследок спокойно попрощаться с любимыми местами, во-вторых, прогулка до Скочки налегке представлялась одним удовольствием.

— Надо же размять ноги перед дальней дорогой, а то совсем раскис, — сказал он сам себе, глядя в пыльное зеркало, сиротливо висевшее среди непривычно пустой гостиной.

После завтрака заявились Дерикуль-Сумниксы — Лобелия со своим белобрысым отпрыском Отто. Могли бы и подождать, но легко ли было упустить возможность досадить Фродо напоследок.

— Наконец-то она наша! — провозгласила Лобелия, едва перешагнув порог усадьбы. Это было и невежливо, и неверно, ведь договор о купле-продаже вступал в силу только с полуночи, но вполне простительно, если учесть, что Лобелии пришлось ждать этого момента лет на восемьдесят дольше, чем она предполагала. Намедни ей уже стукнуло сто лет. Пришла она проследить хозяйским глазом, как бы не вывезли чего лиш-

него, да еще прихватила с собой полную опись и долго проверяла по ней наличие комодов и горшков. Наконец, получив ключи и заверения, что запасные будут оставлены у Старичины Хэма в Тугосумах, она удалилась, выразив напоследок уверенность в способностях «этих Гэмджи выгрести за ночь все из норы подчистую». Фродо ей даже чаю не предложил.

Теперь они сидели с Сэмом и Пиппином на кухне, прихлебывали из чашек и вяло сочувствовали Старичине Хэму, который приобрел такую завидную соседку, как Лобелия, в обмен на Сэма, отпущенного им «поработать в новом саду у господина Фродо в Заскочье».

— Вот и почаевничали в последний раз, — проговорил Фродо, отодвигая чашку. Поразмыслив, посуду мыть не стали, предоставив это дело Лобелии. Сэм с Пиппином увязали три котомки и выставили в ряд на крыльце, после чего Пиппин отправился прогуляться по саду, а Сэм куда-то исчез.

Солнце село. Усадьба в ранних сумерках выглядела сиротливо и как-то взъерошенно. Фродо обходил неузнаваемо изменившиеся комнаты, наблюдал, как гаснут на стенах последние закатные отблески, а в опустевших углах густеют тени.

Он вышел наружу, постоял у калитки, а потом даже прошел немного по дороге с Горки, все еще надеясь увидеть высокую сутулую фигуру в остроконечной шляпе. Но на дороге не видно было ни единого прохожего. В чистом темнеющем небе разгорались яркие осенние звезды.

— Славная будет ночь, — подумал вслух Фродо. — В самый раз для начала. Все. Теперь я уже хочу идти. Не могу больше слоняться здесь без толку. Пусть Гэндальф догоняет.

Он уже собрался повернуть назад, но остановился, услышав голоса от плетня крайнего дома в Тугосумах. Один он узнал сразу — Старичина Хэм, а второй был незнакомый, противный какой-то. Не понять, что он спрашивает, зато доносились ответы Хэма, и, судя по голосу, старик явно нервничал.

— Нету, нету господина Сумникса. Утром еще ушел и добро свое вывез. Продал усадьбу и ушел, я ж говорю… Зачем продал? А до этого ни мне, ни вам дела нет… Куда ушел?.. Да какие тут секреты? В Заскочье, надо полагать… Да, далековато… Нет, не бывал я там. Я в этом Заскочье не закопал ничего, зачем мне туда ходить? Нет, никакой записки не оставлял… Доброй вам ночи!

Напряженно вслушивающийся Фродо разли-

чил шаги незнакомца, спускавшиеся с Горки, и почему-то очень обрадовался, что тот не стал подниматься к усадьбе. «Видно, я здорово устал от досужего любопытства, — подумал он. — Все, кому не лень, лезут в мои дела». С одной стороны, ему хотелось пойти и расспросить Хэма, кому еще понадобился Фродо Сумникс, но, поразмыслив, он почел за лучшее (было ли оно лучшим?) вернуться в Засумки.

Пиппин сидел при своем мешке на крылечке. Сэм все еще отсутствовал.

— Сэм! — позвал его Фродо. — Куда ты пропал? Пора нам.

— Иду-иду! Сейчас! — послышался из-за дверей голос, и на пороге, поспешно вытирая рукавом губы, появился Сэм. Он прощался с пивной бочкой в кладовке.

— Здесь, сударь, — доложил он. — Я подзаправился маленько на дорожку.

Фродо запер круглую входную дверь и дал ключ Сэму.

— Снеси-ка своему старику, Сэм. Мы с ним договаривались. Потом пройдешь задворками напрямик, догонишь нас возле изгороди. Через деревню не пойдем. Там сплошные уши да глаза. Надоело!

Сэм помчался вниз.

— Все. Уходим, — произнес Фродо и закинул котомку за плечи. Отойдя на несколько шагов, он обернулся и, глядя на темные окна, сказал: — Прощайте! — Помахал рукой и (тем же путем, что и Бильбо) быстро зашагал по садовой дорожке.

Перепрыгнув низкую ограду, хоббиты вышли в поля и растаяли в темноте, как будто их и не было.

У подножия Горки путешественники остановились, подтянули лямки котомок, тут их и нагнал запыхавшийся Сэм. Тяжеленная торба торчала у него над головой, покрытой старым фетровым колпаком, который Сэм почему-то называл шляпой. В полумраке он здорово походил на гнома.

— Небось самое тяжелое мне подложили, — пошутил Фродо. — Каково же улиткам приходится! Всю жизнь весь дом на горбу таскать!

— У меня еще место в мешке есть, сударь. — Сэм пыхтел, как лошадь, и явно кривил душой.

— Нет уж, Сэм! — вмешался Пиппин. — Ему полезно. Поклажу свою он сам отбирал. Обленился, отяжелел в последнее время наш дорогой Фродо. Сбросит в дороге лишний вес, вот и идти полегче будет.

— Пожалели бы вы бедного старого хоббита, —

рассмеялся Фродо. — Пока до Засумок доберемся, я за ивовый прутик прятаться смогу. Кроме шуток, Сэм, не многовато ты на себя навьючил? На первом же привале я с тобой разберусь. Ну, — он поудобнее перехватил посох, — что может быть лучше ночной прогулки под звездами? Сколько миль оставим позади до ночлега?

Некоторое время они споро шагали по тропинке на запад, потом взяли левей и пошли полями. Мимо проплывали ограды, рощицы, ночь становилась все темней. Темные плащи делали их невидимыми не хуже волшебных колец. Хоббиты ходят тихо, а если при этом еще и стараются не шуметь, то даже свой брат-хоббит не услышит. Неудивительно поэтому, что ни маленькие лесные зверушки, ни полевые мыши не заметили их. Они пересекли Водью, речушку, текущую под ольховыми кронами; прибавив шагу, пересекли дорогу от Брендидуинского Моста (отсюда начиналось Туково хозяйство) и, забирая на юг, двинулись через Зеленые Холмы. С вершины первого они еще могли видеть, обернувшись, мирно помаргивающие огоньки в далеком Хоббитоне, но скоро их скрыли складки местности, а потом уже и Уводье потерялось в темноте позади. Фродо помахал рукой на прощанье.

— Доведется ли еще раз повидать эту долину? — тихонько вздохнул он.

Первый привал устроили часа через три. Прохладная звездная ночь вывесила туманные занавесы по ложбинам и поймам ручьев. Березки призрачно белели в темноте, их темные кроны покачивались над головами путников с еле слышимым шелестом. Перекусили (весьма скромно по хоббитским меркам), пошли дальше и вскоре повстречали скромную приятную дорогу на Задоры и Крепь и дальше, к Перевозу. В отличие от большака она вилась меж Зеленых Холмов, навещала Залесье и, похоже, намеревалась побывать вообще во всех глухих уголках Восточной Чети.

Немного погодя вошли под своды старого высокого леса. Стало совсем темно. Некоторое время хоббиты еще разговаривали, а временами даже принимались напевать тихонько, но постепенно замолчали, а Пиппин начал заметно отставать. Наконец, одолев очередной крутой подъем, он остановился и широко зевнул.

— Я такой сонный, — неразборчиво пробормотал он, — что скоро усну прямо посреди дороги. Время-то, поди, уже за полночь.

— А я думал, ты любишь гулять в темноте, — съязвил Фродо. — Ладно. Особой спешки нет,

Мерри ждет нас только послезавтра. Найдем местечко поуютней и остановимся.

— Ветер западный, — повертев носом, сообщил Сэм. — На той стороне холма можно найти затишку. Там и сушняк должен быть.

Сэм прекрасно знал окрестности миль на двадцать вокруг Хоббитона. Правда, на этом его познания в географии Шира и заканчивались.

Действительно, по ту сторону холма, совсем недалеко от дороги, нашлось и уютное местечко у корней огромной ели, и вдоволь валежника. Скоро под сводами леса заплясал маленький костерок, а хоббиты, посидев у огня, немедленно стали клевать носами. Потом каждый устроил в корнях подобие норки, завернулся в одеяло, и через несколько минут вся компания крепко спала. О том, чтобы оставить дежурного, никто и не подумал. Чего ради? Что может угрожать хоббиту, хотя бы и ночью, в самом сердце Шира?

Когда костер догорел, старую ель посетили несколько маленьких зверушек. Потом заглянул лис, спешивший через лес по своим делам и остановленный неожиданным запахом.

«Хоббиты! — подумал он и фыркнул. — Оно, конечно, теперь много чудного, но все-таки редко услышишь о хоббите, спящем под деревом. Ба-

тюшки! Да их тут целых три штуки! Нет, за этим определенно что-то кроется!»

Он был совершенно прав, но в чем тут секрет, узнать ему так и не удалось.

Утро настало шумное и светлое. Фродо проснулся первым и потер сначала бок, намятый еловым корнем, а потом одеревеневшую шею.

«Вот тебе и радости пешей прогулки, — подумал он. — Ведь можно же было ехать. — Впрочем, так он думал обычно в начале любого путешествия. — Я здесь валяюсь на корнях, а Дерикули там нежатся на моих перинах. А вот им-то как раз коряг вполне бы хватило». Он потянулся и закричал:

— Подъем, хоббиты! Посмотрите, какое утро прекрасное!

— Чего в нем хорошего? — пробурчал Пиппин, приоткрыв глаз над краешком одеяла. — Эй, Сэм, а завтрак в половине десятого? А вода для умывания согрета?

Сэм вскочил, очумелый со сна.

— Нет, сударь, нету воды. Виноват, сударь.

Фродо встал, потянулся. Сдернул одеяло с Пиппина и отправился прогуляться к опушке. Вдали, на востоке, над туманами, окутавшими мир на заре, поднималось красное солнце. Деревья в

осенних праздничных нарядах из багряных и золотых кружев, казалось, плыли в туманных озерах. Дорога сбегала с холма и тоже исчезала невдалеке в белесых волокнах.

К его возвращению Пиппин с Сэмом развели хороший костер. Его встретил вопль Пиппина:

— Воды! Где вода?

— Знаешь, я ее в карманах не ношу, — ответил Фродо.

— А мы думали, ты за ней пошел, — бормотал Пиппин, роясь среди кастрюль и мисок. — Так, может, сходишь все-таки?

— Могу. А ты мне компанию составишь. И захвати-ка все фляги.

У подножия холма они нашли ручей с ледяной водой, так что, умываясь, фыркали и вздрагивали. Наполнили фляги и походный чайник, найдя возле старого замшелого валуна маленький водопадик.

С завтраком управились уже после десяти. Развиднелось. День обещал быть жарким. Уложив котомки, хоббиты спустились с холма, перепрыгнули через ручей и тут же полезли в гору. Так и пошло: вверх-вниз, и скоро каждый подумал, не многовато ли они набрали в дорогу. Дневной переход, судя по началу, предстоял нелегкий.

Правда, скоро дорога устала подпрыгивать, она с трудом влезла на последний холм и с облегчением кинулась вниз. Впереди лежала долина с перелесками, сливавшимися на горизонте в зеленое марево. Перед ними открылось Залесье, а уж за ним недалеко и до Брендидуина. Дорога окончательно угомонилась и улеглась протянутой веревочкой.

— Дороге-то что, — сказал Пиппин, — она бежит себе да бежит, а я не могу без отдыха. Самое время перекусить. — Он уселся у обочины на косогоре и посмотрел на восток. Где-то там, в туманной дымке, лежала река, а дальше проходила граница Шира. Сэм стоял рядом и просто пожирал глазами неведомые ему просторы.

— А эльфы живут в тех лесах? — спросил он.

— Никогда не слыхал, чтобы они там жили, — откликнулся Пиппин. Фродо молчал. Он тоже смотрел на восток так, словно видел дорогу впервые. Вдруг он медленно не то пропел, не то продекламировал:

Бежит дорога все вперед.
Куда она зовет?
Какой готовит поворот?
Какой узор совьет?

Сольются тысячи дорог
В один великий путь.
Начало знаю; а итог —
Узнаю как-нибудь.

— Похоже на раннего Бильбо, — тоном знатока определил Пиппин. — Или это — твое подражание? Не очень-то обнадеживает, верно?

— Вроде бы это я придумал, — неуверенно сказал Фродо, — а может, слышал когда-нибудь. Действительно, похоже на Бильбо перед уходом. Он часто повторял, что Дорога всего одна. Она как большая река, ее истоки — у каждого порога, и любая тропинка для нее — приток. «Опасное это дело, Фродо, перешагнуть порог, — говаривал он. — Только ступи на Дорогу, она подхватит и поведет тебя — куда? как знать… Допустим, перед тобой вполне безобидная на вид тропинка, глядь, она уже завела тебя через Сумеречье к Одинокой Горе, а то и куда-нибудь похуже». Так он говорил и поглядывал на дорожку от дверей усадьбы.

— Ну и пожалуйста, пусть ведет, — разрешил Пиппин, решительно снимая котомку, — только в ближайшие час-два никуда ей меня не увести. С места не тронусь.

Остальные последовали его примеру: котомки

пристроили под спины, а ноги вытянули на дорогу. Передохнули. Потом не торопясь перекусили и снова передохнули.

Солнце начинало клониться к закату. За весь путь им не встретилось ни единой живой души. Дорогой редко пользовались: для повозок неудобна, пешком ходить в такую даль — была охота, а в Залесье можно попасть и другим путем. Хоббиты после привала уже с час как снова утаптывали ее ногами, и тут вдруг Сэм замер. К этому времени они шли лугами, и только редкие деревья предупреждали о лесах впереди.

— Похоже, там конь или пони, сзади, на дороге, — обеспокоенно проговорил Сэм. Все оглянулись, но поворот, пройденный минут пять назад, скрывал источник звуков.

— Должно быть, Гэндальф нас догоняет, — неуверенно предположил Фродо и тут же почувствовал сильнейшее желание спрятаться от неизвестного попутчика.

— Может, это и не так важно, — заговорил он, нервно оглядываясь, — но я бы не хотел никому попадаться на глаза. Устал я от разговоров. Всякий сует нос в мои дела… Ну, а если это Гэндальф, устроим ему сюрприз. Пусть не опаздывает. Давайте-ка спрячемся!

Пиппин и Сэм метнулись влево от дороги и залегли в маленькой лощинке, а Фродо замешкался на мгновение. Какое-то нездоровое любопытство едва не пересилило в нем благоразумие. А звук копыт стремительно приближался. Еще миг — и было бы поздно! Фродо бросился ничком в густую траву за стволом придорожного дерева, быстро перекатился на бок и осторожно выглянул из-под корней.

Из-за поворота вылетел отнюдь не хоббитский пони. Громадный черный конь с человеком в седле, закутанным в черный плащ с глухим капюшоном, под которым не разглядеть было лица, скакал по дороге. Однако, поравнявшись с деревом, конь встал, громко всхрапнув. Всадник остался странно недвижим, и только склоненная голова медленно поворачивалась из стороны в сторону, да можно было различить тихое посапывание, как бывает, когда принюхиваешься, пытаясь схватить ускользающий запах.

Волна ужаса накрыла Фродо. Он едва осмеливался дышать, и только одно желание пересиливало все: немедленно надеть Кольцо! Уже рука его поползла к карману, уже предостережения Гэндальфа казались нелепыми и попросту вредными… «Бильбо же пользовался Кольцом!

Я же все-таки в Шире», — лихорадочно думал он, нащупывая цепочку. Но тут всадник тронул поводья, конь шагнул раз, остановился, шагнул другой и быстро перешел на крупную рысь. Извиваясь ужом, Фродо скользнул к дороге и следил за седоком, пока он не скрылся в отдалении. Однако в последний миг Фродо показалось, что конь не просто исчез из виду, а свернул с дороги вправо.

«Странно, — размышлял Фродо, направляясь к укрытию друзей, — и даже, я бы сказал, страшно».

Пиппин с Сэмом как завалились в траву, так и пролежали там, ничего не увидев. Пришлось рассказать им о странном обличье и поведении чужака.

— Мне думалось, — мялся Фродо, — что это он меня высматривает… или скорее вынюхивает. А мне очень не хотелось ему показываться. Про такое в Шире отродясь не слыхивали!

— Да какое ему дело до нас, этому Верзиле?! — воскликнул Пиппин. — Чего его сюда занесло?

— Вообще-то люди в Шире живут, — задумчиво произнес Фродо. — В Южной Чети, я слыхал, хватает с ними хлопот. Но про таких никто не рассказывал. Откуда бы ему взяться?

— Извиняюсь, сударь, — внезапно вмешался

Сэм, — я знаю, откуда он взялся. Из Хоббитона пожаловал. И куда он направляется, я тоже знаю.

— Что ты мелешь? — резко спросил Фродо. — Почему раньше молчал?

— Да забыл я, сударь! Забыл, из головы вылетело, вроде как затмение нашло! Вчера вечером, когда я к нашей норе вернулся, старик мой мне и говорит: «Эка, Сэм, — говорит, — ты тут? А я-то думал, вы с господином Фродо с утра ушли, то-то, смотрю, ключи не несут... Тут, слышь-ка, один странный тип выспрашивал меня про господина Сумникса из Засумок. Вот только что я его в Заскочье спровадил. Чего мне в нем не понравилось, в толк не возьму! А-а! Вот! Я как сказал ему, что господин-то Фродо, мол, усадьбу свою оставил и уехал, так он зашипел аж! Жутко так мне стало!» Я, значит, спрашиваю старика моего: «А какой он из себя-то?», а старик и говорит: «Ну уж не хоббит, это точно! Высокий, черный такой, а лица не видать. Надо быть, из Верзил чужедальних, и говорит чудно!» Меня времечко-то поджимало, не мог я больше слушать, вы же меня и ждали, сударь. Вообще-то я и внимания не обратил. Старик мой сдает совсем, глаза не те стали, а ведь темно уже было, когда этот приятель на него набежал. Старик-то мой по вечерам любит на околицу

выйти, воздухом подышать. Может, вреда особого и нет в том, что он этому Верзиле сказал?

— Старика твоего винить не в чем, — успокоил его Фродо. — Я ведь этот разговор слыхал. Стоял там за углом неподалеку. Чуть было не подошел спросить, кому я понадобился. Вот хорош бы был! Хоть бы ты пораньше мне рассказал! Мы бы поосторожнее были!

— С чего ты взял, что это тот же чужак? — удивленно спросил Пиппин. — Не мог он нас выследить, мы тихо ушли.

— Может, выследить и не мог, — Сэм почесал в затылке, — а вот *вынюхать* — вполне. А потом, старикан мой говорил: черный он был.

— Надо было Гэндальфа дождаться, — посетовал Фродо. — А может, еще хуже было бы, — пробормотал он минуту спустя.

— Я не пойму! — рассердился Пиппин. — Ты только догадываешься о чем или знаешь про этого всадника?

— Не знаю и знать не хочу, — ответил Фродо, правда, не слишком уверенно.

— Ну и держи свои секреты при себе! — фыркнул Пиппин. — Что делать-то будем? Можно бы перекусить, да от твоих разговоров про вынюхивающих Верзил с невидимыми носами у меня

аппетит пропал. По-моему, лучше убраться отсюда подальше.

— Да, надо идти, — согласился Фродо. — Только не по дороге, а то как бы он вернуться не вздумал или другой какой не наехал. Пошли, до Заскочья еще шагать и шагать.

Тени деревьев на траве истончились и вытянулись, когда они снова двинулись в путь. Теперь шли не по дороге, а рядом, на расстоянии броска камня. Это оказалось не так-то легко: высокая трава путалась в ногах, подлесок быстро густел. Красное солнце мягко съехало за холмы, и вечер настал прежде, чем равнина кончилась и можно было снова выбраться на дорогу. Теперь она все забирала влево, ощутимо спускаясь к речной пойме. Немного погодя повстречалась тропинка, уходящая в древнюю дубраву на краю Залесья.

— Вот по ней и пойдем, — решил Фродо.

У самой развилки кстати оказалось огромное дерево. Жизнь в нем едва теплилась, и неудивительно: от ствола осталась лишь тонкая оболочка, а вся сердцевина превратилась в дупло, раскрытой щелью повернутое в сторону от дороги. Хоббиты протиснулись внутрь и с удобством устроились на мягкой подстилке из палых листьев и прелого дерева. Укрывище дало воз-

можность спокойно отдохнуть и поесть. Однако переговаривались они тихо, время от времени чутко вслушиваясь.

Когда путники снова выбрались на тропинку, пали сумерки. Западный ветер вздыхал в высоких кронах. Перешептывались листья. Стало беспокойно, как часто бывает на лесных дорогах перед наступлением ночи. Быстро темнело. Меж деревьями на востоке зажглась звезда. Хоббиты шагали в ногу, это подбадривало, а чуть погодя, когда звезд на небе прибавилось и они заблестели ярче, тревога прошла, и они думать забыли о копытах и всадниках. То один, то другой принимался напевать (истинно хоббитская привычка — напевать при ходьбе, особенно если идешь к дому, а время — к полуночи). Обычно поют про ужин, про кровать, а тут вдруг Пиппин затянул прогулочную, хотя, конечно, про кровать и ужин в ней тоже было. Слова принадлежали Бильбо, а мотив был древний, как эти холмы. Фродо выучил песню давно, во время прогулок с дядей по долине Водьи и долгих разговоров о Приключении.

Поют поленья в очаге,

Подушка ластится к щеке,
Но ноги сами нас несут
За поворот — туда, где ждут
Цветок, былинка, бурелом —
Их только мы с тобой найдем!

Ждите нас — холмы, поток…
Путь далек! Путь далек!
Камни, травы, луг в росе —
Ждите все! Ждите все!

За поворот! Там встретят нас
Безвестный путь, секретный лаз.
Их миновали мы вчера,
Но, может быть, теперь пора
Найти ту тропку в глубине,
Что мчится к Солнцу и Луне?

До свиданья — терн, репей…
В путь скорей! В путь скорей!
Плющ, шиповник, бересклет —
Всем привет! Всем привет!

Дом позади, мир — впереди.
Нам уготовано пройти,

Покуда шлет лучи звезда,
До грани ночи. А тогда —
Мир позади, дом — впереди,
Обратно позовут пути!

Тень и темень, мрак и ночь
Сгинут прочь! Сгинут прочь!
Дом, тепло, обед, кровать —
И поспать… И поспать…

Пиппин еще дважды звонко пропел припев, но тут Фродо остановил его:

— Тише! Опять копыта!

Они вслушались, замерев на месте. Действительно, издалека доносился топот. Быстро и бесшумно они юркнули с тропинки в кусты и укрылись в густой тени дубов.

— Не забирайтесь далеко, — предупредил Фродо. — Я хочу посмотреть.

— Ладно, — согласился Пиппин. — Только бы нас не унюхали.

Перестук копыт приближался. Убежище они выбрали не самое надежное, но другое искать было поздно. Сэм и Пиппин притаились за огромным замшелым стволом, а Фродо — немножко ближе к тропинке. Она едва серела в звездном

свете, а луны не было. Внезапно наступила тишина. Фродо вгляделся и с трудом различил силуэт всадника. Он бы ничего не увидел, но фигура в седле медленно раскачивалась из стороны в сторону, темная на фоне деревьев. Конь остановился как раз против того места, где хоббиты сошли с тропы. Сомнений не было! Фродо даже почудилось, что он слышит знакомое сопение. Тень соскользнула с коня! И вот уже, почти не различимая во мраке, крадется к ним!

На этот раз желание немедленно надеть Кольцо овладело Фродо нестерпимо. Он не успел даже подумать о нем, а рука уже нащупала цепочку в кармане. И в этот миг тишину ночного леса нарушили совершенно неожиданные звуки. Песня послышалась вдалеке и смех, звонкий, как колокольцы! Чистые голоса взлетали и падали в воздухе, пронизанном звездным блеском. Черная тень резко выпрямилась. Она была уже недалеко, но теперь как-то неуловимо отступила к дороге, странным, неестественным движением взлетела в седло, и конь (а может, призрак коня) растаял в ночи. Фродо перевел дух.

— Эльфы! — воскликнул Сэм сиплым шепотом. — Разрази меня гром, эльфы, сударь! — Он так и рванулся бы напролом сквозь чащу, не

удержи его Фродо с Пиппином.

— И верно, эльфы, — подтвердил Фродо. — В Шире-то они не живут, но весной и осенью, бывает, проходят Залесьем в сторону Башенных Холмов. Надо же, как кстати! Вы-то не видели, а ведь Черный Всадник крался к нам, сюда, а песня его спугнула. Он тут же убрался, как только голоса услыхал.

— С эльфами-то как? — спросил Сэм, слишком возбужденный, чтобы отвлекаться на какого-то всадника. — Мы разве не пойдем посмотреть?

— Да они ведь сюда идут, не слышишь разве? — остановил его Фродо. — Подождем здесь.

Пение приближалось. Один светлый и сильный голос верховодил. Фродо немного знал язык Дивного Народа, а Пиппин с Сэмом не знали вовсе, но голос пел словно о чем-то давным-давно знакомом и родном. Во всяком случае, Фродо понял так:

О Лучезарная Царица!
О Дева Западных морей!
О свет надежды, что стремится
К нам, в мир предсумрачных теней!

Гилтониэль! О Элберет!

Очей твоих бессмертный свет!
Тебе поет лесной народ
В иной земле, за далью вод.

О звезды, что твоей рукою
Оживлены в бессветный час!
Сияй, соцветие ночное,
В ненастном сумраке для нас!

О Элберет! Гилтониэль!
О луч, пронзающий метель!
Твой дальний свет за гладью вод
Хранит в душе лесной народ.

Песня кончилась.

— О! Это Высокие Эльфы! — в изумлении проговорил Фродо. — Слышали? Они пели о Элберет! Их нынче во всем Среднеземье совсем мало осталось. Вот уж воистину счастливый случай!

Хоббиты выбрались на тропинку и присели в тени на обочине. Скоро показались и эльфы. Они шли, казалось, неторопливо, но быстро, а звездный свет сиял и искрился в их длинных волосах, вспыхивал в больших прекрасных глазах. Ни фонарей, ни светильников у них не было, но под ноги странникам лилось сияние, будто свет

от низко висящей на горизонте луны. Они шли молча, и только последний, проходя, обернулся, взглянул на хоббитов и рассмеялся.

— Привет, Фродо! — крикнул он. — Что-то ты припоздниился. А может, заблудился? — Он окликнул остальных, и эльфы обступили хоббитов.

— Вот чудеса! — говорили они. — Три хоббита, ночью, в лесу! С тех пор как Бильбо ушел, мы такого не видели. Что бы это значило?

— О Дивный Народ! — отвечал Фродо. — Просто мы идем одной дорогой. Мне нравится бродить под звездами. Но я очень рад вашему обществу.

— Нам нет нужды в обществе, — засмеялось в ответ сразу несколько голосов. — И откуда тебе знать про нашу дорогу?

— Вы же знаете мое имя, — уклончиво ответил Фродо.

— Мы многое знаем, — отвечали ему. — А тебя часто видели раньше с Бильбо, хотя ты нас и не замечал.

— Но кто же вы? Кто ведет вас? — допытывался Фродо.

— Я — Гилдор, — ответил ему эльф, окликнувший его. — Гилдор Инглорион из Дома Финрода. Большинство наших родичей давно покинули эти земли, а мы задержались ненадолго перед

возвращением за Море. Впрочем, кое-кто из нашего народа еще живет в этом мире. Ты, верно, слыхал о Дольне? Однако что за дела выгнали тебя из дома? Мы видим тень страха на твоем лице. Откуда она?

— О мудрый народ! — воскликнул Пиппин. — Расскажите нам о Черных Всадниках.

— О Черных Всадниках? — переспросил Гилдор, понизив голос. Видно было, что он не ожидал вопроса. — Почему ты спросил о них?

— Потому что нас преследуют два Черных Всадника, а может, это один и тот же, но он чуть не поймал нас. Вы его спугнули.

Эльфы быстро посовещались меж собой. Потом Гилдор повернулся к хоббитам.

— Не стоит говорить об этом здесь, — сказал он. — Вам лучше пойти с нами. Хоть это и не в наших обычаях, разделим дорогу. Вместе и заночуем.

— На такую удачу я и не рассчитывал! — воскликнул непосредственный Пиппин, а Сэм, похоже, и вовсе потерял дар речи.

— Примите мою признательность, Гилдор Инглорион, — поклонился Фродо. — Элен сила луменн оментиэльво, час нашей встречи осиян звездой, — добавил он на высоком эльфийском

наречии.

— Осторожней, друзья, — рассмеялся Гилдор. — Берегите наши тайны. Здесь владеют древним наречием. Бильбо был хорошим учителем. — И, оборотясь к Фродо, он произнес с поклоном: — Привет тебе, Друг Эльфов. Присоединяйся к нам вместе с друзьями. Вам лучше идти в середине, чтобы не отставать. Привал еще не скоро.

— Куда вы все же держите путь? — спросил Фродо.

— Сегодня ночью мы остановимся в холмах над Залесьем, там отдохнем, и ваш завтрашний переход будет на несколько миль короче.

Они двинулись по дороге, словно тени или блики света. Эльфы ходят еще неслышнее, чем хоббиты, и Пиппина скоро стало клонить ко сну. Пару раз он спотыкался, но эльф, шагавший с ним рядом, поддерживал его, не давая упасть. Сэм шел словно во сне. На лице его застыло выражение не то восторга, не то испуга.

Лес по обе стороны от дороги стал гуще, появились заросли орешника. Наконец эльфы свернули с тропы. Справа, совсем рядом, начинался невысокий водораздел; пройдя по нему с полмили, они оказались на вершине холма, возвышавшегося на краю поймы. Неожиданно лесная сень

кончилась, и открылась большая поляна, серебрящаяся в ночи слегка повлажневшей травой. С трех сторон окруженная лесом, к востоку она круто обрывалась, и верхушки деревьев, росших у подножия холма, едва приподнимались над ее краем. Вдалеке — а все-таки ближе, чем казалось, — мерцали редкие огоньки деревни. Это были Задоры.

Эльфы, негромко переговариваясь, разошлись по поляне и, казалось, не обращали на хоббитов ни малейшего внимания. Фродо и его спутники сели на траву, завернулись в одеяла и боролись со сном. Ночь тянулась и тянулась, огоньки в долине погасли один за другим. Пиппин пристроился к какому-то бугорку и уснул. Высоко в небе, на востоке, мерцала Звездная Сеть — Реммират, а из тумана медленно поднимался красный Боргил, сияя винным цветом, словно драгоценный камень. Никто не услышал порыва ветра, но туман словно сдернула невидимая рука, и сверху наклонился, перешагивая через край мира, Небесный Воин Менельвагор, опоясанный сияющим поясом. В этот момент эльфы разом запели. Словно сам собой вспыхнул на поляне костер, и хоббитов позвали.

— Эй, сюда! Идите к нам! Настало время для

разговоров и веселья.

Пиппин сел, дрожа и протирая глаза.

— В зале горит огонь, и кушанье для проголодавшихся путников готово, — сказал стоявший перед ним эльф.

Южный конец поляны уходил под своды леса, образуя подобие залы, крытой ветвями деревьев; стволы их, словно колонны, вздымались с двух сторон. Здесь весело потрескивал костер, а на нижних сучьях укреплено было еще несколько факелов, горевших разноцветным ровным огнем. Эльфы расселись вокруг костра, одни передавали наполненные кубки, другие обносили подносами с едой.

— Прощения просим за скудную трапезу, — извинились перед хоббитами. — Но мы далеко от наших гостиных. Если заглянете как-нибудь к нам домой, надеемся попотчевать вас как подобает.

— Эта скудная трапеза не уступает деньрожденьишному пиру, — пробормотал Фродо.

Пиппин плохо запомнил угощение этой ночи. Он весь был поглощен лицами эльфов, словно озаренными внутренним светом, их голосами, такими разными и такими прекрасными, какие бывают только в грезах. Он смутно помнил хлеб,

имевший вкус свежей белой лепешки; помнил плоды, нежность аромата которых не с чем сравнить, он осушил бокал, наполненный, казалось, золотистым летним полднем с привкусом меда.

Сэму явно не хватало слов, чтобы выразить переживания этой ночи, но она осталась для него одним из главных событий всей жизни. Позже он говорил, вспоминая: «Ну, сударь, если бы я вырастил такие яблоки, вот тогда был бы я Садовник. Но яблоки — что! А вот пение! Ох, и запало оно мне в сердце, если вы понимаете, про что я…»

Фродо же ел, пил и разговаривал с удовольствием. Он немного понимал по-эльфийски, усердно прислушивался и старательно подбирал слова, не уставая благодарить угощавших его на их родном языке. Они улыбались и говорили друг другу:

— Ну что за прелесть! Просто бриллиант среди хоббитов!

Пиппин, не выдержав переживаний, заснул с недопитым бокалом в руке. Его бережно перенесли под деревья и уложили на мягкое ложе, где он и проспал до рассвета. Сэм ни за что не хотел покидать Фродо. Когда Пиппин выбыл из игры, он некоторое время боролся со сном, потом свернулся клубочком у ног Фродо, поклевал носом и тоже заснул. А Фродо тем временем вел неторопливую

беседу с Гилдором.

Они переговорили о многом, старом и новом. Хоббит расспрашивал эльфа о событиях в широком мире. Новости были безрадостными, если не сказать зловещими: сгущалась Тьма, разгорались войны, Люди безнадежно сражались, Эльфы обреченно уходили. Наконец Фродо задал давно волновавший его вопрос:

— Скажи, Гилдор, а ты не видел Бильбо после того, как он ушел?

— Видел, — с улыбкой ответил эльф. — Даже дважды. Вот на этом самом месте он распрощался с нами. Но нам довелось встретиться еще раз, далеко отсюда.

Больше он ничего не добавил, а Фродо не стал расспрашивать. Гилдор сам обратился к нему:

— Ты ничего не рассказал о себе, Фродо. Кое-что я знаю, а по твоему лицу и мыслям, стоящим за твоими вопросами, догадываюсь об остальном. Ты ведь уходишь из Шира, и уходишь в сомнениях — сможешь ли найти потерянное, или выполнить задуманное, или даже просто вернуться в родные края. Разве не так?

— Эх, — вздохнул Фродо, — так, конечно. Но я-то думал, мой уход — тайна. Кроме Гэндальфа да Сэма и не знает никто… — Он взглянул на мирно

посапывающего Сэма.

— От нас Враг твоей тайны не узнает.

— Враг? Так ты знаешь, почему я ухожу?

— Я не знаю, почему Враг преследует тебя, но чувствую: опасность не только впереди или позади. Она со всех сторон.

— Ты о Всадниках? — побледнев, спросил Фродо. — Я так и думал, что их послал Враг. Но кто они?

— Разве Гэндальф не рассказывал тебе? — удивился Гилдор. — Впрочем, ему виднее, но тогда и мне не след пугать тебя в дороге. Скажу только, что выйти ты успел в самый последний момент, если успел, конечно. Теперь надо спешить. Дорога назад закрыта. Шир тебе не защита больше.

— Да уж что может быть страшней твоих намеков! — воскликнул Фродо. — Я знал про опасность, но в своем собственном Шире никак не предполагал с ней столкнуться. Подумать только! Хоббиту теперь от Водьи до Реки спокойно пройти нельзя!

— Это не твой собственный Шир, — веско сказал Гилдор. — Жили здесь и до вас, будут жить и после вас. Вокруг — мир. Можете не обращать на него внимания, но вы — в нем, а он — в вас.

— Знаю, — устало согласился Фродо. — Да

только он всегда казался таким уютным, таким безопасным. Что же мне делать теперь? Я хотел уйти тайно и пробираться в Дольн, а похоже, меня выследят раньше, чем я доберусь до Заскочья.

— Делай, как задумал, — посоветовал Гилдор. — Вряд ли дорога так опасна. Тебе, по-моему, мужества не занимать. Более подробный совет надо было у Гэндальфа спрашивать. Я ведь не знаю причин твоего бегства, не знаю, зачем ты нужен Черным Всадникам. А Гэндальф знает. Ты же виделся с ним перед выходом?

— Хотел увидеться. Вот это меня действительно беспокоит. Я ждал его. Долго ждал. Он обещал вернуться в Хоббитон самое позднее позавчера. Но так и не появился. Что могло его задержать, ума не приложу. Может, надо было все-таки дождаться его?

Гилдор долго молчал.

— Не нравится мне это, — произнес он наконец. — Опоздание Гэндальфа не к добру. Но, знаешь, не зря говорят: «Не лезь в дела Мудрых. Понять — не поймешь, а хлопот не оберешься». Тебе выбирать: ждать или уходить.

— У нас еще говорят, — усмехнулся Фродо, — «спроси у эльфа совет — получишь в ответ и да, и нет».

— Неужто? — расхохотался Гилдор. — Впрочем, верно. Мы редко даем необдуманные советы. Совет, даже из уст Мудрого, опасный дар. События могут повернуть и принять неправильный ход. Что же ты хочешь от меня? Дел твоих я по-прежнему не знаю, как же я могу выбрать за тебя? Ну ладно, по дружбе дам тебе совет: иди и нигде не останавливайся. И еще: если Гэндальф не появится, один не ходи. Возьми друзей, которым можно доверять, если они, конечно, захотят идти. Вот тебе совет эльфа, принимай с признательностью, хоть и дан он без особой радости. У эльфов свои заботы и свои печали. С путями хоббитов или других смертных они мало связаны. Но если уж тропы наши пересекаются, то вряд ли случайно. Зачем мы встретились, я не знаю и поэтому опасаюсь сказать лишнее.

— Я благодарен тебе и за ночлег, и за совет, — сказал Фродо. — И все-таки опять прошу: расскажи о Всадниках. Вдруг я еще долго не увижу Гэндальфа, надо же знать, что за напасть за мной гоняется.

— Я же сказал: они — слуги Врага! Разве тебе этого мало?! — воскликнул Гилдор. — Беги от них! Не говори с ними ни в коем случае! Они смертельно опасны. И не спрашивай меня о них.

Скажу только, что в конце своей дороги Фродо, сын Дрого, будет знать об этих тварях куда больше Гилдора Инглориона. Да охранит тебя Элберет!

— Кругом опасность! Где же мне взять мужества, чтобы справиться со всем? — жалобно вздохнул Фродо.

— Знаешь, мужество прячется в самых неожиданных местах, — улыбнулся эльф. — Надейся на лучшее. А теперь спи. Этой ночью забудь об опасностях. Утром мы уйдем, но весть о тебе разойдется по нашим землям. Странники в Средиземье узнают о твоем пути, и сильные будут готовы помочь. Я нарекаю тебя Другом Эльфов, да воссияют звезды в конце твоего пути! Мы редко бываем рады чужим, но ты доставил нам радость знанием древнего наречия и чистой душой.

Фродо хотелось ответить, но с последними словами Гилдора на него неудержимо стал наваливаться сон.

— Я совсем засыпаю, — заплетающимся языком проговорил он. Эльф проводил его под деревья к Пиппину. Хоббит упал на приготовленное ложе и тут же провалился в глубокий сон без сновидений.

Глава IV
Самая короткая дорога к грибам

Прекрасно выспавшийся Фродо открыл глаза. Он лежал под деревом в удобной постели из папоротника и душистых трав. Сквозь трепещущую зеленую листву пробивалось солнце. Фродо вскочил на ноги и выбрался из-под ветвей. Неподалеку сидел Сэм, рядом с ним стоял Пиппин и подозрительно изучал ясное небо. Эльфов не было и следа, словно они приснились накануне.

— Вот, оставили фрукты, питье и хлеб, — как-то растерянно сказал Пиппин. — Можешь завтракать. Хлеб не хуже вчерашнего. Я бы все съел, да Сэм остановил.

Фродо присел рядом с Сэмом и принялся за еду.

— Какие у нас планы на сегодня? — осведомил-

ся Пиппин.

— Попасть в Скочку, и как можно быстрее, — промямлил Фродо с набитым ртом.

— Всадников, что ли, опасаешься? — беспечно спросил Пиппин. Под ясным небом и утренним солнышком его, похоже, не пугала встреча с целым отрядом этих мрачных созданий.

Фродо нахмурился и ничего не ответил. Молча пожевал и все-таки выдавил из себя:

— Я хочу перебраться на тот берег и надеюсь сделать это без их помощи.

— Ты что-нибудь узнал от Гилдора?

— Да так, ничего особенного, — попытался уйти от ответа Фродо.

— А чего они нюхают все?

— Да не говорили мы про это.

— Вот и напрасно, — назидательно заметил Пиппин. — Ведь это может быть важно.

— Ах, отстань, пожалуйста, — скривился Фродо. — Я уверен, не стал бы Гилдор об этом говорить. Дай поесть спокойно. И потом, мне подумать надо.

— Это за завтраком-то? — удивился Пиппин, но все же прекратил расспросы и отошел к краю поляны.

Фродо не радовало утро. Оно было каким-то

очень уж ясным, а внутри у него еще жил вчерашний страх. Он вспомнил совет Гилдора и с болью посмотрел на бегущего по зеленой траве, весело распевающего Пиппина. «Нет! Как же я могу? — сказал он себе. — Одно дело взять их на прогулку по Ширу, где можно слегка устать, слегка проголодаться, а еда и постель ждут тебя неподалеку, и совсем другое — увести в изгнание, где можно устать и проголодаться насмерть. Бильбо оставил наследство мне одному. Даже Сэма, наверное, я брать не вправе». Он поглядел на Сэма и встретил в ответ его внимательный взгляд.

— Вот, Сэм, — сказал он ему. — Я ухожу из Ширa, и чем быстрее, тем лучше. Наверное, даже в Заскочье не смогу задержаться…

— Ну и хорошо, сударь, — спокойно ответил Сэм.

— Ты все еще намерен идти со мной?

На лице Сэма появилось недоуменное выражение.

— Это ведь опасно, Сэм, очень опасно. Едва ли нам придется вернуться назад.

— Уж если вы не вернетесь, так я и подавно, — сказал Сэм. — Они мне говорят: «Не оставляй его!» Как это я оставлю? Пойду, говорю, с ним, даже если он на луну полезет. А попробует его какой

Черный Всадник остановить — будет иметь дело со мной! Так им и сказал, а они — смеяться…

— Постой! Кто они? О чем ты толкуешь?

— Да эльфы же! Я тут с ними поговорил прошлой ночью. Они ведь знали, что вы уходите, так я их и разубеждать не стал. Дивный народ эти эльфы!

— Верно, — согласился Фродо. — Они тебе не разонравились, когда ты на них вблизи посмотрел?

— Что им до моих «нравится, не нравится», — как-то задумчиво проговорил Сэм. — Что бы я ни думал, все равно они не такие… Древние, а в то же время — юные, веселые и печальные тож. Такие как есть, по-другому не скажешь, — неожиданно закончил он.

Фродо изумленно смотрел на Сэма, словно ища зримых следов перемены, произошедшей с его садовником. И голос, и слова были совсем не Сэмовы. Но перед ним стоял все тот же простоватый Сэм Гэмджи, которого он знал давным-давно, правда, лицо у него было непривычно серьезное…

— Ладно, — сказал Фродо, — вот ты их и увидел. Зачем теперь дальше идти?

Сэм все так же задумчиво посмотрел в глаза

хозяину.

— Именно теперь и надо мне идти. Это все прошлая ночь, сударь. Я не знаю, что со мной такое сделалось, да только будто мне кто показал, как оно завтрева будет. Знаю — долго нам с вами идти, знаю — во тьму идем, а назад дороги нет. Эльфы ли, драконы, или там горы — все это, наверное, будет, но у меня дело впереди, там где-то, сам не пойму где, только не в Шире. Сделать я его должен, значит, если вы понимаете, про что я говорю…

— Конечно, не понимаю, — честно признался Фродо. — Одно вижу: Гэндальф не ошибся, выбирая мне товарища. Я его выбором доволен, и пойдем мы вместе.

После завтрака Фродо позвал Пиппина. Тот примчался чуть ли не на одной ножке.

— Ты готов? — осадил Фродо резвящегося приятеля. — Идти надо. Долго мы проспали, когда теперь нагоним?

— Ничего себе — проспали! — возмутился Пиппин. — Я раным-рано встал, а теперь жду и жду, пока ты кончишь думать да завтракать.

— Кончил уже и то и другое. Надо побыстрее попасть к Перевозу, поэтому я не хочу на дорогу возвращаться, лучше напрямик пойдем.

— Да кто же здесь напрямик ходит? — удивился Пиппин. — Ты же не птица!

— Птица не птица, а по дороге тащиться незачем, — серьезно ответил Фродо. — Смотри. Дорога забирает влево, в обход Марей, а возле Крепи пересекается с проселком, который от Моста идет. А если напрямик, прямо к Перевозу, четверть пути сэкономить можно.

— Короткий путь не всегда самый ближний, — возразил Пиппин. — Идти придется по увалам, ближе к Марям — болота, и вообще, знаю я эти места! На то и дороги, чтобы по ним ходить. А если ты про Черных Всадников думаешь, так это еще посмотреть: в лесу с ними встретиться — хорошего мало.

— В лесу нас еще найти надо. — Видно было, как нравится Фродо идея сократить путь. — А на дороге нас точно ждать будут.

— Эх, была не была! — неожиданно легко сдался Пиппин. — Полезем по оврагам. А я-то рассчитывал заглянуть вечерком в «Золотого Пескаря». Лучше пива во всей Восточной Чети не найти.

— Тем более! — с воодушевлением подхватил Фродо. — Уж где бы мы точно застряли, так это в «Пескаре», а нам во что бы то ни стало надо в Скочку попасть до захода. А ты, Сэм, как считаешь?

— Я с вами пойду, сударь, — храбро отвечал Сэм, отчаянно тоскуя по лучшему пиву в Восточной Чети и стараясь не выдать разочарования.

— Ну и ладно, — не стал спорить Пиппин. — Хотите через болота да колючки пробираться — дело ваше. Вперед!

Сильно парило. Хоббиты спустились с холма и тут же попали в чащу. По расчетам Фродо, оставляя Задоры слева, они довольно скоро должны были выйти в луга, а там по прямой (ну, попадутся одна-две канавы — подумаешь!) и до Перевоза недалеко. Всего-то миль восемнадцать.

Однако довольно быстро заросли заставили его усомниться в правильности принятого решения.

Вдруг поперек дороги обнаружился ручей, текущий в глубоком овраге, с берегами, поросшими ежевикой. Овраг было не перепрыгнуть, а вниз лезть не хотелось. Волей-неволей пришлось остановиться.

— Ну вот и первая остановка, — проворчал Пиппин.

Сэм оглянулся. В просвете меж деревьев виден был гребень холма, покинутый ими недавно.

— Ой! Глядите-ка, — схватив Фродо за руку, прошептал он. Фродо резко оглянулся. На вершине холма, четко рисуясь на фоне голубого неба, за-

стыл мрачным изваянием черный конь. Рядом с ним, пригнувшись к земле, медленно двигался знакомый черный силуэт. Фродо не раздумывая бросился в самые заросли ежевики, увлекая спутников за собой. Скатившись на дно оврага, они отдышались.

— Так и так неладно, — выговорил Фродо. — Но по-моему, мы вовремя смылись. Ну-ка, Сэм, послушай, как он там?

Сэм напряженно вслушался. Хоббиты, чтобы не мешать ему, перестали дышать.

— Вроде тихо, — прошептал Сэм. — Ну уж сюда-то он с конем не полезет.

Однако и хоббитам пришлось нелегко. На дне оврага было душно, колючки намертво вцеплялись в котомки, а под ногами хлюпало. Пока выбрались на относительно просторное место, успели исцарапаться, взмокнуть сверху и намокнуть снизу, а вдобавок немножко потеряли направление. Правда, ручей становился все мельче, а берега его — все ниже.

— Э-э, да это Скрепка, — сообразил Пиппин. — Нам надо на тот берег и правее взять.

Противоположный берег был безлесым. За ровным пространством, поросшим кое-где сухим камышом, в отдалении виднелись дубы. Хоббиты

поспешили добраться до них. Здесь идти стало несравненно легче, подлесок исчез, зато из-за быстро густевших деревьев впереди ничего не было видно. Все чаще попадались вязы, ясени. По вершинам пролетел один порыв ветра, за ним другой, небо нахмурилось, и вдруг закапал дождь. Пока хоббиты поглядывали вверх, прикидывая, что будет дальше, дождь припустил и через минуту хлынул потоком. Тут уж стало не до разговоров. Хоббиты заторопились, не переставая озираться по сторонам. Примерно через полчаса Пиппин остановился.

— Нам пора бы выйти на чистое место, — немного растерянно произнес он. — Лес-то неширокий, как я помню, не больше мили.

— Нет уж, петлять — последнее дело, — сказал Фродо. — Пойдем, как шли. А потом, знаешь, меня пока не тянет на открытые места.

Они прошли еще пару миль. Дождь поутих, кое-где в разрывах туч проглядывало чистое небо. Путники выбрали вяз пораскидистее и решили перекусить. Под ветвями с пожелтевшей, но густой еще листвой было уютно и почти сухо. Первым делом достали фляги и обнаружили приятный сюрприз. Эльфы наполнили их светло-золотистым напитком, обладавшим привкусом

меда и удивительно освежающим. Очень скоро путники и думать забыли про дождь и Черных Всадников. Теперь цель казалась им близкой, а дорожные трудности — пустяками. Фродо, поев, прислонился спиной к стволу вяза и прикрыл глаза. Сэм и Пиппин начали напевать вполголоса:

Эгей! Бутылку я припас! А ну, хлебнем до дна!

Она согреет сердце нам, хотя и холодна!

Она прогонит грусть из глаз и силу даст рукам,

Поднимет враз и пустит в пляс, забросит к облакам!

Пусть ветер свищет злую весть и пусть грозит бедой —

Не унываю, если есть бутылка не с водой!

Они снова было затянули, уже погромче, «Эгей! Бутылку я припас!» и вдруг замолчали. Фродо вскочил. Ветер донес протяжный, леденящий кровь вой. Звук поднимался, падал и оборвался на жуткой пронзительной ноте. Не успели хоббиты прийти в себя, как издали донесся ответный

вой, более слабый из-за расстояния, но такой же жуткий. А потом наступила тишина, нарушаемая лишь шелестом листьев в кроне вяза.

— Что бы это могло быть? — Пиппин старался говорить беспечно, но голос не слушался его и предательски дрожал. — Вроде как птица, только я таких в Шире до сих пор не слыхал.

— Это не зверь и не птица, — проговорил Фродо. — Там были какие-то слова. Кто-то кричал, и ему ответили. Только хоббиты так не кричат.

Больше они не говорили. Если кто из них и подумал о Всадниках, вслух поминать не стал. Надо было бы двигаться дальше, но они не решались. Однако не дожидаться же здесь ночи! Если уж идти, то лучше по свету. Видно, эта мысль пришла всем троим одновременно. Хоббиты быстро увязали котомки и пошли.

Вскоре лес кончился. Оказавшись в лугах, путники быстро сообразили, насколько они забрели к югу. Теперь холм за рекой, на котором располагалась Скочка, виднелся далеко слева. Путь к нему пролегал по совершенно открытой местности…

Страшно было выйти из-под защиты леса. Фродо несколько раз обернулся, ожидая увидеть сзади зловещий силуэт, но пока все было спокой-

но. Солнце, выпутавшись из облаков, прогоняло тревогу, и скоро страх отпустил хоббитов. К тому же стали попадаться следы жилья. Скоро они уже шли ухоженными полями, перепрыгивая дренажные канавы и перелезая через изгороди. Их окружал мирный, знакомый Шир; Река с каждым шагом становилась ближе, а Черные Всадники казались какими-то лесными призраками, оставленными позади.

Миновав большое поле, засаженное репой, путники очутились перед крепкими воротами. Плотно утрамбованная дорожка вела от них к постройкам в глубине. Пиппин остановился.

— Знакомые ворота, — сказал он. — Это ж усадьба Мэггота.

— Ну вот, новая напасть, — упавшим голосом отозвался Фродо. Он смотрел на симпатичную дорожку за воротами так, словно она вела прямиком в логово дракона. Пиппин удивленно посмотрел на друга.

— Чем тебе плох старый Мэггот? — спросил он. — Это добрый друг Брендискокам. Конечно, псы у него — звери, так ведь граница недалеко, здесь иначе нельзя.

— Наверное, нельзя, — сконфуженно сказал Фродо. — Знаю я его собак. Это бы ничего, а вот что

они меня знают — это хуже. Понимаешь, я к нему за грибами лазил, а он ловил меня не единожды, еще когда я мальчишкой был несмышленым. В последний раз выдрал он меня, а потом показал собакам и говорит: «Гляньте на него, волки! Если этот шалопай еще раз здесь появится, можете его съесть. А пока проводите вон!» И что ты думаешь? Довели они меня до Перевоза, только что пинка не дали, а тронуть — не тронули.

Пиппин расхохотался.

— Тогда пойдем мириться, — предложил он. — Ты же собираешься жить тут, а старый Мэггот в самом деле неплохой сосед, если, конечно, не зариться на его грибы. Ладно, положись на меня. Они с Мерри друзья, мы не раз здесь бывали. Пойдем.

Они пошли по дорожке, и вскоре из-за деревьев показались крытые соломой кровли надворных построек. Мэгготы, как, впрочем, и большинство здешних жителей, издавна жили в домах. Усадьба — большой жилой дом — была сложена из потемневшего от времени кирпича и обнесена высоким забором. Тропинка подвела хоббитов прямо к внутренним воротам, но стоило Пиппину коснуться калитки, как за ней раздался оглушительный лай и чей-то голос крикнул:

— Хват! Клык! Волк! Куси его, собачки!

Фродо и Сэм замерли, а Пиппин храбро сделал несколько шагов, но в конце концов тоже остановился. Три огромных пса мчались навстречу. Сэм так и сел возле забора. Псы, больше похожие на волков, не обратили на Пиппина никакого внимания. Два из них занялись Сэмом: тщательно обнюхав незнакомца, они встали справа и слева, и малейшее движение помертвевшего Сэма сопровождалось рычанием, не оставляющим сомнений в серьезности их намерений. Третий пес, самый большой и свирепый на вид, преградил дорогу Фродо. К счастью, вслед за собаками показался и хозяин. Это был пожилой хоббит на редкость крепкого сложения с красным, обветренным лицом. Еще издали он не совсем дружелюбно поинтересовался:

— Кого это к нам принесло? — а подойдя поближе, выразился еще определеннее: — Что надо?

— День добрый, господин Мэггот! — поздоровался Пиппин.

Хозяин вгляделся.

— О! Да никак мастер Пиппин собственной персоной! Стало быть, почтенный Перегрин Тук пожаловал. Давненько вас не видно. — Мэггот вроде бы собрался улыбнуться, но раздумал. — По

правде сказать, ваше счастье, что мы знакомы, а то я решил спускать собак на всех прохожих. То ли мы к Реке слишком близко живем, — покачал он головой, — то ли просто у нас место такое, что каждый встречный-поперечный норовит своим визитом осчастливить, но уж таким дурным, как этот малый, я по своей земле шастать не дам.

— О ком это вы? — насторожился Пиппин.

— Ха! Так он вам не встретился? — удивился хозяин. — Навестил меня тут один перед вами. Отродясь таких чудиков не видал, и вопросы он странные задавал. Да чего ж мы тут стоим? Пойдемте-ка в дом, посидим, новости обсудим. Эль у меня нынче удался опять же. Пошли, пошли, мастер Тук, и друзей ваших зовите.

Хозяину, похоже, было что рассказать.

— А как насчет собачек? — с беспокойством спросил Фродо.

— Уладим, — рассмеялся Мэггот. — Пока я не скажу, они не тронут. — Эй, Хват, Клык! Ко мне! — позвал он. — Ко мне, Волк!

Собаки нехотя отошли. Пиппин представил спутников.

— Господин Фродо Сумникс, — сказал он. — Вы его, может, не помните, он одно время в Бренди-норье жил.

Хозяин вздрогнул и внимательно посмотрел на Фродо. «Все, — похолодел Фродо, — о грибах вспомнил! Сейчас собак спустит!» Однако Мэггот дружески протянул руку.

— А уж это и вовсе чудеса! — воскликнул он. — Господин Сумникс, значит? Да, дела… Ну, пошли в дом. Надо поговорить.

Вскоре все расселись у очага в просторной кухне усадьбы. Хозяйка принесла пиво в огромном жбане, и, когда гости отхлебнули из кружек, Пиппин восхищенно причмокнул и перестал жалеть о «Золотом Пескаре». Пиво у Мэггота действительно удалось отменное. Сэм так не считал, хотя язык говорил ему обратное. Он вообще не склонен был доверять тем, кому пришла в голову блажь жить за пределами Хоббитона. А уж о дружеском расположении к хозяину усадьбы, поколачивавшему (пусть давно) его хозяина, и речи быть не могло.

Сперва, как водится, поговорили о погоде и видах на урожай (и то и другое не сильно отличалось от всегдашнего). Потом Мэггот отодвинул кружку и поочередно оглядел своих гостей.

— Так я не понял, мастер Перегрин, откуда и куда вы направляетесь. Ведь не меня же навестить зашли. А если меня, то как на зады попали?

— Тут вот какое дело, мастер Мэггот, — начал Пиппин, — мы ведь вашими полями шли. А все почему? Можете себе представить: хотели напрямик к Перевозу выйти и заплутали.

— Когда спешишь, по дороге быстрее, — назидательно произнес хозяин. — Впрочем, это не моя забота. И оправдываться нечего. Вам-то не надо меня спрашивать, чтобы моими полями пройти. Да и вам, господин Сумникс, — обратился он к Фродо. — Ходите себе на здоровье. Хотя, — Мэггот выдержал паузу, — грибы-то небось по-прежнему любите, а? Как же, как же! Я ведь еще не обеспамятел. Помню одного молодого разбойника в Заскочье, Фродо звали… и фамилия — Сумникс. Даже если бы и забыл, фамилию-то, — фермер прищурился, — было кому напомнить. Да я не о грибах. Дело прошлое. Фамилию вашу я услышал минут за десять до вашего прихода. — Хоббиты вытаращили глаза. — О чем, по-вашему, допытывался у меня этот чужак? — Хозяину, похоже, нравилось обстоятельно входить в подробности рассказа. — Явился он верхом. Конь здоровенный, черный такой. А ворота некстати открыты были. Ну, он прямо к двери. Плащ на нем тоже черный да с капюшоном, лица не видать. Я подумал: «Может, беглый какой? Чего его в Шир

занесло?» У нас тут Верзилы и не бывают почти, а таких и подавно не видывали. Вышел я к нему, поздоровался и говорю: «Вам куда бы ни ехать, сударь, все одно — не по этой дороге». Большак во-он там, говорю, вертайтесь, здесь вам делать нечего. Уж очень мне вид его не понравился. К тому ж Хват выскочил да, не гавкнув, попятился, хвост поджавши, и удрал в дом. А этот черный и внимания не обратил. «Я, — говорит, — оттуда пришел». И показывает, злодей, на мои же поля! Каково? А потом нагнулся и шипит: «Сумникса не видели?» Меня аж озноб пробрал. Да только мало ли кто капюшон на себя наденет! Это не причина, чтобы по моим полям шастать. «Отваливай! — говорю ему. — Нету здесь Сумниксов и отродясь не было. Это в Хоббитон надо ехать. Да по дороге, а не полями». А он опять шипит: «Ушел Сумникс. Скоро здесь будет. Мне нужен. Когда придет — скажешь. Золото привезу». «Катись ты со своим золотом, — говорю, — да побыстрее. А то сейчас собак крикну!» Он усмехнулся вроде, да ка-ак коня пришпорит! Я еле отскочить успел, а уж он в ворота, раз — и нет его. По проселку как молния черная шарахнула. Что вы на это скажете, господин Сумникс?

Фродо сидел, глядя в огонь; только одна мысль

билась у него в голове: как же, ну как же они доберутся теперь до Перевоза?

— Не знаю, что и думать, — наконец выдавил он из себя.

— Не знаете, так я вам скажу. — Мэггот наставительно поднял вверх корявый палец. — Зря вы связались с этой публикой из Хоббитона, мастер Фродо. Здесь-то народ покрепче будет.

Сэм отставил кружку и неприязненно поглядел на Мэггота. А хозяин меж тем продолжал:

— Оно конечно, вас в молодости за отчаянного парня знали. Когда вы из Заскочья подались вдруг в Хоббитон, я сразу сказал: наживет он там себе неприятностей. А все из-за этих подозрительных Бильбовых дел. И деньги его подозрительные, неспроста говорят, что в чужедальних краях раздобыты. Вот, может, кому-то из чужедалья и не дает покоя то золото, которое он на Сумкиной Горке зарыл?

Фродо настолько растерялся от проницательности Мэггота, что не нашелся с ответом.

— Ладно, теперь-то уж что! — махнул рукой Мэггот. — Вы правильно сделали, надумав вернуться в Заскочье. Тут и оставайтесь! И не связывайтесь ни с какими чужаками. Здесь у вас есть друзья. И если какие-нибудь черные парни опять за вами явятся, мы с собачками как-нибудь разберемся с ними. Скажу: умерли вы, или уехали вовсе, ну, что хотите. Может, они не вас ищут-то, может, им старый Бильбо нужен?

— Возможно, — как-то вяло ответил Фродо, не глядя в глаза Мэгготу. Мэггот, напротив, глядел на него очень внимательно.

— Ну что ж, вы про свои дела сами знаете, —

сказал он наконец. — Ежу понятно, что вы и этот черный сошлись здесь сегодня не случайно. Может, для вас это — обычное дело. Я в ваши дела не вмешиваюсь, но вижу ведь: чем-то вы озабочены. А если бы меня спросили: чем? — я бы ответил: конечно, тем, как до Перевоза добраться.

— Думай не думай, — мрачно произнес Фродо, — а нам туда надо. Сидючи здесь, туда не попадешь, так что пойдем мы, наверное. Я вам благодарен за радушный прием, а ведь тридцать лет я вас, мастер Мэггот, боялся до ужаса. Ну и собачек ваших, конечно. Оказывается, у меня был здесь добрый знакомый, а я и не знал об этом. Жаль. Мне не хочется уходить так скоро, да время торопит. Может, вернусь когда-нибудь…

— Когда бы ни вернулись, вам будут рады, — серьезно сказал Мэггот. — Мне тут одна мысль пришла в голову. Дело-то к закату. А у нас здесь ложиться привыкли рано, стало быть, самое время поужинать. Вот если бы вы задержались и откушали с нами, нам было бы очень приятно.

— И нам тоже, — улыбнулся Фродо, — но, боюсь, не получится. Нам ведь правда надо уйти как можно скорее. И так до темноты к Перевозу не попасть.

— А-а! Так я же не все сказал. — Мэггот хитро

прищурился. — Поужинаем, посажу вас в повозку да и подвезу к Перевозу. И вы ноги сбережете, и мне за вас не волноваться.

К большому удовольствию Сэма и Пиппина, Фродо с благодарностью принял предложение. Солнце быстро клонилось за западные холмы, наступали сумерки. Вернулись с поля двое сыновей и три дочери Мэггота, огромный стол накрыли к ужину. Принесли свечей, в очаг подбросили дров. Хозяйка сновала взад-вперед, подавая на стол. Вместе с гостями и домочадцами за ужин уселось четырнадцать душ. В пиве недостатка не было, равно как и в свиной грудинке с грибами, и в прочей сытной домашней снеди. Собаки лежали у огня, расправляясь с костями, на которых, впрочем, и мяса хватало.

Покончив с едой, Мэггот с сыновьями отправился запрягать. Когда гости вышли во двор, совсем стемнело. Погрузили в повозку котомки, уселись сами. Хозяйка стояла в освещенном проеме двери.

— Побереги себя, Мэггот, — попросила она. — Не связывайся с чужаками, отвезешь — и сразу домой.

— Ладно, — махнул рукой Мэггот и выехал за ворота.

Начиналась удивительно тихая, прохладная ночь. Ехали не торопясь и огня не зажигали. Через пару миль дорога, нырнув напоследок в глубокий овраг, выбралась на проселок. Мэггот слез и попытался разглядеть следы, но в темноте ничего не увидел. Прислушались — нигде ни звука. От реки наползали тонкие пряди тумана.

— Туман… — неопределенно сказал Мэггот. — До Перевоза поедем без огней. Если встретим кого, так издали услышим.

Проехать предстояло чуть больше пяти миль. Хоббиты закутались в одеяла и чутко вслушивались в ночь, но, кроме поскрипывания колес и мерного перестука копыт, не было слышно ни звука. Фродо нервничал. Ему казалось, что повозка ползет не быстрее улитки. Рядом с ним то и дело клевал носом Пиппин, а Сэм усердно таращился в темноту.

Подъехали к Перевозу. Возле двух белых столбов Мэггот натянул вожжи. Пони встали. Хоббиты полезли наружу и вдруг замерли: впереди на дороге ясно слышался приближающийся звук копыт.

Мэггот соскочил с облучка и встал, сжимая вожжи и всматриваясь во мрак. «Клик-клоп, клик-клоп», стучали копыта.

— Вам бы спрятаться, сударь, — обратился Сэм к Фродо. — Ложитесь-ка на дно, я прикрою вас одеялом, а уж этого всадника мы спровадим. — Он встал рядом с Мэгготом. Кто бы там ни ехал, придется ему сначала переехать через него.

«Клоп-клоп, клоп-клоп», — копыта стучали уже совсем рядом.

— Эй, там! — окликнул Мэггот. — Кто едет и что надо?

Перестук копыт смолк. Хоббиты вглядывались во мрак и, казалось, уже различали смутные очертания высокой, закутанной в плащ фигуры.

— Мне нужен господин Сумникс, — прозвучал из темноты приглушенный голос, и голос этот принадлежал Мерри Брендискоку. В нескольких ярдах впереди вспыхнул фонарь и осветил повозку и хоббитов.

— Господин Мерри! — вскричал Мэггот.

— А вы кого ждали? — удивленно спросил Мерри. Он наконец выступил из тумана, и страхи путников исчезли окончательно. Тот, кого они едва не приняли за Черного Всадника, оказался добрым другом Мерри верхом на пони и с шарфом на шее. Фродо с облегчением спрыгнул на землю.

— Ну вот и вы наконец! — воскликнул Мерри. — Мне не хотелось ужинать без вас, и поэтому,

когда поднялся туман, я решил проверить, не свалились ли вы в какую-нибудь яму. Где вы их взяли, друг Мэггот? Они что, купались в вашем утином садке?

— Я собирался спустить на них собак за нарушение границ частных владений, но потом раздумал. Они сами вам все расскажут. Извините, друг Мерри и остальные прочие, мне пора. Хозяйка моя волнуется. — Он быстро развернул повозку. — Доброй вам ночи. Денек был не из самых спокойных, ну да все хорошо, что хорошо кончается. Правда, не кончилось еще. И мне, и вам до дверей далеко. Пожалуй, я рад буду оказаться дома. Ох, чуть не забыл! — С этими словами Мэггот нырнул под сиденье и извлек объемистую корзину. — Хозяйка моя, госпожа Мэггот, шлет господину Сумниксу поклон и просит принять от нее на дорожку. — Он передал корзину Фродо и под хор благодарностей и прощальных напутствий погнал пони рысью.

Хоббиты смотрели вслед повозке, пока фонари не растаяли в тумане. И вдруг Фродо заливисто рассмеялся. Он учуял из-под крышки корзины запах тушеных грибов.

Глава V
Заговорщики

— Пойдем-ка и мы домой, — предложил Мерри. — Наверное, все это очень интересно, но пусть подождет немного.

Хоббиты спустились к перевозу. Там у пристани была причалена широкая лодка-паром, освещенная двумя фонарями на столбах. Речная вода казалась черной, над ней плыли волокна тумана и застревали в зарослях тростника у берега. Мерри свел на паром своего пони, остальные уселись на деревянных скамейках вдоль бортов. Лодка, подгоняемая шестом Мерри, неторопливо двинулась поперек течения. Брендидуин здесь разливался широко и нес свои воды с достоинством, украшая поверхность маленькими

медленными водоворотами. На противоположном берегу у воды помаргивали редкие огоньки, но чуть дальше, за темной Скочкой, желтым и красным светилось множество круглых окошек. Это было Брендинорье, родовое обиталище Брендискоков.

Некогда старейшина Староскоков Горендад (род Староскоков был древнейшим в Марях, а может, и во всем Шире) перебрался через реку (она во все времена была восточной границей страны) и начал рыть Брендинорье. Тогда же он поменял фамилию на «Брендискок» и стал основателем этого словно бы независимого поселения. Брендискоки быстро множились, и вскоре Брендинорье заняло весь заречный холм, обрастая дверями парадными и кухонными, дровяными и просто так. А уж окошек в этом гнездилище было не счесть. Конечно, вокруг тоже строились. Так и возникло Заскочье — неширокая густонаселенная полоса между берегом реки и Древлепущей, — возникло и стало не то ширской колонией, не то огромными выселками. Главной деревней считалась Скочка, раскиданная в беспорядке вдоль берега и по склонам холма. Жители Марей поддерживали с обитателями Заскочья дружеские отношения и признавали

авторитет старейшины Брендискоков. В этом с ними солидарны были все окрестные фермеры от Крепи до Камышовки. Прочие же обитатели Шира относились к Заскочью как к близкой заграница, а народ тамошний и за хоббитов не считали, а напрасно. Местные уроженцы всего-то и отличались любовью к воде, умением строить лодки и просто плавать. Во всем же остальном водоплавающий хоббит в точности походил на жителя любой из Четей.

Здешние земли оказались открытыми на восток. Из-за этого пришлось создать Заплот — живую изгородь, над которой потрудилось не одно поколение местных садовников. От Брендидуинского Моста Заплот охватывал берег с востока широкой петлей до самого впадения Ивлинки, вытекавшей из Древлепущи, — а это, пожалуй, от конца до конца миль двадцать. Выглядел Заплот здорово, но вряд ли мог считаться надежной защитой. На ночь все равно запирались, чего во всех других уголках Шира отродясь не делали.

Паром медленно подвигался к берегу. Из всех собравшихся только Сэм никогда не был за рекой. Он сидел, вслушиваясь в незнакомые звуки журчащей воды за бортом, и думал, что прежняя его жизнь осталась на покинутом берегу, а впереди,

похоже, одно длинное, мрачное приключение. «И что ему не жилось спокойно в Засумках», — подумал он о Фродо, но в это время паром причалил. Мерри остался привязывать лодку, а Пиппин взял пони под уздцы и повел вверх по тропинке, когда Сэм свистящим шепотом заставил всех оглянуться:

— Господин Фродо! Гляньте-ка туда!

На том берегу на светлых досках причала в свете двух фонарей появилось нечто черное. Издалека оно смахивало на тюк сена, вдруг решивший отправиться на водопой. Нечто суетилось на причале, словно обнюхивая помост, а потом кануло во мрак за фонарями.

— Это еще что такое? — вытаращил глаза Мерри.

— Понимаешь, — тихо сказал Фродо, — это за мной. Ты меня не спрашивай пока, ладно? Дома расскажу. Пошли.

Они заспешили вверх по тропе, а когда оглянулись с холма, дальний берег уже скрыл туман.

— Лодок ведь больше нет на том берегу? — спросил Фродо у Мерри, а получив утвердительный ответ, воскликнул оживленно: — Вот и прекрасно! А как ты думаешь, могут кони пересечь реку?

— Могут, конечно, — ответил удивленный

Мерри. — Двадцать миль к северу — вот тебе Брендидуинский Мост, пересекай себе на здоровье. А если ты про переплыть спрашиваешь, так я о таком не слыхал никогда. Зачем тебе?

— После, после, — отмахнулся Фродо. — Вот домой придем, двери закроем и поговорим.

— Ну, как знаешь. Ладно. Топайте поживее, а я поеду, предупрежу Фредегара. Ужин накроем и прочее.

— Вообще-то мы поужинали у Мэггота, — смущенно проговорил Фродо, — но можно и еще раз.

— Можно, можно, — добродушно проворчал Мерри. — Дай-ка корзину. — Он пристроил подарок хозяйки Мэггота на седло, тронул пони и умчался в темноту.

До нового жилища Фродо в Кривражках было не близко. Дом стоял на самом краю Заскочья, поэтому Фродо и остановил на нем свой выбор. Место тихое, незаметное. Для того и выстроили его в свое время Брендискоки, чтобы было где отдохнуть от суматошной жизни в Брендиморье. Низкий и длинный дом, крытый дерном, с круглыми, как полагается, окошками и дверями, очень похожий на нору, стоял в глубине за деревьями. С дороги его было не видать.

Пока хоббиты шли от калитки к дверям, дом

казался погруженным во тьму. Плотные ставни не пропускали света. Зато, когда на стук Фродо дверь открыл Фредегар, света оказалось сколько угодно. Пришедшие с удовольствием захлопнули двери перед носом у ночи и оказались в просторной прихожей, из которой коридор вел в глубину дома.

— Ну, как вам здесь? — спросил Мерри, появляясь в дверях. — Мы с Фэтти постарались обжить эту хоромину, но приехали-то только вчера, вы уж не рассчитывайте на многое.

Фродо огляделся. Мерри с Фредегаром действительно постарались. Его окружали любимые знакомые вещи (на новом месте они вдруг остро напомнили о Бильбо), и стояли они по возможности как в Засумках. У Фродо защипало в глазах. Ему вдруг очень захотелось и вправду поселиться в этом тихом уютном доме. Друзья старались для него, а он… он вынужден будет бросить все и уйти… уйти скоро, этой же ночью, и сказать им об этом придется до того, как все разойдутся спать.

— Здорово! — выдавил он с трудом. — Как будто и не переезжал вовсе.

После того как все разделись и пристроили котомки, Мерри провел их по коридору и распахнул дверь слева. Пахну́ло банным теплом и паром.

— Баня! — заорал Пиппин. — Ура почтенному Мериадоку!

— Кто первый? — быстро спросил Фродо. — Самый старший или самый быстрый? И так, и так ты последний, мастер Перегрин.

— Хватит вам, — вмешался Мерри. — Неужели я не подумал о таких мелочах? Не хватало нам отметить новоселье дрязгами из-за корыта! Там *три* ушата, а в медном котле вдоволь кипятку. И полотенец хватает, и мочалок, и мыла! Заходите, да поживей!

Мерри и Фредегар отправились на кухню и, улыбаясь, прислушивались к шуму, долетавшему из ванной. Слышались плеск, уханье, кто-то нестройно запевал, пока над всеми не поднялся голос Пиппина, распевающего любимую купальную песню Бильбо:

О бане пой! Там жар и зной!
Отмоем пыль и прах земной!
Здесь даже полный обормот
От наслажденья обомрет!

По склонам гор бежит ручей,
Чарует звук его речей.
Но мне милее во сто крат

Воды горячей водопад!

В жару приятно отхлебнуть
Воды холодной хоть чуть-чуть.
Но если жаркий бьет поток,
Тогда — пивка глотков пяток!

Фонтан ласкает слух и взор,
Но здесь, где пышет пар из пор,
Куда нежней ласкает слух
Звук пятки, делающей «плюх»!

Пение оборвалось громким всплеском и возгласом Фродо: «Ух ты!» Надо было понимать так, что вода из ушата Пиппина сделала «плюх».

Мерри постучал в дверь кулаком и прокричал: «Эй, там! Как насчет ужина и пивка глотнуть?» Дверь открылась, и в клубах пара вышел Фродо с полотенцем на голове.

— Там такую сырость развели, — сообщил он, — придется на кухне досыхать.

Мерри заглянул в дверь. На каменном полу плескалась вода.

— Вот что, Перегрин, — сурово решил Мерри. — Пока не проведешь здесь осушение, еды не получишь. А задерживаться не советую, ждать не станем.

Ужинали на кухне, у огня.

— Вы, наверное, грибов уже наелись, не будете больше? — с робкой надеждой спросил Фредегар.

— Вот еще! — вскричал Пиппин.

— Это мои грибы! — Фродо подвинул к себе большой глиняный горшок. — Подарок госпожи Мэггот, королевы здешних хозяек. Уберите ваши загребущие лапы. Я сам всем положу.

Люди тоже любят грибы, но до хоббитов им в этой любви далеко. Здесь кроется причина небезопасных экспедиций юного Фродо в тщательно охраняемые поля Мэггота. Впрочем, это было давно. Госпожа Мэггот оказалась столь же щедра, сколь добра, поэтому хватило всем, и даже Фредегар не стал сетовать на размер порции. Да и кроме грибов на столе нашлось кое-что. Закончив ужин, хоббиты, отдуваясь удовлетворенно, подвинули табуретки к огню.

— Со стола потом уберем, — разнежившись, решил Мерри. — Ну, рассказывайте. Все рассказывайте. Что там у вас за приключения случились в дороге? Как вас к Мэгготу занесло? И почему он так на меня заорал поначалу? Если бы я его не знал, решил бы, что его испугали.

— Да нас всех испугали, — признался после некоторого молчания Пиппин. Фродо сидел мол-

ча, глядя в огонь. — Ты бы тоже испугался, если бы за тобой два дня Черные Всадники гонялись.

— Кто, кто?

— Ну, знаешь, черные такие, вроде Верзилы, на черных конях, — неуверенно пояснил Пиппин. — Я вижу, Фродо говорить не намерен. Ладно, давай я расскажу. — И он обстоятельно рассказал обо всем происшедшем с момента ухода из Засумок.

Сэм слушал, кивал одобрительно, а в некоторых местах поддакивал. Фродо все молчал.

— Да-а, — помотал головой Мерри. — Если бы я не видал эту страхолюдину на причале, ни в жизнь не поверил бы. Теперь понятно, почему у Мэггота голос такой был. А ты-то, Фродо, что на это скажешь?

— Темнит что-то наш Фродо, — сказал Пиппин. — А пора бы ему перестать темнить. Мэггот вот думает, что это как-то связано с сокровищами Бильбо…

— Нет-нет! Это так, догадки всякие, — торопливо проговорил Фродо. — Мэггот же наверняка ничего не знает.

— Старина Мэггот — мужик проницательный, — веско произнес Мерри. — Лицом простоват, да умом тороват! Когда-то он хаживал в самое сердце Древлепущи, много странного повидал на

своем веку. Ну, а нам-то ты скажешь, насколько верны его предположения?

— Наверное, — медленно заговорил Фродо, — это хорошая догадка. Наши дорожные приключения действительно имеют отношение к Приключению Бильбо. Всадники высматривают или вынюхивают его, а может, и меня уже. Все это очень серьезно и, если хотите знать, мне теперь всюду опасно...

Он как-то затравленно оглядел окна, стены, потолок, словно ждал, не рухнут ли они ему на голову. При этом Фродо совершенно не замечал многозначительных взглядов, которыми обменивались его друзья.

— Вот сейчас, — шепнул Пиппин Мерри. Тот кивнул.

— Хорошо, — решившись, произнес Фродо. — Не буду больше темнить. Мне надо сказать вам кое-что. Вот только как начать, не знаю.

— Давай помогу, — вполголоса предложил Мерри. — Начну за тебя.

— Что ты имеешь в виду? — с беспокойством спросил Фродо.

— Эх, старина Фродо! Мы же видим, что тебя мучает. Ты не знаешь, как распрощаться. Надумал уходить из Шира, а опасности начались раньше, чем ты до границы добрался. Времени нет, а уходить тебе не хочется. И мы тебе очень сочувствуем.

Фродо как открыл рот, так и забыл его закрыть. Друзья захохотали.

— Добрый старый Фродо! — хлопнул его по плечу Пиппин. — Ты и вправду надеялся нам пыль в глаза пустить? Да у тебя на это ни хитрости, ни осторожности не хватит! Ты так долго прощался

со своими любимыми местечками, так вздыхал с самого апреля! А сколько раз ты бормотал под нос: «Ах, ах! Увижу ли я еще эту долину?» — и прочее в том же духе. А как ты притворялся, что жить не на что! А продажа ненаглядных твоих Засумок Дерикулям! А разговор с Гэндальфом!

— О небо! — воскликнул Фродо. — А я-то думал — никто ничего не знает. Что же обо мне Гэндальф подумает? Так, значит, весь Шир обсуждает мой отъезд?

— Ну нет! — ответил Мерри. — Об этом не беспокойся. Конечно, тайна твоя долго не продержится, но пока кроме нас — заговорщиков, никто ничего не знает. Мы все-таки твои друзья, давно тебя знаем, нам не составит труда догадаться о твоих мыслях. А я ведь и Бильбо неплохо знал. Когда он ушел, я глаз с тебя не спускал, уверен был — ты вслед за ним отправишься, даже думал — ты раньше уйдешь. В последнее время ты нас заставил поволноваться, и уж тут мы смотрели в оба — как бы ты тишком не сбежал. Ну и сами кое-что прикидывали. Видишь, так просто тебе не улизнуть!

— Но я же должен идти, — вымолвил Фродо. — Тут и вы мне не поможете. Это ужасно для нас для всех, только не удерживайте меня. Раз вы

тут такие догадливые оказались, помогите, а не мешайте.

— Э-э, ты не понял, — остановил его Пиппин. — Надо тебе идти — значит, надо. Ну а мы — с тобой. Вот я и Мерри. Сэм — отличный парень, он за тебя дракону в пасть прыгнет, но одного мало. Дорога-то опасная.

— Милые вы мои, самые ненаглядные хоббиты! — произнес Фродо, тронутый до глубины души. — Нельзя ведь. Я давно решил. Вот вы об опасности говорите, а не представляете ведь: это вам не охота за сокровищем, не путешествие туда и обратно. Мой путь — от одной смертельной опасности к другой.

— Да знаем мы про твой путь, — серьезно ответил Мерри. — Потому и решили идти. Мы понимаем, что с Кольцом шутки плохи, и собираемся помочь тебе, раз ты против Врага пошел.

— С Кольцом? — в полном изумлении повторил Фродо.

— Именно с Кольцом, Фродо, скрытный ты наш, — ласково подтвердил Мерри. — Я уже много лет о нем знаю. Еще при Бильбо узнал. Он-то считал, это уж такая тайна! Ну и я молчал, конечно, пока вот наш заговор не сложился. Тебя-то я знаю все-таки лучше, чем Бильбо. Я тогда

молодой был, а он — осторожный, но все-таки недостаточно осторожный, как оказалось. Хочешь, могу рассказать, как я про Кольцо узнал.

— Давай. — Фродо вяло махнул рукой.

— Тайна его открылась из-за Дерикуль-Сумниксов, — начал Мерри. — Как-то раз, примерно за год до того дня рождения, шел это я по дороге и вижу: впереди Бильбо идет. Вдруг навстречу нам издали — Дерикули. Бильбо с шага сбился, а потом — р-раз! — и исчез! Я так обалдел, что сам едва спрятаться не забыл. Ну а потом-то прошли они, я краем дороги крадусь, а сам все на дорогу смотрю. И высмотрел. Бильбо словно бы из ничего появился и сует что-то в карман. Оно еще на солнышке так золотом взблеснуло. Тут уж, сам понимаешь, я от Бильбо ни на шаг. Да, шпионил, сознаюсь, но уж больно любопытно. Я ведь любознательный дорослок был. Наверное, во всем Шире кроме тебя я один в тайную книгу старика заглядывал.

— Ты читал книгу!? — ахнул Фродо. — Свет небесный! Да можно ли что-нибудь вообще в этом Шире в тайне держать?

— Наверное, можно, — не очень уверенно ответил Мерри. — Правда, в книгу я только мельком заглянул. Это непросто было. Бильбо не оставлял

ее без присмотра. А почитать было бы интересно. Что с ней стало? Она у тебя?

— Нет. Наверное, он ее с собой взял.

— Жаль. Ну ладно, — продолжал Мерри. — Я, значит, держал при себе, что знал, а нынешней весной, смотрю, серьезные дела начались. Вот тогда и сложился наш заговор. Намерения у нас тоже были серьезные, и, прямо тебе скажу, особо церемониться мы не стали. И ты не простой орешек, а Гэндальф и подавно. Хорошо, у нас осведомитель был. Познакомить?

— Где он? — слабым голосом спросил, озираясь, Фродо. Он уже ко всему был готов и не удивился бы, выйди из-за буфета какая-нибудь зловещая фигура.

— Эй, Сэм, покажись! — окликнул Мерри, и Сэм, красный как рак, выступил вперед.

— Вот наш главный добытчик! И добыл он немало. Правда, в конце концов попался-таки. И после того — ни гу-гу.

— Сэм! — вскричал Фродо. Он больше не удивлялся и теперь сам не знал, радоваться ему или гневаться, одурачили его или, наоборот, помогли.

— Да, сударь, — смущенно пролепетал Сэм. — Я виноват, конечно, но я же не во вред вам, гос-

подин Фродо. Да и господин Гэндальф говорил, помните, найди, дескать, кого-нибудь, кому доверять можно…

— Да кому же из вас доверять можно! — возмутился Фродо.

— Это смотря что, — заметил Мерри. — В беде можешь доверять нам. Мы с тобой через огонь и воду пойдем, до конца. И тайну твою сохраним не хуже тебя. А вот если сбежать надумал потихоньку — на нас не надейся. Мы же друзья тебе, Фродо. О Кольце знаем. Боимся, конечно, но пойдем с тобой. А уйдешь — за тобой пойдем, как собаки по следу.

— А помните, сударь, что Гилдор-то говорил, — ввернул Сэм. — Надо, мол, взять тех, кто захочет, уж от этого-то вы не откажетесь.

— Нет, не откажусь, — медленно произнес Фродо, глядя на ухмыляющиеся лица. — А ты, — повернулся к Сэму, — храпи теперь, не храпи, все равно тебе доверия нет. Все вы обманщики. Ну, будь по-вашему. — Он рассмеялся и махнул рукой. — Сдаюсь. Приму совет Гилдора. Эх, если бы оно не так опасно было, я бы плясал от радости. Да нет, я все равно счастлив, и легко мне, как давно не было. А я так боялся этого разговора!

— Вот и славно! Да здравствует капитан Фродо

и его команда! Трижды ура! — Они кричали и прыгали вокруг него. Потом Пиппин и Мерри завели песню, специально заготовленную на этот случай. Происходила она от старой песни гномов, с которой началось Приключение Бильбо, и мотив был тот же.

Прощай, порог! Наш путь далек.
Пусть хлещет дождь, сбивая с ног, —
Уходим прочь в глухую ночь
Сквозь дебри, горы, дол и лог.

Вдали живет среди болот
Эльфийский первозданный род.
Сквозь ночь и тьму спешим к нему,
Ища надежду и оплот.

Опасен враг, коварен рок,
Но дан зарок, и долг высок —
Исполни силой каждый шаг,
Пока итог пути далек!

Уходим прочь! Уходим прочь!
Гони коней в глухую ночь!

— Славно, славно! — сказал Фродо, дослушав. — До итога далеко, а дел много. Сегодня, пожалуй, и

вовсе спать не придется.

— Так это же песня! — возмутился Пиппин. — Ты что, и правда собрался «гнать коней в глухую ночь»?

— Не знаю, как лучше, — ответил Фродо. — Я боюсь Черных Всадников. Долго на одном месте оставаться опасно. К тому же все знают, куда я направлялся. Гилдор тоже советовал не медлить, а мне так хочется дождаться Гэндальфа. Ума не приложу, почему его нет! Гилдор и тот встревожился. А насчет выхода, я думаю, это от двух вещей зависит. Во-первых, от того, как скоро доберутся Всадники до Скочки, а во-вторых, как скоро мы сможем собраться. Это же времени требует.

— Ну, на второй вопрос я тебе отвечу: можем через час выходить, — сказал Мерри. — Я все давно приготовил. В стойле — шесть пони, припасы, снаряжение уложены. Остались кое-какие личные вещи да продукты с ледника.

— Вижу, подготовились, — кивнул Фродо. — А насчет Черных Всадников что вы думаете? Можем мы подождать Гэндальфа еще день?

— Понимаешь, — задумчиво произнес Мерри, — мы ведь не знаем, что могут сделать Всадники, если застанут тебя здесь. Заплот их вряд ли остановит, хоть там и охрана есть. Пропустить

их ни днем, ни ночью не пропустят, а вот силой Всадники прорваться могут. Но, с другой стороны, если тот же Всадник тебя спросит, могут и пропустить. Многие ведь знают о твоем возвращении.

Фродо глубоко задумался. Друзья ждали.

— Ладно, сделаем так, — решил наконец Фродо. — Выйдем на рассвете, по дороге не пойдем. Через Северные Ворота тоже нельзя — они у всех на виду. А надо бы хоть на несколько дней сохранить наш уход в тайне. Мост и Западная Дорога наверняка у них под наблюдением. Я не знаю, сколько их, думаю, двое, а то и больше. Значит, надо идти туда, где нас не ждут.

— Это что же, в Древлепущу, что ли, идти? — испуганно выговорил Фредегар. — И думать нечего. Это еще опасней, чем встреча со Всадниками.

— Ну почему? — Мерри почесал в затылке. — Затея отчаянная, но, похоже, Фродо прав, другим путем незаметно не уйдешь. А так у нас есть шансы.

— Нету в Древлепуще никаких шансов, — категорически заявил Фредегар. — И никогда не было. Сгинете вы там, и вся недолга. Не ходит туда никто.

— Так уж и никто, — усомнился Мерри. — Брендискоки ходят, если приходится. И тропинка у

нас там знакомая есть. Фродо ходил когда-то. И я был, даже несколько раз. Днем, правда, когда деревья сонные и спокойные.

— Ну и идите, — проворчал Фредегар. — Я этого леса больше всего на свете боюсь. Про него такое рассказывают! Можете, конечно, мой голос не считать, я-то с вами не иду. Надо же кому-то здесь оставаться, Гэндальфа подождать опять же, рассказать ему все. Он, наверное, того и гляди, подъедет.

Фредегар Пузикс любил Фродо, но вовсе не горел желанием повидать мир. Родом он был из Восточной Чети, но дальше Брендидуинского Моста никогда не бывал. По замыслу заговорщиков ему надлежало оставаться при доме и уговаривать посетителей подождать денек-другой, господин Фродо, мол, отдыхает, скоро выйдет. Решили даже одеть его во что-нибудь из вещей Фродо. Никто и не задумывался, насколько опасен такой маскарад.

— Отлично, — одобрил Фродо, когда выслушал все соображения. — Не письмо же Гэндальфу оставлять. Они ведь могут дом обыскать. А раз Фредегар взялся держать оборону, мы хоть будем уверены, что Гэндальф узнает, куда и как мы пошли. Все. На рассвете уходим через Древлепущу.

— Не хотел бы я поменяться с Фэтти, — сказал Пиппин.

— Подожди говорить, пока в лес не войдешь, — посоветовал Фредегар. — Завтра об эту пору ты уже захочешь поменяться со мной, да только поздно будет.

— Хватит об этом, — вмешался Мерри. — Надо еще прибраться да спать идти. Завтра я ведь вас действительно «в глухую ночь» подниму.

Оказавшись в постели, Фродо долго не мог заснуть. Болели ноги, и идея продолжить путешествие верхом казалась как нельзя кстати. Постепенно какой-то смутный сон одолел его. Фродо снилось сплошное море листвы под каким-то окном, далеко внизу. Там меж корней крались и принюхивались черные твари. И во сне он был уверен, что рано или поздно они его вынюхают. Издали накатывал монотонный шум; Фродо думал, что это ветер шумит в листве, но оказалось — это Море. Фродо никогда не слышал Моря наяву, но в сновидениях странный морской прибой часто тревожил его. Вдруг он обнаружил себя на открытом месте, совершенно безлесном, заросшем вереском, а в воздухе ощущался странный солоноватый привкус. Прямо перед ним на одиноком холме высилась стройная белая башня.

Он тут же почувствовал желание взобраться наверх и посмотреть на Море. И уже начал подниматься, как вдруг небо осветилось молнией и загрохотал гром.

Глава VI
Древлепуща

Фродо внезапно проснулся от стука. За окном было еще темно. В дверях стоял Мерри со свечой в руке.

— Привет! — сказал ему Фродо. — Ты чего шумишь?

— Как чего? — возмутился Мерри. — Вставать пора. Полпятого. На улице туман, как по заказу. Поднимайся. Сэм уже завтрак готовит. Пиппин и тот встал. Я пошел пони седлать. А ты разбуди Фэтти, должен же он нас хоть проводить.

Благодаря неуемной энергии Мерри в шесть собрались выходить. Фредегар зевал во все горло. Хоббиты даже с крыльца спускались, стараясь не шуметь. Впереди Мерри вел навьюченного

пони. Тропинка, ныряя в заросли, огибала дом и задами выводила в поле. Туман оседал на деревьях, с веток капало, листья блестели, а трава стала совсем седой от росы. В утренней тишине все звуки казались близкими: вот на соседнем хуторе хлопнула дверь, вот куры завозились на насесте и принялись негромко клохтать.

В стойле на краю огорода их ждали верховые пони: крепкие невысокие лошадки, неторопливые, но выносливые, как мулы. Теперь, уже верхом, они вступили в туман. Идущий впереди словно пробивал в нем коридор для остальных, но за спиной последнего туман снова смыкался, и было в этом что-то зловещее. Только через час медленной, в полной тишине, езды впереди выступил Заплот. Поверху серебрилась росная полоса.

— Как же мы тут пролезем? — озабоченно спросил Фредегар.

— Со мной не пропадешь, — не останавливаясь, сказал Мерри. Он уверенно свернул вдоль ограды влево, обогнул небольшой овражек и остановился перед неширокой траншеей, наклонно уходящей под землю. Стенки, выложенные кирпичом, вскоре смыкались наверху, образуя тоннель. Хоббиты спешились и взяли пони под

уздцы. Фэтти прокашлялся.

— До свидания, Фродо, — промолвил он. — Мне все равно ваш выбор не по душе. Ну теперь чего уж говорить. Удачи вам, и сегодня, и каждый день.

— Хотел бы я, чтобы Древлепуща оказалась самым серьезным нашим препятствием, — сказал Фродо. — Ладно. Скажи Гэндальфу, пусть догоняет нас по Западной Дороге, мы скоро выйдем на нее и уж останавливаться не будем.

Они распрощались и один за другим скрылись в тумане. Темнота и сырость окружили их, но вскоре путь преградили ворота, запертые тяжелым железным засовом. Мерри открыл створки, пропустил друзей и закрыл снова. Громко лязгнув, сработал замок. Звук показался хоббитам зловещим.

— Вот мы и покинули Шир, — сказал Мерри. — Теперь над нами Древлепуща.

— О ней много чего говорят. Как думаешь, правда это? — спросил у него Пиппин.

— Есть и правда, но больше пустое болтают, — помолчав, ответил Мерри. — Гоблины там всякие, волки и тому подобное — этого здесь нет. Ничего этого я не видел и ни во что такое не верю. Но лес, конечно, не простой. Все тут живое,

куда живей, чем у нас в Шире. Деревья всегда настороже и чужих не любят. Идешь, а они с тебя глаз не спускают. Обычно этим и кончается, ну, может, шишку на голову уронят, корень могут подставить, веткой цапнуть — это днем, а ночью, понятно, другое дело. Ночью им лучше не попадаться. Хотя сам я ночью далеко от Заплота не ходил. Но своими глазами видел: деревья разговаривают, не то тебе кости перемывают, не то про свое что, а то вот еще: ветра нет, а ветки так и плещутся. Говорят, они и ходить могут. Мне рассказывали (давно это было), однажды деревья на Заплот напали. Пришли и рассадили себя прямо вдоль него, да так, чтобы внутрь заглядывать можно было. Пришлось тогда много срубить и охранную полосу выжечь. Больше не нападали, но, сам понимаешь, отношения с ними маленько испортились.

— Ну а кроме деревьев? — спросил Пиппин.

— Разное там живет, — неохотно отозвался Мерри. — Особенно в глубине и на той стороне. Не был я там, точно не знаю. Тропинок-то в лесу много, кто-то их прокладывает. Хотя, похоже, на месте и они не стоят, бродят по лесу. Не спрашивай, как они это делают. Здесь от выхода из тоннеля широкая тропа на Паленую Плешь ведет,

а дальше — на северо-восток, как раз куда нам надо. Она-то, наверное, на месте.

Хоббиты выбрались из тоннеля и действительно обнаружили хорошую тропу, ведущую к опушке. Но под кронами первых же деревьев она словно сквозь землю провалилась. Позади, ярдах в ста, темнела стена Заплота, а впереди — сплошная чаща, там теснились деревья всех видов и размеров: толстые и тонкие, прямые и кривые, гладкие и суковатые, покрытые лишайниками и какими-то скользкими бородавками. Они обступили незваных гостей со всех сторон.

— Тут через два шага забудешь, в какой стороне Заплот, — проворчал Фродо, глядя на жизнерадостного Мерри. — Еще не хватало заблудиться…

Они пробирались между деревьями, и пони, нервно подрагивая шкурой и осторожно переступая через вылезающие отовсюду корни, покорно шли в поводу. Подлеска не было. С первых же шагов начался подъем, а деревья росли чем дальше, тем все гуще и гуще. Стояла удивительная тишина, не шевелился ни единый лист, только изредка громко капало с ветвей. Очень скоро путникам стало казаться, что настороженные, неодобрительные, пожалуй, даже враждебные взгляды устремлены на них со всех сторон. Ощущение

становилось все сильнее, и хоббиты невольно начали озираться по сторонам. У Пиппина сдали нервы.

— Ай! — заорал он вдруг. — Эй! Я же не трогаю никого! И трогать не буду, только пройти дайте!

Все вздрогнули и прислушались. Но крик бессильно замер, не породив ни эха, ни отклика. А лес, казалось, встал вокруг еще плотнее.

— Я бы не шумел на твоем месте, — недовольно проговорил Мерри. — Вреда от этого больше, чем пользы.

Фродо гадал про себя, надо ли было тащить друзей через этот подозрительный лес. Мерри все вертел головой, пытаясь отыскать тропу. Пиппин не утерпел:

— Быстро же ты управился. Полчаса и прошло-то всего, а куда идти — уже неизвестно. — Он собирался еще побурчать, но тут Мерри облегченно воскликнул:

— Значит, деревья и правда двигаются. Вот она, Плешь-то Паленая, а тропа теперь в стороне идет!

Впереди быстро светлело. Неожиданно деревья кончились, открылась широкая прогалина, и хоббиты с облегчением увидели над головой синее небо. Пробираясь в чаще, они не заметили

наступления утра и теперь радовались солнцу, озарявшему вершины. Лес стоял по краям прогалины стеной. Но впереди было совершенно ровное место без единого даже пня, поросшее разнотравьем. Здесь покачивались печальный болиголов и тмин, ронял опушенные семена кипрей и буйствовали крапива с чертополохом. Нельзя сказать, чтобы место было особенно веселым, но хоббитам после мрачной чащи оно показалось прелестным садом. На другой стороне прогалины отчетливо виднелась тропа. Она просматривалась ярдов на двести вперед и только потом исчезала за деревьями. Хоббиты, снова верхами, бодро направились по ней. Подъем, теперь малозаметный, все еще продолжался, зато ничто не мешало двигаться, и путники начали подумывать, не сжалился ли над ними лес, не надоело ли ему пугать их. Однако вскоре воздух опять потяжелел. Становилось душно. Темная лесная воля заставила ссутулиться, а звук копыт в тишине больно отдавался в ушах. Фродо пришло в голову запеть, взбодрить остальных, но ничего, кроме бормотания, у него не получилось. Он упрямо выговаривал:

Бродяги в сумрачных краях!

Не вечна мгла — отриньте страх:
Еще отступит мрак лесной,
Откроет солнце облик свой,
И будет свет, и в свой черед
Придет закат, придет восход,
Леса исчезнут навсегда…

Последнее слово совсем уж жалко кануло в тишину. Вязкий воздух глотал звуки, простой разговор требовал усилий. Прямо позади них обломился и с шумом рухнул на дорогу здоровенный сук. Деревья, казалось, подобрались поближе.

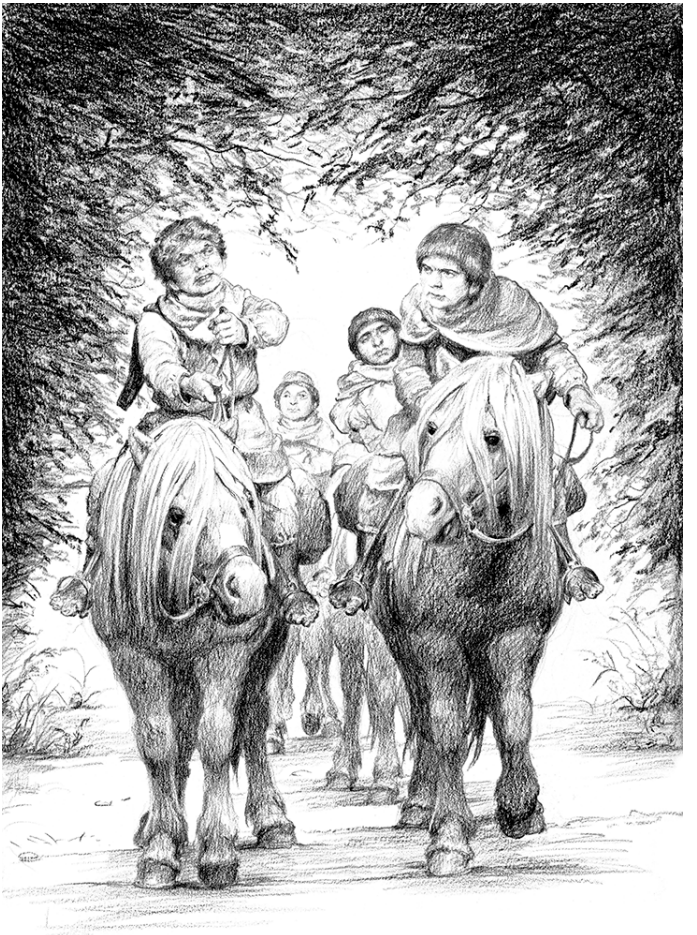
— Не хотят они исчезать, а в песнях и вовсе не понимают, — с трудом пошутил Мерри, скрывая беспокойство. — Потерпи уж. Вот выберемся отсюда, устроим им концерт!

Никто не ответил ему. Фродо вяло перебирал мысли, стараясь угадать, какая из них не понравилась деревьям. В какой-то момент он чуть не предложил повернуть назад (если это было возможно), и тут наконец что-то изменилось. Подъем прекратился, деревья снова раздвинулись, а впереди зазеленела вершина холма, похожая на лысую голову. Тропа вела туда.

Хоббиты поторопили пони, им не терпелось

выбраться из-под сводов леса. У подножия холма тропа опять потерялась в траве. Здесь сходство с лысиной, обрамленной остатками кудрей, стало еще заметнее. Хоббиты поднялись на макушку и огляделись. Все тонуло в солнечном сиянии, но даль была скрыта осенней дымкой. Внизу, в лесных чащах, туман таился кое-где, а к югу скапливался плотной завесой над глубоким оврагом.

— Там Ивлинка течет, — показал на туман Мерри. — Она с Упокоищ спускается и проходит по самой середине Древлепущи, а уж потом в Брендидуин впадает. Вот куда нам не надо! Ивлинка — это самое сердце леса, и сердце злое. От него здесь все и идет.



Все посмотрели туда, куда показывал Мерри, но за туманами, скрывавшими южную часть леса, трудно было разглядеть что-нибудь. На западе уже не видать было ни Заплота, ни Брендидуина; на севере, куда они вглядывались с особой надеждой, не было заметно ничего похожего на Западную Дорогу. Они оказались словно на острове, окруженном со всех сторон бескрайним зеленым морем. Сходство усиливалось обрывистым юго-восточным склоном холма, словно вздымавшимся из зеленой пучины. Хоббиты уселись на бровке и пообедали, поглядывая на леса окрест. Когда день перевалил за середину, глазастый Пиппин различил на горизонте линию Упокоищ — древних курганов, расположенных по ту сторону Древлепущи. Это приободрило путешественников. Приятно было увидеть, что у лесного моря есть берега, хотя идти туда они вовсе не собирались. Об Упокоищах ходили еще более зловещие легенды, чем о самой Древлепуще.

Наконец снова тронулись в путь. Тропинка, которая привела их сюда, нашлась с северной стороны, но вела себя неправильно, все время норовя забрать вправо. Когда начался заметный спуск, стало очевидно, что никуда, кроме Ивлинки, она привести не может. Делать было нечего, и

после недолгих споров путники решили бросить ее и идти на север. До Дороги, хоть и невидимой за лесом, вряд ли могло оказаться больше пятнадцати миль. Опять же, земля в той стороне была поровнее и посуше, деревья росли потоньше, а темные сосны и ели уступали место более приятным дубам и ясеням, среди которых попадались, правда, и какие-то местные, неведомые породы.

Поначалу выбор казался хорош. Двигались быстро, но на очередной прогалине заметили, что чересчур забирают на восток. Потом над головами снова сомкнулись древесные своды, причем как раз там, где деревья издали казались потоньше и росли не так густо. Под ногами стали попадаться глубокие рытвины, похожие на борозды, оставленные гигантскими колесами. На них буйно разрослась ежевика. Постепенно борозды становились шире, лежали они поперек пути, и приходилось тратить время на спуски и подъемы, мучая и без того усталых пони. Каждый раз на дне очередной уже не рытвины, а лощины оказывалось, что сплошные заросли не дают идти влево, но зато оставляют проход вправо. Выбираясь наверх, хоббиты замечали, что деревья с каждым разом становятся темнее и гуще, и снова путь направо и вниз неизменно

оказывался легче, чем налево и вверх.

Через пару часов направление потеряли окончательно. Ясно было только, что на север они не идут уже давно. Их явно уводили прочь, и оставалось идти, куда вели — в самое сердце Древлепущи.

Полдень давно миновал, когда ползком (а где и кувырком) они спустились в очередной (какой по счету?) овраг, самый широкий и глубокий из попавшихся за день. Края его нависали над головой так высоко, что с пони и думать нечего было выбраться наверх. Оставалось идти по дну. Земля пружинила под ногами, кое-где становилась топкой, из склонов били родники, появился ручей, а местность продолжала быстро понижаться. Ручей становился все шустрее, сумрачный овраг все глубже, а небо уже давно закрыли сплошные кроны деревьев.

Ковыляя вдоль ручья, хоббиты неожиданно вынырнули из полумрака. Впереди, словно из арки, лился солнечный свет. Только выбравшись на чистое место, они сообразили, что впали вместе с ручьем через устье большущего оврага в долину реки. За неширокой полосой тростника и осоки виднелся ее противоположный берег, почти такой же крутой.

Мягкое осеннее солнечное сияние разливалось в теплом дремотном воздухе укромного речного русла. Коричневая вода лениво извивалась в берегах, заросших древними ивами, накрытая ивами, перегороженная упавшими ивовыми стволами, усыпанная мириадами опавших ивовых листьев. Их собратья неторопливо порхали вокруг, кружась в теплом, легком ветерке, веявшем вдоль реки. Шуршала осока. Чуть поскрипывали ивовые сучья.

— Наконец-то понятно, где мы! — с облегчением воскликнул Мерри. — Совсем не там, куда собирались. Это же Ивлинка! Подождите, я посмотрю, что там впереди. — С этими словами он скрылся в высокой траве, но скоро вернулся и радостно сообщил, что земля там вовсе не топкая и по берегу вполне можно идти.

— Там даже вроде тропа есть, — говорил он. — Если по ней пойти, может, удастся выбраться из Пущи с восточной стороны.

— Сомневаюсь, — скептически протянул Пиппин. — Она ведь может нас и в болото завести да там и бросить. Кто, по-твоему, проложил ее и зачем? Вряд ли о нас заботились. Я с этим лесом подозрительным стал. Даже начинаю верить всяким байкам. Ты думаешь, нам удастся на восток

пройти?

— Ничего я не думаю, — огрызнулся Мерри. — Я ведь не знаю, в каком течении Ивлинки мы оказались. Тем более откуда мне знать, кто тут ходит. Но другого-то пути нет.

Действительно, выбора не было. Выстроившись цепочкой, хоббиты двинулись за Мерри. Над головами качался сочный тростник, но тропа и вправду оказалась вполне подходящей. Она легко огибала озерки, заводи и болотца, оставаясь сухой и твердой. Часто ее пересекали ручейки, спешащие в Ивлинку из леса, но везде в таких местах аккуратно лежали рядком бревнышки или охапки хвороста.

Скоро хоббиты упарились. Солнце стояло высоко, а воздух звенел от огромного количества мух, с некоторых пор появившихся над маленьким караваном. Когда наконец большие серые ветви затенили тропу, хоббиты начали клевать носами. Каждый шаг давался с трудом, хотя вроде бы ничто не мешало идти. Наваливалась сонливость. Она словно выползала из травы под ногами, окутывала плечи, смежала глаза. Фродо почувствовал, как тяжелеет голова и клонится вниз подбородок. Прямо перед ним Пиппин споткнулся и упал на четвереньки. Фродо остановился.

— Нехорошо это, — словно сквозь вату услышал он голос Мерри. — Надо отдохнуть. Шагу больше ступить не могу. Вон там под ивами прохладнее и мух поменьше…

Фродо очень не понравилось, как говорил Мерри, — глухим голосом, заплетающимся языком.

— Идем дальше! — крикнул он. — Не время сейчас дремать. Сначала из лесу выберемся.

Но его, похоже, не услышали. Рядом стоял Сэм, зевая во все горло и сонно помаргивая. Фродо и сам внезапно почувствовал, что дальше идти не в силах. В голове поплыло. Тишина стояла звенящая. Даже мухи перестали жужжать. Только на пределе слуха ощущался тихий ровный шум, скоро в нем стал угадываться словно бы шепот, испускаемый ветвями над головой. Фродо с трудом взглянул вверх. Над ним навис огромный, древний, весь седой лох. Корявые его ветви тянулись тысячами узких, заскорузлых ладоней, узловатый перекрученный ствол избороздили глубокие трещины и дупла, сучья странно шевелились без причины. Мерцание и блики в листве ослепили Фродо, ноги его подкосились, и он упал у подножия дерева.

Мерри и Пиппин едва дотащились до ствола и привалились к нему спинами. Дерево поскри-

пывало, края трещин чуть заметно подрагивали, а когда хоббиты взглянули на серо-желтую тучу листвы над головой, им послышалось отдаленное пение. Глаза закрылись сами собой, и тогда пение стало слышней, казалось, можно было даже разобрать какие-то прохладные слова… там было про сон, про воду… Чары оказались необоримы, и друзья уснули у подножия огромного серого лоха.

Фродо из последних сил боролся со сном. Ему удалось даже встать на ноги, да и то лишь благодаря появившемуся вдруг непреодолимому стремлению добраться до воды.

— Подожди меня, Сэм, — непослушными губами пробормотал он. — Я на минутку, ноги ополосну…

Не в силах стряхнуть с себя сонную одурь, он сделал несколько шагов туда, где жуткие корявые корни лоха впились в реку. Пристроившись на одном из них, Фродо опустил горящие ступни в прохладную коричневую воду и внезапно заснул, успев привалиться плечом к стволу.

Сэм сел, почесал в потылице и отчаянно зевнул. Было как-то не по себе. День проходит, а тут этот внезапный сон…

— Солнышко-то как припекает, — проворчал он под нос. — Не нравится мне этот лох! Ишь, по-

слушать его, спать, дескать, надо. Как бы не так!

Он заставил себя встать и побрел взглянуть на пони. Оказалось, что две лошадки убрели далеко по тропинке. Он поймал их и только подвел к остальным, как странные звуки заставили его насторожиться. Сначала он услышал плеск, словно что-то тяжелое упало в воду, а потом, с другой стороны, будто щеколда упала на двери. Он кинулся к берегу, и вовремя! Спящий Фродо лежал по грудь в воде, а огромный древесный корень давил ему на плечи, пытаясь утопить. Сэм схватил хозяина за куртку и с трудом выволок на берег. Фродо сразу очнулся, закашлялся и начал отплевываться, видно, все-таки хлебнул воды.

— Знаешь, Сэм, — простонал он, — проклятое дерево чуть не утопило меня! Я чувствовал, а сделать ничего не мог. Этот корень сначала подталкивал, а потом просто спихнул меня в воду.

— Да задремали вы просто, сударь, вот и сверзились, — бормотал Сэм. — Не надо было на бережку спать пристраиваться.

— А с остальными что? — спросил Фродо, уже окончательно приходя в себя. — Интересно, что им приснилось?

Они обошли вокруг ствола, и тут Сэм понял, что за щелчок насторожил его. Пиппин исчез.

Щель, возле которой он лежал, сомкнулась так, что не осталось и следа. От Мерри торчали из ствола одни ноги, туловище скрывалось внутри глубокой трещины, и края ее смыкались на глазах! Несколько секунд Фродо с Сэмом оцепенело глядели на эту невероятную картину, а потом бросились колотить по стволу в том месте, где скрылся Пиппин. Они пинали дерево, бились о него, пытаясь развести края щели, схватившей Мерри, но все было напрасно.

— Ужасно! — в отчаянии закричал Фродо. — Зачем мы только пошли в этот треклятый лес! — Он изо всех сил пнул ствол лоха. Едва заметная дрожь пробежала по ветвям, листья встрепенулись и залопотали, но теперь в их шелесте слышалась издевка.

— А топора у нас с собой нету? — спросил Сэм.

— Есть у меня маленький, для хвороста, — отозвался Фродо, — да что с него толку!

— О! Погодите-ка! — воскликнул Сэм, зацепившись за слово «хворост». — Может, огнем его попробовать?

— А Пиппина мы не изжарим? — засомневался Фродо.

— Для начала попугаем эту уродину! — свирепо сказал Сэм. — А если не отдаст, я его свалю, хоть

бы мне зубами ствол грызть пришлось.

Он сбегал к пони и вернулся с двумя трутницами и топориком. Быстро набрав сухой травы и мелкого хвороста, они сложили у ствола костер. Стоило Сэму высечь искру, как сухая трава тут же занялась, огонь и дым рванулись вверх. Затрещали сучья. Пламя лизнуло серую кору лоха. Дерево вздрогнуло. Листья над головами хоббитов встрепенулись и, казалось, злобно зашипели. Изнутри дерева донеслись сдавленные голоса Мерри и Пиппина.

— Уберите огонь! Уберите! — кричал Мерри. — Он же сейчас пополам меня перекусит! Сам говорит!

— Кто? — закричал Фродо. — Кто говорит?

— Уберите! Уберите! — стонал Мерри.

Ветви дерева начали яростно раскачиваться. Зашумели и кроны соседних деревьев, словно костерок хоббитов оказался камнем, брошенным в тихую воду. По всему лесу пошли гулять волны недовольного, угрожающего ропота. Сэм быстро раскидал и затоптал костер. А Фродо, не помня себя от отчаяния, с криком «Помогите!» бросился по тропе. Поднявшийся ветер зашумел в кронах ив, голос Фродо тонул в сплошном шелесте, и вдруг издали донесся ответ, заставивший Фродо

замереть на месте. Звук пришел из-за спины, из глубины леса. Фродо крутанулся на пятках и прислушался. Сомнений не было! Там раздавался голос, глубокий веселый голос, беззаботно напевающий какую-то чепуху:

Динь-день, славный день! Солнце разбудило.

Трень-брень, серебрень, бор разбередило.

Том Бом, славный Том, Том Бомбадило!

С надеждой и страхом Фродо с Сэмом вслушивались в непонятные слова и вскоре уже легко различали то, о чем пел неизвестный.

Прыг-скок, лес-лесок, рощица-старушка.

Здесь порхает ветерок и свистит пичужка.

Там — дом под холмом. Ну-ка, это кто там

Озирается кругом? Может, ждет кого-то?

Это — женушка моя, это дочка речки

Дожидается меня, стоя на крылечке.

Старый Том спешит домой, он припас

для милой

Звуки песни озорной да букетик лилий.

Слышит песню дочь речная, светит ярче яхонта —

Золотая, Золотая, Золотая Ягодка!

Старый Лох, драчун лесной, корни прочь с дороги!

Том торопится домой — вечер на пороге.

Том несется со всех ног к милой и чудесной,

Прыг-скок, лес-лесок поднимая песней!

Хоббиты зачарованно слушали. Ветер стих. Листья на неподвижных ветвях безжизненно обвисли. Снова зазвенела песня, а потом из тростника на тропинку вышел, приплясывая и подпрыгивая… человек? Да, ростом он был с Верзилу, и шуму от него было не меньше. Голову незнакомца покрывала старая шляпа с высокой тульей и заткнутым за ленту голубым пером. Большими ногами в желтых башмаках он крепко топал по земле, продираясь сквозь тростник, как корова к водопою. На голубую вылинявшую куртку падала длинная курчавая борода, глаза были

ярко-синие, а лицо — красное, и все в морщинах, как печеное яблоко. В руках он держал огромный лист кувшинки, в нем, словно в глубокой тарелке, плавала охапка белых водяных лилий.

— Спасите! — закричали в один голос Фродо с Сэмом, бросаясь к нему.

— Эй, вы, тише там! — крикнул незнакомец, протягивая вперед поднятую ладонь. Хоббиты встали, словно на стену налетели.

Это что за беготня? Стойте, не дрожите!

Вы откуда, малышня, и куда спешите?

Я — Том Бомбадил. Живо отвечайте:

Кто и что здесь натворил? Лилий не сломайте!

— Наших друзей дерево поймало! — выпалил Фродо.

— Мастера Мерри дуплом заглотило! — вторил ему Сэм.

— Что?! — воскликнул Том Бомбадил, смешно подпрыгивая. — Безобразит Старый Лох? Только и всего-то? Есть управа на него, песенка найдется. Ах ты, старый серый Лох! Проморожу все нутро, если не уймется. Корни вылезут наверх, песенку заслышав. Ветер песней приманю, сдует листья с

веток! Надо же! Старый Лох!

Осторожно пристроив лилии на траву, Том вприпрыжку подскочил к дереву. Из ствола виднелись уже только ступни Мерри. Бомбадил приник к небольшому дуплу и принялся напевать что-то низким голосом. Слов хоббиты не разобрали, но Мерри неожиданно задрыгал ногами. Том отпрянул от ствола, отломил длинную ветку и хлестнул дерево.

Ну-ка, быстро отпустить! Больше не пытаться!

Твое дело — воду пить да землей питаться.

Что тебя за колдовство нынче разбудило?

Спать немедля! Таково слово Бомбадила!

Он поймал Мерри за ноги и единым махом выдернул его из расщелины. Тут же раздался протяжный скрип, распахнулась другая щель, и оттуда вылетел Пиппин, словно ему дали пинка. С громким деревянным стуком обе трещины схлопнулись. Лох встряхнулся от корней до вершины и затих.

— Спасибо вам, — хором сказали хоббиты.

Бомбадил расхохотался.

— Ну, мои малыши, — сказал он, наклоняясь и заглядывая им в лица, — пойдемте-ка домой! Стол накрыт, там желтый мед, сливки, хлеб и масло. Златеника ждет-пождет. За столом поговорим, время не жалея. Ну-ка, марш за мной, но — чур! — отставать не смейте!

Подняв лилии, он сделал приглашающий жест и, по-прежнему приплясывая и громко распевая всякую чепуху, пустился по тропинке.

Хоббиты, счастливые и ошеломленные, бросились было догонять своего чудного спасителя, но сразу отстали.

Том уже скрылся из глаз, и только песенка его слышалась впереди.

Эй, не медлите, друзья! Мчитесь, словно ветер!

Том отправится домой и огонь засветит.

Скоро солнышко зайдет — слышите, герои?

Тьма ночная упадет — двери вам открою.

Том шагает впереди — значит, все неплохо!

Не страшитесь темноты и лихого Лоха!

Корни, ветви — чепуха! В окнах свет сияет!

Прыг-скок, лес-лесок тоже это знает!

Пару раз долетело звонкое «эге-гей», и наступила тишина. Солнце село. Хоббитам припомнился в этот миг мягкий закат над Брендидуином, зажигающиеся светлячки окон в мирной, уютной Скочке. Здесь, в лесу, все было иначе. Вокруг стремительно темнело. Деревья угрюмо нависли над тропой. Белый туман, клубясь, всплыл над рекой и перелился через заросли тростника к корням и нижним сучьям.

Уже трудно было различать тропу, к тому же хоббиты очень устали. Ноги едва волоклись. Что-то шуршало и перебегало в кустах по сторонам тропинки, а вверху, в кронах деревьев, хоббитам чудились какие-то мерзкие рожи, злобно следящие за ними. Они брели, словно в кошмарном сне, не чая проснуться, а лес вокруг терял реальность, колебался и зыбился, угрожая, заманивая, исходя злыми чарами.

Еще несколько шагов — и они остановились бы, но тут начался подъем, невидимая вода в реке

неподалеку обрела голос, лес неожиданно кончился, а вместе с ним отступил и туман. По краю обширной поляны или луговины, взблескивая под звездами, бежала все та же Ивлинка, но веселая и чистая, совсем непохожая на ту дремотную коричневую ленту, какой хоббиты увидели ее впервые. Траву, похоже, недавно косили, тропа снова была хорошо видна, к тому же по краям появилось подобие низкой ограды из камней. Хоббиты поднимались на холм, а впереди — вот радость-то! — сияли теплым желтым светом окошки большого дома. Дверь распахнулась, широкая полоса света легла на дорожку. И хоббиты, и пони прибавили шагу. Ночные страхи отступили, даже усталость поубавилась, а навстречу веселым водопадом неслась скороговорка Бомбадила:

Вот и дом, славный дом. Заходи, ребята!

Пони, хоббиты — мы всех видеть страшно рады.

Начинаем торжество! Запеваем хором!

Неожиданно его поддержал еще один голос. Сначала хоббитам показалось, что зазвенела

весенняя капель, перелившаяся в звуки серебряных струй, льющихся на заре (утра? мира?) в первозданных холмах; а голос, радостный и юный, пел:

Начинаем нашу песню! Подпевайте хором —

О тумане, что скользит по лесным озерам,

Солнце, звездах и луне, облаках и ветре,

О серебряном луче и зеленой ветви,

О цветах на глади вод, синеве глубинной,

Старом Томе Бомбадиле и его любимой!

И под эту песню хоббиты ступили на порог, погрузившись в золотистое сияние, разом отбросившее прочь ночную мглу.

Глава VII
В гостях у Тома Бомбадила

Хоббиты перешагнули порог и остановились, щурясь от света. Посреди длинной залы располагался могучий стол, уставленный высокими желтыми свечами. Над ним с темных потолочных балок свисали яркие светильники. За столом, лицом к двери, сидела в кресле хозяйка дома. Ее русые волосы струились по зеленому, словно молодой тростник, платью, расшитому жемчугом, похожим на капли росы. Искусной работы золотой пояс был, казалось, сплетен из желтых кувшинок, перевитых голубыми незабудками. Возле ее ног в неглубоких глиняных сосудах плавали белые лилии, и кресло возвышалось, словно трон посреди небольшого озерца.

— Милости просим, дорогие гости! — услышали хоббиты тот же голос, что пел им недавно. Они сделали несколько неуклюжих шагов и смущенно поклонились. Ощущение у хоббитов было такое, словно они под окошком деревенского дома попросили напиться, а дверь отворила эльфийская королева. Пока они неловко топтались у стола, хозяйка легко поднялась с кресла, порхнула между лилий и подошла к ним. Платье ее шелестело, как цветущие приречные травы под ветром.

— Входите же, милые мои! — снова зажурчал ее голос. — Смейтесь, веселитесь! Я — Златеника, Речная Дочь. — Движениями текучими и плавными она как будто перелилась к двери, захлопнула ее и, раскинув руки, воскликнула: — Оставим ночь снаружи! Вас напугали туманы и древесные тени, омуты и дикие деревья — не бойтесь! Нынче вы под кровом Тома Бомбадила.

Растерянность и изумление хоббитов поумерились под ободряющим взглядом и радушной улыбкой хозяйки.

— Прекрасная госпожа, — смущенно проговорил Фродо, чувствуя растущую в сердце беспричинную радость. Так бывало, когда ему приходилось слышать раньше голоса эльфов, но

здесь чары были иными: там звездный свет имел льдистый оттенок вечности, а здесь все было милее и ближе смертному сердцу, чудно́, но не чуждо. — Прекрасная госпожа, — повторил он, справившись с волнением, — мы слышали радость в твоей песне, а теперь видим ее воочию.

Легка, как шорох тростника,
Чиста, как тишина лесная,
Светла, как песня родника —
Прекраснейшая Дочь Речная!
Приходит лето за весной,
И вновь — весна сменяет лето!
О ветер, шепчущий с волной!
О смех листвы в лучах рассвета!

Он вдруг запнулся и смолк, удивленный своими словами не меньше остальных. Но Златеника тепло рассмеялась.

— Добро пожаловать! — снова пригласила она. — Признаюсь, я не ожидала от народа Шира столь благозвучных слов. Впрочем, от Друга Эльфов их услышать вдвойне приятно. Не смущайся и не гадай, кто назвал мне тебя. Свет в твоих глазах и звонкий голос послали весть. Вот добрая встреча. Усаживайтесь, не тревожьтесь ни о чем,

сейчас придет хозяин. Он обихаживает ваших усталых лошадок.

Хоббиты принялись рассаживаться на низких камышовых стульях, поглядывая на хозяйку, порхавшую у стола. Смотреть на нее доставляло удовольствие, так изящны и точны были ее движения. Откуда-то из глубины дома доносились обрывки дурашливой песни:

> *Старый Том Бомбадил — парень как с картинки:*
>
> *Голубой на нем жилет, желтые ботинки.*

Прислушавшись, Фродо обратился к хозяйке:

— Прекрасная госпожа, позволь мне спросить, Том Бомбадил — кто он?

— Он — это он, — с улыбкой ответила Златеника. — Тот, кого ты видишь. Хозяин леса, реки, холмов.

— Значит, этот заповедный край принадлежит ему?

— Вовсе нет! — легко и, как показалось Фродо, чуть грустно ответила Златеника. — Владеть — слишком обременительно для Тома Бомбадила. Деревья и травы, воды и звери принадлежат самим себе. А Том Бомбадил — Хозяин. Хозяин в

лесах и водах, в лугах и холмах, Хозяин, Живущий Здесь.

Дверь распахнулась, и появился Том. Теперь он был без шляпы, но густую каштановую шевелюру венчал венок из осенних листьев.

— Вот моя хозяюшка, — с поклоном представил он. — Вот моя ненаглядная Златеника. Стол готов? Вижу сливки, соты с медом, белый хлеб и масло. Зелень, молоко и сыр, ягодки на блюде. Хватит закусить нам? Ужин ждет и стол готов…

— Ужин-то готов, — остановила его Златеника, — а вот гости готовы ли?

Том в притворном ужасе хлопнул себя по бокам.

Ох ты! Чуть не позабыл! Гости-то с дороги!

На одежке — грязь да пыль, еле носят ноги.

Невеликая беда! Живо все устроим!

Есть отличная вода — враз усталость смоем!

Он открыл дверь и пригласил хоббитов за собой. Комната, куда они вошли, пройдя коридором, выглядела удивительно: каменные стены скрывались за зелеными гобеленами с расти-

тельным рисунком, пол был застелен свежим тростником. Вдоль одной стены стояли четыре низкие кровати с пышными перинами, застеленные белыми пуховыми одеялами, вдоль другой тянулась скамья. Четыре глиняных таза и четыре кувшина — два с холодной и два с горячей водой — ждали хоббитов.

Вскоре умытые и посвежевшие гости сидели за столом, во главах которого, напротив друг друга, расположились хозяева. Ужин продолжался долго и весело. Путники ели так, как могут есть только проголодавшиеся хоббиты. В кубках оказалась родниковая вода, странным образом согревшая сердца и развязавшая языки. В какой-то момент Фродо с удивлением заметил, что весело распевать за этим изобильным столом куда легче, чем просто говорить.

Наконец ужин закончился. Том и Златеника быстро убрали со стола, усадили гостей в кресла, не забыв дать каждому по маленькой скамеечке для усталых ног. Прямо перед ними в огромном камине горели, источая сладкий аромат, большие поленья, все огни в комнате погасли, лишь на высокой каминной полке осталась пара свечей. Златеника пожелала каждому доброй ночи и спокойного сна.

— Спите себе и ни о чем не тревожьтесь. Не слушайте ночных шорохов. Пусть шумит лес за окном. Ему не пробраться в дом. Только звездный свет да вольный ветерок будут ночевать вместе с вами. Доброй ночи!

Замерцала свеча, прошелестело, струясь, зеленое платье, прожурчали легкие шаги, — и вот ее уже нет, и ночная тишина заполнила большую залу.

Том сидел подле них то ли глубоко задумавшись, то ли давая им время собраться с мыслями. Сон начал скапливаться под потолочными балками, когда Фродо заговорил:

— Хозяин, скажи, ты пришел на мой крик или наткнулся на нас случайно?

Том, похоже, задремавший, встрепенулся.

Ты сказал — пришел на крик? Нет. Забрел случайно.

Просто песни распевал и пришел нечаянно.

Кое-что я, правда, знал, слухи быстро ходят —

Мол, четверка малышей по дорогам бродит.

Ну а здесь, в глухом лесу, все пути да

тропы

Собираются туда, где вода да топи:

Все дорожки старый Лох сетью сплел паучьей.

Если путник попадется — не упустит случай!

Ну, а Тома привело дело неотложное…

Голова Тома начала клониться на грудь словно в дремоте, но тут он неожиданно продолжил мягким голосом:

Я пришел собрать цветов для моей любимой,

Удивительных цветов — белоснежных лилий,

Чтоб спасти их от мороза, снега и метелей,

Чтобы милые глаза их любовью грели.

Собираю каждый год на закате лета

В чистом озере, каких больше в мире нету;

Так и милую свою я когда-то встретил:

Вдруг заслышал голосок, невесом и све-

тел.

Это в чаще тростника пела Дочь Речная,

И сердечко застучало, Тома ожидая…

Синий глаз приоткрылся и хитро взглянул на хоббитов.

Повезло вам — я теперь окажусь не скоро

В том местечке, где у вас вышла с Лохом ссора.

Год состарился, уйдет. Юною весною

Лес оденется листвой и цветы раскроет;

Лишь тогда под птичий звон, щелканье и трели

В легком танце поспешит Дочь Реки к купели.

Снова повисла тишина, но Фродо уже собрался с духом и задал давно мучавший его вопрос:

— Расскажи о Лохе, Хозяин. Что оно? Я о таком не слышал.

— Нет уж, не надо на ночь! — разом вскинулись и Пиппин, и Мерри. — Отложим до утра!

— Верно, — поддержал их Бомбадил. — Пора

отдыхать. Не все годится для беседы, пока земля в ночи. Том подушек вам принес, выспитесь неплохо! Не страшитесь темноты и лихого Лоха!

Он взял с камина подсвечник и проводил хоббитов в спальню. Едва они успели натянуть на себя легкие одеяла, как дрема бросилась на них и увела за собой.

Глухой ночью Фродо привиделся темный сон. Перед ним, освещенная неверным светом молодого месяца, высилась скала. Большие ворота, а может, арка чернели у подножья. Потом словно могучая рука вознесла хоббита в небеса, и он узрел под собой каменистое плато в кольце гор и посредине — взметнувшуюся ввысь башню странных очертаний. На вершине, на маленькой площадке, Фродо заметил человеческую фигуру. Лунный свет блеснул в серебристых волосах, трепетавших на ветру. Из темноты от подножия башни долетели злобные крики и волчий вой. Внезапно огромные крылья на миг прочертили лунный серп. Человек на площадке поднял посох, и в черное небо рванулся узкий луч света. Исполинская птица (Фродо показалось, что это орел) описала плавный круг над башней, прянула вниз, подхватила человека с площадки и унеслась прочь. Снова взвыли волки. Словно в шуме силь-

ного ветра до Фродо донеслось звонкое ржание, а вслед за ним — с востока — нарастающий топот копыт. «Черные Всадники!» — вздрогнул Фродо и проснулся. Конский топот все еще отдавался в голове. «Как я оставлю эти безопасные стены?» — мелькнула мысль, но сон неодолимо смежил глаза, и он снова ушел бродить по тропам сонного царства, но теперь уже не запомнил путей.

Рядом с ним сладко спал Пиппин. Но вот и его сон изменился, заставив ворочаться в постели и даже вскрикнуть. Пиппин проснулся (или ему это только показалось) и услышал в темноте тот же тревожный звук, который приснился ему. «Тип-тап, сквик». Так бывает, когда ветер теребит ветви и они скребутся по стенам. «Крэк, крэк, крэк». Пиппин немедленно начал вспоминать, есть ли рядом с домом ивы. Неожиданно у него возникло странное ощущение, будто он не в доме, а внутри дерева и сухой скрипучий голос снова издевается над ним. Он похолодел, сел, потрогал руками одеяла и подушки и только после этого, успокоенный, улегся опять. Тревоги отогнал звук другого голоса, нежного и ласкового: «Не слушайте ночных шорохов. Спите себе и ни о чем не тревожьтесь».

Мерри снилась вода. Она тихо струилась с хол-

ма и разливалась вокруг дома темным озером. Струйки журчали у стен, вода поднималась, медленно и неуклонно подбираясь к окнам. «Нас затопит! — подумал он. — Вот сейчас хлынет внутрь и затопит!» Ему вдруг помстилось, что он лежит в болоте и его засасывает трясина. Мерри вскочил. Холодная твердость каменного пола разом привела его в чувство. В воздухе словно таяли слова: «Пусть шумит лес за окном. Ему не пробраться в дом. Доброй ночи!» Повеяло странным ароматом, ветерок чуть шевельнул занавески. Мерри глубоко вздохнул и снова заснул.

Сэм всю ночь проспал бревно-бревном и запомнил лишь, что во сне был очень доволен.

Проснулись все четверо одновременно. В окна лился утренний свет, а по комнате, посвистывая скворцом и пританцовывая, ходил Том Бомбадил. Увидев проснувшихся хоббитов, он хлопнул в ладоши, крикнул:

— Динь-день, славный день! — и отдернул занавески.

Фродо вскочил и подбежал к восточному окну. За ним был серый от росы огород. Он ожидал увидеть следы копыт, слышанных во сне, но под окном стояли нетронутые решетки с вьющейся фасолью, а дальше серела вершина холма на фоне

бледной полоски рассвета. Там кипами немытой шерсти громоздились облака, чуть розовевшие по краям, небо набрякло дождем, но рассветная полоса ширилась на глазах, а большие розовые цветы фасоли обретали краски среди мокрых зеленых листьев.

Пиппин смотрел на запад. Перед ним раскинулось туманное море, скрывшее лес, дорожку к дому и подножие холма. Над долиной Ивлинки туман ходил большими округлыми волнами. Слева с холма бежал ручей и впадал в море тумана. В палисаднике серебрилась паутина, дальше в подстриженной траве сверкали капли дождя. Ни единой ивы в помине не было.

— Доброе утро, друзья! — Том распахнул настежь восточное окно. Прохладный воздух, пахнущий дождем, хлынул в комнату. — Солнышка мы, правда, не увидим сегодня. Я бродил далеко, по холмам побегал. На вершинах ветра шум, мокро под ногами, мокро в небе надо мной. Разбудила меня песня Златеники, ну а хоббитов с утра громом не поднимешь. Ночью маленький народ просыпался часто, а когда рассвело, так будить напрасно! Динь-день, серебрень, просыпайтесь дружно! Позабудьте ночь и тень, завтракать вам нужно! Хорошо бы поспешить, а не то придется

обойтись вам травой с дождевой водицей!

Хотя угрозу Тома трудно было принять всерьез, хоббиты не заставили себя упрашивать. Из-за стола не поднимались, пока яств на нем ощутимо не поубавилось. Ни Тома, ни Златеники с ними не было. Том сновал по дому, голос его звучал то тут, то там. За распахнутым окном капало с тростниковой крыши. Облака плотно закрыли все небо, и прямой серый дождь монотонно стучал по листве в саду. Теперь лес и вовсе скрылся за дождевой завесой.

Хоббиты выглянули в окно и издали расслышали чистый голос Златеники. Можно было разобрать даже кое-какие слова, но и так понималось, что это особая дождевая песня, в которой все про воду, про радость ожидания ливня, про родники, рождающиеся на холмах и спешащие в реки, текущие к морю. Фродо прислушивался и в душе радовался погоде, задержавшей их в этом гостеприимном доме. Мысль о предстоящем уходе не давала ему покоя с самого пробуждения.

С запада потянул верховой ветер и пригнал настоящие тучи, похожие на бурдюки с водой. Дождь зарядил с новой силой, дорожка в саду на глазах превратилась в маленькую речушку. Из-за угла дома выскочил Том Бомбадил. Он смешно

размахивал руками, отгоняя дождь, и в самом деле, войдя в комнату, оказался совершенно сухим, не считая башмаков. Он снял их и поставил в углу камина. Потом уселся в самое большое кресло и поманил хоббитов.

— Златеника затеяла большую уборку. Для хоббичьего народца слишком сыро. Пусть отдыхает, пока можно. Самый подходящий день для длинных историй, для вопросов и ответов. Вот Том и начнет.

Он действительно рассказал множество замечательных историй. Иногда он принимался петь и даже пару раз выбрался из кресла и протанцевал по комнате. Хоббиты услышали о цветах и пчелах, о жизни деревьев и о странных лесных созданиях, добрых и злых, дружественных и равнодушных, жестоких и ласковых, о тайнах, скрывавшихся под зарослями ежевики.

Постепенно они начали вникать в загадочную жизнь леса и ощущать себя незваными гостями, вломившимися в чужой дом. Снова и снова попадался в рассказе Серый Лох, и Фродо услышал о нем больше, чем намеревался, но радости это ему не прибавило. Рассказ Тома обнажил перед слушателями души деревьев, их мысли, зачастую странные и темные, полные недоброй

зависти к существам, вольно бродящим по земле, грызущим, рубящим, ломающим и жгущим, губителям и насильникам. Не без причины лес звался Древлепущей. Он и правда был древен, один из последних островов некогда бескрайнего леса, хранящий в чаще праотцев деревьев, стареющих не быстрее окрестных холмов и помнящих былые эпохи своего безраздельного владычества. Бесчисленные годы дали им спесивую корневую мудрость и напитали злобой. Но самым опасным из них был Серый Лох. Сердце его насквозь потемнело, а сила была зелена. Он управлял ветрами, простирая свои мыслепесни по обе стороны реки. Его древний неуемный дух до тех пор тянул из земли силу, рассылал корни во все закоулки, пока под власть его не попали все деревья в лесу от Заплота до Упокоищ.

Вдруг рассказ Тома, словно молодой ручей, прыгающий через пороги и водопады, перекинулся к Упокоищам. Как живые, встали перед хоббитами зеленые некогда курганы с венцами еще не разрушенных стен на вершинах и глубокими подземельями. Овцы блеяли в многочисленных стадах. Гордые крепости вздымались по холмам. Маленькие княжества постоянно сражались друг с другом, а юное солнце сверкало на ненасытных

красных мечах. О победах и поражениях рассказывал Том, и рушились башни, горели крепости, пламя рвалось к небу. Золото грудами высилось в усыпальницах всеми забытых королей, курганы скрывали их смертные ложа, закрывались навсегда и замуровывались каменные двери, и все скрывали буйные травы. Снова, недолго уже, бродили, пощипывая траву, овцы, а потом холмы опустели. Пришла Тень из дальних мрачных краев и потревожила кости в курганах. По оврагам кралась Нежить, лязгая кольцами на длинных холодных пальцах и звеня на ветру золотыми цепями. В лунном свете, словно обломанные зубы, мерцали руины на вершинах холмов.

Хоббитов пробирала дрожь. Даже в Шире слыхали о жуткой Нежити, обитавшей в Упокоищах за Древлепущей, и эту историю не больно-то любили слушать в Хоббитоне, даже уютно сидя у камина. Во всяком случае, нашим путешественникам вспомнилось вдруг, что дом Бомбадила располагается совсем рядом с мрачными Упокоищами. Они сбились, потеряли нить рассказа и завозились, растерянно поглядывая друг на друга.

А рассказ продолжался. Том уже бродил по странным краям за пределами памяти, в тех вре-

менах, когда мир был просторнее, а нынешние моря еще не родились. Том и тогда распевал под звездами, которые сияли только что проснувшимся Эльдарам. Неожиданно речь его прервалась. Он сидел, покачивая головой и, похоже, засыпая. Хоббиты, наоборот, словно очнулись и заметили, что ветер стих, тучи высохли, а день давно отошел и в небе горят звездные костры. Фродо не мог с уверенностью сказать, тот ли это день, в который начался странный рассказ. Он не чувствовал ни голода, ни усталости, только одно безмерное восхищенное удивление. Тишина звенела в комнате, тишина затопила весь подзвездный мир, и Фродо решился.

— Кто же ты, Хозяин? — судорожно глотнув, спросил он.

— А? Что? — снова встрепенулся Том, и глаза его заблестели в сумраке. — Вам нужно имя? Что в нем проку? Скажите-ка мне, кем вы будете, если лишить вас имен? Впрочем, вы молоды. Я — Старейший. Том был здесь раньше трав и рек. Задолго до Высоких Эльфов я прокладывал здесь тропы, видел, как сменяли друг друга народы. Я был здесь прежде королей, князей и Упокоищ с их Нежитью. Том был здесь, когда Эльфы ушли на Запад, он видел, как менялся мир, он знал

Подзвездную Ночь без страха, задолго до того, как пришел из Ничто Темный Властелин.

Хоббиты невольно оглянулись на темные окна, а когда снова повернули головы, в дверях в золотом сиянии стояла Златеника со свечой, прикрывая рукой огонь от сквозняка, и узкая тонкая рука светилась, как дивная раковина.

— Дождь кончился, — пропела она. — Новые воды бегут с холма под звездами. Пришло время радости и веселья.

— Еды и питья! — громко добавил Том. — Долгие рассказы сушат горло, а долго слушать — недолго оголодать. Мы проговорили утро, день и вечер напролет!

С этими словами он вскочил, сделал пируэт, схватил свечу с каминной полки, мигом затеплил ее от свечи Златеники и заплясал вокруг стола. Потом метнулся к двери, исчез и быстро вернулся с огромным, уставленным снедью подносом. Хозяева накрывали на стол, а хоббиты с восхищением и смехом следили за прекрасной Златеникой и причудливыми ужимками Тома. Скоро стало понятно, что перед ними разворачивается своеобразный танец. Том и Златеника не касались друг друга, но все их движения были сплетены в сложнейший рисунок, куда оказались

втянуты и двери, и стол, и посуда, и свечи, а когда танец вдруг оборвался, стол был накрыт, залит светом, а Том картинно кланялся гостям.

— Ужин ждет, — пропела Златеника, и хоббиты только теперь заметили ее новый наряд: серебристое одеяние с белым поясом и туфельки словно из сверкающей рыбьей чешуи. А Том был в ярко-голубом кафтане цвета незабудок, умытых дождем, и в зеленых чулках.

Этот ужин даже превзошел вчерашний. Рассказ Тома заставил хоббитов забыть об обеде, но как

только еда оказалась перед ними, они набросились на нее, словно последний раз ели неделю назад. Тут уж стало не только не до песен, но даже не до разговоров. Зато через некоторое время голоса и смех зазвенели бодрее прежнего.

После ужина они вместе со Златеникой спели много песен, таких, которые весело начинались в холмах и бежали вниз и встречали озера, в которые можно заглянуть и увидеть отражающееся небо и звезды, горящие, как самоцветы на дне. И снова Златеника пожелала им доброй ночи и оставила с Томом у камина. Только теперь сна у Тома не было ни в одном глазу, и на хоббитов обрушился град вопросов.

Оказалось, что ему многое про них известно. Он прекрасно знал историю Шира, причем такую древнюю, о которой и сами-то хоббиты помнили едва-едва. Теперь они не удивлялись больше, как не удивились и всплывшему в разговоре имени Мэггота. Странно им было только уважение, с которым Том помянул знакомого земледельца. «Старыми ногами он твердо стоит на земле, — говорил Том, — в его пальцах живет мастерство, а в костях — мудрость, и на мир он смотрит открытыми глазами». И с Эльфами знался их хозяин, даже от Гилдора получил каким-то образом весточку

о бегстве Фродо.

Том так искусно расспрашивал, подсказывая в нужных местах, что Фродо остановился, лишь сообразив, что поведал и о Бильбо, и о своих страхах и надеждах больше, чем рассказывал даже Гэндальфу. Теперь уж и вовсе молчать было глупо. Том кивал головой, а когда услышал о Черных Всадниках, глаза его сверкнули.

— Покажи-ка мне это драгоценное Кольцо! — потребовал он вдруг посреди рассказа. И Фродо, к собственному изумлению, бестрепетно вытянул цепочку из кармана, отстегнул Кольцо и подал Бомбадилу.

Оно легло в большую коричневую ладонь и само словно выросло. Том поднес его к лицу и рассмеялся. Секунду на хоббитов смотрел яркий синий глаз, окруженный золотым ободком. Потом Бомбадил надел Кольцо на мизинец и поднес ближе к свече. Хоббиты наблюдали, а потом до них вдруг разом дошло — Том и не думал исчезать. А он снова рассмеялся и подбросил Кольцо в воздух. Ярко сверкнув, оно исчезло. Фродо вскрикнул, а Том уже наклонился вперед, жестом заправского фокусника протягивая ему на ладони вражью драгоценность.

Фродо подозрительно осмотрел Кольцо. Вроде

бы оно осталось прежним. Он даже подивился, как всегда, его тяжести. Но осмотр не убедил Фродо. Его даже немного обидело, как небрежно обращался Том с вещью, которую сам Гэндальф считал опаснейшей на свете. Поэтому, подождав, пока разговор завязался снова и Бомбадил начал рассказывать длинную историю о барсучьих повадках, Фродо незаметно надел Кольцо.

Мерри повернулся к нему и открыл рот, собираясь сказать что-то, но вместо этого невольно вскрикнул. Фродо довольно улыбнулся — Мерри явно не видел его. Кольцо действовало. Фродо встал и тихонько стал подкрадываться к двери, но его остановил оклик.

— Эй, там! — прикрикнул Том, глянув на хоббита пронзительно и вместе с тем лукаво. — Эй, дружок, иди-ка к нам! Ты куда собрался? Ты колечко-то сними, без него сподручней. Хватит в пряталки играть, сядь-ка лучше подле. Том дорогу объяснит, чтобы не плутали.

Фродо, стараясь не показать смущения, снял Кольцо и вернулся на место. Том сообщил, что ждет завтра солнечного дня, но погода в этих краях меняется быстро и выходить лучше с утра. Он советовал идти прямо на север, тогда, огибая Упокоища, они к концу дня выйдут на Западную

Дорогу.

— Не связывайтесь с Нежитью. Не бродите в камнях, не суйте нос в их укрывища. Это под силу только могучим воинам с сердцами, не знающими страха.

Он несколько раз повторил это предостережение, а потом принялся разучивать вместе с ними особую песню на случай, если хоббиты все-таки попадут назавтра в беду.

Бомбадил! О Бомбадил! Птичьим перезвоном,

Чистой каплею росы на листе зеленом,

Алым пламенем зари, неба светом синим

Заклинаем, поспеши! В горе — помоги нам!

Когда они уверенно спели песню вместе с ним, он со смехом похлопал каждого по плечу, а потом проводил их в спальню.

Глава VIII
Туман над упокоищами

В эту ночь им не мешали никакие шорохи. Но — Фродо не знал, во сне или наяву — из невообразимой дали, из-за серой завесы дождя, в ночной тиши до него долетели чарующие звуки. Они набирали силу, занавес заискрился серебряными и хрустальными бликами, потом мелодия стала стихать, завеса дождя дрогнула и раздвинулась, открывая чудную зеленую страну, залитую светом восходящего солнца.

Видение плавно перешло в действительность, и снова посреди комнаты обнаружился Том Бомбадил, посвистывающий, словно дерево, облюбованное стаей певчих птиц. Солнце, приподнявшись над холмом, заглядывало в окно, а

за ним все переливалось зеленым и бледно-золотым светом.

После завтрака (и снова в одиночестве) хоббиты приготовились распрощаться. На душе у каждого было тяжеловато, несмотря на погожее осеннее утро и нежно-синее чистое небо. С северо-запада потягивал свежий ветерок. Обычно смирные пони фыркали, беспокойно переступая копытами. Из дома вышел Том, исполнил на крыльце несколько замысловатых па и поторопил хоббитов.

Они уже некоторое время ехали верхом, как вдруг Фродо остановился.

— Златеника! — вскричал он. — Прекрасная госпожа в листвяном уборе! Мы же не простились с ней, даже не видели с вечера! — Он так расстроился, что готов был повернуть назад, но в это время откуда-то сверху прилетел знакомый звенящий голос. Хоббиты одновременно повернули головы и на гребне холма увидели Златенику. С разлетевшимися по ветру волосами, вспыхивающими и переливающимися от солнца у нее за спиной, Златеника стояла в росной траве, словно посреди озерца, и пела им, приглашая подняться на холм. А когда, подойдя, они поклонились, плавно повела рукой.

Хоббиты огляделись. Перед ними широко раскинулись утренние земли. Воздух был кристально-прозрачен. Ясно видна была вершина холма в лесу, откуда они пытались разглядеть дорогу два дня назад. Впереди и позади высились застывшие волны лесного моря, отливая зеленоватыми, желтыми и красно-коричневыми осенними тонами. Там, далеко, невидимое отсюда, лежало Заскочье. Значительно ближе, за извивами Ивлинки, блестела излучина Брендидуина, огромной петлей огибавшего Древлепущу и исчезавшего на юге в неведомых далях. На севере холмы постепенно понижались, переходя во всхолмья и растворяясь на горизонте. На востоке, гребень за гребнем, торчали Упокоища, а дальше, скорее чувствуемым, чем видимым, контуром на самом краю земли вставали синеющие горы.

Невольный глубокий вздох объединил хоббитов. Хотелось шагнуть с холма на простор, в широкий мир, а вместо этого предстояло тащиться через эти сморщенные складки к скучной дороге. Златеника отвлекла их от невеселых мыслей.

— Вам нужно спешить, гости дорогие, — мягко сказала она. — Будьте тверды в своих намерениях. Ступайте на север с ветром у левого плеча

и моим благословением в ногах. Поторопитесь, пока светит солнце! — И добавила, обращаясь к одному Фродо: — До свидания, Друг Эльфов. Это была славная встреча.

Фродо не нашелся с ответом, а только низко поклонился и последовал за друзьями, трусившими вниз с холма. Вскоре дом Бомбадила и лес за ним уже скрылись из глаз. В неглубоких лощинах было теплее, сладко пахло землей. Оглянувшись в последний раз, они все же разглядели смотревшую им вслед Златенику — словно цветок на фоне неба. Кажется, она протягивала руки в прощальном напутствии, кажется, крикнула звонко и исчезла.

Дорога их перетекала из одной лощины в другую, поднималась по склонам холмов, снова ныряла вниз, монотонно и скучно. Ни дерева, ни озерка, только травы, шелест ветра и редкие крики незнакомых птиц высоко в небе. Хоббиты шли своей дорогой, а солнце — своей, становилось жарко. Ветер стихал. Раз они оглянулись на запад и увидели над дальним-дальним теперь лесом серое марево, словно ветви отдавали вчерашний дождь обратно. Впрочем, марево закрывало горизонт и в других направлениях, а голубое небо как-то потускнело и лежало над ними тяжелым

горячим колпаком.

Около полудня хоббитам попался холм с широкой и плоской, словно блюдце, вершиной. Они осмотрелись и, оценив пройденный путь, немного приободрились. Да, конечно, видно было уже не так хорошо, как утром, но зато холмы кончились, за двумя последними всхолмьями хоббитов встречала равнина, а дальше на севере темнела едва различимая полоска.

— Это деревья, — уверенно заявил Мерри, — и не какие-нибудь, а вдоль Дороги. Их посадили там давным-давно.

— Прекрасно, — отозвался долго молчавший Фродо. — Еще один такой переход, и перед закатом отведаем дорожной пыли. — Однако говорил он рассеянно, поглядывая на восток, где вздымались особенно крутые склоны Упокоищ, увенчанные белыми камнями. Они удивительно напоминали обломки зубов, торчащие из позеленевших десен. Смотреть на них было неприятно. Хоббиты тронули пони, стараясь не слишком приближаться к древним курганам, и спустились в неглубокую округлую лощину, центр которой отмечал высокий камень. Он был неправильной формы, но казался странно значительным: предостерегающий перст, межевой столб, сторожевой пост… Солнце стояло высоко, тени у камня не было, но хоббиты решили передохнуть и спешились. Только привалившись к камню спинами, они почувствовали, какой он холодный. Казалось, у солнца не хватало сил напитать его теплом. Впрочем, в полуденную жару это было даже приятно. Поели-попили с удовольствием. Еще бы! Еда-то была из «дома под холмом». Том снабдил их с запасом, не на один день. Развьюченные и расседланные пони паслись неподалеку.

Тряска в седле, сытный ли обед, полуденное солнце, запахи нагретой земли, свободно вытя-

нутые ноги, небо над головами — трудно сказать, какая из этих причин повлекла дальнейшие события. Как бы там ни было, а хоббиты внезапно очнулись ото сна, о котором и не помышляли. От камня исходили волны леденящего холода, теперь он отбрасывал на восток длинную бледную тень. Солнце больного водянисто-желтого цвета едва пробивалось сквозь туман над западным краем лощины. Воздух, тяжелый и зябкий, был насквозь пропитан туманом. Невдалеке, сгрудившись и понуро опустив головы, стояли пони.

Хоббиты в панике вскочили. У них на глазах солнце кануло в бледную муть, и сразу с востока надвинулся холодный серый сумрак. Туман переливался через края лощины, стлался слоями и наконец сомкнулся у них над головами. Теперь они оказались словно в огромной зале, заполненной туманом, а камень посреди напоминал колонну. Каждый подумал о ловушке, но присутствие духа еще не совсем покинуло их. Перед глазами еще стояла дальняя полоска деревьев у Дороги, они помнили направление. В любом случае оставаться в этой коварной низине они не собирались. Быстро уложившись и даже согревшись чуть-чуть, тронулись на север. За бровкой начался такой густой туман, что скоро с

волос начало капать. Холод и промозглая сырость заставили распаковать вьюк и достать плащи с капюшонами, которые, впрочем, моментально отсырели. Рискнули ехать верхом. Направление угадать было трудно, подъемы и спуски только чувствовались, но хоббиты надеялись попасть в широкие ворота противоположного выхода из долины. Выдерживая направление, они рано или поздно обязательно повстречались бы с Дорогой, но так далеко их мысли не шли.

Это была очень медленная езда. Стараясь не потерять друг друга, двигались цепью: впереди — Фродо, за ним — Сэм, потом — Пиппин и Мерри. Долина все не кончалась. Фродо начал уже всерьез беспокоиться, но тут впереди что-то зачернело, и он облегченно вздохнул. Похоже, они достигли-таки северного конца долины, а значит, Упокоища скоро останутся позади.

— Вперед! За мной! — крикнул он через плечо, поторапливая пони. Однако очень быстро надежда сменилась растерянностью, а вслед за ней не замедлил прийти и страх. Темные пятна впереди обрели контуры, уменьшились, и вот уже перед Фродо стоят, слегка клонясь друг к другу, два огромных, вытянутых вверх камня, напоминающие двери без верхней притолоки. Фродо мог

поклясться, что ничего подобного в долине не было, ведь он очень внимательно разглядывал ее поутру. Тревога в душе хоббита стремительно нарастала, и все-таки он проехал меж камней. Тут же на него пала тьма, пони отчаянно заржал, сбросил Фродо и умчался прочь. Оглянувшись, Фродо не увидел никого.

— Сэм! — позвал он. — Эй, Сэм! Мерри, Пиппин! Ну где вы там застряли? — Мертвая тишина была ему ответом. В страхе он кинулся назад, отчаянно призывая друзей, и вдруг издалека ему послышался ответный крик: «Эгей, Фродо! Эгей!» Как ни странно, крик доносился с восточной стороны, вроде бы из-за камней, возле которых остановился Фродо. Двинувшись в этом направлении, он сразу почувствовал крутой подъем. Так, карабкаясь и крича, он куда-то лез сквозь мрак и долго не слышал никакого ответа, но потом откуда-то сверху из тумана все же донеслось короткое: «Эй, Фродо!» — и вдруг туман прорезал крик «Помогите!», повторился несколько раз, перешел в протяжный плач и резко оборвался. Из последних сил Фродо заковылял вперед, но тьма вокруг сгущалась быстрее, и скоро ни в каком направлении уже нельзя было быть уверенным. А подъем все продолжался. Впрочем, ноги вскоре подсказали,

что он достиг... чего? Может, вершины холма, может, гребня лощины... Усталого, взмокшего от усилий, его тем не менее начал бить озноб. И темнота кругом, хоть глаз выколи!

— Эй, ну где вы там? — закричал он в отчаянии.

Ему снова никто не ответил. Пока Фродо прислушивался, похолодало еще сильнее. Вдруг обнаружился пронизывающий ветер. Погода менялась. Клочья тумана неслись мимо. Изо рта шел пар. Тьма редела на глазах. Фродо взглянул вверх и с удивлением заметил в летящих облачных нитях две-три слабые звездочки. Ветер уже не шелестел, а посвистывал вокруг.

Фродо послышался (хотя теперь он не был уверен в этом) еще один слабый крик издали. Он пошел туда, а туман стремительно таял и вдруг исчез, как сдернутый полог, открыв высокое звездное небо. Фродо сразу сообразил, что идет на юг, а оглядевшись, обнаружил себя на вершине холма. Надо полагать, забрался он сюда с севера. Пронзительный ветер налетал с востока. Справа высилось нечто угрюмое и большое. Это был древний курган.

— Где вы? — снова крикнул Фродо сердито.

— Здесь! — ответил ему глубокий мрачный

голос, шедший, казалось, из-под земли. — Здесь! Я жду тебя!

— Нет! — коснеющими от страха губами едва выговорил Фродо. Он не сделал даже попытки бежать. Ноги подкосились, и хоббит рухнул навзничь. В тишине не слышалось ни шороха, но когда, дрожа, он взглянул вверх, над ним склонилась темная бесформенная фигура. Фродо показалось, что на него уставились холодные, освещенные бледным, невероятно далеким светом глаза, потом будто стальные тиски схватили его. Обжигающее ледяное прикосновение разом сковало мышцы и кости, и больше он ничего не помнил.

Когда вернулось сознание, тут же нахлынул ужас. В голове словно взорвалась мысль: он схвачен! пойман! Ему не выбраться из Упокоища. Он попался в лапы Нежити, и чары сковали его навеки. Не смея шевельнуться, Фродо лежал навзничь на холодном камне со сложенными на груди руками.

Великий страх, как оказалось, оставил достаточно места для мыслей, и Фродо думал о Бильбо, об их прогулках по тропинкам Шира в долгих разговорах о судьбах и приключениях. Наверное, в сердце самого обрюзгшего и робкого хоббита

дремлет зерно мужества и ждет часа отчаянных испытаний, чтобы прорасти в душе. А уж Фродо никто бы не назвал робким и обрюзгшим. Бильбо (да и сам Гэндальф) полагали его лучшим хоббитом Шира (понятно, сам Фродо об этом не догадывался). Он лежал и думал о том, как быстро, бесславно и ужасно кончилось его Приключение, но — странно: мысли эти укрепили и успокоили его. Тело постепенно собиралось, словно готовясь к последнему, решительному рывку. Он уже не был слабой, беспомощной добычей.

Так, раздумывая и приходя в себя, лежал он некоторое время и вдруг заметил, что темнота вокруг редеет, а на смену ей приходит бледный призрачно-зеленоватый свет, исходящий не то от пола, не то от самого Фродо. В неверном свечении еще нельзя было разглядеть окружающее, но уже выступили контуры тел лежащих рядом друзей. Мертвенно-бледные лица, тускло-белые саваны… Вокруг громоздилось золото, но драгоценные камни не сверкали, а кольца, венцы, оружие, короны в зеленоватом сумраке выглядели холодными и отталкивающими. Фродо с удивлением смотрел на золотые обручи, охватывающие волосы хоббитов, пояса из золотых цепей поверх саванов, кольца на их пальцах. Сбоку от каждого

хоббита лежал короткий меч, в ногах — щит. А еще один меч — длинный и обнаженный — лежал неподвижно на шеях всех троих.

Тишины больше не было. Где-то в отдалении возникло странное пение. Безмерно жуткий голос, то высокий и пронзительный, то утробно-низкий, переходящий в бормотание, издавал поток заунывных звуков, постепенно из-за многократного повторения складывающихся в слова. Слова злобные, тяжкие, холодные как лед, жестокие и бессердечные. Это ночь проклинала утро, никогда не наступавшее здесь, холод поносил тепло, не желавшее согреть его. Фродо почувствовал, что продрог до костей, замерз смертельно, навсегда. А голос становился все различимее, и волосы Фродо встали дыбом, когда бормотание превратилось в заклинание.

Черный камень, черный лед
Сердце холодом скует;
Будет долог черный сон.
Лишь тогда прервется он,
Когда Солнце и Звезда
Омертвеют навсегда,
И Властитель в черной мгле

Воцарится на земле!

Откуда-то из-за головы послышался скребущий, царапающийся звук. Оперевшись на руку, Фродо приподнялся и огляделся. Они лежали в широком каменном тоннеле, и из-за близкого поворота вытягивалась длинная костистая длань. Она подбиралась к рукояти меча возле Сэмова горла.

Поначалу Фродо показалось, что заклятье и вправду обратило его в камень. Потом пришло отчаянное желание вскочить и убежать, в нем присутствовала и мысль о Кольце, которое, наверное, помогло бы скрыться от курганной Нежити, он даже воочию увидел себя мчащимся по траве, живым и свободным, хоть и глотающим слезы нестерпимой скорби о погибших друзьях. Тут даже Гэндальфу не найти другого выхода… Но из глубины его существа уже поднималась, набирая силу, волна возмущения и отваги: он не мог бросить друзей. Еще мгновение неразумные руки нашаривали Кольцо, но уже в следующий миг сердце подчинило их своей воле, в ладонь словно сама собой скользнула и удобно легла рукоять меча, оказавшегося под боком. Фродо привстал на колени, перегнулся через тела неподвижно лежавших хоббитов и, собрав все силы, всю ненависть к подземной мерзости, ударил

мечом по крадущейся руке. Отрубленная кисть упала на камни, а меч Фродо обломился у самой рукоятки. Жуткий вопль над ухом словно спугнул мертвенный свет, пала темнота, раздираемая злобным рычанием. Фродо повалился на Мерри, мимолетно поразившись холоду и костяной твердости его тела, а потом промелькнуло, вернулось и окрепло воспоминание о доме под холмом и Бомбадиле, разучивающем с ними оберегательную песню. Тут же всплыли в голове и слова. Слабым, дрожащим голоском он начал: «Бомбадил! О Бомбадил!», и уже от одного этого произнесенного имени голос его окреп, зазвучал полнее, а своды склепа отозвались гулким эхом.

Бомбадил! О Бомбадил! Птичьим перезвоном,

Чистой каплею росы на листе зеленом,

Алым пламенем зари, неба светом синим

Заклинаем — поспеши! В горе помоги нам!

В наступившей вслед за тем тишине Фродо слышал лишь стук своего сердца, готового выпрыгнуть из груди. Бесконечно тянулось ожидание, пока, словно из невообразимой дали, но

совсем ясно, легко пронизав толщу земли и каменные стены, пришел ответ.

Старый Том Бомбадил — малый симпатичный,

В цвет небес его жилет, а башмак яичный.

Глаз остер, шаг широк — Том спешит на помощь,

Звонкой песней победит и прогонит полночь!

Камни вокруг зашевелились, раздался скрежет, за ним — грохот, и поток животворного солнечного света хлынул в подземелье. Прямо напротив Фродо в ослепительно засиневшем проломе возникла голова Тома Бомбадила при шляпе с пером. Свет скользнул по лицам хоббитов. Они не дрогнули, но мертвенная бледность на щеках растаяла, и теперь казалось, что Сэм, Мерри и Пиппин просто спят очень глубоким, покойным сном.

Том пригнулся, придержал шляпу и с песней шагнул в пролом.

Нечисть, нежить, небыль —

прочь с пробужденьем света!

Сгинь, исчезни, как туман, в дуновенье ветра!

Окаянною тропой, тайной щелью черной

Уползай в гиблый край за грядою горной!

Там, где ночь темнее тьмы, на века замри ты —

Там ворота в этот мир навсегда закрыты!

Ответом ему был жалобный крик, в котором слышалась бессильная ярость. Вслед за тем обрушилась часть дальней стены. Еще один протяжный вопль растаял вдали, и наступила тишина.

— Ну-ка, дружочек Фродо, — позвал Том, — выбирайся на травку. Да помоги мне их вынести.

Вдвоем они вытащили Мерри, Пиппина и Сэма. Покидая курган, Фродо оглянулся, и ему бросилась в глаза шевелящаяся, точно раздавленный паук, отсеченная кисть. Том, беззаботно напевая, снова нырнул под землю, с грохотом повозился там и вернулся с грудой драгоценностей в руках. Золотые, серебряные, бронзовые украшения, сверкавшие дорогими каменьями, свисали до

земли. На вершине кургана он разложил сокровища на солнце. Потом встал, широкий, со шляпой в руках и ветром в волосах, на фоне неба, посмотрел на распростертые у его ног тела хоббитов, поднял правую руку и произнес повелительно:

Ну-ка, слушайте меня — просыпайтесь, братцы!

Настежь дверь, тьма ушла — нечего бояться.

Черный камень ледяной в крошево расколот.

Сердце, вновь горячим стань! Прочь, могильный холод!

К великой радости Фродо, друзья его зашевелились, стали потягиваться, протирать глаза, а потом поднялись на ноги. Изумленно распахнутыми глазами они уставились сначала на Фродо, потом — на Тома, возвышавшегося над ними и основательного, словно кряжистый дуб, а потом с недоумением оглядели друг друга. Такой вид мог удивить кого угодно: в белых саванах, увенчанные и препоясанные тусклым золотом, в позвякивающих кольцах и браслетах…

— Что это за чудеса? — начал Мерри, поправляя обруч, сползший ему на один глаз. Вдруг он

запнулся, тень пробежала по лицу, веки опустились. — Помню, — глухо проговорил он. — Люди из Карн Дума напали на нас в ночи. Мы были разбиты!.. Копье!.. — вскрикнул он, схватившись за грудь. Потом, помотав головой, открыл глаза. — Что это я плету? — смущенно спросил он. — Сплю, что ли? Ты куда подевался, Фродо? — накинулся он на друга.

— Да, знаешь, отстал, наверное, — пробормотал Фродо, — давай не будем об этом. Подумаем лучше, что делать теперь, идти ведь надо.

— В таком виде, сударь? — с досадой прервал его Сэм. — Где моя одежа? — Он сорвал с головы обруч, швырнул в траву пояс и затряс пальцами, стряхивая кольца, озираясь по сторонам, словно надеясь отыскать припрятанную от него одежду.

— С вещами можете проститься, — посоветовал Том, танцующей походкой спускаясь с кургана. Хоббиты глядели на него, веселого и беззаботного, и страх отпускал сердца, ужас уходил и таял в солнечном свете.

— Как это? — растерянно спросил Пиппин. Сквозь недоумение на лице его проступало, при виде подпрыгивающего Бомбадила, веселое обожание. Но Том вдруг стал серьезным.

— Вы вернулись из-под сени вековечных вод, —

произнес он. — Кто тонул в них и спасся, для того утрата одежды — пустяк. Радуйтесь, дружочки, отогревайте на солнышке свои продрогшие сердечки! А ну, прочь эти лохмотья! Побегайте-ка голышом по траве, а Том кое-что раздобудет для вас.

Насвистывая и напевая, он галопом умчался с холма. Фродо проводил его взглядом, прислушиваясь к незатейливым словам:

Эй-гей, вот так так!

Что-то не в порядке…

Том на бегу подбрасывал и ловил свою шляпу, пока не скрылся за пригорком. Еще раз взлетела в той стороне шляпа, еще раз донеслось против ветра «Эй-гей, вот так так…», и хоббиты остались одни.

Снова становилось жарко. Хоббиты, как было велено, побегали по траве, а потом улеглись на солнышке. Чувствовали они себя так, словно перенеслись из долгой суровой зимы в жаркий летний полдень или пролежали месяцы прикованными к постели, а потом вдруг проснулись наутро бодрыми и здоровыми.

К возвращению Тома они совершенно оправились и изрядно проголодались. Снова над холмом сперва появилась шляпа, потом — сам Том, а за ним послушной чередой семенили шесть пони. Пять были хоббитскими, а шестой, ростом почти с коня, крутобокий и упитанный, был им незнаком.

Эй-гей, вот так так,

Где же вы, лошадки?
Тут, там, там да сям —
Что-то не в порядке.
Остроух, Мудронос,
Пышнохвост и Холкин,
Симпатичный Белоног
и славный Толстогоркин!

Новые клички лошадкам понравились. Всю жизнь потом они охотно отзывались только на них.

— Вот ваши пони! — с шутливым поклоном представил Том. — Они, пожалуй, кое в чем поумней хозяев. И опасность почуяли, и подались в правильную сторону. Оно и понятно, будь ты хоть распрекрасный пони, а попадать в лапы к Нежити никому не охота. Да, удрали, конечно, но недалеко, и поклажу спасли.

Мерри, Пеппин и Сэм достали из вьюков запасную одежду и оделись. Правда, некоторые вещи припасены были для холодной погоды, и в них оказалось жарковато.

— А откуда взялся этот Толстогоркин? — спросил Фродо, поглаживая большого пони.

— Дружок мой четвероногий, — с нежностью в голосе ответил Том. — Ездить-то я на нем почти

не езжу, вот и бродит он сам по себе на холмах. Ваши познакомились с ним у меня в стойле, а ночью учуяли и к нему прибежали. Думаю, он за ними приглядел, объяснил, что к чему, успокоил, одним словом.

— А теперь вот, Толстогоркин, — обратился он к пони, — надо нам поехать, проводить малышей до пути-дороги, так что нужен пони. Это ж не поговоришь, коль они верхами, ну а ты пешком трусишь, топаешь ногами.

Хоббиты пришли в восторг от такого провожатого и кинулись благодарить Бомбадила. Он отмахивался и кричал, что таких умелых потеряльцев и заблуждальцев еще поискать и не будет ему покоя, пока он не выдворит их за границы своего края.

— И своих-то дел не счесть, — приговаривал он, — песни да прогулки, да пригляд за страной днем и ночью нужен, Том не может под рукой быть всегда, положим, чтоб деревья открывать, малышей выуживать. Мысль о доме в голове Тома постоянно, там хозяйка ждет его, любит неустанно.

Судя по солнцу, час был ранний, не больше десяти утра. Хотелось есть. Последний раз хоббиты обедали вчера под одиноким камнем. Они друж-

но навалились на остатки Томовых припасов, благо он и еще принес. Еда была немудрящая (и по хоббитским понятиям, и по обстоятельствам), но, перекусив, они почувствовали себя куда лучше. Пока хоббиты усердно жевали, Том занялся сокровищами. Большинство он сложил на траве сверкающей кучей и просил полежать до времени. «Птицам, зверям ли пойдет, Эльфам или Людям. Лишь бы добрым рукам то добро досталось, тут и чарам бы конец, Нежити не стало б», — бормотал он. Из кучи Том выбрал большую брошь, усыпанную крупными голубыми камнями, и долго глядел на нее, точно вспоминая о чем-то и качая головой.

— Вот игрушка Бомбадилу, госпоже подарок, — молвил он. — В давний век эту брошь на плече носила та, что краше всех была, а теперь забыта. Златенике в ней ходить, брошь она полюбит, Тому любо посмотреть, да и память будет.

Хоббитам он подобрал каждому по клинку дивной, невиданной работы. Вынутые из ножен, они сияли на солнце, рассыпая вокруг блики. По лезвиям вились красные и золотые змейки. Металл был незнакомый, легкий и заточки необычной. Рукоятки украшали жарко горевшие каменья. Ножны ли так заботливо сохранили их, чары ли

Упокоища, но время совершенно не коснулось древнего оружия.

— Будут вам вместо мечей, как раз по росту, — довольно проговорил Том. — С ними смело можете пускаться в любой путь, хоть на восток, хоть на юг, в любой мрак, на любую опасность.

Он погладил ножны и вдруг принялся рассказывать о Людях с Далекого Запада, непримиримых врагах Темного Владыки, выковавших эти клинки давным-давно. Чародей из Ангмара, Король Карн Дума победил их в ночном бою.

— Их забыли в широком мире, — бормотал Том, — а ведь некоторые из них еще бродят дорогами Среднеземья, еще странствуют сыновья забытых королей, выходят на поединок со Злом и хранят от него малые народы.

Хоббиты не все поняли, но речь Бомбадила словно снова раздвинула для них завесу времени, и перед мысленным взором прошла вереница высоких сумрачных воинов с длинными яркими мечами, а у последнего на челе сияла лучистая звезда.

Видение исчезло. Настало время трогаться в путь. Вьюки уложили, поправили сбрую, прицепили к поясам неудобные, непривычные мечи и подумали, что уж это лишнее, вряд ли понадо-

бятся. До сих пор хоббиты не предполагали, что в Приключении дело может дойти до вооруженной стычки.

Пони свели с крутого склона в поводу, а там уж влезли в седла и затрусили по долине. На вершине кургана долго еще можно было разглядеть жарко сверкавшую на солнце груду драгоценностей, пока Упокоище не скрылось из глаз за очередным пологим склоном. Фродо вертел головой, но так и не увидел ничего похожего на вчерашние камни-ворота. Скоро путники и вовсе покинули ложбину и выбрались на простор.

Весело было ехать, поглядывая на беспечного Тома Бомбадила, объезжавшего их то справа, то слева. Толстогоркин, несмотря на свою дородность, двигался легко и быстро. Том пел или просто нес околесицу; впрочем, может, то был какой-нибудь древний язык, на редкость удобный для радости и песен.

Теперь ехали не сворачивая, но Дорога оказалась намного дальше. Даже не будь вчерашнего приключения, к вечеру им ни за что не удалось бы добраться до нее. Полоса, принятая за деревья, оказалась густым кустарником на краю глубокого рва. Том объяснил, что здесь проходила некогда граница княжества, и умолк, будто вспомнил

какую-то печальную историю.

Ров пришелся поперек пути. За ним переехали остатки древней стены и повернули на север, чтобы потом начать забирать к западу. На открытой ровной местности пони прибавили шагу, но только на закате впереди и вправду показались деревья по обочинам Западной Дороги. Путники заторопились и последние фарлонги гнали пони чуть ли не галопом, пока не остановились на вершине пологого склона. В наступающих сумерках перед ними, плавно изгибаясь, уходила за горизонт Дорога. Недавно прошел дождь, и повсюду виднелись маленькие лужицы.

— Добрались наконец, — с облегчением вымолвил Фродо. — Не так уж страшно. На моей «короткой дороге» не больше двух дней потеряли. Глядишь — на пользу. Может, они со следа сбились.

Тень страха коснулась его спутников. О Всадниках успели немного забыть, а теперь, на Дороге, опасность снова поджидала за любым поворотом. Заходящее солнце мягко слепило глаза, хоббиты с беспокойством вглядывались в предстоящий путь, но Дорога лежала перед ними пустынная и равнодушная.

— Хозяин, — робко обратился Пиппин к Бом-

бадилу, — как ты думаешь, встретим мы их сегодня?

— Вряд ли, — ответил Бомбадил. — Не сегодня и не завтра. А впрочем, не очень-то доверяйте моим словам. Здесь они недорого стоят. Том не хозяин Всадникам из Черной Страны; край мой остался позади.

Хоббитам так хотелось, чтобы он и дальше шел с ними. Уж если кто и может справиться с этими страхолюдинами, так это их развеселый хозяин. Впереди лежали земли, о которых ничего не знали даже самые древние ширские предания. Хоббиты затосковали по дому, вдруг остро ощутив свою оторванность от родных мест. В подступающих сумерках они оставляли родину, и острое чувство утраты тяжко ложилось на сердце. Они так пригорюнились, что не сразу поняли — Том прощается с ними! Хозяин советовал не унывать и ехать до темноты не останавливаясь.

— Дальше вас поведет ваша удача. И вот еще что: миль через пять выйдете на деревню. Это — Брыль. Там под холмом издавна стоит трактир, а при нем есть гостиница. Называется «Резвый Пони», и хозяйствует там Суслень Маслютик. У него можно переночевать, а с утра пойдете своей дорогой. Держитесь посмелее, но и про осторож-

ность не забывайте. Не вешайте нос! От своего не уйдешь, так испытайте судьбу!

В ответ на их просьбу проехаться хотя бы до трактира и выпить на прощание Бомбадил рассмеялся и замотал головой.

Здесь лежит моей земли древняя граница.

Вот и все, малыши, нам пора проститься.

Он подбросил шляпу, ловко поймал ее, вскочил в седло и, распевая, двинулся прочь.

Хоббиты, привстав на стременах, провожали его глазами.

— Жаль мне расставаться с Хозяином Бомбадилом, — сказал за всех Сэм. — Уж с ним-то мы бы точно были осторожны. Теперь, сколько ни едь, никого чуднее и лучше не встретишь. Ладно, поехали к «Резвому Пони», может, он вроде нашего «Зеленого Дракона»... Что там за народ-то живет, в этом Брыле?

— И хоббиты есть, и верзилы, — ответил Мерри. — Считай, как дома. «Пони», по всем рассказам, вполне достойное заведение. Наша родня там бывала.

— Пусть там как дома, — сдержанно произнес

Фродо, — а все-таки не дом. Не забывайте, Шир остался позади. Держите язык за зубами. И запомните, пожалуйста, — никакой я вам не Сумникс, Норохолм моя фамилия.

Хоббиты тронули пони и молча въехали в вечер. Быстро стемнело, а они все тащились вверх-вниз по Дороге, пока впереди не замигали огоньки деревни. Брыльский холм медленно вырастал, заслоняя звезды, а вокруг его подножия раскинулось довольно большое поселение. Туда они и заспешили, думая только о том, как бы побыстрее отгородиться от наступающей ночи крепкой дверью.

Глава IX
«Резвый пони»

На краю обширных пустынных пространств Брыль слыл самым крупным поселением. По другую сторону холма располагались Дворищи, а в лощине, еще дальше к востоку, Овражки. Неширокий пояс обжитых земель, рощ и перелесков шириной всего в несколько миль отделял деревни от раскинувшегося за ними Пустоземья.

Люди Брыля, невысокого роста, коренастые, все больше шатеновой масти, обладали нравом веселым и самостоятельным. Ни от кого они не зависели, ничьей власти не признавали, с хоббитами, гномами и эльфами ладили, тем и отличались от прочих Верзил. Их предания и легенды утверждали, будто здешние исконные

обитатели — прямые потомки первых Людей, во времена оны странствовавших на запад Срединных Земель. Конечно, Древние Дни спокойными никак не назовешь, мало кто уцелел в их круговерти, однако когда из-за Великих Морей снова вернулись Короли, они нашли Брыль на этом же месте. Там он оставался и поныне, а память о древних Королях давным-давно быльем поросла.

Ко времени нашего повествования других людских поселений так далеко к западу не было. Правда, в Пустоземье бродили какие-то странные Люди, иногда заходя и в Брыль. Там их не очень-то жаловали и немного пренебрежительно величали Скитальцами из Пустоземья. А напрасно. Высокие темноволосые Скитальцы обладали, похоже, тайным знанием, необычайным зрением и слухом, знали языки зверей и птиц. Путей их никто не ведал, встречали их и далеко на юге, и возле самых Мглистых Гор, но встречали редко, видно, было их совсем мало. Послушать их в Брыле никогда не отказывались. Скитальцы приносили новости издалека, а древние предания рассказывали так, что заслушаешься. Однако с брыльским народом никто из них дружбы не водил.

В здешних краях осело немало и хоббитских

семей. Конечно, они считали себя старейшим хоббитским поселением в мире, основанным задолго до перехода Брендидуина и заселения Шира. Жили они по большей части в Дворищах, но и в самом Брыле имелась хоббитская слобода, на склонах холма, над домами людей. Переростки и Маломерки (так они звали друг друга) прекрасно уживались, занимаясь каждый своим делом и ведя их по собственному разумению, при этом оба народа считали себя исконными брыльскими жителями. Во всем Среднеземье это был, пожалуй, единственный пример такого согласного жития.

Брыльчане жили основательно, ветер дальних странствий не пел им песен, а событий в окрестных деревнях вполне хватало, чтобы почесать языки в трактире. Если брыльские хоббиты нет-нет да навещали Шир, в особенности Восточную Четь, ту, что поближе, то хоббиты из Шира бывали в Брыле очень редко (а всего пути-то от Брендидуинского Моста — один день). Случалось, кто-нибудь из Скоков или какой-нибудь бесшабашный Тук останавливался в «Резвом Пони» на пару ночей, но в последнее время и это происходило все реже и реже. В Шире брыльчан считали заблудшими недотепами (как, впрочем, и всех

живших за его пределами) и полагали не стоящими внимания. Спору нет, попадается и среди хоббитов голь перекатная, бродяги, способные вырыть нору в любом склоне, а потом бросить ее и сорваться с места, но в Брыле-то хоббиты жили вполне порядочные и респектабельные, ничем не уступающие обитателям Шира. Впрочем, времена, когда между Брылем и Заскочьем связи были куда более прочные, еще не забылись. Брендискоки и вовсе приходились родней некоторым брыльчанам.

В Брыле насчитывалось несколько сотен каменных домов Верзил. Деревню окружал ров, а дорога перекрывалась оградой с воротами, запиравшимися на ночь. Возле ворот имелась сторожка привратника. Вторые ворота располагались на южном выходе из деревни.

Посреди селения издавна стояла большая гостиница с трактиром. Судя по размерам, ставили ее в те времена, когда движение на Дороге носило куда более оживленный характер. Брыль-то располагался на древнем перепутье, и в прежние дни здесь собиралась самая разнообразная публика. «Чуднее, чем брыльские вести», — долго говорили в Восточной Чети, вспоминая времена, когда в «Резвый Пони» стекались новости со всех

сторон и ширские хоббиты специально наведывались сюда за этим товаром. Теперь же Север давно обезлюдел, Северная Дорога зарастала, и брыльчане недаром звали ее Зеленопутьем. А гостинице что сделается? Она так и стояла при Дороге, и владелец ее почитался важной персоной. Здесь сходились все окрестные болтуны и бездельники, имелись комнаты на любой вкус, и для бродяг из Пустоземья, и для гномов, все еще проходивших порой к Горам и обратно.

Когда Фродо со спутниками подошли к деревне, было уже темно и в небе высыпали яркие звезды. У ворот пришлось стучать. Привратник с фонарем глянул в окошечко.

— Куда вас несет? Чего надо? — не очень-то любезно осведомился он.

— Идем на восток. Надо гостиницу, — в тон ему ответил Фродо.

— О! Хоббиты! Аж четверо. И по разговору — из самого Шира, — бурчал привратник, внимательно их разглядывая, потом неспешно открыл ворота и впустил их. — Ширские гости у нас в диковинку, — продолжал он. — И зачем это вам на восток? Как звать-величать, опять же интересно.

— Что за дела да как звать — про то нам знать, — Фродо не нравился привратник и его вопросы.

— Дык кто ж говорит, — согласился человек, — дела-то ваши мне без надобности, а вот прозвание выяснить — тут уж, извините, моя забота, с меня спрос.

Теперь вмешался Мерри:

— Что непонятно? Хоббиты из Заскочья идут на восток и хотят остановиться в гостинице. Я — Мериадок Брендискок. Хватит вам этого? Мне рассказывали, в Брыле путешественникам всегда рады.

— А кто ж спорит, — благодушно замахал руками привратник. — Я ведь к тому, что вы в «Пони» не единственные гости сегодня. Народу там полно, и разного. Все равно расспрашивать будут.

Он пожелал им доброй ночи, и они распрощались. Обернувшись через минуту, Фродо увидел, что привратник стоит у раскрытых ворот, внимательно глядя им вслед. Потом ворота стукнули, закрываясь, и Фродо вздохнул с облегчением. Он принялся гадать, чего хотел привратник. Может, кто уже спрашивал про них? Кто? Гэндальф? Маг вполне мог обогнать караван, пока они шарахались по Древлепуще да Упокоищам. И все-таки что-то во взгляде ли привратника, в тоне ли его настораживало.

Человек же у ворот еще раз поглядел вслед

хоббитам и вернулся в сторожку. Стоило ему скрыться за дверью, как через стену бесшумно и ловко перемахнула высокая темная фигура и мигом растворилась в уличной тени.

Хоббиты проехали вверх по Дороге, миновали несколько домов и остановились у гостиницы. Сэм глянул на трехэтажный дом со множеством окон, и сердце у него упало. В пути он не раз представлял себе встречу с великанами или еще с кем пострашнее, но сейчас, в конце утомительного дня, при виде здешних высоченных домов ему стало совсем худо, а воображение быстренько дорисовало стоящих в гостиничном дворе злобных черных коней и Всадников, наблюдающих за путниками из верхних окон.

— Мы же не будем тут ночевать? — вырвалось у него. — Здесь ведь хоббиты есть, может, кто нас примет? Оно бы лучше было…

— Чем тебе плоха гостиница? — устало спросил Фродо. — Думаю, там внутри уютно. И Бомбадил ее советовал.

Дом, впрочем, если присмотреться, выглядел приятно. Фасадом он выходил на Дорогу, а два боковых флигеля врезались в холм, так что окна вторых этажей почти сравнялись с землей. Во двор проходили под широкой аркой, а за ней

виднелось высокое крыльцо. Из открытых дверей лился свет. Большая вывеска над аркой, освещенная фонарем, извещала: «Резвый Пони. Суслень Маслютик».

Пока они топтались перед входом, внутри затянули веселую песню, сразу подхваченную множеством голосов. Хоббиты немножко послушали и спешились. Песня окончилась под взрывы смеха и хлопки ладоней. Тогда они оставили пони во дворе, а сами поднялись на крыльцо. Фродо шел первым. На пороге он чуть не столкнулся с невысоким толстым человеком в белом фартуке, лысым и краснощеким.

— Не могли бы мы… — начал Фродо.

— Полминутки, с вашего позволения, — крикнул человек и живо нырнул в дым и гомон голосов. Полминутки еще только начались, а он уже выскочил обратно, вытирая руки о фартук.

— Добрый вечер, сударь! — доброжелательно приветствовал он Фродо, низко кланяясь. — Чего изволите?

— Ночлег для четверых хоббитов и пяти пони, пожалуйста. Не вы ли будете господин Маслютик?

— Ваша правда, сударь. А звать — Суслень. Суслень Маслютик — к вашим услугам. А вы не

из Шира ли будете? — Вдруг он хлопнул себя по лбу. — Хоббиты! Что же это мне напоминает? — мучительно скривился он. — А имена ваши, простите?

— Господа Тук и Брендискок, — представил Фродо. — Это — Сэм Гэмджи. Мое имя — Норохолм.

— Во! Счас! — прищелкнул пальцами хозяин. — Не! Опять упустил! Ладно, авось вспомню, как минутка выпадет. Совсем с ног сбился, но для вас придумаю что-нибудь. Непременно. Не часто нынче встретишь компанию аж из самого Шира. Достойна наилучшего приема. Извините. Расстараемся. Как на беду, такой наплыв сегодня, какого давно не было. То ни дождинки, а то как из ведра, это у нас так говорят. Эй, Ноб! — завопил он. — Где ты там, кляча мохноногая? Ноб!

— Иду, сударь, иду! — Из-за двери возник молодой веселый хоббит и встал на пороге, уставившись на гостей во все глаза.

— Где Боб? — накинулся на него хозяин. — Живо отыщи мне его. Я же не таракан, у меня только две ноги! Найдешь Боба, скажешь: во дворе пять пони дожидаются, пусть пристроит. Живо! Поворачивайся!

Ноб подмигнул хоббитам и метнулся прочь.

— Так, так, так, — частил Маслютик. — Что,

бишь, я хотел сказать? А, да! Все одно к одному. Тут компания с Зеленопутья вчера ночью подошла, что само по себе странно. А нынче вечером гномы заявились — здрасьте! Путешествуют на Запад, видишь ли. Ну и вы теперь. Кабы не хоббиты, прям и не знал бы, куда деваться. Да по счастью, есть у меня парочка комнат в северном флигеле. Для хоббитов и держим. Все как вы любите. И окошки круглые, и этаж почти первый. Надеюсь, вам удобно будет. Ужин ведь тоже закажете? Не извольте беспокоиться, готов будет моментально. А теперь сюда прошу!

Вслед за хозяином они прошли по коридору и остановились перед круглой дверью.

— Вот, — сказал Маслютик, отпирая ее. — Надеюсь, подойдет. А сейчас — извините, побегу. Столько дел — поговорить некогда. Кручусь, кручусь, а вот не худею. Я еще загляну попозже. Если понадобится, звякните в колокольчик, Ноб придет. А не придет — кричите, не стесняйтесь!

Когда он наконец умчался, голова у хоббитов уже пошла кругом. Хозяин мог заговорить кого угодно. Путники огляделись. Они были в небольшой уютной комнате. Перед камином, загруженным дровами, стояли кресла. Стол накрыт белой скатертью. А на столе — большой ручной

колокольчик. Однако Ноб возник на пороге задолго до того, как они собрались позвонить. Он принес свечи и посуду к ужину.

— Что пить закажете, господа? — спросил он. — Пока ужин готовится, пожалуйте, покажу вам спальни.

Только хоббиты умылись и погрузились в изучение содержимого солидных глиняных кружек, как явились Маслютик с Нобом и в четыре руки споро накрыли на стол. Тут же возникли суп, холодное мясо, хлеб недавней выпечки, черничный пирог, полголовки зрелого сыра — еда простая, но основательная, ничуть не хуже, чем дома, что окончательно примирило Сэма (он уже и после пива готов был примириться) с местными порядками. Хозяин еще покрутился вокруг и собрался бежать дальше. Возле двери он задержался.

— Как отужинаете, может, к гостям надумаете спуститься, — предложил он. — Хотя с дороги-то, может, и спать решите. А придете — будем рады. Знаете, из Шира редко кто теперь приходит, интересно бы новости послушать, историю там какую или песенку. Одним словом, как хотите.

В конце ужина (три четверти часа, не отвлекаясь по пустякам) настроение хоббитов существенно поправилось, причем настолько, что

Фродо, Пиппин и Сэм решили присоединиться к гостям в зале. Мерри их не поддержал.

— Посижу тут, у огня, а попозже, может, выйду подышать, — сказал он. — Вы там поосторожнее. Про наш уход ведь не знают еще, а здесь — Дорога, и от Шира недалеко.

— Да ладно! — отмахнулся Пиппин. — Сам смотри не заблудись. Места-то незнакомые. По мне — так лучше за дверьми сидеть. Спокойнее.

В большой зале компания и правда собралась весьма разношерстная. В камине полыхали смолистые поленья, а под потолком горели три лампы, но света не хватало. В зале было крепко накурено. Возле камина Суслень Маслютик беседовал с двумя гномами, рядом стояли два-три человека. На лавках сидели вперемешку и люди из местных, и местные же хоббиты, еще несколько гномов и прочий люд, которого не разглядеть было в полумраке.

Наших хоббитов встретил приветственный гул голосов. Чужаки, пришедшие Зеленопутьем, тут же с любопытством уставились на них. Хозяин представил местным вновь прибывших и с такой скоростью протараторил имена присутствующих, что хоббиты хоть и расслышали, но понять, кто есть кто, конечно, не успели. В Брыле, похоже,

в ходу были все больше имена растительного происхождения, для ширских хоббитов звучавшие странновато. Так, например, названы были Тростинник и Каприфоль, Верескун и Дичок, Шерепей и Хвощ (не забудем и самого Маслютика), несколько Кувшинников и прочие. Были и вполне обычные имена, всякие там Скручи, Бобровники, Долгоноры, Пескодралы и Заройниксы. Их и в Шире немало было. Нашлись даже трое Норохолмов из Дворищ. Они в толк не могли взять, как могут разные Норохолмы не быть в родстве, и со всей душой приняли Фродо за потерявшегося родственника.

Вообще дружелюбия и любопытства брыльским хоббитам занимать не приходилось. Фродо волей-неволей пришлось объясниться. Он выдал себя за ученого, интересующегося историей и географией (сидящие истово кивали, хотя оба слова слышали, скорее всего впервые). Далее Фродо поведал о намерении написать книгу (присутствующие округлили глаза) о хоббитах, живущих за пределами Шира, и с этой целью он, Фродо Норохолм, с друзьями предпринял путешествие на Восток.

Что тут началось! В течение нескольких минут на него обрушилось столько сведений, что пиши

он и в самом деле книгу, материала хватило бы на несколько глав. А чтобы не показалось мало, в довершение ему продиктовали список лиц, вполне сведущих в данном вопросе. Начинался он все тем же Маслютиком. Кажется, собравшиеся были несколько разочарованы, сообразив, что книгу писать будут не прямо сейчас, и тогда стали расспрашивать просто о ширских делах. Фродо рассказывал вяло и скоро был оставлен в покое в уголке, откуда удобно было и смотреть, и слушать.

Люди и гномы рассуждали о событиях и новостях, которые давно уже новостями не были. О том, что на Юге неспокойно, знали и так. Люди, пришедшие Зеленопутьем, как раз и ушли оттуда поискать местечка потише. В Брыле сочувствовали, но приютить не рвались. Один из пришедших, противный косоглазый тип, пророчил в скором времени чуть ли не переселение на север. «Ежели им места не найдется, — горлопанил он, — так они его сами отыщут. Почемуй-то они должны жить хуже других-прочих!» Местные слушали и значительно переглядывались.

Хоббитов это не касалось. Вряд ли Верзилы польстятся на хоббичьи норы. Они, развесив уши, слушали разошедшегося Пиппина, веселившего

компанию за большим столом рассказом о рухнувшей крыше в Микорытах. Фродо, знавший историю наизусть, улыбался, но скоро ему пришлось жарко. Один из местных хоббитов, не раз бывавший в Шире, вцепился в него как клещ, выпытывая, где же это живут Норохолмы и с кем они пребывают в родстве. Кое-как удалось от него отбиться.

Затем Фродо заинтересовал высокий человек, не то вольный бродяга, не то опытный путешественник. Он сидел в темном углу перед большой пивной кружкой, курил длинную, покрытую затейливой резьбой трубку и внимательно прислушивался к хоббичьей болтовне. Ноги он вытянул, как сделал бы любой усталый человек, и Фродо бросились в глаза высокие сапоги хорошей выделки, изрядно поношенные и заляпанные свежей грязью. В зале было тепло, но незнакомец не снял дорожного темно-зеленого плаща, больше того, даже капюшон надвинул — только глаза поблескивали, и все в сторону хоббитов.

— Кто таков? — улучив момент, шепнул Фродо Маслютику. — Не помню, чтобы его представляли.

— Этого? — шепнул в ответ хозяин, не поворачивая головы, только глаза скосил. — Я и сам

толком не знаю. Одни из этих… мы их Скитальцами зовем. Бывает здесь. Молчун. Слова из него не вытянешь. Иногда исчезнет на месяц, иногда — на год. Прошлой весной частенько захаживал, а с тех пор, почитай, и не видал я его. Имени настоящего никогда не слыхал. Колобродом кличут. Шастает на своих ходулях, а по каким делам — неведомо. Да ведь у нас как говорят: «Что запад, что восток — какой с них прок». Это, значит, про Скитальцев и про Шир тоже, прощения прошу. Забавно, что вы про него спросили…

Тут хозяина позвали, требуя еще пива, и он умчался, так и не сказав, что же забавного он нашел в вопросе Фродо.

Фродо встретился взглядом с Колобродом. Тот, видно, догадался, что речь идет о нем, а может, просто так на хоббита глядел. Он приветливо кивнул Фродо и жестом пригласил подсесть к нему. Фродо нехотя подошел. Бродяга откинул капюшон, обнажив давно не стриженную шевелюру, обильно тронутую сединой. Внимательные серые глаза в упор взглянули на хоббита.

— Здесь меня называют Колобродом, — тихо произнес он. — Рад познакомиться с вами, господин Норохолм. Я правильно расслышал, как вас Маслютик назвал?

— Правильно, — сдержанно кивнул Фродо. Под пристальным взглядом твердых серых глаз он чувствовал себя неуютно.

— Господин Норохолм, — веско произнес Колоброд, — я бы на вашем месте попридержал ваших друзей. Они много говорят. Пиво, камелек, вопросы — это все понятно. Но здесь не Шир. Совсем не Шир. И народ здесь разный. Не мне бы говорить, понимаю, — остановил он возражение Фродо, — но сегодня вслед за вами через Брыль прошли еще более странные прохожие. — Говоря это, бродяга ни на миг не отводил взгляда от лица хоббита.

Фродо смешался, но промолчал. Молчал и Колоброд; подавшись вперед, он внимательно слушал Пиппина. Фродо тоже прислушался и чуть не вскочил. Окрыленный успехом истории про крышу, бравый Тук взахлеб рассказывал о знаменитом дне рождения и дошел уже до Прощальной речи. Вот-вот должен был прозвучать рассказ об исчезновении.

Фродо топнул ногой с досады. Конечно, для большинства здешних хоббитов история была как история, мало ли баек ходит про чудаков из-за реки. Но тот же Маслютик, впитывающий всякие слухи как губка, кое-что наверняка слыхал.

Всплыла бы фамилия Сумниксов, а этого никак не хотелось. Фродо заерзал, не зная, как быть. А Пиппин, возбужденный всеобщим вниманием, вошел в раж и совершенно забыл об опасности. Фродо в ужасе понял, что Пиппина понесло, в таком состоянии он и про Кольцо ляпнуть может! Тогда все погибло!

— Лучше бы вам вмешаться, — быстро шепнул ему Колоброд.

Фродо вскочил на стол и заговорил. Слушатели Пиппина тут же отвлеклись и переключились на Фродо. Кое-кто засмеялся, кто-то захлопал, решив, что господин Норохолм уже заложил за воротник и стал поразговорчивее.

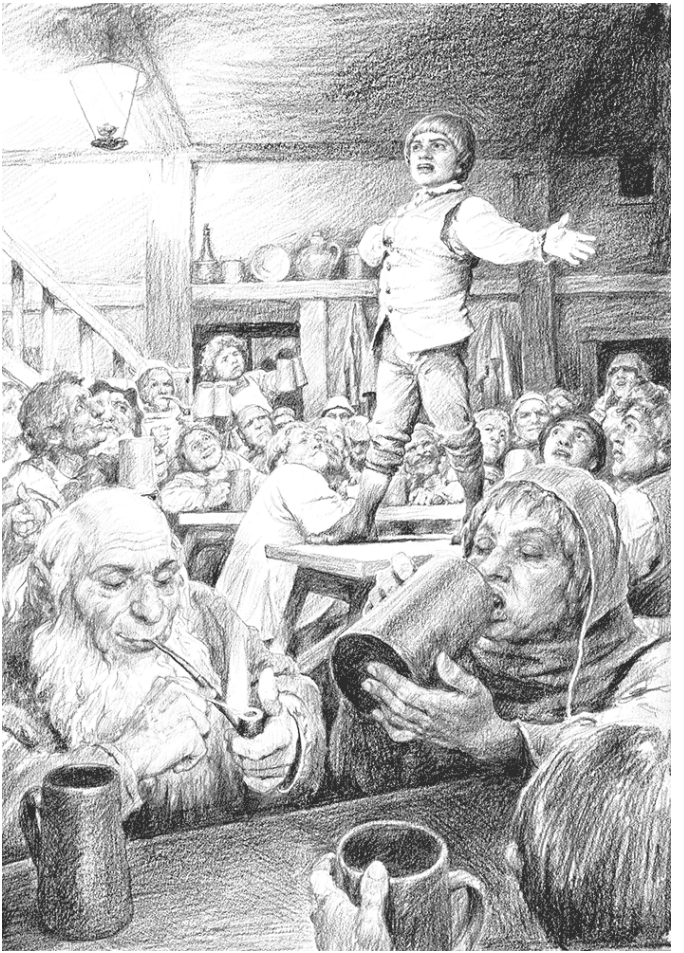
Фродо нес околесицу, сгорая от стыда, и машинально нашаривал в кармане Кольцо, как часто делал в затруднительных ситуациях. Вдруг он подумал, что самым простым выходом было бы надеть Кольцо и исчезнуть. Тут же его охватило сильнейшее желание так и поступить. Оно словно накатило откуда-то со стороны. Он отчаянно сопротивлялся искушению, сжав Кольцо в кулаке, чтобы не дать ему выкинуть какой-нибудь фортель. Рассчитывать на порыв вдохновения больше не приходилось. Сначала Фродо произнес несколько «приличествующих слов», как

это водится в Шире. Что-то вроде «все мы очень благодарны хозяевам за оказанный прием и, смею надеяться, мой короткий визит послужит возобновлению утраченных уз древней дружбы, связывающей Брыль с Широм»… Он запутался и не нашел ничего лучшего, как закашляться. Множество глаз были устремлены на него.

— Песню! — потребовал кто-то из хоббитов.

— Песню, песню! — поддержали остальные. — Что-нибудь новенькое, чего раньше не слышали!

Фродо так растерялся, что затянул песенку, которую любил и которой весьма гордился Бильбо (слова были его собственные). Там речь как раз шла о трактире, может, поэтому Фродо ее и вспомнил.



Стоит под горкою трактир,
И как-то вечерком
Туда один Мужик-с-Луны,
Надев парадные штаны,
Спустился за пивком.

Там жил весьма пушистый кот,
Заядлый музыкант.
Он арфу брал (с одной струной)
И пел (особенно весной),
Светясь, как бриллиант.

Там жил весьма облезлый пес,
Забавник и шутник.
Он проползал в гостиный зал
И ножки стульев отгрызал
В один прекрасный миг.

Еще корова там жила —
Надменная весьма.
Но если только где-то вдруг
Заслышит музыкальный звук —
То пляшет без ума.

И ложка с вилкой были там —

Весьма из серебра!
А это вовсе не пустяк —
Полировать их так и сяк
С утра и до утра.

Мужик-с-Луны глотнул чуток,
А кот пошел орать,
И вилка с ложкой — за столом,
И та, с рогами — за окном,
И пес — пошли плясать.

Как вдруг корова в небо — прыг!
Не в склад и невпопад.
Прошла вприсядку по Луне,
Собой довольная вполне,
И прямиком назад.
Мужик-с-Луны еще хлебнул
И бухнулся под стул,
И захрапел среди котлет.
Тем временем пришел рассвет,
А парень-то уснул!

Коту трактирщик говорит:
— Такие, брат, дела!

Мужик-с-Луны изрядно спит,
А белый лунный конь стоит,
Кусая удила!

И псу хозяин говорит:
— Послушай, дорогой!
Так солнце слопает Луну,
А мы имеем лишь одну,
И не бывать другой!

И он корове говорит:
— Любезная мадам!
Беднягу нужно разбудить,
А то неловко может быть
Всем нам, а также вам!

И вилке с ложкой говорит:
— Послушайте, прибор!
Когда мы все раскроем рты
(разнообразной чистоты),
То выйдет славный хор!

И сам себе он говорит:
— Мы все утомлены.
Но спать геройски не пойдем,

Пока на место не вернем
Вот этого с Луны!

И все они раскрыли рты,
И вышел мык и мяв,
И тявк, и звяк из серебра.
Мужик-с-Луны пришел в себя
И понял, что не прав.

Он быстро закатил Луну
(Что было очень мило),
И спать пошел весь коллектив,
Немало этим возмутив
Взошедшее светило.

Ему долго и громко хлопали. Голос у Фродо был неплохой, и песенка пришлась по вкусу.

— Где там старина Маслютик? — кричали из зала. — Пусть послушает. Эй, Боб, выучи своего кота бренчать, а мы потом попляшем.

Все пропустили по кружке и принялись требовать: «Повторить! Повторить просим! Еще разок!»

Фродо тоже отхлебнул, собрался с духом и запел. Теперь ему подпевали: мотив-то был пустяковый, а слова легко запоминались. Теперь уже Фродо,

как недавно Пиппин, почувствовав себя в центре внимания, разошелся не на шутку. Он корчил рожи по ходу песни, подпрыгивал на столе и, пожалуй, переусердствовал немножко, подпрыгнув на словах «Как вдруг корова в небо — прыг!» чуть выше, чем следовало. Приземлился он прямо в поднос, полный пустых пивных кружек, поскользнулся и в звоне и грохоте свалился со стола. Слушатели привстали, уже готовые повалиться от хохота и… застыли с раскрытыми ртами и выпученными глазами. Певец-то исчез, словно сквозь пол провалился, и дырки не оставил!

Местные хоббиты поморгали недоуменно и дружно принялись звать Маслютика. Вокруг Сэма и Пиппина сразу образовалось пустое пространство. На них поглядывали издали мрачно и недоверчиво, как, впрочем, и следовало глядеть на сообщников странствующего чародея, от которого неизвестно чего ждать. А вот один местный, смуглый, посмотрел на них с пониманием, слегка насмешливо и не торопясь вышел вон. Сразу вслед за ним снялся и косоглазый южанин. Между прочим, парочка эта весь вечер шушукалась за дальним столиком. Ушел с ними и привратник Гарри.

Фродо чувствовал себя дурак дураком. Совер-

шенно потерявшись от необходимости что-либо предпринять, он прополз под столами в угол к Колоброду. Тот сидел не двигаясь, и по нему невозможно было сказать, как он относится к происшедшему. Фродо влез на стул и снял Кольцо. Случай поверг в недоумение его самого. Да, наверное, он трогал Кольцо, когда пел, а потом… похоже, потом, когда он попытался взмахнуть рукой, теряя равновесие, Кольцо случайно скользнуло на палец. Это еще вопрос: случайно ли? Уж не решило ли оно показаться кому-то, чья воля ощущалась здесь, в зале? Очень подозрительный вид был у троицы, покинувшей трактир.

— Ну? — сумрачно спросил Колоброд, когда Фродо возник снова. — И зачем это вам понадобилось? Болтовня ваших приятелей в тысячу раз безобиднее. Можно сказать, вляпались обеими ногами. А может, пальцем?

— Что это вы говорите, не понимаю я, — раздосадованный и испуганный, ответил Фродо.

— Да уж что тут понимать! — проворчал Колоброд. — Ладно, подождем, пока все уляжется. А потом нам, с вашего позволения, господин *Сумникс*, надо бы поговорить по секрету.

— О чем это? — обеспокоенно спросил Фродо, даже не заметив, что его назвали настоящим

именем.

— О вещах, важных для нас обоих, — глядя в глаза Фродо, веско произнес Колоброд. — У вас есть возможность узнать кое-что полезное для себя.

— Хорошо, — нервно буркнул Фродо. — Поговорим… после.

У камина шло бурное выяснение обстоятельств происшествия. Появившийся Маслютик честно пытался вникнуть одновременно в рассказы нескольких очевидцев, очевидно противоречащие друг другу.

— Да я сам видел, господин Маслютик, — горячился один хоббит. — То я вот его видел, а то — не увидел. Ну просто взял — и в чистом воздухе растаял.

— Да как же это может быть, господин Кувшинник? — увещевал его хозяин, сам, впрочем, несколько растерянный.

— А вот и может! — не сдавался Кувшинник. — Тьфу, пропасть! Да почему — может? Так оно и было!

— Да ведь не могло же быть! — мотал головой Маслютик. — Вспомните, господин-то Норохолм в теле, как это ему в чистом воздухе таять? А и в нечистом, как у нас здесь, все одно, не с руки!

— Так куда ж он делся? — взорвались сразу

несколько голосов.

— Почем мне знать? Может деваться куда угодно, лишь бы по утрам за постой платил. Вот же, пожалуйста, господин Тук сидит, никуда не исчезает.

— Я что видел — то видел, а чего не видел — о том врать не стану, — упрямо твердил Кувшинник.

— Воля ваша, недоразумение здесь какое-то, — бормотал хозяин, быстро собирая на поднос осколки посуды.

— Конечно, недоразумение! — решился подать голос Фродо. — Никуда я не исчезал. Вот он я! Просто решил с Колобродом поговорить.

Он вышел из темного угла на свет. Народ отпрянул. Его появление взволновало посетителей не меньше, чем исчезновение. Объяснения Фродо про падение и путь под столами до стены никого не удовлетворили, и возмущенная публика валом повалила из трактира. Веселье как ветром сдуло. Местные, выходя, недобро поглядывали на Фродо и бубнили меж собой. Скоро и гномы, а вслед за ними и люди с юга поднялись, пожелали доброй ночи хозяину (словно не заметив Фродо с друзьями) и ушли. В зале остался сидеть над кружкой с пивом только Колоброд.

Нельзя сказать, что хозяина расстроило происшествие. Разговоров теперь хватит на много вечеров, а значит, в трактире яблоку негде будет упасть.

— Что это вы натворили тут, господин Норохолм? — укоризненно обратился он к Фродо. — Клиентов моих распугали, посуду вот расколотили прыжками своими…

— Я весьма сожалею о причиненном беспокойстве, — покраснел Фродо. — Я не хотел. Просто такой несчастный случай. Запишите в счет.

— Хорошо, хорошо, сударь. Но если в другой раз надумаете кувыркаться или там поколдовать немножко, а может, еще чем таким заняться, вы уж предупреждайте народ заранее, а главное — меня не забудьте в известность поставить. У нас тут всякие странности не очень жалуют и к новым штучкам не вдруг привыкают.

— Я вам обещаю, господин Маслютик, больше ничего такого не будет. Мы сейчас спать пойдем, завтра хотим выйти пораньше. Вы бы не взяли на себя труд приготовить наших пони часам, скажем, к восьми?

— Непременно, непременно! — заверил хозяин. — Только пока вы здесь, мне бы поговорить с вами надо, господин Норохолм. С глазу на

глаз, — добавил после маленькой паузы хозяин. — Вспомнил я кое-что. Думаю, важное для вас. Вот загляну кое-куда и, с вашего позволения, к вам зайду. Не возражаете?

— Буду рад, — с улыбкой сказал Фродо, но сердце у него упало. «Уморят они меня своими разговорами! Сговорились, что ли?» — подумал он и с подозрением взглянул на хозяина, ожидая заметить на добродушной круглой физиономии следы коварных замыслов.

Глава X
Колоброд

Хоббиты вернулись к себе в комнату. Там не было ни света, ни Мерри. Камин почти догорел. Пришлось раздувать угли, подкладывать поленья, и только когда света прибавилось, в комнате обнаружился Колоброд. Он преспокойно посиживал в кресле возле двери.

— Приветик! — воскликнул Пиппин. — Ты кто такой? Тебе что надо?

— Называют меня Колобродом, — спокойно ответил бродяга. — Ваш друг обещал мне разговор, а потом, видно, забыл об этом.

— У вас есть для меня какие-то полезные сведения, — устало прикрыв глаза, вспомнил Фродо. — Ладно. Выкладывайте.

— Не задаром.

— Что?! — Фродо уставился на бродягу, раздумывая, не ослышался ли он.

— Что вас так удивляет? — поинтересовался поздний гость. — У меня есть что сказать вам. Даже добрый совет припасен. А за это я хочу получить вознаграждение.

— И сколько? — холодно спросил Фродо. Он и впрямь успокоился, сообразив, что имеет дело с вымогателем. Вот только денег он взял с собой маловато, а лишних и вовсе не было.

— Я вас не разорю, — словно прочитав мысли хоббита, раздельно проговорил бродяга. — Моя цена такая: я пойду с вами и буду идти, пока сочту нужным.

— С какой это стати?! — Фродо все-таки не сдержал удивления. — Уж если мне понадобится попутчик, вряд ли я возьму его в компанию, не разузнав как следует, кто он таков и чем занимается.

— Прекрасно! — одобрил Колоброд, поудобнее устраиваясь в кресле. — Может быть, вы наконец придете в себя и перестанете делать глупости. Их и так совершено немало. Впрочем, к делу! Я расскажу кое-что, а вы уж сами решайте, сколько оно стоит. Благодарить можете потом.

— Посмотрим, — буркнул Фродо, — не тяните. Что вам известно?

— О! Мне известно великое множество самых разных мрачных историй, — зловеще промолвил бродяга. — Есть среди них и ваша… — Он резко поднялся, беззвучно шагнул к двери и распахнул ее. Выглянул в коридор, прислушался и тихо прикрыл снова. — У меня чуткий слух, — сообщил он опешившим хоббитам. — Исчезать я, правда, не умею, но осторожную дичь выслеживал не раз, а тут уж волей-неволей научишься быть незаметным. Так вот, нынче вечером я был на Дороге, недалеко отсюда, к западу от Брыля. И, надо же такому случиться, как раз в это время от Упокоищ на Дорогу вышла четверка хоббитов. О чем они там говорили со стариной Бомбадилом, рассказывать неинтересно, а вот слова одного из них мне запомнились. «Не забудьте, — поучал он остальных, — я теперь никакой не Сумникс, я теперь — Норохолм». Из любопытства я решил посмотреть на продолжение этих тайных дел и перемахнул через стену вслед за вами. Вполне допускаю, что у господина Сумникса имеются серьезные основания отказаться от своей фамилии. Но в этом случае дальнейшее поведение его и его друзей кажется мне неосторожным.

— Кому какое дело в Брыле до моего имени! — сердито сказал Фродо. — А самое главное, вас-то оно почему интересует? Вполне допускаю, что у господина Колоброда имеются серьезные основания для выслеживания и подслушивания. Но в этом случае хорошо бы ему объясниться.

— Прекрасно сказано, сударь! — рассмеялся Колоброд. — Но объяснять тут нечего: мне нужно было как можно скорее найти хоббита по имени Фродо Сумникс. Это связано с тайной, унесенной им из Шира, с тайной, напрямую касающейся меня и моих друзей. Стоп! — воскликнул он, останавливая вскочивших хоббитов. — Вы не поняли меня. Мне не впервой обращаться с тайнами, и я умею это делать поосторожнее вас. — Он наклонился вперед и произнес, понизив голос: — Черные Всадники проходили через Брыль. Еще в понедельник один из них пришел с Зеленопутья, а позже с юга подошел второй.

В комнате стало очень тихо. Наконец, после долгого молчания, Фродо виновато сказал друзьям:

— Верно. По привратнику можно было догадаться. Да и хозяин что-то почуял. Как он к гостям зазывал, а? Влипли мы. Нет бы сидеть себе тихо и носа не высовывать…

— Что верно, то верно, — подал голос Колоброд. — Я пытался предупредить вас, но хозяин не пустил. Даже записки не взял.

— Вы думаете, он… — вопросительно протянул Фродо.

— Нет. О старом Маслютике я ничего плохого не думаю, — решительно возразил Колоброд. — Просто он не жалует всяких подозрительных бродяг и проходимцев вроде меня. — Он перехватил удивленный взгляд Фродо и пояснил с кривой усмешкой: — Вид-то у меня и правда в самый раз для разбойника. Впрочем, надеюсь, нам доведется познакомиться поближе; может быть, тогда вы мне объясните, что же произошло в конце вашего сольного выступления. Эта неудачная шутка…

— Да ерунда! Чистая случайность! — горячо перебил Фродо.

— Интересно, — покачал головой Колоброд. — Случайность, значит? Довольно опасная, должен вам сказать.

— А-а! — махнул рукой Фродо. — Опасностью больше, опасностью меньше… Я знаю, что по моему следу шли Всадники. Но теперь-то они его потеряли. Может, даже и убрались восвояси.

— А вот на это не надейтесь! — сказал как отрезал Колоброд. — Они скоро вернутся. Но теперь

их будет больше. Я знаю — сколько. Я много о них знаю.

Он замолчал, и Фродо заметил, каким холодным и тяжелым сделался взгляд серых глаз.

— В Брыле не стоит доверять всем подряд. Один Билл Хвощ чего стоит. Здесь у него неважная репутация, а у гостей, бывающих в его доме, тем более. Помните, смуглый такой, ухмыляется гнусно? С ним еще южанин был, и ушли они сразу после вашей «случайности». Южанам вообще доверять не следует. А Хвощ вполне способен продать кому угодно что угодно. Может и бескорыстно напакостить.

— А что ему продавать? И при чем тут моя оплошность? — Фродо упорно не желал понимать намеков.

— Что продавать? — усмехнулся Колоброд. — А новости? Новости о вашем появлении. Кое-кому рассказ о вашем представлении может показаться весьма интересным. Тут уж никакая придуманная фамилия не поможет. Не будь я Колоброд, если эти интересующиеся не услышат рассказ о сегодняшнем вечере еще до утра. Хватит с вас? Тогда решайте, стоят ли мои слова того, чтобы взять меня в проводники. Конечно, можете отказаться, но учтите на всякий случай — я знаю

края от Шира до Мглистых Гор наизусть и пользу вам принесу немалую. Много лет пришлось мне бродить там. Я старше, чем могу показаться. Учтите — после сегодняшней ночи о Дороге придется забыть. Всадники глаз с нее не спустят. Даже если удастся выбраться из Брыля незамеченными, далеко вам не уйти. Хотите встретиться с ними в глуши, где и помощи ждать неоткуда? Хотите? Черные Всадники — это сам ужас!

Хоббиты уже некоторое время с удивлением смотрели на ночного посетителя и заметили, как по его лицу прошла словно судорога страдания, а руки с силой впились в подлокотники кресла. В комнате стояла звенящая тишина. Камин почти не давал света. Еще некоторое время Колоброд сидел погруженный в себя — может, бродил по дорогам памяти, а может, вслушивался в дальние звуки ночи, а потом, проведя рукой по глазам, воскликнул:

— Да! Я знаю о ваших преследователях куда больше вашего. Вы боитесь их, но боитесь недостаточно. Завтра вам придется уходить, хотите вы этого или нет. Колоброд может провести вас нехожеными тропами. Ну как, берете вы его в попутчики?

Снова повисло тяжелое молчание. Мысли Фро-

до метались, сомнения и страхи одолевали его. Сэм, насупясь, поглядывал на хозяина, а потом не выдержал.

— С вашего позволения, сударь, — сверкая глазами, обратился он к Фродо, — я бы ни в жизнь его не взял. Он ведь как, Колоброд-то! Все предупреждает, предостерегает все. Тут я с ним согласен. Опасаться надо. А кого? Не с него ли, Колоброда, начинать? Явился он из Пустоземья, а я про тамошний народ отродясь доброго слова не слыхал. Знает много, это верно, больше даже, чем надо бы, так что из этого? С какой стати нам плестись с ним в ту самую «глушь, где и помощи ждать неоткуда»? А он ведь так нам и предлагает?

Пиппин смущенно заерзал. Ему было неловко. Однако Колоброд не отвечал Сэму. Он в упор, не отрываясь, смотрел на Фродо. Фродо не выдержал и отвел глаза. Потом медленно, с трудом, выговорил:

— Нет, я не согласен с Сэмом. Мне кажется, вы не тот, за кого себя выдаете. Разговариваете вроде как обычный брыльчанин, а голос не похож. Опять же, чудно у вас получается. С одной стороны, остерегаете нас, а с другой, хотите, чтобы мы вам доверяли. Зачем водить нас за нос? Кто вы? Что и откуда знаете о моих делах?

— Ну вот, теперь вы наконец выучили урок, — мягко улыбнулся Колоброд. — Перейдем к следующему. Осторожность — это одно, она необходима, а вот нерешительность — совсем другое. В Дольн вам самим не добраться. Придется все же довериться мне, другого выхода нет. Соберитесь с мыслями. Я отвечу на ваши вопросы. Успокоит вас это? Но почему, если вы мне заранее не доверяете? Ладно, слушайте и решайте…

В этот момент в дверь постучали. Явился господин Маслютик со свечами, за ним Ноб тащил бадью с горячей водой. Колоброд мгновенно отодвинулся в дальний темный угол.

— Вот, зашел пожелать вам доброй ночи, — заворковал Маслютик, расставляя свечи. — Ноб! Отнеси-ка воду в комнаты.

Молодой хоббит вышел и закрыл за собой дверь.

— Вот оно как, значит… — Было видно, что хозяина заботит какое-то дело, а он не знает, с чего начать. — Если я повредил чему, мне очень жаль. Извиняюсь, конечно. Но сами посудите, то одно, то другое. Видели, небось, каково мне крутиться приходится. Ну, запамятовал. Вспомнил теперь, может, беды-то и нет большой. В общем, просили меня позаботиться о хоббитах из Шира, в особен-

ности об одном. О господине Сумниксе, значит.

— А я тут при чем? — очень натурально сумел удивиться Фродо.

— Оно, конечно, вам виднее, — закряхтел от смущения хозяин. — Мне ведь сказано было, что господин этот, ну, Сумникс, скорее всего назовется Норохолмом. Ну и портретик описали, чтобы не ошибиться, стало быть. Ваш портретик-то, — добавил он.

— Да что вы! И как же вам его описали? — уже совсем неубедительно поинтересовался Фродо.

— «Крепенький такой, невысокий, красношекий», вот! — торжественно объявил хозяин. Пиппин хихикнул. Сэм возмущенно фыркнул.

— Он мне и говорит, — продолжал, ничуть не смутившись, хозяин, покосившись на Пиппина, — «не очень-то это тебе поможет. Хоббиты, Суслень, они все примерно такие. Но этот повыше все-таки, посветлее, на подбородке — ямочка, ясноглазый и, знаешь, задиристый такой». Прошу прощения, это он так сказал.

— Да кто он-то? — не выдержал Фродо.

— А? Так ведь Гэндальф сказал. Может, знаете такого? Про него говорят — маг, мол, а по мне — добрый приятель, сто лет знакомы. Вот только не знаю, что он мне теперь при встрече скажет.

Маг все-таки. Как бы эль не прокис, а то и самому в чурбан какой недолго превратиться. Знаете, вспыльчивый он, потом и пожалеть может, ан дело-то сделано. Да разве поправишь теперь… — Хозяин совсем смутился.

— Да говорите вы толком, чего не поправишь? — Фродо начал терять терпение, следя за извивами Маслютиковых мыслей.

Хозяин растерянно посмотрел на него.

— О чем бишь я? Ах да. Гэндальф! Месяца три назад заходит он ко мне прямо в комнату не постучавшись. «Слушай, Суслень, — говорит, — ухожу я утром. Хочу тебя об одолжении попросить. Сделаешь?» А как же, говорю, всенепременно. А он мне: «Спешу, — говорит — совсем времени нет. А надо весточку в Шир послать. Может, отправишь кого понадежнее?» Завтра же с утра и отправлю, отвечаю, ну, в крайнем случае послезавтра. «Лучше уж завтра», — говорит он мне и письмо подает. Адрес вполне понятный. — Маслютик извлек из кармана помятый конверт и, явно гордясь своими способностями, громко прочитал: «Фродо Сумниксу. Засумки. Хоббитон в Шире».

— Письмо! Мне от Гэндальфа! — вскричал Фродо.

— А-а, — хитро ухмыльнулся хозяин, — значит,

настоящая ваша фамилия все-таки Сумникс…

— Сумникс, Сумникс, — раздраженно сказал Фродо. — Дайте-ка письмо поскорее, да объясните наконец, почему же вы его не отправили? Вы ведь за этим и пришли, надо полагать?

Маслютик не на шутку обеспокоился.

— Эх, ваша правда, — понурившись, отвечал он. — Прощения просим. Я в самом деле страх как боюсь, что Гэндальф скажет. Ну хоть беды-то большой не случилось, а? Не нарочно ведь я. Как лучше хотел. В тот день верного человека под рукой не случилось. А потом и пошло, и поехало. Одно на другое, вот и вылетело из памяти. Я же, сами видите, человек занятой. Но если можно это дело поправить, вы только скажите, в лепешку расшибусь, а сделаю. Я так и Гэндальфу обещал. «Суслень, — он мне говорит, — это мой друг из Шира подойдет. Назовется он, обрати внимание, Норохолмом! Чтоб никаких расспросов. Если он без меня придет, значит, плохо дело, помочь ему надо. Сделай, а я в долгу не останусь», — вот так он сказал. Теперь вы — вот они, и беда, похоже, неподалеку ходит.

— Это вы о чем? — похолодел Фродо.

— А как же? — понизив голос, сказал хозяин. — Люди эти черные! Они ведь Сумникса ищут. И

будь я хоббит, если для доброго чего. В понедельник, стало быть, оно и приключилось. Собаки обвылись прямо, и гуси гоготали. Я сразу понял — дело нечисто! А тут Ноб приходит и говорит: «Там два черных типа у двери хоббита спрашивают, Сумникса какого-то. Я их не пустил, дверь захлопнул, так они по улице пошли и все про этого хоббита спрашивали». А потом еще этот, Скиталец, Колоброд, значит, приперся, все к вам рвался, а вы ведь только-только пришли. Ни отдохнуть, ни закусить. Он такой…

— Такой, такой! — внезапно выступил на свет Колоброд. — Эх, Суслень, скольких забот сейчас не было бы, пусти ты меня тогда!

Хозяин подскочил от удивления.

— Ты откуда взялся? — вскричал он. — Чего тебе тут надо?

— Я его пригласил, — остановил хозяина Фродо. — Он хочет помочь мне.

— Я, конечно, в ваши дела не вмешиваюсь, — недовольно пробормотал Суслень, — а только с бродягами связываться не стал бы.

— Ну а с кем ему, по-твоему, связываться? — сурово спросил Колоброд. — С толстым трактирщиком, который и свое-то имя помнит только потому, что слышит его по двадцать раз на дню?

Они ведь не могут на всю оставшуюся жизнь поселиться в твоем «Пони». И домой им дороги нет. И путь впереди немереный. Может, ты с ними пойдешь, людей черных прогонишь, а?

— Я?! — в неподдельном страхе вскричал Маслютик. — Чтобы я — из Брыля? Да ни ногой, ни за какие деньги! А в самом деле, — обернулся он к хоббитам, — почему бы вам у меня не погостить? Ну хоть недолго, господин Норохолм? Здесь у меня спокойно. А то что, в самом деле, у вас за дела? И черные эти… Откуда они взялись-то?

— Вряд ли я сейчас смогу все вам объяснить, — вздохнул Фродо. — Беспокойно мне, да и устал, признаться, в дороге. За гостеприимство спасибо, конечно, да только должен честно предупредить: пока я здесь, вам про покой забыть придется. А Черные Всадники, они… я думаю, пришли они…

— Из Мордора они пришли, — негромко закончил за него фразу Колоброд. — Из Мордора, Суслень. Слыхал про такую страну?

— Ох! — всплеснул руками Маслютик и побледнел как полотно. Видно, название он слыхал, и не раз. — Вот уж хуже этой вести я в Брыле и не упомню.

— Так и есть, — подтвердил Фродо. — Ну что, все еще хотите помочь мне?

— Да, — твердо произнес Маслютик, — даже больше, чем прежде. Хоть толку, наверное, от меня немного. Ну что я могу против… против…

— Против Тьмы с Востока, — снова тихонько подсказал Колоброд. — Не ахти как много, но сейчас любая малость важна. Во-первых, господину Норохолму и его друзьям надо выспаться. Во-вторых, забудь, что есть такой хоббит Сумникс, по крайней мере до тех пор, пока он не окажется как можно дальше от здешних мест.

— Сделаю, все сделаю, — истово кивал Маслютик. — Эх, да ведь они и без меня разберутся. Экая досада, право, что нынче вечером вы, сударь, так опростоволосились. Про Бильбо-то с его исчезновением все у нас сто раз слыхали. Даже Ноб, уж на что тугодум, и то кое о чем догадался. А в Брыле и посмышленей его найдутся.

— Может, не вернутся Всадники так скоро, — предположил Фродо.

— Вполне могут не вернуться, — согласился Маслютик. — А вернутся — призраки они там или кто, — в «Пони» им просто так не попасть. До утра спите спокойно. Ноб молчать будет. А всякие черные в эту дверь только через мой труп войдут. Мы покараулим со слугами.

— Спасибо, — поблагодарил Фродо. — Только

в любом случае поднимите нас на рассвете. Нам надо выйти как можно раньше. Распорядитесь о завтраке к половине седьмого, пожалуйста.

— Все сделаю. Обо всем распоряжусь. Не извольте беспокоиться, — частил хозяин. — Доброй ночи, господин Сумникс (тьфу, пропасть!), Норохолм, значит. Доброй… — Хозяин вдруг замолчал, выпучив глаза. — А где же ваш друг, господин Брендискок?

— Не знаю, — внезапно побледнев, ответил Фродо. Они совсем забыли про Мерри, а уж поздно было. — Нет ведь его, верно. Он вроде прогуляться собирался…

— Ну, ну, — покрутил головой Маслютик. — С вами не соскучишься. Я ведь хотел запирать идти. Ладно. Скажу, чтобы впустили вашего приятеля. Э-э, пошлю-ка лучше Ноба, пусть поищет его, ночь на дворе.

Наконец хозяин убрался восвояси. Напоследок он еще раз неодобрительно поглядел на Колоброда и покачал головой. Шаги его стихли в коридоре.

— Ну, — промолвил Колоброд, — собираетесь вы свое письмо читать?

Фродо, не отвечая, внимательно осмотрел печать. Она была в порядке. Тогда он сломал ее

и вскрыл письмо. Размашистым, но изящным почерком Гэндальфа там значилось:

«Резвый Пони»,
Брыль, День Середины Лета, 1418 года Шира.

Дорогой Фродо!

Меня настигли плохие вести. Ухожу немедля. Тебе тоже необходимо спешить. Уходи не позднее конца июля. Я сделаю все, чтобы вернуться побыстрее, в крайнем случае нагоню тебя в пути. Если пойдешь через Брыль, оставь мне весточку. Хозяину (Маслютику) доверять можно. Если повезет, в Дороге тебя встретит мой друг — человек, худой, высокий, темноволосый. Некоторые зовут его Колобродом. Он знает все и во всем поможет. Иди в Дольн. Встретимся там. Если не приду, сделай, как скажет Элронд.

Твой в спешке Гэндальф.

P.S. НЕ пользуйся ИМ ни в коем случае. Пешим не ходи.

P.P.S. Убедись, что это и в самом деле

Колоброд. На дорогах сейчас кого только нет! Его настоящее имя — Арагорн.

В истинном золоте блеска нет;
Не каждый странник забыт;
Не каждый слабеет под гнетом лет —
Корни земля хранит.

Зола обратится огнем опять,
В сумраке луч сверкнет,
Клинок вернется на рукоять,
Корону король обретет.

P.P.P.S. Надеюсь, Маслютик отправит письмо сразу. Человек он достойный, но память — что твоя кладовка: самое нужное всегда на дне. Забудет — зажарю!

В добрый путь!

Фродо прочитал письмо про себя и передал Пиппину с Сэмом.

— Да-а, — протянул он. — Наделал дел наш хозяин. За такое вполне поджарить можно. Получи я его вовремя, сейчас уже в Дольне был бы. Но что могло стрястись с Гэндальфом? Он пишет так, словно впереди его ждет великая опасность…

— Он уже много лет живет посреди величайших опасностей, — подал голос Колоброд.

Фродо рассеянно посмотрел на него, думая о второй приписке.

— Почему бы вам сразу не назваться другом Гэндальфа? — спросил он. — Сколько времени зря потеряли…

— Ну почему же — зря? — спокойно откликнулся Колоброд. — А если бы даже и назвался, вы что, поверили бы мне? Лучше убедить вас делом. А потом, я вовсе не собирался выкладывать сразу всю свою подноготную, не посмотрев на вас, не удостоверившись. Я знаком с ловушками Врага. Но, убедившись, я готов был ответить на любой ваш вопрос. Правда, — он странно усмехнулся, — я надеялся завоевать ваше доверие без долгих личных историй. Тот, кому грозит опасность, рано или поздно устает подозревать всех и вся, ему просто хочется довериться иногда первому

встречному. Хотя вид мой, пожалуй, не слишком располагает к доверию.

— Это только поначалу, — рассмеялся Пиппин. Чтение письма привело его в веселое расположение духа. — У нас в Шире говорят: не видом пригож, а делом хорош. Поброди мы несколько дней в Пустоземье, вряд ли выглядели бы лучше.

— Э-э, — усмехнулся Колоброд, — чтобы выглядеть как я, надо бродить в глуши годами. Думаете, выдержали бы? Разве только внутри вы покрепче, чем кажетесь снаружи.

Если Пиппин вполне удовлетворился объяснениями, то Сэм и не думал сдаваться.

— А откуда нам знать, что ты — тот самый Колоброд, о котором Гэндальф пишет? — упорствовал он. — Ты-то вот Гэндальфа и не вспомнил, пока письмо не принесли. Может, ты настоящего-то Колоброда где-нибудь подкараулил и под кустом закопал, а вещички его присвоил?

— Упрямый ты парень, Сэм, — вздохнул Колоброд. — Ладно. Отвечу тебе. Уж если я с Колобродом справился, то вас прихлопнул бы как мух, по́ходя и без всяких разговоров. Если бы я пришел за Кольцом, то и взял бы его прямо сейчас, здесь же.

Он встал и вдруг показался очень высоким.

Глаза сверкнули повелительно, когда, отбросив плащ, он положил руку на эфес меча в ножнах, висевших на боку. Хоббиты замерли, разинув рты. Сэм, казалось, опешил совершенно.

— Будем считать, что тебе повезло, Сэм, — раздался из-под потолка неожиданно мягкий голос. — Я — тот самый Колоброд, о котором идет речь в письме. Я — Арагорн, сын Арахорна, обещаю вам свою помощь и поддержку.

Долгое молчание первым решился нарушить Фродо. Правда, по голосу было заметно, что и он оробел.

— Я и без письма поверил вам, — смущенно произнес он. — Ну, уже почти поверил… Хоть вы и не раз сегодня заставили меня дрожать от страха, но то был другой страх, не такой, как перед слугами Врага. Ведь они всегда стараются казаться лучше, чем есть, а вы — наоборот… но внутри-то все равно чувствуешь…

— Значит, вы меня *почувствовали*? — рассмеялся Колоброд. — «В истинном золоте блеска нет…»

— Так это про вас стихи? — удивился Фродо. — А я даже не понял, к чему они. Хотя… подождите. Как вы узнали про них, если не видели письма?

— Письмо ни при чем, — ответил Колоброд. — Я — Арагорн, стихи связаны именно с этим име-

нем. — Он обнажил меч, но в руке у него оказался лишь обломок клинка не больше фута длиной. — Вот Сэм, похоже, думает: много ли проку от этой железки, — улыбнулся Арагорн. — Угадал? Ничего. Настанет время и для этого меча. Ему суждено быть откованным заново.

Сэм промолчал.

— Вот и славно. — Колоброд потер руки. — Если Сэм не возражает, на том и порешим. Завтра я поведу вас своей дорогой. Надеюсь, нам удастся выбраться из Брыля без помех, но вот чтобы без любопытных глаз — это едва ли. Да я уж постараюсь затеряться в глуши побыстрее. Есть в этих краях парочка троп… Нам бы только уйти от погони; поведу я вас на Заветерь.

— Это еще куда? — проворчал Сэм.

— Это на север отсюда. Заветерь — гора, как раз на полпути к Дольну. С ее вершины можно

оглядеться. Гэндальф обязательно заглянет туда либо раньше, либо позже нас. Ну а дальше — посмотрим.

— Вы давно видели Гэндальфа? Где он? Что делает? — спросил Фродо.

Колоброд потемнел лицом.

— Где он сейчас — не знаю. Весной мы вместе с ним пришли на запад, и я остался стеречь границы Шира, как часто делал в последние годы. Гэндальф редко оставлял их без охраны. А последний раз мы встретились у Сарнского Брода в начале мая. Он сказал, что вы с ним собираетесь в Дольн в конце сентября. Ну, раз он оставался в Шире, я отправился по своим делам. И вот как все обернулось! Он узнал о чем-то важном и спешно отправился в путь, а меня рядом не случилось.

Его отсутствие очень беспокоит меня, пожалуй, впервые за время нашего знакомства. Если что-то задержало его в пути, он бы обязательно дал знать о себе. Как только я вернулся, сразу посыпались неприятные новости. От эльфов Гилдора я узнал о появлении Всадников, а потом они же сообщили о встрече с вами. А Гэндальфа все не было. Я ждал, когда вы покинете Заскочье, и наблюдал за Западной Дорогой.

— Как вы думаете, появление Всадников и от-

сутствие Гэндальфа связаны между собой? — с беспокойством спросил Фродо.

— Я не знаю, что еще могло задержать его, — вздохнул Арагорн, — разве что сам Враг. — Вдруг он улыбнулся. — Не стоит отчаиваться! Гэндальф — великий маг, просто вы у себя в Шире не знаете его настоящих дел. Таких, например, как наше. Здесь не до шуток и фейерверков.

Пиппин зевнул во все горло.

— Я жутко устал. Опасности там, тревоги — ладно. Но спать-то все равно надо. И где это Мерри запропастился? Не хватало нам еще искать его в темноте.

В это время внизу хлопнула дверь, и по коридору простучали быстрые шаги. В комнату буквально влетел Мерри, а за ним — Ноб. Они никак не могли отдышаться. Остальные с недоумением глядели на них. Наконец Мерри вымолвил:

— Фродо! Я их видел! Черных Всадников!

— Что?! Всадники? — вскричал Фродо. — Где?

— Здесь, в деревне. Вы ушли, а мне надоело сидеть, и я вышел прогуляться. И знаешь, остановился неподалеку от фонаря, на звезды глядел, и тут, тут… Вдруг почувствовал: что-то ужасное крадется, там тени на дороге, а оно еще темней, просто мгла какая-то, как раз на границе света от

фонаря. Проскользнуло и во мрак кануло. Только коня у него не было.

— Куда оно направлялось? — резко спросил Арагорн. Мерри только сейчас заметил в комнате чужого.

— Говори, говори, — поторопил его Фродо. — Это друг Гэндальфа, я потом объясню.

— Оно по дороге ушло, туда, на восток. — Мерри неопределенно махнул рукой. — Я было за ним пошел, но сразу потерял его из виду. Тогда я свернул за угол и дошел почти до самого последнего дома…

Колоброд в удивлении воззрился на хоббита.

— У тебя отважное сердце, — произнес он, — но поступил ты просто глупо.

— Да ни при чем здесь ни глупость, ни отвага, — досадливо отмахнулся Мерри. — Меня ведь как тянуло что-то. Я и шел. А потом вдруг возле ограды слышу — голоса! Один бормочет, а другой — не то шипит, не то сипит чудно как-то, и не разобрать ни слова. Я хотел ближе подкрасться, но тут меня трясти начало, а потом сзади навалился ужас! Я повернулся, бежать хотел, но тут меня догнало что-то, и… и… я вроде споткнулся.

— Это я его нашел, сударь, — вмешался Ноб. — Хозяин мне фонарь дал, иди, ищи, говорит. Я к

Западным воротам — нету, я к южным, и вот, напротив Билла Хвоща халупы, гляжу, вроде как возится кто на дороге. Вроде как двое наклонились и поднимают кого-то. Я заорал, они наутек — и след простыл. Подбегаю, а это господин Брендискок на дороге лежит, спит как будто. Я к нему нагнулся, трясти стал, а он мне и говорит: «Я, говорит, в омут упал», а потом вскочил да как рванет по дороге, ну чисто заяц! Я — за ним.

— Я не помню, что говорил, — вступил Мерри, — но чувствовал себя как в кошмаре. Словно на куски рассыпался… — Он задумался мучительно. — Нет, не знаю, что со мной было.

— Зато я знаю, — произнес Колоброд. — Черное дыхание! Значит, Всадники коней оставили за воротами и в Брыль пробрались. Ну, теперь они Хвоща навестили, новости узнали… Ах, ведь еще южанин этот! Теперь жди событий.

— А что может быть? — упавшим голосом проговорил Фродо. — На гостиницу нападут?

— Вряд ли, — успокоил Колоброд. — Они еще не все собрались. Да и не в их это обычаях — на дом нападать, где людей полно и свет горит. Где-нибудь в глуши они себя намного уверенней чувствуют. Их главное оружие — страх. И кое-кого здесь они уже победили. Теперь им ничего не

стоит толкнуть этих несчастных на какое-нибудь темное дело. Хвощ определенно у них в руках, может, и еще кто. И привратник. Я видел, как они с ним в понедельник у ворот говорили. На Гарри потом смотреть невозможно было, белый весь и трясется.

— Кругом враги! — в отчаянии произнес Фродо. — Что ж делать-то?

— Во всяком случае, не лезть в петлю, — посоветовал Колоброд. — Ночевать будем здесь. В ваших комнатах окна у самой земли и круглые — любому ясно, где вас искать. Дверь запрем, ставни тоже. Сейчас мы с Нобом принесем ваши вещи.

Фродо в двух словах пересказал Мерри события минувшего вечера, и не успели они еще раз перечитать письмо, как вернулись Колоброд и Ноб, нагруженные вещами хоббитов.

— Я, конечно, извиняюсь, — сказал Ноб, — но я там постели ваши разворошил, валики положил и одеяла набросил. А из коврика дверного отличная ваша голова получилась, господин Сум… Норохолм, извините.

Пиппин рассмеялся.

— Отлично, Ноб, — одобрил он. — А что будет, когда они подмену обнаружат?

— Ладно, там увидим, — остановил его Коло-

брод. — Попробуем продержаться до утра.

— Ну тогда — доброй вам ночи, — пожелал Ноб и ушел на свой пост возле входной двери.

Хоббиты сложили одежду и котомки на полу, низкое кресло придвинули к двери, ставни заперли изнутри. Выглянув перед тем в окно, Фродо увидел звездную россыпь над головой. Прямо над верхушкой брыльского холма сиял высоко в небе Серп[5].

Колоброд тем временем подкинул дров в камин и задул свечи.

Хоббиты легли ногами к камину и натянули на себя одеяла. Арагорн устроился в кресле подле двери. Мерри все переживал рассказ Фродо.

— Надо же, — крутил он головой. — «Как вдруг корова в небо — прыг!» Да уж, с тобой не заскучаешь. — Он хлопнул Фродо по плечу. — Жаль, я не видел. Ну, уж теперь разговоров в Брыле на сто лет хватит.

— Разговоры — это еще полбеды, — отозвался Колоброд.

Потом настала тишина и, один за другим, хоббиты ушли в сон.

---

[5] Сноски: 5

Серп — хоббитское название Большой Медведицы.

Глава XI
Клинок во тьме

Хоббиты укладывались спать в Брыле, а над Заскочьем в эту пору давно уже царила глухая ночь. Плотный туман лег по оврагам и берегам реки. Домик на выселках лежал, окутанный тишиной. Вот дверь его тихонько приоткрылась, и Фэтти Пузикс выглянул наружу. Весь этот день Фредегара не оставлял страх; он не мог ни отдохнуть толком, ни отправиться спать. К ночи стало еще хуже: в неподвижном воздухе нависла угроза. Он стоял на крылечке, вглядываясь во мрак, и вдруг заметил едва уловимое движение темноты под деревьями, потом у него на глазах беззвучно отворилась и прикрылась дальняя калитка. Волосы у Фредегара встали дыбом, он

юркнул в дом, постоял, дрожа и прислушиваясь, и запер дверь на засов.

Ночь переходила в самую глухую пору. На дороге послышался осторожный шаг коней, ведомых в поводу. У калитки кони остановились, три черные фигуры проскользнули в сад и ночными призраками двинулись к дому. Одна из них затаилась у двери, другая — за углом. Снова все замерло. Фигуры не шевелились, словно тени от камней. Дом и тихие деревья, казалось, прижались к земле и ждали. Медленно тянулись минуты.

Шелохнулись листья. Где-то в отдалении прокричал петух. Шел холодный предрассветный час. Фигура у двери шевельнулась. Во мраке тускло блеснул обнаженный меч. На дверь обрушился тяжкий удар, заставивший содрогнуться весь дом, и высокий злобный голос потребовал:

— Открыть, именем Мордора!

Второго удара дверь не выдержала и, вырванная из петель, рухнула. Черные фигуры ворвались в дом.

И в этот самый миг из-за деревьев со стороны задней калитки зазвучал рог. Звук его пронзил ночь, как пламя над скирдой соломы. Он выпевал тревожный сигнал:

ОЧНИСЬ! БЕДА! НАПАСТЬ! ВРАГИ!

Фредегар не сидел без дела. Едва он увидел крадущиеся по саду черные тени, как сразу понял: либо удирать, либо пропадать. Он и удрал не задумываясь, через заднюю дверь, не чуя ног пролетел через сад, единым духом одолел около мили и свалился на пороге первого же дома Заскочья.

— Нет! — хрипел он. — Только не меня! Нет у меня ничего!

Его не поняли и решили, что на выселки напали какие-нибудь твари из Древлепущи. Но тут уж времени не теряли.

БЕДА! ОГОНЬ! ВРАГИ! –

трубили Брендискоки древний сигнал, не звучавший над Заскочьем со времен Лютой Зимы, когда белые волки перешли замерзший Брендидуин.

ВСТАВАЙ! ВСТАВАЙ! БЕДА! ВРАГИ! –

подхватили сигнал ответные рога. Тревога росла и ширилась. Черные фигуры выскочили из дома. Одна из них обронила на пороге хоббитский плащ. По дороге застучали копыта, быстро перешли в галоп и растаяли в ночи. Повсюду вокруг выселок трубили рога, раздавались крики и

топот. Черные Всадники вихрем пронеслись к Северным воротам. Что им мелкота! Пусть трубит и суетится. Саурон потом разберется с ними. Теперь у Всадников другие дела. Дом пуст. Кольца нет. Смахнув стражей у ворот, они исчезли из Шира.

В начале ночи Фродо внезапно проснулся. Он не понял, что разбудило его: не то звук, не то ощущение какой-то опасности. Колоброд спокойно сидел в кресле у камина. Не спал. Огонь горел хорошо. Фродо вопросительно посмотрел на Колоброда, никакого ответного знака не получил и заснул снова. Но теперь сон его был тревожен. Шумел ветер, скакали кони. Ветер усилился, казалось, дом стал подрагивать под его напором, а потом, где-то на границе сонного сознания, Фродо различил призывный звук рога и проснулся опять. На дворе страстно горланил петух. Колоброд раздвинул занавески, с лязгом распахнул ставни, и в залу проник серый утренний свет. Он разбудил остальных и сразу повел в спальни. Картина, представшая их глазам, заставила содрогнуться от мысли, что было бы, не последуй они совету Арагорна. Окна в спальне были выбиты, ставни сорваны, постели перевернуты, а валики, положенные Нобом, изрублены мечами и разбросаны по полу. Даже коричневый коврик

был изодран в клочья.

Колоброд позвал хозяина. Бедняга Маслютик трясся спросонья и уверял, что всю ночь глаз не сомкнул и ничего не слышал.

— На моей памяти такого не было! — вопил он, в ужасе воздевая руки. — Это что же такое делается! Гости уже в собственных постелях спать не могут. А валики-то, валики зачем портить? Да куда же это мы идем?

— Прямиком в мрачные времена, — осадил его Колоброд. — Но тебя они не коснутся, если мы уйдем. Так что уходим мы сразу. С завтраком не возись. Перехватим что есть, и ладно. Прикажи седлать пони, мы через несколько минут соберемся.

Хозяин выскочил вон и сразу вернулся. Пони исчезли! И не только хоббитские, но и все прочие в деревне. Новость сразила Фродо. Нечего было и думать попасть в Дольн пешком, когда по пятам идут Черные Всадники. Все равно что на Луну идти. Колоброд сидел молча, оценивающе разглядывая хоббитов.

— От пони толку мало, — словно отвечая на мысли Фродо, произнес он. — Их все равно пришлось бы оставить. Там, где мы пойдем, им не пройти. На своих двоих скорее будет. Вот с при-

пасами хуже. До Дольна еды нам уже не достать, значит, придется брать с собой, и с запасом. Вдруг задержимся или крюка давать придется. Сколько вы можете нести?

— Сколько надо, столько и можем, — ответил Пиппин, но сердце у него при этом упало. Впрочем, он старался виду не подавать.

— Я-то за двоих снесу, — похвастался Сэм.

— Господин Маслютик, а нельзя ли все-таки раздобыть в деревне хоть пару пони для поклажи? Ну хоть одного? — с надеждой обратился Фродо к хозяину. — Может, не нанять, так купить, а? — добавил он неуверенно, прикидывая, во что это может обойтись.

— Сомнительно, — страдая, отозвался несчастный Маслютик. — Во всем Брыле верховых-то было три штуки, у меня в стойле, так и они же пропали! А других мало, не продадут их, для работы ведь. Я, конечно, постараюсь. Сейчас прямо Боба пошлю.

— Пожалуй, — нехотя одобрил Колоброд. — Один-то нам все-таки понадобится. Эх, теперь уж незаметно не уйдешь! Теперь можно хоть в трубы трубить. Видно, так у них и задумано было.

— Ладно, — весело сказал Мерри. — Нет худа без добра. По крайней мере позавтракаем не то-

ропясь. Где там Ноб?

Задержаться пришлось почти на три часа. Боб вернулся ни с чем. Ни за любовь, сказал он, ни за деньги ни одной животины по соседству нет. Только у Билла Хвоща один пони остался, может, он и продаст его.

— Кляча клячей, — рассказывал Боб, — кожа да кости. Но уж Билл цену заломит, знает ведь, что вам деваться некуда. Сквалыга он, знаю я Хвоща!

— Хвощ? — в сомнении повторил Фродо. — Нет ли здесь подвоха? Как бы потом эта его кляча не сбежала к нему, да с нашей поклажей, или еще что…

— Едва ли, — с усмешкой сказал Колоброд. — Нет такой скотины, которая захочет вернуться к Хвощу, если уж повезло от него избавиться. Просто он на этом решил руки нагреть. Другое дело — не сдохла бы его животина. Однако выбирать не из чего. Сколько он хочет?

Хвощ требовал двенадцать монет серебром. В здешних краях пони стоил втрое дешевле. Животное выглядело действительно неважно, но помирать, похоже, пока не собиралось. Маслютик сам заплатил за него и еще предложил Мерри восемнадцать монет за остальных пропавших. Человек он был честный и по местным меркам

не бедный. Правда, тридцать серебряных монет и для него была сумма не маленькая, а главное — наглому Хвощу платить не хотелось.

В конечном счете хозяин оказался не внакладе. Позже выяснилось, что украли только одну лошадь. Остальных животных не то разогнали, не то они сами разбежались, а потом вернулись. Пони Мерри сбежали все вместе и, поразмыслив на свободе, отправились разыскивать своего приятеля Толстогоркина. Скоро они уже жили себе припеваючи под присмотром Тома Бомбадила. А когда до Тома дошли вести о происшествии в Брыле, он отослал их Маслютику. Так что хозяин получил за свои тридцать пенсов пять замечательных пони. Конечно, житье у них в Брыле было потяжелее, чем у Тома, но Боб заботился о них, поэтому, можно считать, выиграли и они, избежав опасного и тяжелого путешествия. Но зато и в Дольн им попасть не довелось.

Ну а пока денежки хозяина плакали ни за что ни про что. А другие заботы тоже не ждали. Постояльцы прознали о нападении на гостиницу, поднялась суматоха. Южане лишились коней и принялись поносить Маслютика на чем свет стоит, но тут выяснилось, что вместе с конями исчез и один из них, а именно косоглазый приятель

Хвоща. Пришлось им прикусить языки.

— Сами же с собой конокрада притащили ко мне в дом, — грозно выговаривал южанам Маслютик, — а теперь еще и орете на меня! Вот удержать с вас за весь ущерб, будете знать! Идите вон у Хвоща поинтересуйтесь, куда его приятель ненаглядный подевался.

Тут выяснилось, что косоглазого никто и не знал толком. Прибился он где-то по дороге, никто даже не помнил — где.

После завтрака хоббиты уложились и приготовились к дальнему пути. Выйти удалось около десяти. К этому времени Брыль уже гудел, как растревоженный улей. Еще бы! Исчезновение Фродо, нападение Черных Всадников, кража животных, а в довершение ко всему прошел слух о том, что бродяга Колоброд идет вместе с загадочными хоббитами. Столько событий одновременно в Брыле много лет не случалось. Народ пришел даже из окрестных деревень и толпился по обочине в надежде посмотреть на чудных путешественников. Постояльцы «Резвого Пони» торчали у дверей и свешивались из окон.

Колоброд решил выйти из Брыля по главной дороге. Теперь уходить задворками было просто глупо. Половина брыльчан отправилась бы за

ними поглядеть, куда направляются да не потопчут ли огороды.

Путники попрощались с Нобом и Бобом, долго раскланивались с Маслютиком.

— Надеюсь, мы еще свидимся, когда дела повеселее пойдут, — сказал Фродо напоследок. — Мне было бы приятно пожить у вас подольше.

На глазах у всего Брыля путники двинулись в путь. Начало получалось не из веселых. Народ смотрел неодобрительно, и кричали им вслед не только добрые напутствия. Однако Колоброда побаивались, и если уж он смотрел на кого, человек ли, хоббит ли стушевывался и отступал за спины других. Колоброд шагал рядом с Фродо, следом шли Мерри с Пиппином, а замыкал шествие Сэм, ведя пони в поводу. Несмотря на увесистый вьюк, пони выглядел пободрее, чем утром, словно предчувствовал в своей судьбе поворот к лучшему. Сэм грыз яблоко. Ноб с Бобом насовали ему полный карман «на дорожку».

— Яблочки для ходьбы, трубочка для привала, — бормотал он, — только скоро, по-моему, и то и другое кончится.

Хоббиты старались не обращать внимания на любопытные головы, тут и там торчащие над плетнями. Уже подходя к воротам, они увидели

какой-то неухоженный, неприятный дом. Он стоял на самом краю деревни. Фродо показалось, что в одном из окон промелькнула знакомая косоглазая физиономия и тут же исчезла.

«А-а! Так вот где он прячется! — подумал Фродо. — Здорово он на гоблина смахивает».

Поверх изгороди на них глазел еще один любопытный: лицо с нависшими черными бровями, неприятный взгляд, лягушачий рот кривится в презрительной ухмылке. Он курил короткую корявую трубку, часто сплевывая на дорогу.

— С утречком тебя, Длинноногий, — приветствовал он Колоброда. — Куда это собрался спозаранок? Смотри, и компанию себе под стать нашел.

Колоброд кивнул, не ответив.

— С утречком, мои маленькие друзья! — обратился местный к хоббитам. — Вы хоть знаете, с кем связались? Это ж Дылда Мимохожий. Его еще и похуже зовут. Так что к ночи поосторожней с ним. А ты, Сэм, кончай мучить моего бедного пони! Смотри, загнал совсем! — Он смачно сплюнул на дорогу.

Сэм глянул прямо в глаза насмешнику.

— Ты, Хвощ, убрался бы подобру-поздорову. Уж больно рожа у тебя не задалась. — Недоеденное

яблоко вырвалось у Сэма из рук и попало Биллу прямо по носу. Увернуться он не успел и, сверзившись с плетня, разразился злобной бранью.

— Ну вот, яблоко хорошее пропало, — с сожалением заметил Сэм.

Наконец деревня осталась позади. Последние настырные детишки отстали и повернули назад. Еще несколько миль шли по дороге. Она постепенно забирала к востоку, огибая подножие брыльского холма, а потом бодро припустила вниз, исчезая в раскинувшемся впереди лесном краю.

Слева еще попадались изредка дома и хоббичьи норы Дворищ, подальше к северу из лощины поднимались дымки, там лежали Овражки, а за ними начинался уже Чагрый Бор.

Вскоре холм остался позади. Арагорн остановился возле неприметной развилки. Узкая тропа уходила на север.

— Все. Уходим с открытого места.

— Опять напрямик пойдем? — спросил Пиппин. — Мы уже пробовали так через лес идти, насилу выбрались.

— Тогда меня с вами не было, — рассмеялся Колоброд. — Если я выбираю прямой путь, то уж не сворачиваю.

Он быстро огляделся, свернул с Дороги и зашагал вниз, к лесистой долине. Хоббиты не знали этих краев, но поняли намерение Колоброда обойти Овражки с востока, а потом через Пустоземье идти прямо на Заветерь. Так было, конечно, короче, зато на пути лежала Мокреть. Пока, не считая беспокойств минувшей ночи, путешествие складывалось вполне благополучно. Мягко, по-осеннему светило солнышко. Леса в долине еще не сбросили листву и выглядели мирно и приветливо. Колоброд шел уверенно, не обращая внимания на частые, вроде бы попутные тропинки. Без него хоббиты мигом заблудились бы. Сбивая со следа возможных преследователей, он часто резко поворачивал, закладывая петли, временами переходил с тропинки на тропинку прямо через кусты.

— Хвощ наверняка следил, где мы сошли с Дороги, — сказал он час спустя. — Сам-то он за нами не сунется, хотя края здешние знает прилично. Но в лесу ему со мной не сравняться. А вот кому не надо расскажет — это плохо. Они ведь недалеко. Ну, пусть думают, что мы в Овражки пошли.

Искусство ли Колоброда было тому причиной или простое везение, но за весь день их никто не побеспокоил. Птицы попадались, лис пробежал

да несколько белок. И переночевали спокойно.

На следующий день шли строго на восток, и опять все обошлось тихо-мирно. Из Чагрого Бора выбрались только на третий день. Местность заметно понижалась, и вскоре впереди открылась обширная пустошь, сильно заросшая кустарником. Они давно миновали границы Брыля и оказались теперь в нехоженой глуши, а впереди их поджидала Мокреть.

Земля стала влажной, местами даже топкой, то и дело попадались бочажки, островки тростника и камышовые заросли, почему-то густо населенные мелкими пичугами. Здесь пошли осторожнее — не хотелось ноги мочить. Но скоро хоббитам стало не до того. Болота были глухие, коварные, трясина жила и двигалась, никаких тропинок и в помине не водилось. Воздух постепенно наполнялся противным звоном. Тучи мелких кровососов вились над головами, залетали в рукава и за ворот.

— Да ведь они заживо съедят! — не выдержав, завопил Пиппин. — Это ж мокрецы, их тут как грязи!

— Интересно, чем они промышляют, если хоббита добыть не удается? — ворчал Сэм, пытаясь почесать шею и спину одновременно.

День среди болот прошел отвратительно. Ночевка получилась сырой и неуютной; мокрецы не давали спать. В тростнике всю ночь верещали какие-то дрянные родичи сверчков. Их там обитали великие тысячи, и от противного пронзительного скрипа «ниик-бриик, бриик-ниик» хоббиты к утру чуть с ума не сошли. Четвертый день был не намного лучше, а ночлег опять не удался. Правда, никербрикеры (как обозвал их Сэм) остались позади, зато мошка донимала по-прежнему.

От усталости и кровососов Фродо не мог сомкнуть глаз. Среди ночи его обеспокоили непонятные сполохи в небе на востоке. Вспышки напоминали зарницы, но откуда бы им взяться в это время года? А до рассвета было еще далеко. Увидев, что Колоброд стоит, тоже всматриваясь на восток, Фродо спросил:

— Что это за свет там?

— Не знаю, — встревоженно ответил тот. — Слишком далеко, не разобрать. Такое впечатление, будто молнии бьют с вершины холма.

Фродо снова улегся, но еще долго видел сквозь полуприкрытые веки всполохи света и на их фоне — высокую напряженную фигуру Колоброда. Только под утро Фродо забылся беспокойным сном.

В начале пятого дня пути болота и камышовые заросли остались позади. Начался подъем. Далеко на востоке наметилась череда холмов. Один из них, крайний справа, был повыше и стоял особняком. Он отличался правильной закругленной конической вершиной.

— Заветерь, — показывая на него, сказал Колоброд. — Тут неподалеку проходит Забытый Тракт, завтра будем там. Лучше бы нам поторопиться и идти напрямик.

— Почему? — спросил Фродо.

— Я не знаю, что мы найдем там.

— А Гэндальф? Разве мы его не встретим?

— Может, конечно, и встретим, да только вряд ли. Он мог и не зайти в Брыль. Но если я правильно рассчитал и он завернет туда, мы все равно можем разминуться. Дорога рядом, и ни ему, ни нам задерживаться не стоит. В глуши Всадникам нас не найти, они тоже могут отправиться на Заветерь. Оттуда хорошо просматриваются окрестности. А потом, здесь немало зверей и птиц, не всем из них можно доверять. Есть и другие шпионы, еще похуже.

Сэм сейчас же начал озираться. Однако небо над ними оставалось пустынным. Ни ястребов, ни зорких орлов.

— И так хорошего мало, а от твоих слов совсем одиноко, — насупившись, сказал он.

— Что же делать, по-вашему? — спросил Фродо.

— Я думаю, самое правильное, — словно нехотя ответил Колоброд, — идти к холмам, но не прямо к Заветери. Там есть одна тропа, она приведет нас к горе с севера. Не так заметно с дороги. А там посмотрим.

Они весь день, до ранних холодных сумерек, тащились вперед. Позади, над оставленными болотами, поднялся густой туман. Местность вокруг поражала голым унылым видом, только какие-то печальные пичуги посвистывали изредка. Но позже, к закату, затихли и они. Хоббиты с тоской вспоминали о ласковом закатном солнышке, заглядывавшем в веселые круглые окошки Засумок.

Совсем уже к вечеру повстречали ручей, торопившийся с холмов в сторону болот, и, пока хватало света, шли вдоль берега. Остановились почти ночью и разбили лагерь в чахлом ольшанике. Гребни холмов заметно приблизились. Их голые вершины словно придавили равнину. В эту ночь впервые выставили дозорных, а Колоброд, похоже, и вовсе не спал. От молодой луны на

землю лег холодный серый свет.

Поутру вышли сразу после восхода. В воздухе пахло ранним заморозком, с ясного неба лился голубой свет. Хоббиты взбодрились. Видно, они привыкали к новой жизни. Еще совсем недавно после такого перехода, как вчера, им пришлось бы несколько дней отлеживаться. Пиппин заявил даже, что нынешний Фродо выглядит лучше двух прежних.

— Сомневаюсь, — отозвался Фродо, затягивая пояс. — По-моему, наоборот, от меня половина осталась. Я надеюсь только на то, что нельзя же худеть бесконечно. Этак и вовсе призраком стать можно.

— Не стоит здесь об этом говорить, — сурово остановил его Колоброд.

Холмы придвинулись вплотную. Их волнистая гряда, не меньше тысячи футов по самым высоким вершинам, словно преграждала дорогу на восток. Кое-где глаз различал остатки сооружений, не то оборонительных валов, не то оград, а в распадках виднелись развалины древних построек. Пятого октября, на шестой день после выхода из Брыля, хоббиты со своим проводником заночевали у подножия холмов.

Утром, впервые после Чагрого Бора, нашлась

хорошая тропа. Хитро извиваясь, она повела их на юг. Похоже, ее и прокладывали с тем расчетом, чтобы идущих по ней не увидели ни с вершины холмов, ни с равнины. То она ныряла в заросшие балки, то прижималась к крутым склонам, а там, где деваться было уж совсем некуда, по сторонам появлялись огромные валуны и обтесанные камни, надежные, как ограда.

— Кто это ее проложил здесь и зачем? — поинтересовался Мерри. Они шли в это время мимо больших, вертикально поставленных камней. — Вид какой-то кладбищенский. А на Заветери нет ли, случайно, упокоищ?

— Ни на Заветери, ни на других холмах, — ответил Колоброд. — Дунаданы не жили здесь. По этим холмам проходил их рубеж обороны против Зла из Ангмара. По этой тропе воины скрытно переходили из одного укрепления в другое. А еще раньше, в дни северного княжества, на вершине Заветери стояла огромная дозорная башня Амон Сул. Ее сожгли и разрушили. Теперь там только венец из остатков фундамента, а когда-то была она высокой и прекрасной. Рассказывают, во времена Последнего Союза Элендил поджидал здесь войска Гил-Гэлада.

Хоббиты с удивлением посмотрели на своего

странного попутчика. Оказывается, древние предания он знал не хуже лесных троп.

— А кто это — Гил-Гэлад? — спросил Мерри, но Колоброд не ответил, погрузившись в какие-то собственные мысли. Ответ пришел с неожиданной стороны. Тихий торжественный голос произнес нараспев:

Народом Эльфов правил встарь
Гил-Гэлад, мудрый государь,
Чей мир — свобода, радость, свет —
Теперь в преданиях воспет.

Был меч его, как вихрь, могуч,
Копье — мгновенный лунный луч,
И звезд небесных чистота
Сияла в зеркале щита.
Но он ушел развеять тьму,
Что стала гибелью ему,
И канула его звезда
Во мрачный Мордор — навсегда.

Хоббиты в изумлении обернулись. Голос принадлежал Сэму.

— Что же ты остановился? Продолжай, пожалуйста, — попросил Мерри.

— Да не помню я дальше, — смущенно пробормотал Сэм и покраснел. — Это я, еще когда мальчонкой был, от господина Бильбо слышал. Он мне много всяких историй рассказывал. Знал, что меня хлебом не корми — дай про Эльфов послушать. Он ведь и грамоте меня учил. Ох и много же он знал, и так, и по-книжному. Сам стихи сочинял. И вот про это тоже…

— Это не его стихи, — подал голос Колоброд. — Баллада «Гибель Гил-Гэлада» написана на древнем наречии. Бильбо, должно быть, перевел ее, а я и не знал…

— Там много про что было, — сказал Сэм, — только все больше про Мордор. Про это я не учил. Страшно! Вот уж не думал, что когда-нибудь сам туда пойду.

— Куда? В Мордор? — вскричал Пиппин. — Надеюсь, не дойдет до этого!

— Не стоит поминать о нем вслух, — снова остановил их Колоброд.

Уже за полдень тропа привела их к крутому откосу. В прозрачном неярком свете октябрьского солнца он поднимался, как мост, ведущий к вершине холма. Дальше таиться было невозможно; оставалось надеяться лишь на безлюдье, царящее вокруг. Если Гэндальф и находился где-то побли-

зости, то пока ничем себя не обнаруживал.

Сэма, Пиппина и поклажу оставили в укрытой лощине с западной стороны, а Колоброд, Фродо и Мерри полезли наверх. Примерно через полчаса усталые и запыхавшиеся хоббиты вслед за неутомимым Колоброд оказались на вершине. Здесь действительно торчало из земли древнее основание башни, сильно разрушенное, поросшее травой. Но вот странно: в центре они обнаружили пирамиду из черных закопченных камней. Дерн вокруг выгорел до самых корней, и трава внутри круга явно была опалена и пожухла. Видимо, совсем недавно здесь бушевало пламя. И никаких признаков жизни!

Отсюда открывался потрясающий вид на все Пустоземье. Далеко на юге простиралось зеленое покрывало лесов, кое-где поблескивали реки. Внизу, хорошо видимая сверху, змеилась лента Древней Дороги. На всем протяжении глаз не замечал на ней ни малейшего движения. На востоке у горизонта вставали Горы. Отдельные вершины белели среди облаков вечными снегами.

— Ну вот мы и здесь, — промолвил Мерри. — И что? Вид безрадостный, ни воды, ни укрытия. А Гэндальфом и не пахнет.

— Странно, — задумчиво произнес Колоброд. —

В Брыле он должен был оказаться вскоре после нас. Но когда надо, он очень быстро двигается.

Внезапно он замолчал и снял с вершины обгорелой пирамиды верхний камень, цветом слегка отличавшийся от остальных. Повертев его в руках, Колоброд спросил:

— Что вы думаете об этом?

Фродо всмотрелся и различил на нижней стороне плоского камня несколько царапин.

— Черточки какие-то и точки, — неуверенно сказал он.

— Очень похоже на руну «Г», — подсказал Колоброд. — Может, это знак, оставленный Гэндальфом, хотя наверняка утверждать не берусь. Штрихи аккуратные и сделаны недавно. А может, они нас не касаются. Следопыты из Пустоземья бывают здесь. И рунами они тоже пользуются.

— Ну а если все-таки это Гэндальф? — спросил Мерри. — Что это может означать?

— Тогда я прочел бы знак как «Г-З» — Гэндальф был здесь 3 октября, то есть три дня назад. Похоже, он очень спешил, и опасность была рядом. Для более длинных и ясных посланий ему не хватило времени. В этом случае нам надо поостеречься.

— Хорошо бы все-таки, чтобы это он знаки оставил, — вздохнул Фродо. — Как-то спокойнее

знать, что он неподалеку.

— Да, наверное, — рассеянно произнес Колоброд. — Теперь я уверен: он был здесь и ему грозила опасность. Помнишь свет, который мы видели ночью три дня назад? Вспышки были в этой стороне. Думаю, на него напали, но чем дело кончилось — не знаю. Во всяком случае, его здесь нет, нам остается надеяться на себя и добираться до Дольна, как сумеем.

— А далеко еще? — спросил Мерри, устало вглядываясь в горизонт. Обширным и диким представал мир с вершины Заветери.

— Мили здесь никем не меряны, — отозвался Колоброд. — До «Забытого Приюта» от Брыля день пути. А дальше… Разное говорят. Дорога туда странная. Когда идешь по ней, думаешь только о том, чтобы дойти. В милях ее не считают. У меня, например, при хорошей погоде и удаче отсюда до брода через Гремячую уходило двенадцать дней. Меньше чем за две недели никак не поспеть. Да и то если по дороге идти.

— Две недели, — упавшим голосом повторил Фродо. — Это ж сколько всего произойти может!

Колоброд кивнул. Они еще немного постояли молча на вершине. Здесь Фродо впервые остро ощутил свою неприкаянность в огромном пу-

стынном мире и опасность их предприятия. Как славно было бы остаться в милом уютном Шире, не думать ни о какой Дороге! Он посмотрел на запад, в сторону далекого дома, и вздрогнул. Внизу по Дороге медленно двигались словно две черные букашки. А с востока, навстречу им, ползли еще три! Он вскрикнул и схватил Колоброда за руку.

— Гляди!

Колоброд, не раздумывая ни секунды, бросился на землю, увлекая за собой Фродо. Рядом упал Мерри.

— Что там такое? — шепнул он.

— Ничего хорошего, — мрачно ответил ему Колоброд.

Они подползли к каменному кольцу и припали к щелям. С востока натянуло облака, солнце скрылось, но даже при пасмурном освещении черные точки на Дороге были хорошо видны. Однако зоркости хоббичьих глаз не хватало, чтобы разглядеть путников получше. Только чутье подсказывало Фродо, что он видит встречу Черных Всадников. Видно, у Колоброда зрение было острей.

— Это враги, — уверенно заявил он.

Возвращаться к северному краю вершины пришлось ползком. Вниз они спустились за счи-

танные минуты.

Сэм с Перегрином не сидели без дела. Они облазили свою лощинку и ближайшие склоны. Неподалеку нашелся родник, а рядом — довольно свежие следы. В конце лощинки им попалось кострище и остатки недолгой стоянки. За камнями, скатившимися с вершины, Сэм нашел небольшой запас дров.

— Это уж не Гэндальф ли позаботился? — спросил он у Пиппина. — Раз дрова оставил, значит, вернуться собирался.

Их находки живо заинтересовали Колоброда. Порыскав вокруг, он вернулся с сокрушенным видом.

— Ну почему я сам не осмотрел все сначала? — укорил он себя. — Сэм и Пиппин так старательно затоптали все, теперь не разберешь. Следопыты были здесь довольно давно. Дрова они оставили. А вот свежие следы не их. Уж один-то отпечаток тяжелого сапога наверняка оставлен день-два назад. Отпечаток один, но, полагаю, ног было больше.

Он постоял в беспокойном раздумье. Хоббитам воображение сразу нарисовало образы угрюмых Черных Всадников в плащах и сапогах. Если они были здесь, уходить надо скорее. Сэм подозри-

тельно озирался вокруг.

— Не лучше ли нам смыться побыстрее, сударь? — нервно спросил он у Колоброда. — Дело к вечеру, а в этой дыре мне как-то не по себе становится.

— Мне здесь тоже не нравится, Сэм. — Колоброд взглянул в вечереющее небо. — Но другой подходящей стоянки поблизости я не знаю. Здесь нас по крайней мере не видно. А стоит отсюда выбраться, и ты на виду. За Дорогой наблюдают, а пересекать ее придется. Да и место там плоское, как стол, не спрячешься.

— А эти Черные вообще-то *видят*? — спросил Мерри. — Они ведь все больше нюхают. А ты там, на вершине, заставил нас лечь, чтоб не увидели. И теперь говоришь — увидят.

— Я был слишком неосторожен на вершине, — озабоченно заметил Колоброд. — Думал о знаке, оставленном Гэндальфом, и забыл об опасности. Сами Всадники видят мир иначе, чем мы. Но зато прекрасно видят их кони и другие твари, которые служат Черным. Но и без того они способны уловить наши тени, а в темноте видят намного больше нашего. В ночи они опасней всего. А в любое время дня и ночи они прекрасно чуют живую кровь и ненавидят ее. Есть у них и другие чувства.

Мы и то почувствовали их приближение, а они чуют нас намного острее. К тому же, — добавил он, понизив голос, — их притягивает Кольцо.

— Выходит, спасенья нет? — жалобно спросил Фродо. — Если мы пойдем, они заметят нас, а если останемся, сами притянем их к себе?

Колоброд положил руку на плечо хоббиту.

— Надежда все-таки есть, — ободряюще сказал он. — Ты не один. Вот и дрова — добрый знак. Укрытие здесь неважное, обороняться трудно, но огонь заменит нам и то и другое. Саурон даже огонь может приспособить для худых дел, но Всадники огня не любят, а тех, кто им владеет, боятся. Огонь — наш самый верный друг в этих глухих местах.

— Может, и так, — буркнул себе под нос Сэм, — по мне, так это все одно, что крикнуть на весь свет: «Вот они мы!»

В самом укромном уголке лощины путники развели костер и приготовили еду. Под вечер захолодало. Все сильно проголодались, но ужин был скудный. Впереди их ждали пустынные земли, куда, кроме птиц и зверей, не забредал никто. Следопыты проходили здесь, но и они не останавливались, да и мало их было. Иногда из северных отрогов Мглистых Гор забредали трол-

ли, и только на Дороге можно было встретить редких путешественников — чаще всего гномов, идущих по своим делам. Ни помощи, ни доброго слова ждать от них не приходилось.

— Еды нам не хватит, — озабоченно сказал Фродо после ужина. — Хоть мы и экономим, а нынче ужин — и вовсе насмешка какая-то, а все ж на две недели не хватит.

— Еду добыть можно, — ответил Колоброд. — Ягоды есть, коренья, травы съедобные. При особой нужде я охотиться могу. До зимы с голода не помрем. Однако еду добывать — дело долгое, а нам спешить надо. Придется подтянуть ремни. Не беда. Думайте о столах в доме Элронда. Там наверстаем.

Холод, пришедший вместе с темнотой, начал донимать их. Небо прояснилось и теперь наполнялось холодными мерцающими звездами. Хоббиты придвинулись вплотную к огню, закутавшись во все одеяла, какие были с собой. Колоброду холод был, видимо, нипочем. Он сидел на корточках чуть в стороне, в своем плаще, задумчиво покуривая трубку.

Пала ночь. Свет костра стал ярче, и тогда Колоброд принялся рассказывать разные истории, отвлекая закоченевших хоббитов от мрачных

мыслей. Он знал великое множество легенд и преданий о делах давно минувших, о заре мира, об Эльфах и Людях. Хоббиты слушали разинув рты и только диву давались, сколько он знает всего и откуда узнал об этом.

— Расскажи о Гил-Гэладе, — улучив минуту, когда закончился рассказ об эльфийских княжествах, попросил Мерри. — Ты помнишь еще что-нибудь из той баллады, которую Сэм вспомнил?

— Конечно, помню, — отвечал Колоброд. — И Фродо должен помнить, она ведь его близко касается.

Мерри удивленно взглянул на Фродо. Уставившись в огонь, тот медленно проговорил:

— Гэндальф рассказывал мне немного. Гил-Гэлад был последним из великих эльфийских королей Среднеземья. Гил-Гэлад по-эльфийски — Звездный Свет. С другом эльфов, Элендилом, они отправились…

— Не надо! — вдруг перебил Колоброд. — Не стоит вспоминать об этом здесь, когда опасность близко. Вот будем в Дольне, услышите ее всю, целиком.

— Тогда давай еще о Древних Днях, — потребовал Сэм. — Про Эльфов, только давно, когда они

еще были в полной славе. Хорошо бы про Эльфов, а то темно так вокруг…

— Ладно. Я расскажу вам историю о Тинувиэль, — решил Колоброд. — Не всю, конечно, она очень долгая, а так, вкратце. Настоящую историю в этом мире никто уже, кроме Элронда, не помнит, а конец ее и вовсе не известен. Это красивая, хоть и печальная история. Впрочем, все древние истории Среднеземья печальны, но они делают сердца лучше и поднимают дух.

Он помолчал, сосредоточиваясь, а потом начал нараспев:

Был зелен плющ, и вился хмель,
Лилась листвы полночной тень,
Кружила звездная метель
В тиши полян, в плетенье трав.
Там танцевала Лучиэнь;
Ей пела тихая свирель,
Укрывшись в сумрачную сень
Безмолвно дремлющих дубрав.

Шел Берен от холодных гор,
Исполнен скорби, одинок;
Он устремлял печальный взор

Во тьму, ища угасший день.
Его укрыл лесной чертог,
И вспыхнул золотой узор
Цветов, пронзающих поток
Волос летящих Лучиэнь.

Он поспешил на этот свет,
Плывущий меж густой листвы;
Он звал — но слышался в ответ
Лишь шорох в бездне тишины,
И на соцветиях травы
Дрожал под ветром светлый след
На бликах темной синевы,
В лучах бледнеющей луны.

При свете утренней звезды
Он снова шел — и снова звал…
В ответ лишь шорох темноты,
Ручьев подземных смех и плач.
Но хмель поник, и терн увял,
Безмолвно умерли цветы,
И землю медленно объял
Сухой листвы шуршащий плащ.

Шел Берен через мертвый лес,
В тоске бродил среди холмов,
Его манил полет небес
И дальний отблеск зимних гроз…
В случайном танце облаков
Он видел облик, что исчез,
В извивах пляшущих ветров
Он видел шелк ее волос.

Она предстала перед ним
В наряде солнечных огней,
Под небом нежно-голубым,
В цветах оттаявшей земли;
Так пробуждается ручей,
Дотоле холодом томим,
Так льется чище и нежней
Мотив, что птицы принесли.

Она пришла — и в тот же миг
Исчезла вновь… Но он воззвал:
— Тинувиэль! — И скорбный клик
Звучал в лесах и облаках…
И светлый рок на землю пал,

И светлый рок ее настиг,
И нежный свет ее мерцал,
Дрожа, у Берена в руках.

Он заглянул в ее глаза —
В них отражался путь светил,
В них билась вешняя гроза…
И в этот час, и в этот день
Несла рожденье новых сил
Ее бессмертная краса.
Свершилось то, что рок сулил
Для Берена и Лучиэнь.

В глуши лесов, где гаснет взор,
В холодном царстве серых скал,
В извивах черных рудных нор
Их стерегли моря разлук…
Но миг свиданья вновь настал,
Как рок сулил; и с этих пор
На том пути, что их призвал,
Они не разнимали рук.

Колоброд вздохнул и долго молчал, прежде чем заговорить снова.

— Такие баллады эльфы зовут *анн-теннат*,

их трудно переводить на Всеобщий язык. Мой рассказ — не больше чем эхо настоящего. Баллада повествует о встрече сына Барахира, Берена, с эльфийской принцессой Лучиэнь Тинувиэль, дочерью короля Тингола. Случилось это в те времена, когда мир был юн. Тинувиэль была прекраснейшей девой в Среднеземье. В лице ее сиял звездный свет, теперь звезды не горят уже так… В те дни в Ангбанде царил Великий Враг, а Саурон Мордорский был всего лишь одним из его слуг. Эльфы вернулись с Заокраинного Запада и вели войну с хозяином Ангбанда — могучей северной твердыни — за Сильмариллы, чудесные камни, похищенные Врагом, а праотцы Людей помогали Эльфам. Но Враг одерживал победу за победой, и пал отважный Барахир, а Берен сумел спастись и, преодолев великие опасности, пройдя через Горы Ужаса, пришел в скрытое королевство Тингола в лесах Нэлдорета. Там встретил он Лучиэнь, танцующую и поющую на зеленой поляне, над водами зачарованной реки Эсгалдуин, встретил и назвал Тинувиэль — на древнем языке это имя означает Соловей Ночи. Многие горести выпали им двоим, долго были они в разлуке. Тинувиэль освободила Берена из темницы Саурона, вместе они совершили великий подвиг — повергли

самого Врага и вынули из его железной короны один из трех Сильмариллов, светлейший из всех. Это был свадебный дар Берена королю Тинголу.

Берен принял смерть от Великого Волка, воспитанного Врагом, и умер на руках Тинувиэль. Тогда она избрала смертный удел и последовала за ним в царство развоплощенных душ. Там, за Разлучающими Морями, они встретились вновь, вернулись в мир и долго еще бродили рука об руку в зеленых лесах, пока не покинули вместе эту юдоль и не ушли из плена здешнего мира. С тех пор и до сего времени Лучиэнь осталась единственной эльфийской девой, принявшей смерть. Эльфы потеряли ту, которую любили сильнее всего. Но от нее пошел род эльфинитов; и сейчас в мире еще живы те, кому была она праматерью. Предсказано, что род ее никогда не угаснет. К этому роду принадлежит правитель Элронд. Наследником Тингола, сыном Берена и Лучиэнь, был Диор, на его дочери, Эльвинг Светлой, женился Эарендил, тот самый, чей корабль поднялся над туманами мира в бескрайние моря небес, а путь ему освещал Сильмарилл на челе капитана. От Эарендила ведут родословную Короли Нуменора с Заокраинного Запада.

На протяжении всего рассказа хоббиты зача-

рованно смотрели на преобразившееся лицо Арагорна, тускло освещенное бликами костра. Его серые глаза сияли как звезды, голос был глубоким и значительным. Над вершиной Заветери поднималась луна. В ее серебряном свете блеск звезд в ночном небе над холмами сделался приглушенным.

Рассказ кончился. Хоббиты зашевелились, начали потягиваться.

— Луна-то уже высоко, — заметил Мерри. — Поздно, должно быть.

Остальные тоже посмотрели вверх. На вершине холма в лунном свете отчетливо был виден не то выступ скалы, не то черный одинокий камень. Сэм с Мерри отошли от огня. Фродо и Пиппин сидели, молча глядя в костер, а Колоброд стоял, пристально вглядываясь во что-то привлекшее его внимание на вершине. Фродо только взглянул на него и тут же почувствовал поднимающуюся из глубины волну страха. Он придвинулся ближе к огню. В этот момент из темноты бегом вернулся Сэм.

— Я чегой-то испугался вдруг, — задышливо выговорил он. — Там что-то есть. Я теперь ни за какие деньги не отойду никуда. Оно будто сверху наползает…

— Что ты видел? — вскочив на ноги, допытывался Фродо.

— Да ничего я, сударь, не видел и смотреть не смотрел.

— А я вот видел, — сказал, подходя, Мерри, — а может, показалось мне. Там под луной на равнине две не то три черные фигуры. По-моему, они сюда направляются.

— Станьте спиной к огню! — скомандовал Колоброд. — Приготовьте ветки, чтобы зажечь.

Затаив дыхание, хоббиты вглядывались во тьму. Долгое время ничего не происходило. Фродо больше не мог сдерживаться. Ему хотелось кричать.

— Тише! — словно почувствовав, шепнул Колоброд.

— Что там? — выдохнул Пиппин.

Поверх бровки лощины поднялась призрачная тень. Они скорее ощутили, чем увидели ее. Но вот рядом с ней встала вторая, потом третья. Теперь сомнений не было. Три высокие черные фигуры стояли на склоне, глядя на них сверху. Они были чернее ночи, словно дыры мрака в ночной тьме. Фродо показалось, что он слышит звук их дыхания, похожий на змеиный шип. У него похолодело внутри. Фигуры как-то неуловимо

приблизились.

От несказанного ужаса Пиппин и Мерри бросились ничком на землю. Сэм кинулся к хозяину. А Фродо била крупная дрожь, словно от леденящего озноба. Но сквозь ужас все настойчивее поднималось в нем желание надеть Кольцо. Оно захватило его, ни о чем другом он уже не думал. Он не забыл ни Упокоища, ни письма Гэндальфа, но сейчас все это отступило, стало неважным, и осталось только желание сдаться, уступить. Он не думал о спасении, не думал, плохо или хорошо то, что он собирался сделать, он просто принимал необходимость надеть Кольцо. Язык не слушался. Где-то на границе сознания он чувствовал отчаянный взгляд Сэма, но не мог даже повернуться к нему. Фродо зажмурился, потряс головой, но дальше сопротивляться не было сил. Он медленно потянул цепочку, вытащил Кольцо и надел на указательный палец левой руки.

Все осталось по-прежнему, но черные фигуры вдруг вырисовались перед ним совершенно отчетливо. Теперь он мог рассмотреть их. Пятеро. Двое стоят на кромке лощины. Трое приближаются. Безжалостные глаза горят жутким фосфорическим светом. Под плащами — серые саваны. На пепельных волосах — боевые шлемы. Иссохшие руки сжимают длинные стальные мечи. Вот их взгляды скрестились на тщедушной фигурке, и они двинулись вперед. В отчаянии Фродо вытащил свой меч и… удивился. Клинок рдел алым светом и рассыпал искры, словно головня, выхваченная из костра. Двое остановились. Третий, выше всех ростом, с короной поверх шлема, шагнул вперед. В правой руке он сжимал обнаженный меч, а в левой — кинжал, испускавший мертвенное, призрачное сияние. Он бросился к Фродо.

Хоббит прянул к земле, услышав собственный сдавленный крик: «О Элберет! Гилтониэль!» — и ударил клинком куда-то в ногу противника. Тут же его левое плечо пронзила ледяная боль. Мир начал стремительно поворачиваться, мелькнул Колоброд с двумя пылающими факелами в руках. Выронив меч, последним осмысленным усилием Фродо сдернул Кольцо с пальца и повалился на

траву, крепко зажав его в правой руке.

Глава XII
Бегство к броду

Когда Фродо пришел в себя, его судорожно сведенные пальцы все еще сжимали Кольцо. Он лежал у огня, и над ним склонялись встревоженные лица друзей.

— Где... где бледный король? — озираясь, вымолвил он, но ответа не получил. Первые произнесенные им слова так обрадовали всех, что никто, собственно, и не вслушивался, а может, вопроса не поняли. Только через некоторое время Фродо выпытал у Сэма подробности происшедшего. Оказывается, никто толком ничего не видел, кроме неясных призрачных фигур, приблизившихся к костру. Просто в какой-то момент Сэм потерял хозяина из виду, а потом спиной

почувствовал леденящий ужас и упал. До него едва долетел голос Фродо, выкрикивающий непонятные слова. Позже они буквально споткнулись о тело Фродо, лежавшего ничком с мечом в руке. Колоброд перенес хоббита к костру и пропал куда-то. С тех пор уже немало времени прошло.

Видно было, сомнения Сэма вернулись и окрепли. Именно в этот момент Колоброд вышел из темноты к огню. Все вздрогнули, а Сэм вытащил свой меч и выпрямился во весь рост над Фродо. Колоброд опустился на колени возле лежащего хоббита. Мельком взглянув на Сэма, он произнес мягко:

— Я не из их компании, Сэм. Мне обязательно нужно было вызнать, куда они пропали, но я и этого не сумел. Ума не приложу, почему они отступили, но поблизости их нет, я чувствую.

Услышав о словах Фродо, Колоброд огорченно покачал головой и вздохнул. Потом велел Мерри и Пиппину вскипятить в чайниках как можно больше воды и промывать рану.

— Следите за костром, пусть Фродо будет в тепле, — наказал он и, поднявшись с колен, поманил Сэма за собой. — Похоже, я знаю теперь, как было дело, — отойдя на несколько шагов, проговорил он. — Всадников было только пятеро. Они не

ожидали отпора и отступили, но вернутся обязательно, думаю, завтрашней же ночью. Теперь им незачем торопиться. Они уверены, Кольцо от них не уйдет. Фродо ранен. Рана его смертельна, и скоро он будет в их власти. Во всяком случае, так думают Всадники. Но это мы еще посмотрим.

Сэм едва сдерживал слезы.

— Не отчаивайся и доверься мне, — сказал Колоброд. — Хозяин твой оказался покрепче, чем я предполагал. Гэндальф-то давно об этом догадывался. Убить Фродо не смогли, а уж теперь он так просто не сдастся темной воле. А я сделаю все, чтобы помочь ему. Смотрите за ним хорошенько, я скоро вернусь.

Фродо тем временем задремывал, чувствуя, как постепенно немеет плечо и смертельный холод расползается от раны по всему левому боку. Друзья старались обогреть его и, как велел Колоброд, все время промывали рану горячей водой. Ночь кончалась, трудно переходя в бледный рассвет. Серый предутренний сумрак начал светлеть, когда появился Колоброд. Подходя к костру, он нагнулся и что-то поднял с земли.

— Вот так находка! — воскликнул он, держа в руках черный плащ с рассеченным нижним краем. — Это след меча Фродо, — объяснил он

хоббитам, — и, наверное, единственный ущерб, причиненный Черному. Он неуязвим, а все клинки, коснувшиеся бледного короля, обычно исчезают. Намного опаснее меча оказалось для него имя Элберет. А вот оружие, поразившее нашего храбреца! — Колоброд снова наклонился и поднял из травы длинный узкий кинжал. Лезвие холодно блеснуло. Хоббиты увидели, что зазубренное острие обломано на конце. Быстро светало, и вдруг, на глазах у всех, клинок окутался призрачным туманом и растаял, оставив в руке Колоброда одну рукоять. — Проклятый кинжал! — в досаде воскликнул Колоброд. — В мире почти не осталось целителей, способных управиться с такой раной. Я сделаю, что смогу, но с таким злым оружием трудно совладать.

Он сел на землю, положил рукоять кинжала на колени и пропел над ней длинное медленное заклинание на неизвестном хоббитам языке. Потом, отложив рукоять, повернулся к Фродо и произнес несколько торжественно звучавших слов. Из сумки на поясе Арагорн достал пучок длинных листьев незнакомого хоббитам растения.

— Мне пришлось далеко ходить за ним, — сказал он. — В холмах оно не растет, и только за

Дорогой я по запаху нашел его.

Арагорн растер лист в пальцах, и воздух наполнился приятным терпким ароматом.

— Считайте, нам повезло, — объяснил он хоббитам. — *Ацелас* принесли в Среднеземье Люди с Запада. Оно очень редко попадается и растет только на местах древних поселений. На Севере о нем не знает никто, кроме Следопытов в Пустоземье. Сила у этих листьев огромная, но, боюсь, с такой раной и им не справиться.

Он бросил листья в кипящую воду и отваром промыл Фродо плечо. Душистый пар повлиял даже на невредимых хоббитов, прогнав ночную усталость и успокоив измученные сердца. Подействовал отвар и на рану. Ледяной холод, терзавший Фродо, ослаб, и боль поутихла, но рука по-прежнему совершенно не повиновалась ему.

Фродо горько упрекал себя за глупость и слабоволие. Было совершенно ясно, чей безмолвный приказ заставил его надеть Кольцо. А теперь? Калека на всю жизнь? А как же Путешествие? От слабости он даже встать не мог, а о том, чтобы идти, нечего было и думать.

Этот же вопрос задавали себе и остальные. Всем было ясно, что надо уходить от Заветери как можно быстрее.

— Теперь понятно, — сказал Колоброд, — враги держали Заветерь под наблюдением. Если Гэндальф и был здесь, его вынудили уйти. Сюда он не вернется. Надо уходить и нам. Куда бы мы ни пошли, опасней, чем здесь, нам нигде не будет.

С рассветом второпях позавтракали, разделили вещи и провизию, которые нес Фродо, его самого усадили на пони и тронулись в путь. Надо сказать, что животное претерпело за последние несколько дней чудесное превращение. Из заморенного одра оно превратилось в упитанного, крепкого пони, воспылавшего горячей дружбой к Сэму. Тропы Пустоземья легкими не назовешь, но, видно, у Хвоща жилось куда хуже.

Итак, они двинулись на юг. Миновать Дорогу было невозможно, зато, двигаясь в этом направлении, они быстрее всего достигали лесов, а где лес, там и костер: Фродо нуждался в тепле, особенно холодными ночами, да и остальным огонь мог сослужить добрую службу.

К Дороге наши путники подкрадывались, соблюдая все меры предосторожности. Вокруг было тихо, Всадников словно и не существовало никогда. Выждав у обочины, быстро пересекли Дорогу и… услышали, как в отдалении перекликнулись холодные пронзительные голоса: один позвал,

другой ответил. Хоббиты и Колоброд метнулись в заросли.

Перед ними простиралась долгая равнина, дикая, нехоженая, поросшая кустарником и чахлыми деревцами, сбившимися в небольшие куртины. Жесткая серая трава покрывала землю. В этом безрадостном краю осень уже высушила листья, и их коричневые трупики печально шуршали под ногами.

Медленно двигался маленький караван. Шли молча, лишь изредка перебрасываясь двумя-тремя словами. Фродо сокрушенно смотрел на согбенные под тяжким грузом спины друзей, на их понуро опущенные головы. Даже неутомимый Колоброд выглядел сегодня усталым и постаревшим.

Первый день пути к далекому Дольну еще не кончился, а Фродо вновь принялась терзать черная боль. Он крепился изо всех сил и ничего не стал говорить спутникам.

Так прошло четыре дня. Вокруг ничего не менялось, только вершина Заветери за спиной словно оседала с каждым днем, пока совсем не скрылась из виду, а синеющие на горизонте горы чуть заметно приблизились. Всадники не давали о себе знать, и если бы не те крики над Дорогой,

хоббиты решили бы, что им удалось оторваться от преследователей. Страх приходил к ночи. Каждая новая пара часовых готова была в любой миг увидеть возникающие в сумраке зловещие фигуры, но ночь проходила за ночью в неверном свете убывающей луны, посвистывании ветра и шелесте сухих трав. Знакомое жуткое ощущение нависшей угрозы, испытанное в лощине под Заветерью, не возвращалось. Однако никому не верилось, что Черные Всадники потеряли их след. Может, они просто выжидают, собираясь напасть в каком-то другом, удобном для них месте?

В конце пятого дня начал ощущаться пологий подъем. Колоброд повернул на северо-восток, и на шестой день путники вышли на невысокий гребень водораздела. Впереди открылась цепь лесистых холмов. Перед ними можно было разглядеть давно оставленную Дорогу, а справа, под слабым октябрьским солнцем, свинцово поблескивала большая река. Еще одна, поменьше, виднелась в отдалении.

— Хочешь, не хочешь, придется нам здесь возвращаться на Дорогу, — вздохнул Колоброд. — Мы вышли к Седонне. Эльфы зовут эту реку Митейтель. Она течет с Троллиного Нагорья, это к северу от Дольна, а южнее сливается с Гремячей.

В Море она впадает большой рекой. Дорога только в одном месте пересекает ее, это единственная переправа, поэтому мост и называют Последним.

— А вторая река какая? — спросил Мерри.

— Это и есть Гремячая. Эльфы зовут ее Бруинен. От Последнего Моста до Брода через Бруинен расстояние приличное. Я не думал пока, как нам переправиться. Хватит с нас и одной Седонны. Нам просто повезет, если на Последнем Мосту мы не встретим засады.

Ранним утром следующего дня они спустились к Дороге. Сэм с Колоброд отправились на разведку и не обнаружили никаких следов Всадников. Впрочем, дня два назад прошел дождь и смыл следы. Новых с тех пор не появилось.

По Дороге Колоброд шел быстро. Хоббиты едва поспевали за ним. Через несколько миль впереди показался Последний Мост. Как напряженно ни всматривались путники, ожидая увидеть притаившиеся черные силуэты, там вроде бы никого не было. Тем не менее Колоброд велел им схорониться в придорожных кустах, а сам осторожно двинулся вперед, но вскоре вернулся.

— Никаких признаков врагов, — сказал он. — Откровенно говоря, меня это удивляет. Но кое-что я все-таки нашел.

Он протянул руку, и на раскрытой ладони хоббиты увидели лучистый светло-зеленый камень.

— Он лежал прямо посередине моста, — пояснил Колоброд. — Это эльфийский берилл, такие камни просто так на дороге не валяются. По-моему, это знак, что здесь можно пройти. Но пока нам не попадется какая-нибудь более надежная примета, идти дальше по Дороге я не рискну.

Действительно, мост миновали благополучно. Их сопровождал лишь плеск воды, стесненной тремя изящными мостовыми арками. Уже через милю слева от Дороги встали поросшие лесом отроги. Здесь Колоброд решительно повернул, и маленький отряд быстро затерялся под сводами угрюмых корявых деревьев.

Поначалу хоббиты радовались, оставив опасную Дорогу, но уж очень недружелюбные места попадались им теперь все чаще и чаще. Чем дальше, тем круче становились склоны. То здесь, то там на скалистых гребнях глаз замечал остатки древних каменных стен и развалины башен. Руины имели вид зловещий и настораживающий. Фродо, покачиваясь на спине пони, мог без помех озираться по сторонам и размышлять. Ему сразу припомнились рассказы Бильбо о встреченных во время своего Путешествия грозных башнях на

холмах к северу от Дороги. Там, в лесу Троллей, и началось, собственно, Приключение. Похоже, речь шла именно об этих краях, и Фродо гадал, пройдут ли они тем же путем, которым шел Бильбо.

— Кто живет здесь? — слабым голосом спросил он. — Чьи это башни? Троллей?

— Тролли ничего не строят, — ответил Колоброд. — Никто здесь не живет. Когда-то, очень давно, жили Люди. Но их и в помине не осталось. По легендам, здешний народ накрыла Ангмарская Тень. А потом они сгинули в войне, положившей конец Северному Княжеству. Это было так давно, что здешние холмы не сохранили памяти о своих обитателях, хотя тень все еще лежит на этих землях.

— Все всё забыли, а ты помнишь?.. — вопросительно произнес Пиппин. — Не звери же с птицами рассказали тебе про здешние дела.

— Наследники Элендила помнят многое, — пожал плечами Колоброд. — А настоящую память о прошлом хранят в Дольне.

— Тебе часто приходилось бывать там? — спросил Фродо.

— Мне приходилось даже жить там, — отозвался Колоброд. — Туда возвращаюсь я, как только

смогу. Там всегда остается мое сердце, а вот ногам не суждено отдохнуть в прекрасном Доме Элронда.

Ни Дороги, ни реки давно не было видно. Холмы с частыми скальными выходами обступили их со всех сторон. Хоббиты шли и с опаской поглядывали по сторонам. Похоже, путь их пролегал по дну ущелья, и стены становились все выше, а по скалам цеплялись за камни торчащими корнями корявые стволы сосен.

Все сильнее сказывалась усталость. Прокладывать путь без тропы, среди поваленных стволов и нагромождений камней, было нелегко. Выше не поднимались из-за Фродо. Склоны ущелья пони не одолел бы даже без седока на спине.

Два дня пробирались каменными коридорами. Погода менялась. Нахмурилось. Западный ветер нагнал от далекого морского побережья мокрых облаков и принялся выжимать их над головами путников. Кисея мелкого моросящего дождя затянула окрестности. К ночи все вымокли и не смогли просушиться — вокруг не нашлось ни единой сухой щепки для костра. На следующий день склоны по сторонам стали еще круче, и постепенно пришлось отвернуть к северу. Колоброд проявлял признаки беспокойства: от Заветери

они ушли дней десять назад, провизия подходила к концу. Зато дождь не кончался.

Очередной ночлег устроили на неширокой каменной площадке. В скале здесь обнаружилась не то чтобы пещерка, а просто небольшая выемка. Фродо чувствовал себя плохо. От холода и сырости рана разболелась, его колотил озноб, не дававший заснуть. Он ворочался, стараясь поудобнее пристроить левую руку, и настороженно вслушивался в ночные звуки. Ветер тихонько выл в расщелинах, капала вода, где-то далеко прогремел сорвавшийся камень. Ему чудилось, что отовсюду подкрадываются черные фигуры, хотят задушить его, он рывком садился и видел лишь ссутулившуюся спину Колоброда, бессонно стерегущего с трубкой в зубах. Фродо лег в очередной раз и резко провалился в сон. Словно со стороны видел он себя гуляющим по саду в родных Засумках, но собственная фигура представлялась ему словно поблекшей и тусклой, куда менее отчетливой по сравнению с угольно-черными тенями, заглядывавшими через ограду.

Под утро дождь кончился. Облака начали таять, сквозь них проступали голубые полосы. Ветер опять менялся. Позавтракали рано и невкусно, а потом Колоброд ушел, оставив хоббитов под

скалой. Он собирался подняться наверх и осмотреться.

Вернулся он мрачный.

— Как хотите, а надо уходить южнее. Ущелье завело нас слишком далеко на север. Так мы никуда, кроме Троллиного Нагорья, не придем. Делать нам там нечего, я страну троллей знаю плохо и никакого желания узнать лучше не испытываю. Заходить в Дольн с севера слишком долго, нам еды не хватит. Идем к Бруиненскому Броду.

Весь день пришлось пробираться через камнелом. В конце концов им все же удалось выбраться то ли в неширокую долину, то ли в широкое ущелье, ведущее на юго-восток. Радости хватило ненадолго. Под вечер путь снова преградил высокий гребень, больше всего похожий на пилу. Приходилось либо поворачивать, либо перебираться через него.

Посовещавшись, решили попробовать перевалить гребень. Однако решить оказалось легче, чем сделать. Вскоре Фродо пришлось спешиться и наравне со всеми карабкаться вверх. Единственное, в чем он не принимал участия, так это в подъеме и подталкивании пони. Они едва втащили бедное животное на перевал. Фродо, дрожа от усталости и напряжения, упал на камни

и лежал, сотрясаемый крупной дрожью. Левая рука висела плетью, а плечо и бок словно драли ледяные когти. Деревья и скалы вокруг казались размытыми и словно вылинявшими.

— Как мы пойдем дальше? — сказал Мерри Колоброду. — Посмотри, Фродо еле жив. Мне так беспокойно за него. Как ты думаешь, если мы доберемся в Дольн, там смогут ему помочь?

— Посмотрим, — вполголоса отвечал Колоброд. — Здесь я больше ничего не могу сделать. А идти нам надо, именно его рана и заставляет меня поторапливаться. Хотя сегодня придется все же дать ему отдохнуть.

Рядом стоял Сэм и умоляющими глазами смотрел на Колоброда.

— Что с моим хозяином? — тихо спросил он. — Ранка-то была маленькая, да и затянулась уже. Почти не заметно, только шрам белый остался. А рука холодная как лед.

— Его коснулось не простое оружие, Сэм. Яд или другая злая сила точит его изнутри. Мне с ней не справиться, но отчаиваться пока рано.

Ночь на перевале выдалась холодной. В маленькой ямке под старой сосной разложили костерок. Ветер шумел в кронах деревьев над ними. Фродо в полузабытьи следил за множеством

черных крыл, взмахивающих в небе. Это летели преследователи, разыскивая свою жертву в горах и ущельях.

Утро настало ясное и светлое. В прозрачном воздухе мир вокруг предстал чист и отчетлив, не хватало лишь солнца, чтобы отогреть закоченевших хоббитов. На рассвете Колоброд взял с собой Мерри и ушел осматривать окрестности. Вернулись они по солнцу и принесли добрые вести. Теперь ничто не мешало выбрать правильное направление. С вершины скалы Колоброд разглядел впереди отблеск Гремячей, а дорога к Броду шла по-над берегом реки.

— Надо снова выбираться на Дорогу, — сказал он. — Здесь мы никаких троп не найдем, и к Броду иначе не пройти.

После завтрака собрались и пошли. Спуск оказался легче, чем представлялось поначалу, и вскоре Фродо опять смог ехать верхом. Оказалось, что пони, если ему не мешать, прекрасно умеет выбирать дорогу и, похоже, заботится о том, чтобы раненого хоббита поменьше трясло. В свете ясного утра все немножко приободрились, и даже Фродо почувствовал себя лучше, но скоро глаза его снова застлала серая дымка и мир вокруг потускнел и выцвел.

Пиппин, чуть обогнавший остальных, обернулся и воскликнул:

— Здесь тропа!

И в самом деле, это оказалась тропа, сильно петлявшая, порой пропадавшая среди валунов, но все-таки тропа, поднимавшаяся из лесов впереди к оставленному путниками перевалу. Когда-то ею часто пользовались, а те, кто ходил по ней, на силу не жаловались. Старые деревья были разбиты и отброшены в сторону, валуны, скатившиеся сверху, убраны на обочины. Спуск сразу заметно ускорился. Конечно, идти по тропе было несравненно легче, но зато и беспокойней. Мало ли кто проложил ее в этой глуши! Скоро вошли в темный хвойный лес. Тропа перестала петлять, раздалась вширь и привела их под козырек утеса, поросшего деревьями, прямо к кособокой, висевшей на одной огромной петле двери, за которой угадывался вход в пещеру.

Путники остановились и попытались заглянуть в щель. За дверью было темно. Сэм, Колоброд и Мерри навалились плечами, и дверь приоткрылась. Мерри и Колоброд протиснулись внутрь. Далеко можно было не ходить. На полу во множестве валялись старые обглоданные кости, а у входа, среди черепков, стояли два здоровенных,

грубо вылепленных глиняных кувшина.

— Если тролли вообще бывают, то здесь у них точно берлога! — заявил Пиппин. — Эй! — позвал он дрогнувшим голосом. — Выходите оттуда! Ясно, чья это тропа. Лучше нам убраться подобру-поздорову.

— Спешить незачем, — сказал, выходя, Колоброд. — Тролли жили здесь, но очень давно. Опасности никакой. Ладно, пошли дальше, посмотрим.

От порога пещеры тропа свернула направо и нырнула в чащу. Пиппин с независимым видом бодро шагал впереди рядом с Мерри. Ему очень не хотелось показать Колоброду, как он струсил перед дверью в пещеру. Сэм с Колобродом шли позади, у стремян Фродо. Тропа вполне позволяла идти гурьбой. Однако уже через несколько минут пришлось остановиться. Пиппин вылетел из-за близкого поворота как ошпаренный. За ним вприпрыжку несся Мерри. Оба выглядели здорово перепуганными.

— Там тролли! — выдохнул Пиппин. — Там, на прогалине! Мы их из-за деревьев видели. Огромные!

— Ну-ка, поглядим. — Колоброд поднял суковатую дубину и легким скользящим шагом

двинулся вперед. Фродо молчал. Ему было худо. Сэм в панике нервно озирался.

Полуденное солнце сквозь ветви полуоблетевших деревьев пятнало поляну островками света. Путники, осторожно раздвинув кусты, выглянули. Три огромных тролля и вправду расположились на прогалине. Один нагнулся, словно ища что-то под ногами, а два других уставились на него. Колоброд беззаботно подошел к нагнувшемуся троллю и огрел его палкой по заду.

— Эй, вставай, каменная туша! — смеясь, позвал он.

Хоббиты затаили дыхание. Однако ничего не случилось. Картина на поляне оставалась неизменной. Первым расхохотался Фродо. Его неуверенно поддержали остальные.

— Ну и ну! — Фродо даже закашлялся от смеха. — Это же надо! Собственную семейную историю забыть! Это же те тролли, которых Гэндальф словил. Они как раз не могли поладить, как им лучше приготовить тринадцать гномов и одного хоббита.

— Я и думать не думал, что мы в этих самых местах, — оправдывался Пиппин. Ему было неловко, ведь историю про троллей он сто раз слышал от Бильбо, правда, не очень-то в нее верил. Теперь

он недоверчиво глядел на каменных истуканов, гадая, не может ли какое-нибудь волшебство вдруг оживить их.

— Тут не только семейную историю надо знать, — улыбнулся Колоброд. — Ясным днем, при солнышке вы примчались и начали пугать меня живыми троллями на лужайке! Вы даже старого вороньего гнезда у одного из них за ухом не заметили. Для живого тролля это не самое обычное украшение.

Все рассмеялись. На Фродо напоминание о первом удачно кончившемся приключении Бильбо подействовало замечательно. Ласково пригревающее солнышко словно растопило дымку у него перед глазами, и он впервые за много дней приободрился. Приветливая полянка располагала к отдыху, и путники решили перекусить, расположившись между огромных тролльих лап.

— Может, споет кто-нибудь, пока солнышко высоко, — предложил Мерри. — Сколько дней уже ни песен, ни рассказов не было.

— Считай, от самой Заветери, — кивнул Фродо. Все с беспокойством посмотрели на него. — Да не тревожьтесь вы обо мне, — улыбнулся Фродо. — Мне лучше. Петь, правда, наверное, не смогу. Может, Сэм вспомнит что-нибудь?

— Давай, Сэм, — поддержал Мерри. — У тебя в голове полно всего, чего ты скопидомничаешь?

— Да я не знаю, — смутился Сэм. — Вот разве что… Это, конечно, не ахти какая поэзия, если вы понимаете, про что я… Так, чепуха в общем-то. Просто тролли напомнили.

Встав и убрав руки за спину, как примерный ученик, он начал напевать сначала негромко, но потом разошелся.

Тролль восседал на груде скал,
Урчал, стонал и кость глодал,
Уж много лет таков обед —
Поскольку с мясом тяжко.
Ляжка! Ряшка!
Сидел один и кость сосал,
Поскольку с мясом тяжко.

Погожим днем приходит Том:
— Вид этой кости мне знаком!
Мой дядя Тим! Что стало с ним!
Его ты слопал гнусно!
Вкусно? Грустно!
И — хлоп об землю башмаком:
— Ты дядю слопал гнусно!

— Дитя, — сказал в ответ нахал, —
Ну да, я дядю обокрал.
Но он уж вот который год
Лежит в могильной яме!
В дряни! В хламе!

И он не слишком обнищал
В своей могильной яме!

А Том орет: — Молчи, урод!
Тебе так это не пройдет!
А ну-ка, брось чужую кость
И к ней не прикасайся!
Майся! Кайся!
Верни немедля, обормот,
И больше не касайся!

Но тролль в ответ: — А вот и нет!
Ты сам сгодишься на обед.
В душе тоска — хочу мяска,
А ты — толстяк изрядный.
Ладный! Складный!
Сойдешь на парочку котлет,
Раз ты пухляк изрядный!

И тут слегка его рука
Щипнула Тома за бока.
Рванулся Том и башмаком
Как даст ему по заду —
Гаду! Смраду!

Досталось славного пинка
Бессовестному заду!

Но этот зад (на Томов взгляд),
Как оказалось, во сто крат
Был тверже скал, где восседал
Наш тролль, голодный зверски, —
Дерзкий! Мерзкий!
И Том удару сам не рад —
Подошве больно зверски!

Отныне хром бедняга Том,
Его нога горит огнем.
А тролль сидит, урчит, сопит
И чавкает ужасно —
Грязно! Страстно!
И тот же зад всегда при нем,
И так же тверд ужасно.

— Ну, это нам всем наука! — захохотал Мерри. — Хорошо, что ты его палкой огрел, Колоброд, а не ногой!

— Где это ты песенку выкопал? — ревниво спросил Пиппин. — Никогда раньше не слыхал.

Сэм в ответ пробурчал что-то неразборчивое.

— Придумал, конечно! — уверенно произнес Фродо. — Чем дальше мы идем, тем больше я о Сэме узнаю такого, чего и не предполагал раньше. То он заговорщиком был, а теперь вот с троллями шутки шутит. Кончится тем, что волшебником окажется или воином отважным.

— Не хочу я быть ни тем ни другим, — вконец смущенный, пробормотал Сэм.

После полудня их путь пролегал в сплошной лесной чаще. Вполне возможно, что вперед их вела та же самая тропа, по которой шагали некогда Гэндальф, Бильбо и Торин со своими гномами. Через несколько миль вышли на очередной водораздел. Дорога лепилась внизу по подножию холмов, Седонна осталась далеко позади. Горы впереди все еще казались далекими. К ним волнами уходили поросшие вереском холмы.

Колоброд показал на камень, торчащий из травы ниже по склону. На нем можно было разглядеть выветрившиеся знаки, похожие на руны гномов.

— Это уж не тот ли камень, под которым прятали золото тролли? — присмотревшись, вспомнил Мерри. — Фродо, ты не знаешь, осталось что-нибудь от Бильбовой доли?

Фродо тоже смотрел на камень и думал, как бы-

ло бы хорошо, если бы Бильбо вообще вернулся из своего Путешествия с пустыми руками. И не было бы тогда смертельно опасных сокровищ, из-за которых приходится расставаться с домом и брести неведомо куда.

— Ничего от нее не осталось, — ответил он. — Бильбо все роздал. Он не считал богатство своим. Наворованное ведь…

В длинных прозрачных тенях раннего вечера дремала перед ними Дорога. Спустившись со склона, путники быстро зашагали вперед. Солнце скоро скрылось за пройденной недавно седловиной; с далеких гор впереди прилетел холодный ветер.

Хоббиты уже посматривали по сторонам, выбирая место для привала, и тут их настиг звук, который они страшились услышать все эти дни. Позади на Дороге стучали копыта! Все мгновенно оглянулись — без толку! Поворот скрывал приближающегося всадника. Тогда они бросились в черничные заросли и карабкались вверх, пока не добрались до густых ореховых кустов. Только здесь перевели дух и оглянулись. Дорога неясно серела футах в тридцати под ними, но поворот по-прежнему не позволял видеть далеко назад. Копыта меж тем приближались. «Клипети-кли-

пети-клип» доносилось все ближе, но теперь к их перестуку примешивался тихий нежный перезвон, словно от множества маленьких колокольцев.

— Не похоже на Черного Всадника, — решительно сказал Фродо, внимательно вслушиваясь. Остальные хоббиты с надеждой кивнули, но подозрения не оставили их. Слишком глубоко въелся страх погони, теперь любой звук казался зловещим. Лицо Колоброда, припавшего ухом к земле, просветлело.

Свет уходящего дня быстро мерк, тихонько шелестели кусты под ветром. Колокольцы звучали все ближе, «клипети-клип» обернулось быстрой рысью, и внезапно из-за поворота вынесся *белый* конь в звездчато мерцающей сбруе. Плащ всадника вольно вился позади, капюшон был откинут на спину, золото волос струилось по ветру. Фродо показалось, что фигура всадника, удивительно благородной посадки, излучает теплое млечное сияние.

Колоброд вскочил на ноги и, перепрыгивая через кусты, бросился к краю Дороги. Но еще прежде всадник натянул поводья и остановил коня, глядя прямо вверх, туда, где прятались хоббиты. Завидев Колоброда, он спешился и по-

спешил ему навстречу с возгласом: «*Аи на ведуи Дунадан! Маэ хованнэн!*»

Ясный звонкий голос и слова не оставляли никаких сомнений. В этом мире никто, кроме эльфов, не говорил так певуче и звонко. Однако в дивном голосе помимо радости звучала и тревога. Эльф обнял Колоброда и быстро заговорил с ним по-эльфийски. Колоброд, выслушав, махнул рукой хоббитам, и они, оставив укрытие, заторопились к Дороге.

— Это Глорфиндейл из Дома Элронда, — представил Колоброд.

— Наконец-то добрая встреча! Привет тебе! — обратился эльф к Фродо. — Я был послан встречать тебя. Дорога опасна!

— Значит, Гэндальф все-таки в Дольне? — радостно воскликнул Фродо.

— Нет, — ответил с легким недоумением эльф. — Во всяком случае, девять дней назад, когда я покидал Дольн, его там не было. Элронд получил тревожные вести. Наши эльфы, странствующие за Берендуином[6], поняли, что ваши дела плохи, и поспешили известить всех, кого могли. Мы узнали, что Девять выступили из Мор-

---

[6] Сноски: 6
Так эльфы зовут Брендидуин.

дора, а вы со своей тяжкой ношей остались без водительства и руководства. Не многим у нас под силу открыто противостоять Девяти, но Элронд тотчас же разослал нас на север, на запад и на юг. Мы предполагали, что вы уйдете с Дороги, и опасались, не затеряетесь ли вы в глуши.

Я дошел до Митейтейля и оставил там знак. Было это семь дней назад. У Моста в засаде было трое назгулов, я прогнал их на запад. Еще двое встретились мне позже и повернули на юг. С тех пор я все ищу ваш след и два дня назад понял, что вы прошли через Мост, а сегодня заметил, как вы спустились с холмов. Ладно, сейчас не время делиться новостями.

Раз мы вместе, не будем пренебрегать Дорогой. Она сократит нам путь. Позади — Пятеро. Стоит им напасть на след, они помчатся стрелой. А ведь я так и не знаю, где Четверо остальных. Как бы нам не встретить их возле Брода!

Пока хоббиты слушали Глорфиндейла, стемнело. У Фродо от усталости слипались глаза. Еще в сумерках знакомая дымка замглила его взор, и он все старался отогнать тень, не позволявшую разглядеть лица друзей. В боку снова зашевелилась боль, он знобко повел плечами и, покачнувшись в седле, вынужден был ухватиться за плечо Сэма,

чтобы не упасть.

— Мой хозяин ранен, — сердито проговорил Сэм. — Он не может ехать быстро. Все-таки ему отдых нужен.

Фродо снова покачнулся, и Глорфиндейл, легко подхватив его на руки, с беспокойством всмотрелся в лицо хоббита.

Колоброд коротко рассказал о стычке на Заветери и о ране Фродо. Хоббиты с удивлением увидели у него в руках рукоять вражьего кинжала. Глорфиндейл, содрогнувшись от отвращения, взял ее и внимательно рассмотрел.

— Злые слова выбиты здесь, — только и сказал он. — Вам их не разглядеть. Сохрани ее, Дунадан. Надо показать Элронду. Только заверни во что-нибудь и старайся касаться пореже. Многие раны приходилось мне врачевать, но с этой, боюсь, не справлюсь. Что смогу — сделаю, но теперь надо спешить вдвойне. По-настоящему ему смогут помочь только в Дольне.

Длинными чуткими пальцами он ощупал плечо Фродо, и лицо эльфа посуровело, словно подтвердились самые худшие его опасения. А Фродо почувствовал, как уходит озноб и от плеча по руке словно бежит тоненький теплый ручеек. Боль отпустила. Вечер вокруг будто просветлел,

он ясно увидел лица друзей и с новой надеждой ощутил прилив сил.

— Поедешь на моем коне, — распорядился Глорфиндейл. — Стремена подтянем, тебе будет удобно. Не бойся. Конь не даст тебе упасть. Шаг у него ровный, а при опасности он легко уйдет от коней Врага.

— Нет! — запротестовал Фродо. — Я вовсе не хочу попасть в Дольн, бросив друзей в опасности на Дороге.

Глорфиндейл улыбнулся.

— Если тебя здесь не будет, им бояться нечего. Девятерым нужен ты, мы для них неинтересны. Ты сам, Фродо, ты и твоя ноша — самая большая опасность для всех.

Фродо не спорил. Его осторожно усадили на белого коня, а пони досталась поклажа хоббитов. Теперь они могли идти куда быстрее и все-таки скоро стали отставать от словно плывущего над дорогой эльфа. Он вел их прямо в ночь, безлунную и беззвездную сегодня. До самого рассвета они шли и шли без единой остановки. К утру Пиппин, Мерри и Сэм едва брели, даже Колоброд ссутулился и как-то посерел от усталости. Фродо задремал, его укачала плавная поступь эльфийского коня.

Когда наконец объявили привал, хоббиты про-

сто попадали в придорожный вереск и заснули мертвецки. Казалось, они только сомкнули глаза, а уж Глорфиндейл снова будил их, и солнце стояло высоко, а ночные туманы и облака исчезли без следа.

— Вам надо выпить вот это. — Глорфиндейл плеснул каждому понемногу из своей кожаной фляги, отделанной серебром. Жидкость по вкусу не отличалась от родниковой воды, не имела запаха, не казалась особенно теплой или холодной, но, выпив, хоббиты ощутили огромный прилив бодрости и сил. Съеденный вслед за тем черствый хлеб с пригоршней сухих фруктов утолили голод лучше основательного ширского завтрака.

И снова они топали по Дороге, отдохнув не больше пяти часов. Глорфиндейл по-прежнему торопил их и за весь день позволил лишь две короткие остановки. К ночи за спиной осталось около двадцати миль. Отсюда Дорога поворачивала вправо и спускалась на дно ущелья, да так и шла по нему до самого Бруинена. Погоня все еще не давала о себе знать, но эльф часто останавливался, настороженно прислушиваясь, и не раз тень беспокойства туманила его прекрасное лицо. Изредка они с Арагорном обменивались несколькими фразами по-эльфийски.

Да, проводники были озабочены, но хоббиты не могли больше сделать ни шагу. На последних фарлонгах перед привалом на них невозможно было смотреть: они ковыляли, пошатываясь, не поднимая головы, загребали ногами дорожную пыль, а мысли их монотонно кружились вокруг горящих ступней, ноющих лодыжек и ломящих поясниц. Фродо чувствовал себя не лучше. Рука и плечо болели ужасно, на протяжении дня он с тоской замечал, как окружающее все больше выцветает, теряет четкость очертаний, обращаясь в скопище призрачно-серых теней. Теперь он радовался наступлению ночи: в темноте мир казался не таким блеклым и пустым.

На следующее утро усталость ничуть не уменьшилась, а Дорога, покачиваясь, снова тащилась у них под ногами. До Брода все еще оставалось немало миль, и хоббитам казалось, что они торопятся изо всех сил. На самом деле они едва плелись.

— Чем ближе к реке, тем опасней, — молвил Глорфиндейл, — чует мое сердце: нас настигают сзади, а впереди — засада.

К счастью для хоббитов, Дорога шла под уклон. В некоторых местах обочина заросла травой, и хоббиты шли по ней, давая отдых несчастным но-

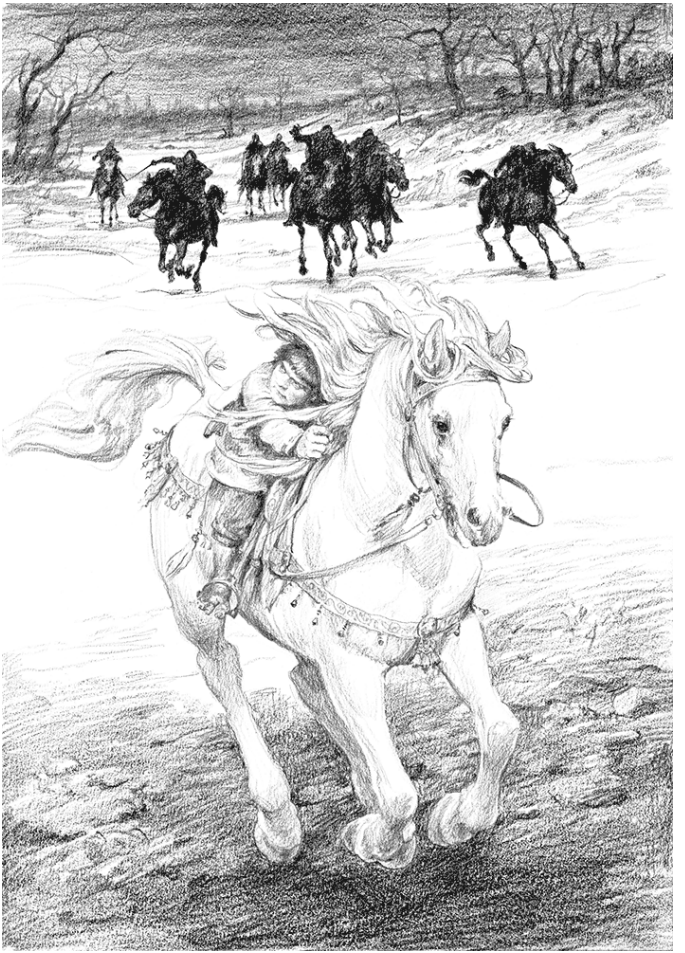
гам. Далеко за полдень Дорога надумала нырнуть в густую тень высоких сосен, потом врезалась в глубокий овраг с крутыми влажными склонами из красного камня. Как только путники вступили в него, по всему оврагу пошло гулять эхо, и не разобрать стало, звук чьих копыт рождает его. Впрочем, вскоре Дорога резко выскочила на открытое место, и примерно в миле впереди они увидели Бруиненский Брод. За рекой круто поднимался коричневый берег с серой лентой тропы, а дальше, сколько хватало глаз, громоздились горы: отрог налезал на отрог, пик возносился над пиком, и так без конца.

Позади, в краснобоком овраге, все еще жило эхо. Порыв ветра промчался по вершинам сосен. Глорфиндейл обернулся, вслушался и крикнул не то коню, не то Фродо:

— Беги! Враг настигает!

Белый конь рванулся вперед. Хоббиты заторопились вниз по склону. Эльф и Арагорн, часто оборачиваясь, торопливо шли сзади. На полпути к Броду на них обрушился из-за спины слитный топот копыт. Из устья оврага вылетел Черный Всадник и осадил коня, покачиваясь в седле. Вслед за ним появился другой, а потом еще один и еще двое.

— Вперед! Скачи вперед! — приказал эльф Фродо.



Хоббит подчинился не сразу. Что-то в нем сопротивлялось, не желая спасаться бегством. Пустив коня шагом, Фродо обернулся. Всадники на могучих конях высились неподвижными четкими изваяниями, а все прочее — лес, земля вокруг — словно отступило и расплывалось в тумане. Внезапно Фродо услышал безмолвный приказ, пришедший *оттуда*. Ему повелевали остановиться и не трогаться с места. Страх и ненависть всколыхнулись в душе хоббита одновременно. Рука отпустила повод и нащупала рукоять меча. Обнаженный клинок зарделся, роняя искры.

— Вперед же! Не медли! — кричал ему Глорфиндейл, а потом, видно сообразив что-то, приказал коню по-эльфийски: — *Норо лим! Норо лим, Асфалот!*

Белый конь сорвался с места и понесся как вихрь. Помедлив мгновение, черные кони прянули с холма вслед. Черные Всадники испустили жуткий вой — Фродо уже слышал его в лесах Восточной Чети, и снова, как тогда, им ответили. Спереди и слева, из-за скал, вылетели еще четыре Черных Всадника. На равнине они разделились: двое бросились наперерез Фродо, а двое стремительным галопом неслись к Броду, чтобы перехватить хоббита у воды. Фродо с ужасом

понял, что все эти черные нити сходятся в одной точке, ему не уйти. Бросив короткий взгляд через плечо, он уже не увидел друзей, зато с удивлением отметил, что черные кони за спиной не приблизились, а, пожалуй, немного отдалились. Даже они уступали в скорости Асфалоту. Он снова стал смотреть вперед, и мелькнувшая было надежда начала таять. Казалось, не оставалось ни малейшей возможности достичь Брода раньше Черных. Теперь он ясно видел их: без плащей, в серых саванах и латах, с обнаженными мечами в иссохших руках, на головах те же шлемы, в которых они явились ему на Заветери. Поблескивали страшные глаза, а жесткие, пронзительные голоса звали его, звали…

Страх захлестнул Фродо с головой. Он забыл о мече. Он не мог кричать. Закрыв глаза, он склонился к шее коня и судорожно вцепился в мягкую гриву. Ветер пронзительно пел у него в ушах, колокольцы звенели жалобно и слитно. Хоббита страшно, как копьем, ударило могильной стынью, когда последним отчаянным рывком эльфийский конь пролетел в дюйме от вытянутой морды переднего черного коня, словно вспышка белого пламени.

Фродо привел в чувство плеск воды, подби-

равшейся к стременам. Внезапное волнение охватило его, а на сердце легла непомерная тяжесть, когда белый конь, разбрызгивая воду, выбрался на противоположный берег и начал взбираться по каменистой тропе. Брод остался позади.

Но и преследователи отстали ненамного. Асфалот поднялся на крутой берег, встал и, повернувшись к реке, пронзительно заржал. У самой воды на том берегу стояли Девять Всадников. Их поднятые лица были обращены к Фродо, и хоббит задрожал от мысли, что пересечь реку им не труднее, чем белому коню. Он разом понял всю безнадежность бегства неизвестной дорогой к границам Дольна, если Черные сейчас переправятся. И снова могучий безмолвный приказ — остановиться! — настиг его. В сердце шевельнулся гнев, но тут же угас. Сил для сопротивления больше не было.

Первый Всадник дернул повод и послал своего коня вперед. Конь заупрямился и встал на дыбы. Преодолевая неимоверную тяжесть, Фродо выпрямился в седле и поднял меч.

— Прочь! — собрав последние силы, крикнул он. — Уходите прочь в свой Мордор, оставьте меня!

Ему самому собственный голос показался слабым и жалобным. В нем не было силы. Всадники приостановились. Теперь они смеялись над ним.

— Вернись к нам! Вернись! — звали злобные властные голоса. — Мы уйдем в Мордор и возьмем тебя с собой!

— Уходите прочь! — едва пролепетал Фродо.

— Кольцо! Отдай Кольцо! — требовали ужасные голоса.

Вот вожак Черных заставил коня вступить в воду. За ним последовали еще двое.

— Именем Элберет и Прекрасной Лучиэнь клянусь, — коснеющим языком молвил Фродо, слабо взмахивая мечом, — вы не получите ни Кольца, ни меня.

Король-Призрак, бывший уже на середине Брода, привстал на стременах и повелительно поднял руку. Фродо сковала немота. Язык прилип к гортани, сердце билось с перебоями. Меч неожиданно обломился и выпал из дрожащей руки. Эльфийский конь коротко заржал и встал на дыбы.

Ближайший Черный Всадник преодолел уже две трети реки, когда до слуха Фродо долетел яростный рев и тяжкий рокот. Фродо смутно видел, как река выше по течению неожиданно

вспухла. Во взметнувшихся пенных гребнях ему почудились белые развевающиеся гривы, султаны плюмажей и копья брызг конницы огромных волн, катящих громадные камни. Казалось, воды реки преобразились и исчезли, уступив место белому воинству, рвущемуся из верховьев. Троих Черных Всадников, бывших на середине Брода, смело ревущим валом воды, они исчезли, растворились в белой пене. Те, что оставались на берегу, в ужасе отпрянули назад.

Меркнущим сознанием Фродо уловил неясные крики. На том берегу, за спинами Черных Всадников, ему почудилась сияющая фигура огромного роста, рядом с ней быстро двигались несколько других, плохо различимых и маленьких по сравнению с гигантом. Они размахивали неяркими красными огнями, быстро тускневшими в неудержимо накатывающейся на ясный мир пелене серого тумана.

Черных коней словно обуяло безумие. Не слушая поводьев, они тащили Всадников в пенные волны и тут же исчезали, подхваченные ревущим потоком. В грохоте взъярившейся воды едва слышно звучали пронзительные вопли. Сознание ускользало. Фродо покачнулся, выпрямился, почувствовал, что падает, грохот и смятение

захлестнули его; казалось, поднявшиеся воды поглотили хоббита вместе с врагами, и больше он не слышал и не видел ничего.

Книга II

АНГМАР
г. Тундабад
Серые горы
Мглистые Горы
Долгая
р. Седоната
р. Бруинен
Трёхречная
Эрегион
Ворота Мории
Гландуин
Лориен
р. Серебрень
Андуин
Долгулдур
Сумеречье
Обелонь
Дерна
Великая
Ф.а
горы

Глава I
Встречи

Фродо проснулся в кровати. Первая его мысль была о долгом мучительном кошмаре, после которого вполне простительно поспать подольше (где-то на краю сознания еще колыхались отголоски ужасного сна). А может, он болел? Фродо поднял глаза к потолку, и потолок показался ему странным: собственно, потолка не было, он терялся где-то в полумраке вверху. Мощные открытые потолочные балки украшала затейливая резьба. Он полежал еще немного, разглядывая пятна света на совершенно незнакомых стенах и прислушиваясь к звуку падающей неподалеку воды.

— Интересно, где это я? — спросил он у потолка. — И который час?

— В Доме Элронда. Сейчас десять часов утра, — неожиданно ответил знакомый голос. — Между прочим, утро это принадлежит двадцать четвертому октября.

— Гэндальф! — возликовал Фродо, мигом садясь на кровати. И в самом деле, старый маг обнаружился мирно сидящим в кресле у раскрытого окна.

— Тише, тише, здесь я, — успокоил его Гэндальф. — И ты тоже здесь, хоть это и странно после всех твоих глупостей.

Фродо снова лег. Ему было слишком уютно и спокойно и совсем не хотелось возражать и оправдываться. Что толку! Теперь он окончательно проснулся, и к нему по кусочкам возвращалась память о Путешествии: чуть было не погубивший их «короткий путь» через Древлепущу; «случайность» в «Резвом Пони»; безумное решение надеть Кольцо под Заветерью. Пока он раздумывал обо всем этом, пока отыскивал в памяти недостающее звено, которое могло бы объяснить его появление в Доме Элронда, маг спокойно покуривал трубку, и белые пухлые колечки дыма, не меняя очертаний, выплывали в окно.

— Где Сэм? — спросил наконец Фродо. — И что с остальными?

— Все живы-здоровы. Сэма я с полчаса назад отправил отдохнуть.

Фродо помолчал, собираясь с духом, и спросил:

— Что случилось у Брода? Я почти ничего не видел. Все казалось таким тусклым… да и сейчас еще не совсем прошло.

— Так и должно быть, — ответил маг. — Ты начинал развоплощаться, таять, превращаться в тень. Рана одолевала тебя. Еще несколько часов, и было бы поздно. Но ты, милый мой хоббит, оказался крепким орешком, это в тебе еще в Упокоищах проявилось. В очень опасную переделку ты попал тогда, пожалуй, опаснее не было. А вот на Заветери не удержался.

— Э-э, да ты все уже знаешь! Откуда? Я ведь никому про Упокоище не рассказывал. Сначала вспоминать жутко было, а потом… потом других забот хватало. Кто тебе рассказал?

— Ты же и рассказал, — спокойно произнес маг. — Ты много говорил в бреду, Фродо. Ну, а остальное мне нетрудно было выудить из твоего сознания. Не надо тревожиться. Я сгоряча назвал твои поступки глупостью. Это не так, конечно. Вы совершили подвиг, пронеся Кольцо через такие опасности.

— Без Колоброда нам ни за что бы не уцелеть, —

сказал Фродо. — И без тебя очень плохо было. Я просто не знал, что делать.

— Твой упрек справедлив. — Маг прикрыл глаза. — Меня задержали, и из-за этого едва не случилось большой беды. Тут я, правда, не очень уверен: может, так оно и лучше получилось.

— Расскажи, а? Мне жутко хочется послушать!

— Всему свое время. Сегодня Элронд вообще не разрешил тебе разговаривать. Тебе еще нельзя волноваться.

— Вот и рассказывай! — потребовал Фродо. — Это единственный способ покончить с моими волнениями. Я извелся от них. Надо же все объяснить, иначе какой мне покой? Почему ты не пришел? Хоть это-то можешь сказать?

— Все ты услышишь, все поймешь, — замахал на него трубкой маг. — Как только ты встанешь на ноги, будет Совет. Но про мое опоздание ты вправе узнать сейчас. Моей вины в том немного. Я был в плену.

— Ты?! — не поверил Фродо.

— Да, я, Гэндальф Серый, — горько отозвался маг. — В этом мире, дорогой Фродо, есть немало сил, злых и добрых, с которыми мне еще не по плечу тягаться. С некоторыми судьба нас еще не сводила. Но мои сроки близятся. Хозяин Моргула

и его Всадники действуют. Нас ждет война!

— Так ты и раньше знал о Всадниках?

— Конечно. Даже тебе рассказывал. Черные Всадники — это Призраки Кольца, Девять преданных слуг Властелина Колец. Их историю я знал, но о том, что они воспряли, не знал ничего. Иначе я немедля ушел бы в Дольн вместе с тобой. Первые вести об их появлении настигли меня в дороге, в конце июня. Но с этой историей придется подождать. Пока, спасибо Арагорну, мы спасены от немедленной гибели.

— Да, Колоброд спас нас. А знаешь, сначала я боялся его. А Сэм, по-моему, до сих пор не очень-то ему доверяет. Во всяком случае, до встречи с Глорфиндейлом не доверял.

Гэндальф улыбнулся.

— Про Сэма я все знаю. Теперь он не сомневается.

— Вот и хорошо, — удовлетворенно вздохнул Фродо. — Мне нравится Колоброд. Хотя нет, «нравится» тут, конечно, ни при чем. Я… привязался к нему, хоть он и странный, а временами — суровый даже. И знаешь, чем-то вы похожи. Раньше я о Верзилах хуже думал: ну, большие, ну, глуповатые, как Маслютик, или просто вредные, как Хвощ. Но в Шире Людей вообще мало знают…

кроме брыльчан, наверное.

— Вы и их-то не знаете, если тебе Маслютик глуповатым показался, — заметил маг. — Ума у него хватает. Конечно, соображает он не так быстро, как тараторит, но когда надо, сквозь кирпичную стену увидит, как в Брыле говорят. Что же до Арагорна, то таких Людей в Среднеземье почти не осталось. Род Королей из-за Моря почти угас. Может статься, Война Кольца станет их последним деянием.

— Так Колоброд и правда из рода древних королей? — изумленно спросил Фродо. — Я думал, их нет давно. Я думал, он простой Скиталец…

— «Простой Скиталец»! — горько воскликнул Гэндальф. — Милый ты мой Фродо, так ведь Скитальцы и есть последние рыцари Арнора. Они много помогали мне раньше, без их помощи мне и теперь не обойтись. Мы пока только в Дольне; путь Кольца должен оборваться не здесь.

— Наверное, — неуверенно согласился Фродо. — Но… я до сих пор думал лишь о том, как бы сюда добраться… дальше ведь мне, наверное, идти не придется, а? Мне так хочется отдохнуть. За этот месяц мне вполне хватило всяких приключений и путешествий… — Он умолк и прикрыл глаза. Однако чуть погодя заговорил снова: — Я вот

считаю, и у меня никак не получается двадцать четвертое. Должно быть двадцать первое. Мы же вышли к Броду двадцатого.

— Ты слишком много считаешь и разговариваешь, — покачал головой маг. — Как твое плечо?

— Не знаю, — ответил Фродо. — Наверное, хорошо. Я ничего не чувствую. Вот только рука как-то не совсем слушается. Но уже не холодная, — сообщил он, потрогав левую руку правой.

— Отлично! — улыбнулся Гэндальф. — Дело идет на поправку. Скоро ты будешь совсем здоров. Элронд исцелил тебя. Он не отходил от твоей постели целые дни, с тех пор, как тебя принесли сюда.

— Дни? — переспросил Фродо.

— Если быть точным, — прищурился маг, — четыре ночи и три дня. Ты потерял счет дням двадцатого, именно тогда тебя принесли в Дольн. Все страшно тревожились, а Сэм вообще не отходил от тебя ни на шаг, разве что я его посылал куда. Элронд — великий целитель, но оружие, которым ты был ранен, наносит только смертельные удары. Я и то чуть было не отчаялся. Я ведь знал, что обломок клинка остался в теле, но только прошлой ночью Элронд смог обнаружить его и вывести вон. К этому времени обломок уже

проник глубоко и пробирался все дальше.

Фродо вздрогнул. Ему вдруг ясно привиделся бледный кинжал в руках Арагорна, исчезающий на глазах.

— Все прошло, — успокоил его маг. — Эльфы все сделали как надо. Твой обломок уничтожен. И, знаешь, похоже, хоббитов не так-то просто развоплотить. Я знавал могучих воинов из людского племени, которых такой осколок быстро сводил в царство теней, а ты носил его в себе семнадцать дней!

— А если бы не Элронд, что бы со мной стало? — замирая, спросил Фродо. — Чего хотели Черные Всадники?

— Ты получил удар моргульским клинком. Это оружие коварное, обломок остается в теле и сам находит дорогу к сердцу. Случись так, и ты стал бы походить на них, стал бы их рабом, одним из призраков, покорных Темному Властелину. А уж он бы припомнил тебе попытку отобрать Кольцо. Хотя, с другой стороны, трудно представить большую пытку, чем лишиться Кольца и видеть его каждый день на Вражьей руке.

— Хорошо хоть я не знал, как все это страшно, — содрогнулся Фродо. — Я боялся, конечно, ужасно, но если бы знал — чего, вообще бы умер на месте!

Ведь это чудо, что я живой, — полувопросительно добавил он.

— Чудо, удача, судьба — они твои помощники, ну и твое мужество, конечно. Ты сопротивлялся до последнего, поэтому отделался только раненым плечом. До сердца обломок не дошел. Но, чтоб ты знал, жизнь твоя на волоске висела. Надев Кольцо, ты одной ногой вступил в призрачный мир, показался им. Как они тебя не схватили!

— Знаю, — потупился Фродо. — Они ужасные… Я только не понимаю, как же мы видим их коней?

— Так ведь кони-то настоящие. И плащи тоже. Когда имеешь дело с живыми, нужна же бесплотности какая-то форма.

— А как же настоящие кони их терпят? Другие-то животные на дух не выносят: собаки воют, гуси тоже… даже конь Глорфиндейла…

— Это — мордорские кони. Они специально обучены и служат Темному Властелину. Не все его слуги — призраки! Есть орки, есть тролли, варги есть и волколаки, людей всегда много было, и сейчас там немало воинов и королей, вполне живых, только подпавших под его власть. И беда в том, что их больше становится с каждым днем!

— А Дольн? А эльфы? Дольн-то в безопасности?

— Пока — да. Есть много земель, до которых не дотянулась еще Черная Длань. Эльфы могут страшиться Врага, могут отступить, но служить ему — никогда! Здесь в Дольне еще живут главные его противники в этом мире — Мудрые Эльфы, князья Эльдаров, пришедшие из-за дальних Морей. Тем, кто жил в Благословенном Краю, Призраки Кольца не страшны. Перворожденные живут в обоих мирах, обладая великой силой и в Зримом, и в Незримом.

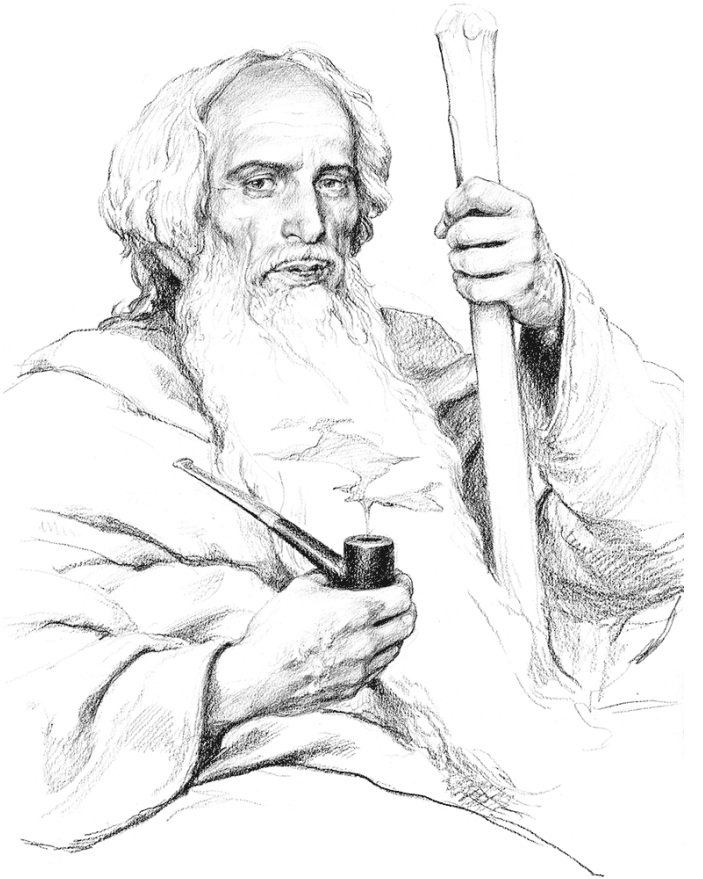
— Погоди, значит, мне не показалось? Я видел… знаешь, огромный витязь, весь белый! Все было тусклое такое, а его я видел отчетливо. Это — Глорфиндейл?

— Да, таков он в Незримом мире, один из Перворожденных. Он из рода эльфийских владык. Как видишь, в Дольне найдутся силы, чтобы побороться с мощью Мордора. Да и не только в Дольне. Я бы и Шир не стал сбрасывать со счетов. Конечно, там другое… Но если дела и дальше пойдут, как сейчас, такие места скоро станут отдельными островами в темном море осады. Мордор обрушит на них небывалую мощь. Ну, а пока, — маг поднялся и уставил длинную бороду в сторону Фродо, — надо сохранять мужество. Ты скоро будешь на ногах, если опять не сляжешь от

моих разговоров. Здесь, в Дольне, беспокоиться не о чем.

— Чтобы сохранять, надо его иметь, мужество-то, — виновато произнес Фродо. — А где его взять? Ладно, сейчас я и правда не тревожусь ни о чем. Ты только скажи еще, как там наши и чем все-таки у Брода кончилось? Я ведь не успокоюсь, пока про все не узнаю. А потом… потом посплю, но только расскажи уж до конца.

Гэндальф придвинул кресло к кровати и тепло посмотрел на хоббита. Щеки Фродо порозовели, глаза смотрели ясно и внимательно. Легкая улыбка бродила по лицу, и вот здесь, пожалуй, что-то было не совсем в порядке, но даже маг не мог уловить, что именно. Какой-то призрачный отсвет… да вот еще левая рука, как-то слишком спокойно лежащая поверх одеяла…



«Этого и надо было ожидать, — подумал Гэн-

дальф. — Он одолел только полпути, а что будет в конце, даже Элронд не скажет. Но уж, наверное, ничего плохого. А станет он как хрусталь, наполненный чистым светом, если найдутся глаза, способные это увидеть!» — неожиданно решил он.

— Ты отлично выглядишь, — произнес маг вслух. — Ладно. Рискну поговорить еще, хоть Элронд и не одобрил бы. Только совсем немного, а потом — спать! Насколько я сумел восстановить ход событий, у Брода было вот что. Всадники погнались за тобой. Им уже не приходилось полагаться на чутье коней, они видели тебя, ведь ты стоял на пороге их мира. Да еще Кольцо их притягивало. Друзья твои вовремя убрались с дороги, иначе попали бы под копыта. Они видели, что вся надежда на Асфалота. Всадников им было не остановить. Пешими даже Глорфиндейл с Арагорном не могли противостоять Девяти.

Кольценосцы пронеслись мимо, а они побежали следом. Возле самого Брода есть небольшая ложбина и деревья. Глорфиндейл знал, что река не пустит Черных, если они туда сунутся. Быстро развели костер, приготовили факелы. И когда по реке прошел первый вал, эльф поспешил к берегу, а за ним с факелами остальные. Всадники попали

в западню: с одной стороны — взбесившаяся река, с другой — огонь. А тут еще Перворожденный Эльф, страшный во гневе, — есть от чего прийти в ужас. Первыми не выдержали кони. Троих Черных река уже смела, а обезумевшие кони тащили в воду и остальных.

— И им конец пришел? — блестя глазами, спросил Фродо.

— Это было бы слишком хорошо, — вздохнув, ответил Гэндальф. — Кони погибли. Без них Кольценосцы беспомощны. Но их самих так просто не уничтожишь. Впрочем, сейчас не в них дело. Когда вода спала, твои друзья переправились и нашли тебя лежащим на берегу со сломанным мечом в руке. Конь охранял тебя, но ты был такой белый и холодный — невольно думалось о самом худшем. Тебя подняли и понесли в Дольн, а уж по дороге вас встретили эльфы.

— А кто сотворил такое с рекой?

— Элронд. В этом краю ему повинуется все. Стоило Королю-Призраку ступить в воду, поток восстал, силы реки были выпущены на свободу. Ну и я еще немножко добавил. Не знаю, заметил ли ты, что волны походили на белых коней? А когда река стронула и покатила вниз камни, даже мне не по себе стало и я засомневался, сможем ли

мы укротить поток и не смоет ли вас тоже. В реках, берущих начало в вечных снегах Мглистых Гор, скрыта великая сила.

— Вот теперь я все вспомнил, — проговорил Фродо. — Этот грохот… Я думал, меня унесет вместе с врагами и со всем остальным. Как хорошо, что мы в безопасности!

Фродо устало закрыл глаза и не заметил быстрого взгляда, брошенного магом из-под кустистых бровей.

— Да, пока вы все в безопасности, — молвил Гэндальф. — Впереди пир по случаю победы у Брода, и вас намереваются чествовать как героев.

— Вот здорово! Даже чудно: смотри, такие властители — Элронд, Глорфиндейл и Арагорн тоже, они столько добра для меня сделали…

— Ну, тому есть немало причин, — усмехнулся Гэндальф. — Одна из них — это я. Другая — это Кольцо, ты все-таки Кольценосец, наследник самого Бильбо, нашедшего Кольцо.

— Милый старый Бильбо, — сонно проговорил Фродо. — Интересно, где он? Вот бы он обрадовался, если бы услышал все это. И посмеялся бы, наверное… «корова в небо — прыг!» А бедный старый тролль… — Фродо, не договорив, уснул.

Фродо спокойно спал в последнем по-настояще-

му безопасном убежище к востоку от Моря. Дом Элронда, как сказал о нем давным-давно Бильбо, был «превосходнейшим местом, где можно есть, спать, говорить или петь, а можно просто сидеть и размышлять или предаваться всему этому одновременно». Простое пребывание там врачевало усталость, страх и тоску.

Под вечер Фродо проснулся снова и понял, что наконец-то выспался. Теперь он не прочь был бы пообедать, а потом, может быть, даже поговорить и попеть. Он встал и порадовался почти послушной левой руке. Возле постели его ждала чистая одежда, легкая и удобная. Отражение в зеркале поразило его сходством отнюдь не со знакомым степенным хоббитом Фродо Сумниксом, хозяином Засумок, а скорее с юным племянником Бильбо, бродившим когда-то с дядюшкой по тропам Шира, вот только взгляд стал не по тем временам задумчив.

— Да, кое-что ты повидал с тех пор, как последний раз смотрел на меня из зеркала, — сказал он отражению. — Ну, приготовимся к встречам!

Он потянулся и принялся насвистывать веселенький мотивчик.

В дверь постучали, и появился Сэм. Он бросился к Фродо и первым делом ухватил левую руку хо-

зяина, застенчиво и неловко погладил ее, а потом зарделся и отвернулся.

— Привет, Сэм! — беззаботно произнес Фродо.

— Теплая! — проговорил Сэм. — Это я про руку, сударь. Такая она холодная была все эти ночи. Эй-ех! Слава и трубы! — выкрикнул он и крутнулся на пятках. — Здорово! Вы снова на ногах и такой же, как раньше! Да, меня ведь Гэндальф послал посмотреть — готовы ли вы спуститься. Я-то думал, шутит он.

— Готов, готов, — рассмеялся Фродо. — Идем скорее, посмотрим, где там остальные.

— Я вас поведу, сударь. Знаете, какой большущий этот Дом! Ходишь, ходишь по нему, а все что-то новое найдешь и никогда не знаешь, какая еще радость за углом ждет. А эльфы-то! Они тут везде! Одни прямо как короли, величественные такие, другие — веселые, как дети. Музыка, песни кругом. Правда, не то у меня настроение было, чтобы слушать, да и время… Но все-таки я много чего тут знаю уже.

— Я догадываюсь, чем ты был занят, — дрогнувшим голосом произнес Фродо. — Но сегодня слушай и веселись в свое удовольствие! Идем, проводи меня по всем здешним закоулкам.

И Сэм повел Фродо по нескончаемым анфила-

дам, вверх и вниз по прекрасным лестницам, прямо в сад на высоком берегу реки. Там на восточной веранде ждали их друзья. В широко распахнувшейся долине внизу уже легли вечерние тени, и только на вершинах дальних гор трепетали розовые закатные отсветы. В воздухе веяло теплом. Звенела и пела вода, запахи деревьев и цветов щекотали ноздри, словно в садах Элронда длилось нескончаемое лето.

— Ура! — закричал Пиппин, вскакивая навстречу Фродо. — Вот идет наш славный родич! Дорогу Фродо, Властелину Кольца!

— А ну — цыц! — одернул его Гэндальф, сидевший в тени веранды. — В эту долину путь Злу заказан, но и поминать его всуе не след. Властелин Кольца не Фродо, а хозяин Черной Крепости в Мордоре. Тень его власти нависла над миром. Мы здесь в безопасности, но вокруг сгущается Тьма.

— От Гэндальфа можно сколько хочешь таких веселеньких историй услышать, — доверительно сообщил Пиппин. — Он меня к порядку призывает! А я здесь просто думать не могу о всяких мрачных вещах. Мне петь хочется! И запел бы, да не соображу ничего подходящего к случаю.

— Меня тоже петь подмывает, — засмеялся Фродо. — Но уж если я запою, так про еду и питье!

— Это скоро пройдет, — уверенно заявил Пиппин. — Ты, как всегда, угадал проснуться как раз к обеду.

— Если бы к обеду! — поправил его Мерри. — К самому настоящему пиру. Как только Гэндальф сообщил, что ты пошел на поправку, тут же начались приготовления.

Не успел он договорить, как звон большого гонга возвестил начало пиршества.

В огромной трапезной Элронда было полно народа. Конечно, в большинстве — эльфы, но и других хватало. Элронд по обычаю сидел во главе стола, рядом с ним по обе стороны расположились Глорфиндейл и Гэндальф.

Фродо разглядывал Владыку Элронда, героя стольких историй и легенд, во все глаза. Но и на эльфа с магом стоило посмотреть. Фродо подивился достоинству и властительной силе тех, кого, как ему казалось, он хорошо знал.

Гэндальф, конечно, уступал в росте эльфу, но благородная седина, длинная серебряная борода и широкие плечи придавали магу сходство с мудрым королем из древних баллад. На морщинистом лице под мохнатыми бровями рдели углями удивительно живые глаза, готовые каждую минуту вспыхнуть огнем.

Высок и дивно строен был Глорфиндейл. Прекрасные золотые кудри, юное открытое лицо, внимательные ясные глаза и голос, звучащий как музыка, удивительно сочетались с печатью мудрости на челе и могучими руками воина.

По лицу Владыки Элронда не угадать было числа прожитых лет. В нем читалась лишь память о многих скорбных и радостных событиях. Волосы цвета сумеречных теней охватывал легкий серебряный обруч; серые глаза заставляли подумать о ясном вечере, в них бродили звездные отсветы. Король, увенчанный многими зимами, воин в расцвете сил — таков был владыка Дольна, славнейший и могущественнейший среди Эльфов и Людей.

Посреди стола, в кресле с пологом, сидела леди, прекрасные черты которой носили несомненное сходство с Владыкой Элрондом. Оправившись от первого потрясения, вызванного невиданной доселе красотой, Фродо посчитал ее близкой родственницей хозяина Дома. Была ли она молода? И да, и нет. Иней лет не коснулся ее темных волос, лицо и руки не тронула ни единая морщинка, серые глаза искрились звездным светом, как августовская ночь, но в царственном облике с первого взгляда читались мудрость и сила зна-

ния, которые дает лишь время. Серебристые нити, унизанные жемчугами, украшали ее простую прическу, других драгоценностей она не носила, кроме дивного пояса из серебряных листьев.

Такой узрел Фродо Арвен, дочь Элронда. Мало кому из смертных довелось видеть ту, в ком вновь сошла на землю бессмертная красота Лучиэнь. Она звалась Ундомиэль — Вечерняя Звезда эльфийского народа. Много лет провела она в Лориене, там жила ее родня по матери, и только недавно вернулась под отчий кров Дольна. В зале не было ее братьев, Элладана и Элрохира. Они, как это часто бывало, охотились со Следопытами-Северянами — мстили оркам за гибель матери.

Такой красоты, живущей на земле, Фродо и помыслить не мог. Конечно, он смутился, обнаружив свое место за этим знатным столом, среди высоких и прекрасных гостей. Кресло было ему по росту, да еще несколько подушечек подложено, и все равно он чувствовал себя маленьким и недостойным. Впрочем, это ощущение быстро прошло. Пир сразу пошел весело, и даже хоббичьему аппетиту было где разгуляться. Лишь через некоторое время он смог оглядеться и уделить внимание соседям по столу.

Сначала он отыскал взглядом друзей. Как Сэм

ни просился прислуживать хозяину, ему велено было сидеть, раз он почетный гость. Он и сидел вместе с Мерри и Пиппином во главе одного из боковых столов. Колоброда нигде, кажется, не было.

Справа от Фродо сидел важный, богато одетый гном с длинной раздвоенной бородищей. Фродо даже есть перестал, разглядывая его.

— Добрая встреча и привет вам, — степенно произнес гном, поворачиваясь к хоббиту. Он встал, расправил бороду и поклонился. — Глоин, к вашим услугам, — представился гном и поклонился еще ниже.

— Фродо Сумникс, слуга вам и вашему роду, — как велит обычай, отвечал Фродо, вскакивая с кресла и роняя подушки. — Прав ли я, полагая, что вижу самого Глоина, одного из двенадцати сотоварищей прославленного Торина Дубощита?

— Истинно правы, — ответствовал гном, без тени смущения собирая подушки и любезно помогая Фродо вернуться в кресло. — О вас я не спрашиваю, поелику извещен о ваших родственных и наследных отношениях с другом нашим, славным Бильбо. Позвольте поздравить вас с благополучным окончанием недуга.

— Премного благодарен, — ответил Фродо.

— Я наслышан о ваших странных приключениях, — осторожно произнес гном, — и весьма заинтригован. Какие обстоятельства могли подвигнуть четверых хоббитов из Шира предпринять столь длительное путешествие? Со времен нашего с Бильбо похода о таком не слыхивали. Впрочем, боюсь показаться назойливым. Как я заметил, Владыка Элронд и Гэндальф Серый не очень-то расположены говорить об этом…

— Наверное, у них есть основания отложить разговор до более удобного случая, — так же осторожно ответил Фродо. Даже здесь, у Элронда, ему не хотелось посвящать всех подряд в свои дела. И вообще, он предпочел бы хоть на время забыть о треволнениях, связанных с Кольцом. — Не позволено ли мне будет полюбопытствовать, что привело в Дольн от самой Одинокой Горы столь знатного гнома? — осведомился он.

Глоин пытливо взглянул в глаза хоббиту.

— Я полагаю, раз вы еще не слышали о моих намерениях, лучше пока оставить эту тему. Насколько мне известно, Мастер Элронд предполагает вскорости созвать Совет, там мы услышим о многом. Но ведь у нас достаточно и других тем для разговора, не правда ли?

Действительно, они проговорили весь вечер,

причем Фродо больше слушал. Ширские новости, если не упоминать Кольцо, казались несущественными, а Глоину было что рассказать о событиях в северных краях. Так Фродо узнал, что Гримбьорн Старый, сын Бьорна, собрал и возглавил самую настоящую армию Людей, и теперь ни волк, ни орк и сунуться не смели в их владения между Горами и Сумеречьем.

— Если бы не Бардинги, — говорил Глоин, — от Эребора до Дольна давно бы уже не добраться. Они — благородные и отважные Люди и постоянно держат открытыми и Верхний Перевал, и Брод Керрок. Но пошлина весьма высока, — добавил гном, качая головой. — От Бьорна они не унаследовали большой любви к гномам, но остались честны, а по нынешним временам это немало. Я бы даже сказал, что из всех народов Среднеземья Бардинги наиболее нам дружественны. Они добрый народ. Сейчас правит Бранд, внук Барда Лучника, сын Байна. Он сильный король, и земли его простираются ныне далеко на юг и на север от Эсгарота.

— А как поживает ваш народ? — поинтересовался Фродо.

— По-разному. Хватает и плохого, и хорошего, но нужно быть справедливым: хорошего все же

больше. Я бы сказал, гномам везет, хотя и их не миновали смутные дни. Если вам действительно интересно, я с радостью поведаю о наших новостях, только остановите меня вовремя. Недаром же говорят: спроси у гнома про дела, рассказов хватит до утра.

И Глоин со вкусом пустился в долгое повествование о жизни гномьего царства. Слушатель ему попался деликатный и терпеливый. Он не выказывал признаков усталости, не пытался сменить тему, хотя довольно скоро напрочь потерялся среди странных имен и незнакомых названий. Правда, Фродо с интересом отметил, что Царем-под-Горой все еще пребывал государь Даин, давно уже справивший свое двухсотпятидесятилетие. Он правил в почете, окруженный баснословным богатством. Из десяти сотоварищей Глоина, переживших Битву Пяти Воинств, шестеро еще здравствовали: Двалин, Дори, Нори, Бифур, Бофур и Бомбур. Последний столь потучнел, что без помощи шестерых молодых гномов не мог одолеть расстояние от ложа до обеденного кресла.

— А Балин, Ори, Оин? Что с ними стало?

По лицу гнома пробежала печаль.

— Про то мне неведомо, — неожиданно ответил он. — Я ведь и пришел в Дольн спросить сове-

та мудрого Элронда в отношении Балина. Это — горестная тема, оставим ее до лучших времен, мой друг.

Рассказ Глоина расцветился описанием дивных творений гномов, созданных под Горой.

— Однако, как бы мы ни старались, в работе с металлом мы едва дотягиваем до мастерства наших отцов. Многие секреты утеряны. Да, из наших рук выходят добрые доспехи и острые мечи, но больше некому заказать кольчугу или клинок из тех, что во множестве изготавливались до нашествия драконов. А вот в строительстве мы, пожалуй, даже превзошли кое в чем наших предков. Вам обязательно надо посмотреть на наши гроты! Если бы вы видели тамошние подземные озера! А прекрасные, мощенные многоцветным камнем дороги! Подземные галереи с арками, похожими на живые деревья! А террасы и башни на склонах Горы! Кто все это видел, тот не посмеет упрекнуть гномов в праздности!

— Я обязательно посмотрю… если смогу, — на мгновение замешкавшись, заверил Глоина Фродо. — Вот бы, наверное, Бильбо порадовался, увидев такие дела в Смоговой берлоге!

Глоин с улыбкой взглянул на Фродо.

— Вы очень любите Бильбо, верно?

— Да! — с чувством ответил Фродо. — Его я увидел бы с большим удовольствием, чем все дворцы и замки этого мира!

Когда пир наконец закончился, Элронд и Арвен, подавая пример остальным, встали. Через широко распахнутые двери хозяева, а за ними в чинном порядке и гости, перешли в просторную залу с резными колоннами, освещенную огромным камином.

Фродо обнаружил рядом с собой степенно шагавшего Гэндальфа.

— Это — Каминный Зал, — пояснил маг. — Если не заснешь, услышишь много песен и историй. По будням здесь обычно тихо, хорошо думается. А камин горит всегда.

Владыка Элронд направился к своему креслу и в этот момент заиграли эльфийские менестрели. Зал заполнялся. Фродо, не сдерживая улыбки, разглядывал светлые, открытые лица, освещенные бликами живого огня. Неожиданно он заметил маленькую темную фигурку, как-то не по-праздничному притулившуюся на табурете сбоку от камина. Возле стоял кубок и на маленьком блюде — кусочек хлеба. Поначалу Фродо решил, что это больной (если в Дольне вообще болеют, тут же подумал он), не присутствовавший на пиру.

Голова человечка бессильно свесилась на грудь, и край воротника темного плаща скрывал лицо.

Элронд подошел к сидящему и звучно, с улыбкой, произнес:

— Проснись, маленький мастер! — Владыка повернулся, отыскал среди гостей глазами Фродо и поманил его. — Вот и настал час. Ты мечтал о нем, — сказал он хоббиту. — Здесь дремлет друг, с которым вы давно расстались.

Фигурка на табурете шевельнулась, и сидящий поднял голову.

— Бильбо! — крикнул Фродо, бросаясь вперед.

— Эй, Фродо, мальчик мой! — проговорил старый хоббит. — Вот и ты наконец добрался сюда. Я был уверен, ты справишься. Так, так, сегодняшнее пиршество, я слыхал, в твою честь… Ну что, весело было?

— А почему же ты не пришел?! — воскликнул Фродо. — И почему мне никто раньше не сказал?

— Потому что ты спал. Мы с Сэмом сидели возле тебя все эти дни. А пир… Я теперь редко хожу на них. Дела, знаешь…

— Дела? — опешил Фродо. — Помилуй, но какие?

— Как же… сижу вот, думаю. Для таких дел Каминная — самое удобное место. Мне говорят

— проснись! — Бильбо покосился на Элронда, и Фродо заметил, что сна у него — ни в одном глазу. — Ха! Проснись! Я вовсе не спал, Мастер Элронд. Вы что-то рановато закончили сегодня и потревожили меня как раз на середине. Я песню складывал, — объяснил он племяннику, — и вот, не идет, понимаешь, пара строк, хоть тресни! Я над ними и думал, ну да теперь уж не получится. Сейчас они как запоют! Какие уж тут мысли! Эх, мне бы моего друга Дунадана, он бы помог. Что-то я его не вижу, — прищурился Бильбо.

Элронд рассмеялся.

— Его обязательно разыщут. Вы отойдете в уголок и завершите твой труд, но только — условие! До конца вечера мы обязательно должны услышать, что получилось.

За другом Дунаданом было послано. Похоже, никто не знал причин его отсутствия на пиру.

А Фродо и Бильбо сели рядышком (Сэм тоже пристроился подле них) и тихо разговаривали, забыв обо всем на свете. Правда, рассказ Бильбо оказался короток. Выйдя из Хоббитона, он шел вроде бы бесцельно, а все почему-то вело его в сторону Дольна.

— И никаких особых приключений у меня по дороге не случилось, — закончил он. — Здесь я

отдохнул, а потом сходил с гномами к Горе. Это было мое последнее путешествие, — вздохнув, добавил он. — Старый Балин ушел, да и другие… Я вернулся сюда и здесь намерен остаться. Кое-что поделываю. Для книги моей написал немного. Ну, конечно, несколько песен сочинил. Их даже поют иногда. Я-то думаю, — он подмигнул, — просто, чтобы мне удовольствие доставить. Для Дольна они, пожалуй, слабоваты. А так… слушаю, думаю. Время здесь не замечаешь, оно просто есть, и все тут. Замечательное место! Сюда стекаются самые последние новости: и из-за Гор, и с юга. Вот только из Шира мало что доходит. Про Кольцо-то я, конечно, слыхал. Гэндальф частенько в Дольн наведывался. Правда, много из него не вытянешь, замкнутый он стал в последние годы. Дунадан — и тот больше рассказывает. Это ж подумать только: мое-то колечко такой переполох вызвало! Жаль, Гэндальф раньше про него не разведал. Я бы эту штуку давным-давно сюда принес, и без всяких хлопот. Я уж и так порывался сходить за ним в Хоббитон, да старый стал, не пустили бы они меня, Гэндальф, значит, с Элрондом. Они вбили себе в голову, что Врагу делать больше нечего, кроме как меня выслеживать, и стоит мне только высунуться, он меня тут же сцапает и

в котлету изрубит.

А Гэндальф так и сказал: «Все, говорит, Бильбо. Кольцо, говорит, ушло. И не пытайся снова встревать в это дело. Добра никому не будет». Чего от него еще ждать! А за тобой он обещал присматривать, ну, я и оставил все как есть. Ты не представляешь, как я рад видеть тебя живым и здоровым!

Бильбо помедлил и с некоторым сомнением поглядел на Фродо.

— Послушай, *оно* у тебя с собой? — шепотом спросил он. — Любопытно, понимаешь, мне взглянуть после всех этих разговоров. Просто взглянуть, и все, а?

— Да, оно у меня, — как-то через силу произнес Фродо. — Оно такое же, как и всегда, — попробовал отшутиться он.

— Ага. Ну покажи, покажи хоть на минутку, — попросил Бильбо.

Еще когда Фродо одевался к вечеру, он обнаружил у Кольца, надетого на шею, новую цепочку, легкую, но очень прочную. Теперь он медленно потащил Кольцо из-за пазухи. Бильбо подался вперед и резко протянул руку. Но Фродо отдернул Кольцо, с ужасом глядя на старого хоббита. Казалось, тень пала меж ними и мгновенно изменила

облик Бильбо. Вместо него к Фродо тянуло костлявые, хищно шевелящиеся пальцы сморщенное жалкое созданье с алчно горящими глазами. Фродо едва сдержался, чтобы не ударить этого отвратительного гоблина.

Музыка и пение в зале сбились с лада и затихли. В наступившей внезапно тишине Бильбо быстро взглянул Фродо в лицо и провел рукой по глазам.

— Вот, значит, как, — хрипло проговорил он. — Убери его прочь! Прости, что я взвалил на тебя этот груз, прости. Неужели у Приключения не бывает конца? Эх, видно, не бывает. Кому-то всегда приходится продолжать историю дальше. Что ж поделаешь… Может, я зря вожусь со своей книгой, а? Ладно. Не будем ворошить прошлое. Давай-ка о настоящем. Что там новенького у нас в Шире?

Фродо с облегчением спрятал Кольцо и тень рассеялась, оставив лишь неприятную занозу в памяти. Вокруг плескался живой свет Дольна, снова звучала дивная музыка, и Бильбо уже улыбался умиротворенно и счастливо. Каждая ширская новость (тут Сэм вовсю помогал) вызывала у старого хоббита живейший интерес, будь то новое посаженное дерево или народившийся хоббитенок. Они так глубоко ушли в обсуждение событий последних лет, что не сразу заметили,

как возле них остановился, улыбаясь, высокий человек в темно-зеленом плаще.

Только через несколько минут Бильбо, подняв глаза, воскликнул:

— Дунадан! Вот и ты наконец!

— Колоброд! — рассмеялся Фродо. — У тебя, похоже, куча имен?

— Хм, я многие знаю, — удивился Бильбо, — но вот «Колоброда» еще не слышал. Зачем ты его так зовешь?

— Это меня в Брыле прозвали, — ответил за Фродо Арагорн, — и под этим именем хоббитам представили.

— А ты почему зовешь его «Дунадан»? — в свою очередь, поинтересовался Фродо.

— Э-э, я думал, тебе пошли впрок мои уроки эльфийского, — проворчал Бильбо. — По крайней мере сочетание «дун-адан» ты должен был бы знать. Оно означает: Человек с Запада, Нуменорец. Ладно, сейчас ведь не урок. — Он повернулся к Арагорну. — Где же ты был, друг мой? Почему не пришел на пир? Леди Арвен я там видел…

Арагорн печально вздохнул.

— Знаю, — произнес он. — Мне было не до веселья. Из Пустоземья неожиданно вернулись Элладан с Элрохиром и принесли важные ново-

сти. Я говорил с ними.

— Вот и хорошо, — ворчливо проговорил Бильбо, — новости ты услышал, значит, можешь уделить и мне минутку. Элронд ждет к концу вечера новую песню, а у меня там не все гладко. Давай-ка отойдем в уголок и пошлифуем ее немножко.

— Конечно, — улыбнулся Арагорн, — дай только посмотреть слова.

Сэма одолел сон, и Фродо на время оказался предоставлен самому себе. Он даже почувствовал некоторое одиночество, несмотря на многолюдье вокруг. Но ближайшие его соседи молчали, поглощенные гармонией звучавших в зале голосов и музыки, и Фродо тоже невольно стал прислушиваться.

Нельзя сказать, чтобы он все понимал, но чарующие звуки быстро захватили внимание, и скоро хоббиту стало казаться, что слова наполняются смыслом, за ними встают видения дальних стран, образы удивительных вещей, о которых он раньше и не помышлял вовсе; освещенный пламенем камина зал словно заткался золотистым туманом, колыхавшимся над белейшей пеной мерно вздыхающих на краю мира лазоревых морей. Музыка завораживала, навевала грезы,

и вот уже бесконечная река серебряных звуков потекла над ним, непостижимая в многозначных глубинах, подхватила и понесла на вечных волнах. Со счастливой улыбкой Фродо отдался волшебному потоку и канул в сон. Музыка и там не оставила его, сначала обернувшись бегущей водой, а потом неожиданно — знакомым голосом Бильбо, нараспев читающим стихи. Поначалу смысл ускользал от Фродо, но вскоре слова прояснились, и он стал слушать.

Для странствий судно создавал
Скиталец вод Эарендил;
Он прочный остов воздвигал,
Борта и мачты возводил,
Ткал паруса из серебра,
Крепил огни — светить в пути;
Подобьем лебедя была
Резная грудь его ладьи.
В доспехи древних королей
Он облачил могучий стан.
С ним щит, священной вязью рун
Хранящий странника от ран;
С ним верный лук — драконий рог

И стрел эбеновых колчан;
С ним жаркий меч, что до времен
Укрыт в холодный халцедон.
Пером орла украшен был
Алмазный шлем, высок и крут,
И в такт дыханью на груди
Переливался изумруд.

И он, покинув берега,
Блуждал в неведомой дали,
Скитаясь в колдовских краях,
Куда пути его легли;
Он уводил свою ладью
Прочь от враждебных берегов,
От скрежетанья ломких льдов
И от обугленных песков.
Привел на грань извечной тьмы
Его скитаний тайный ход;
Там Ночь сливается с Ничто
В беззвездности бездонных вод,
Там ветер дыбит пенный вал
И бьется яростно во мгле;
Эарендил пути искал

Домой, к покинутой земле.

В слепом неведеньи он вел
Корабль на исходе сил,
Когда бескрайний черный мир
Нездешний пламень озарил:
То Эльвинг с сумрачных небес
К нему слетела. Сильмарилл
Она скитальцу принесла, —
Эарендил увенчан был
Живым огнем. И вновь корабль
Он повернул, неустрашим,
Под пенье пенящихся волн
Ветрами ярыми гоним;
Неумолимый ураган,
Родившийся в Ином Краю,
Дыханьем силы неземной
На Запад устремил ладью.

Ее влекло сквозь гиблый мрак
По черным водам, где на дне
Сокрыта древняя земля
Ушедшая с Началом Дней…

Но вот узрел Эарендил
Кайму жемчужных берегов,
Где тонкой музыкой звучал
Прибой искрящихся валов;
То в легкой пене облаков
Стоял священный Валинор,
И Эльдамар лежал вдали
За чередою тихих гор.
Скиталец вырвался из тьмы
Под сень блистающих небес
В Обитель Эльфов, Древний Дом,
Где воздух нежен, светел лес,
Где Ильмарин среди долин
Вздымает свой могучий склон
И неприступный Тирион
В зеркальных водах отражен.

В земле, живущей вне времен,
Старинных саг чеканный строй
Ему звучал, и песнь лилась
Под звуки арфы золотой;
И в белоснежное шитье
Он был одет; и семь огней

Ему светили на пути
В стране, где нет теченья дней.
Он был допущен в тайный мир,
В котором вечен юный свет,
Где первый, Истинный король
Владычествует с давних лет.
Там услыхал Эарендил
Слова, запретные иным;
Виденья Эльфов и Людей
Прошли чредою перед ним.

Но срок настал, и новый челн
В дар получил Эарендил.
Избрали Эльфы для него
Хрусталь эльфийский и мифрил;
Его венчал живой огонь,
Огонь бессмертный — Сильмарилл,
Подарок светлой Элберет;
Ему служила пара крыл,
Что заменяла паруса;
Эарендил был вознесен
Для новых странствий без границ
На безграничный небосклон.

На легкокрылом корабле
Взлетев над Вечною Страной,
Он устремился в дальний край
Вослед за Солнцем и Луной.
На грани мира свой корабль
Направил он во тьме ночной
В обратный путь, в знакомый мир,
К родной земле, спеша домой.

Он мчался над туманной мглой
Звездой, блуждающим огнем —
Предвестьем Солнца, в серый мир
Спешащего с грядущим днем.
Над Среднеземьем задержал
Эарендил поспешный бег;
Он чутким слухом уловил
Стенанья тех, кто в давний век
Погиб — и дев эльфийских плач,
И жен людских… То Рок взывал
К нему — остаться в небесах.
Эарендил навеки стал
Для всех затерянных во тьме
Звездой, летящей в вышине,

Живым огнем, проводником
К Священной Западной Стране.

Голос, читавший балладу, смолк. Фродо открыл глаза и увидел Бильбо, сидящего все на том же табурете, в кругу улыбающихся и аплодирующих слушателей.

— А теперь хорошо бы послушать еще раз, — предложил один из эльфов.

Бильбо встал и с достоинством поклонился.

— Я весьма польщен, Линдир, — произнес он, — но не обессудь, это слишком утомительно, уж очень длинно получилось.

— Утомительно? Это для тебя-то, дорогой Бильбо? — послышались со всех сторон голоса. — Да ведь всем известно, собственные стихи ты никогда не устаешь читать!

— Ты ставишь нас в трудное положение. С первого раза мы твою загадку не разгадаем.

— Что я слышу? — в притворном негодовании вскричал Бильбо. — Эльфам не отличить стихи Бильбо от стихов Дунадана? Ни в жизнь не поверю!

— Что поделать, — ответил тот же эльф, который предлагал прочесть балладу еще раз, — нам вообще не просто отличить одного смертного

от другого.

— Чепуха, Линдир, — фыркнул Бильбо. — Если уж вы не замечаете разницы между человеком и хоббитом, чего же стоит ваше мнение о поэзии? Да наши стихи похожи друг на друга не больше, чем яблоко на горох.

— Я и не спорю, — засмеялся Линдир. — Конечно, овца овцу в стаде всегда отличит, да и пастух, наверное, тоже. Но ты уж прости: мы никогда специально не присматривались к смертным, у нас хватало своих забот.

— Ладно, — Бильбо примирительным жестом поднял руки, — пусть будет по-твоему. Только второй раз я читать не буду.

Он встал и отошел к Фродо.

— Уф, отделался, — тихонько произнес он. — Получилось даже лучше, чем я ожидал. Они не часто просят меня повторить что-нибудь. А тебе как?

— Я-то уж точно не угадаю, — улыбнулся Фродо.

— А я тебя и не прошу. Баллада-то вся моя. Арагорн только про зеленый камень добавил. Ему это почему-то важно показалось. По мне — так не обязательно. Но он-то говорит, что если уж я набрался нахальства в Доме Элронда читать

балладу об Эарендиле собственного сочинения, то я и про зеленый камень понимать должен. Что ж, может, он и прав.

— На мой взгляд, — промолвил Фродо, — там всего хватает. Я вряд ли сумею толком объяснить: видишь ли, когда ты начал читать, я, э-э, ну, спал, короче. И вот мне показалось, что баллада — как будто прямое продолжение моего сна. Я так почти до самого конца и не понял, что это твой голос.

— Я знаю, — кивнул Бильбо, — поначалу в этом зале не задремать трудно. Привычка нужна. У хоббитов такого аппетита к музыке, как у эльфов, не встретишь. И к поэзии тоже. Для них они чуть ли не важнее еды. — Он оглядел зал. — Знаешь, это еще надолго, как ты думаешь, не улизнуть ли нам потихоньку да поговорить спокойно, а?

— А они не обидятся? — засомневался Фродо.

— Так ведь не дела, веселье, — махнул рукой Бильбо. — Приходи, уходи когда хочешь, только не мешай.

Они встали и вдоль стены начали потихонечку пробираться к двери. Сэма, безмятежно спящего со счастливой улыбкой на лице, решили не трогать. Фродо, конечно, рад был побыть вдвоем с Бильбо, и все же, покидая Каминный Зал, он испытывал сожаление. Уже на пороге их догнал

одинокий чистый голос певца.

А Элберет Гилтониэль,
Силиврен пенна мириэль
О менел аглар эленат!
На-кайред палан-дириэль
О галадреммин эннорат,
Фануилос, ле линнатон
Неф айар, си неф айарон!

Фродо обернулся. Владыка Элронд сидел в кресле, и по лицу его, словно солнечные лучи по кроне дерева, перебегали отсветы огня. Рядом сидела Арвен. Возле ее плеча хоббит с удивлением заметил склонившегося Арагорна. Плащ Дунадана был откинут, под ним серебрилась эльфийская кольчуга, а на груди сияла многолучевая звезда. Они тихо разговаривали, а потом… Фродо показалось, что Арвен взглянула прямо ему в глаза, и лучистый взор эльфийской девы тепло толкнул хоббита в сердце.

Зачарованный этим взглядом и чистыми звуками эльфийской песни, сливавшимися с дивной музыкой в самоцветный водопад, Фродо стоял на пороге, не в силах пошевелиться.

— Пойдем! — Бильбо потянул его за рукав. —

Это «Песня к Элберет». Потом пойдут другие песни Благословенного Края, а потом еще раз, все сначала. Идем же!

Он привел Фродо к себе в комнату. Окна ее выходили в сад, а дальше раскинулась в ночи спящая пойма Бруинена. Они сидели у окна, глядели на звезды над зубчатой стеной леса по дальним холмам и негромко разговаривали. Теперь их не занимали больше ни мелочи Хоббитона, ни обступившие со всех сторон опасности, а только эльфы, звезды, деревья и леса, уходившие к осени в своем торжественном и печальном убранстве.

Через некоторое время в дверь постучали.

— Прощения просим, — сказал Сэм, просовывая голову в комнату, — я подумал, не нужно ли вам чего?

— Да уж и ты меня прости, Сэм, — ответил Бильбо, — я и сам знаю, твоему хозяину спать пора.

— Ну, вроде бы как там Совет завтра спозаранку, я слыхал, — смутился Сэм, — а он ведь сегодня первый раз встал-то.

— Правильно, — рассмеялся Бильбо. — Можешь сбегать, сказать Гэндальфу, мол, сейчас спать идут. Доброй ночи, Фродо! Я рад увидеть тебя снова. Все-таки для хорошего настоящего разговора лучше хоббитов народа не придумаешь. Я,

наверное, старым становлюсь, вот гадаю все: доведется ли увидеть, чем кончатся твои главы этой истории. Доброй ночи! Я прогуляюсь, пожалуй, погляжу еще на звезды, на Элберет. Спи хорошо!

Глава II
Совет у Элронда

Утром Фродо проснулся рано, чувствуя себя совершенно здоровым и выспавшимся. Поднимавшееся из-за далеких гор нежаркое осеннее солнце застало его уже на террасах над говорливым Бруиненом; тончайший жемчужный туман висел над рекой, пожелтевшие листья мерцали росой, а в воздухе плыли тонкие колышущиеся паутинки. Сэм молча шагал рядом с Фродо, шумно принюхивался и поминутно ошалевшими от восторга глазами возвращался к величественным горным вершинам на востоке, коронованным снежными шапками.

За поворотом тропы, на уютно врезанной в склон каменной скамье, они увидели погружен-

ных в неспешную беседу Бильбо и Гэндальфа.

— Доброе утро, путешественники! — приветствовал их Бильбо. — Ну как, готовы к великим разговорам?

— Я теперь ко всему готов, — ответил Фродо. — Но, по чести, я бы сегодня весь день лазил по окрестностям. Хорошо бы добраться во-он до того соснового бора наверху. — Он показал рукой.

Гэндальф рассеянно взглянул и озабоченно произнес:

— Может, попозже случай и представится, а сейчас не будем загадывать. Сегодня нам предстоит о многом услышать и многое решить.

Они все еще разговаривали, когда в воздухе разлил чистый звон одинокий колокол.

— О! Это — на Совет, — поднял брови Гэндальф. — Надо идти. Вы оба приглашены. — И он, молодо вскочив на ноги, широко зашагал к Дому.

Фродо и Бильбо поспешили за ним, а сзади поплелся Сэм, как-то сразу почувствовавший себя неприкаянным.

Возле ротонды, где прошлым вечером Фродо встретил друзей, он оглянулся. Долина, до краев заполненная ясным утренним светом, раскинулась перед ним. Шумел и пенился внизу Бруинен.

Пели птицы, удивительное покойное чувство безопасности лежало на всем. Фродо мельком подумал, как далеко отодвинулись сразу все треволнения бегства из Шира, грозные слухи о нависающей над миром Тьме; казалось, все это привиделось ему в плохом сне. Но когда он вслед за магом вошел в зал Совета, лица собравшихся, повернувшиеся к ним, были серьезны, если не сказать — мрачны.

Фродо, обежав глазами зал, заметил Элронда, Глорфиндейла, Глоина, увидел в дальнем углу одиноко сидящего Колоброда, снова в походном плаще и старых сапогах. Элронд пригласил хоббита сесть рядом с собой и представил остальным.

— Вот, друзья мои, хоббит Фродо, сын Дрого. Немногим выпала столь опасная дорога в Дольн, и мало кто спешил сюда с более серьезным делом.

Потом Элронд назвал Фродо тех, с кем он еще не успел познакомиться. Молодой гном рядом с Глоином оказался его сыном Гимли. В зале находилось несколько здешних эльфийских советников во главе с Эрестором, рядом сидел прибывший из Серебристых Гаваней с поручением от Кирдэна Корабела эльф Гэлдор. Фродо обратил внимание на другого эльфа, в зеленом с коричневым наряде. Это был Леголас, сын

Владыки Трандуила, Короля эльфов Северного Сумеречья. А чуть поодаль от него расположился высокий статный человек благородного вида, темноволосый и сероглазый. Он обводил зал взглядом суровым и гордым. Дорожный его наряд отличался богатством, но изрядно выгорел и пришел в некоторое небрежение — видно, владелец его проделал немалый путь. Человек носил на груди серебряную цепь с единственным белым камнем. Большой рог, оправленный серебром, лежал у него на коленях. Фродо заметил, с каким неподдельным изумлением воззрился на них этот решительный воин.

Элронд повернулся к магу.

— Вот Боромир, — назвал он человека, — явившийся с юга нынче утром за советом. Я просил его присутствовать, ибо сегодня он услышит ответы на свои вопросы.

Многое обсуждалось на Совете. Вовсе не обязательно пересказывать все это здесь. Среди прочего, касались положения на юге, с которым Фродо в общих чертах был уже знаком по слухам, а вот рассказ Глоина по-настоящему заинтересовал его. Оказалось, что творцы великолепия Одинокой Горы немало встревожены.

— Вот уже много лет, — степенно говорил Гло-

ин, — как нам нет покоя. Сначала и не понять было, какая такая забота застряла у нас в сердцах, как соринка в глазу. По углам шептались, что вот-де, засиделись гномы в этой норе, а настоящее богатство и великолепие ждет в широком мире. Часто вспоминали Морию — великое творение наших отцов. Казад Дум называлось это царство; некоторые призывали вернуться туда, ибо гномы достаточно сильны, чтобы отвоевать его снова.

Глоин вздохнул.

— Мория, Мория! Диво Северного мира! Когда-то гномы слишком углубились в ее недра и ненароком пробудили безымянный Страх, таившийся в подгорных безднах. Давно заброшены обширные чертоги, поспешно покинутые детьми Дарина. Но вот о них снова заговорили, кто с вожделением, кто со страхом. Немало королей восходило на престол гномов с тех пор, но один лишь Трор отважился переступить порог Казад Дума и сгинул навеки. И вот Балин, распаленный разговорами, упросил государя Даина отпустить его попытать счастья. С ним ушли Ори, Оин и многие другие из нашего народа.

Тому уже тридцать лет минуло. Поначалу от них приходили добрые вести. Балин проник в Морию и начал большие работы, а потом вдруг

— молчание, и за все эти тридцать лет ни словом не откликнулась Мория.

Но вот около года назад к Даину прибыл посланец, да только не из Мории, а из Мордора. Однажды ночью он подскакал к воротам и вызвал государя, поведав ему на словах о желании своего хозяина, как он сказал — Владыки Саурона Великого, предложить гномам дружбу и обещание вернуть кольца, те самые, старинные. А еще посланец расспрашивал о хоббитах: какого они рода и где обитают?

«Великому Саурону ведомо, — так он сказал, — что некогда ты знал одного из них».

Мы ничего не ответили посланцу, но встревожились. А он, понизив голос, словно пытаясь смягчить его, просипел: «В знак маленького залога большой дружбы Саурон просит помочь ему найти вора — он так и сказал — и отнять у него маленькое колечко, самое распоследнее, слабенькое колечко. Хоббит украл его. Саурону нужен сущий пустяк, простое подтверждение вашей доброй воли. Только найдите хоббита, и три древних кольца, принадлежавших гномам, вернутся к вам вместе с Морийским Царством. Дружба Саурона Великого и богатые дары — за одного паршивого хоббита или только за сведе-

ния о нем! Если откажетесь, много потеряете. Ну так как, вы отказываетесь?»

Мы, стоявшие поблизости, вздрогнули, услышав этот змеиный шип, но государь наш Даин произнес: «Я не могу дать ответ. Мне нужно обдумать твои слова».

«Думай, но не слишком долго», — предупредил посланец.

«Мое время принадлежит только мне», — ответил Даин.

«До поры», — прошипел всадник и ускакал во тьму.

Тяжкое раздумье предстояло нам. Ни голос, ни вид посланца ничего не добавили к нашим опасениям. И без того понятно, нас заманивали. Мы ведь давно знакомы с той силой, что снова правит Мордором. Она не раз предавала нас в древности. Еще дважды возвращался гонец и уходил ни с чем. В последний раз он предупредил, что вернется еще до наступления нового года за окончательным ответом.

И вот Даин послал меня, во-первых, предупредить Бильбо о том, что его разыскивает Враг; во-вторых, выяснить, зачем Саурону так понадобилось это «слабенькое», как он утверждает, колечко; и в-третьих, за советом к тебе, Владыка

Элронд, ибо Тень встает над миром снова. Мы знаем, что посланцы Мордора посетили Бранда и смутили его. Если Враг пригрозит ему войной, а она вот-вот может разразиться на его восточных рубежах, король Бранд может уступить, и тогда нашим владениям грозит большая опасность.

— Царь Даин мудро поступил, отправив тебя в Дольн, достопочтенный гном, — раздался голос Элронда. — Сегодня вы узнаете все и поймете замыслы Врага. Но выхода нет, и не только у гномов. С надеждой или без нее, вам придется противостоять Темной Стране. Но вы не одни. Ваша тревога — лишь часть забот всего Западного мира. А главная среди них — Кольцо. Нам предстоит решить, что же делать с этим распоследним колечком, с этим капризом Саурона. Вот главная причина, по которой вы все званы на Совет. Вы можете возразить мне: вас никто не звал. Но вы здесь, именно те, кто должен быть, и именно тогда, когда в этом есть настоятельнейшая необходимость. Значит, вы званы самой Судьбой, и вам предстоит решать, как отвести угрозу от всего нашего мира.

Вы услышите то, о чем до сего дня знали очень немногие. Время пришло. Но чтобы всем было понятно дальнейшее, выслушайте Историю Кольца

с начала и до сего дня. Я начну, закончат другие.

Глубоким звучным голосом Элронд повел рассказ о Сауроне и Кольцах Власти, о том, как давным-давно отковали их в начале Второй Эпохи. Отдельные фрагменты этой истории некоторые из присутствовавших знали, но весь рассказ не был известен никому, и слушали Элронда в великом внимании, страхе и удивлении.

Он начал с эльфийских кузнецов Эрегиона, друживших некогда с гномами Морийского Царства, искавших все большей и большей мудрости на пути знания, где и подстерег их Саурон. Тогда он не был отмечен ужасной внешностью, мог облекаться в разные личины, и эльфы приняли предложенную им помощь, действительно позволившую взойти на новую ступень мастерства. Саурон, вызнав многие секреты, предал эльфов Эрегиона. В пламени Огненной Горы выковал он Кольцо Всевластья, чтобы объединить и поработить магические Кольца. Но замысел не удался. Келебримбер не доверял Саурону и скрыл Три Кольца, выкованные им самим. Началась война. Весь край пришел в запустение. Тогда и закрылись Ворота Морийского Царства.

Мы не приводим здесь весь рассказ Элронда; история Кольца Всевластья приводится во мно-

гих источниках и опирается на записи самого Элронда. Она длинна, полна описаний великих и грозных свершений, но сейчас нет необходимости пересказывать ее. Хотя на Совете Элронд говорил кратко, солнце успело подойти к полудню, прежде чем он закончил.

Коснулся он и Нуменора, его возвышения и падения, говорил о возвращении в Среднеземье королей Людей, упомянул о том, как Элендил Высокий с сыновьями Исилдуром и Анарионом основали Северное и Южное Княжества в Арноре и в Гондоре, о том, как напал на них Саурон Мордорский и как создан был Последний Союз Эльфов и Людей, а в Арноре собралась великая объединенная рать Гил-Гэлада и Элендила.

Элронд замолчал и вздохнул.

— Я хорошо помню, — продолжал он, — великолепие их знамен, напоминавшее славу Древних Дней и дружины Белерианда. Множество знатных князей и доблестных вождей собрали Гил-Гэлад с Элендилом, и все-таки уже не так много, как тогда, в древности, во времена разгрома Тонгородрима и окончательной, как тогда думали эльфы, победы над Злом.

— Помнишь?! — От удивления Фродо начал думать вслух. — Но ведь… мне казалось, — он

смутился под устремленными на него взглядами, — ведь Гил-Гэлад, Элендил — это же было так давно!

— Давно, — спокойно подтвердил Элронд, — и все-таки моя память свободно проникает в Древнейшие Дни, ибо отцом моим был Эарендил, рожденный в Гондолине, а матерью — Эльвинг, дочь Диора, внучка Лучиэнь из Дориата. Перед моими глазами прошли все три эпохи Западного мира, множество жестоких сражений и множество бесплодных побед.

Я — глашатай Гил-Гэлада, я шел впереди его войска, я сражался при Дагорладе перед Черными Воротами Мордора. Мы победили тогда. Не было равных копью Гил-Гэлада Айглосу и мечу Элендила Нарсилу. На моих глазах произошел последний бой на склонах Ородруина, там погиб Гил-Гэлад, и там пал Элендил, сломав свой Нарсил, но и Саурон Темный был повержен, а Исилдур обломком отцовского меча отрубил у Врага палец с Кольцом и объявил Кольцо своим.

При этих словах вскочил Боромир.

— Вот что стало с Кольцом! — воскликнул он. — Мы не знали об этом, а то бы помнили! В Гондоре знают о Великом Кольце Неназываемого, но мы думали, оно ушло из мира, сгинуло под руинами.

Так его взял Исилдур! Вот это новость!

— Увы, — печально произнес Элронд. — Исилдур взял его, а делать этого не следовало. Следовало бы бросить его в жерло Ородруина, тут же, рядом. Но некому было образумить Исилдура. В этой последней смертельной схватке он один остался возле отца. А над погибшим Гил-Гэладом стояли только Кирдэн да я. Нас он не стал бы слушать.

«Это моя вира за отца и брата» — вот его тогдашние слова.

Кольцо осталось у Исилдура и вскоре погубило его, став для северян Проклятием Исилдура. Впрочем, как знать, не была ли смерть лучшим уделом этого отважного воина?

О том, что случилось дальше, знают только северяне. Из всего отряда Исилдура уцелело трое. Оруженосец Охтар принес обломки Нарсила в Дольн и передал наследнику Исилдура Валендилу, бывшему в то время еще ребенком. Но свет Нарсила померк и до сих пор не воссиял снова.

Да, Последний Союз победил, но, как всегда, не до конца. Саурон оказался повержен, но не уничтожен, Кольцо потеряно, но цело. Черная Крепость лежала в руинах, но руины скрывали неповрежденные корни Зла, созданного Коль-

цом, и пока Кольцо цело, целы и они. В сражениях пали величайшие из людей и эльфов: сражен Анарион, погиб Исилдур, ушли из мира великие воители Гил-Гэлад и Элендил. Это был воистину Последний Союз. Людей становится все больше, Перворожденных все меньше, трещина между двумя народами расширяется. А с тех пор как Исилдур взял Кольцо, начал клониться к закату нуменорский род. Жизнь нуменорцев становится все короче.

На севере после гибели Исилдура их почти не осталось. Прекрасный Ануминос на берегу озера Дрема разрушился и порос травой. Потомки Исилдура ушли в Форност на Северных Увалах, теперь и его следов не отыскать. Люди никогда не бывают там. Нет больше народа Арнора, в нескончаемых битвах с врагами иссякла их власть и слава, только курганы зеленеют по холмам.

Другая участь выпала Южному Княжеству Гондор. Шло время, а великолепие его только росло, и Гондор стал напоминать могуществом Нуменор во дни величия. На юге строили высокие башни, гордые крепости и прекрасные гавани. Крылатый венец Королей рода Человеческого почитался во всем Среднеземье. Столицей княжества была Звездная Цитадель, Осгилиат, надвое

рассеченный течением Андуина. К востоку от него, в отрогах Хмурых Гор, гондорцы выстроили Минас Итиль, Крепость Восходящей Луны, а к западу, у подножия Белых Гор, — Минас Анор, Крепость Заходящего Солнца. Там, во дворе Короля, росло Белое Дерево, семя которого пронес Исилдур над морскими пучинами. Прежде росло оно на дивном острове Эрессеа, а туда пришло с Заокраинного Запада, где родилось в Первый День мира.

Устал от быстро мелькавших лет Среднеземья и угас род Менельдила, сына Анариона; засохло Дерево, а нуменорская кровь перемешалась с кровью меньших Людей. Ослабла бдительность у врат Мордора, и темные твари прокрались в Горгорат и размножились. Со временем захватили они и Минас Итиль, превратив в жуткое место. С тех пор имя ему — Минас Моргул, Чародейская Крепость. Получил новое название и Минас Анор, теперь это Минас Тирит, Крепость Рубежа, и война между двумя этими твердынями нескончаема. Осгилиат разрушен, призраки бродят там меж развалин.

Все это случилось уже много человеческих поколений назад. Но Правители Минас Тирита еще не сдались, по Реке еще можно пройти от

Аргоната до Моря.

Вот, кончается вверенная мне часть истории. Верховное Кольцо исчезло во дни Исилдура, Три укрыты от Врага. Теперь и они в опасности, ибо, к великому нашему несчастью, Единственное найдено. О том, как это случилось, пусть расскажут другие.

Элронд смолк, но тут же вскочил порывистый Боромир.

— Мастер Элронд, — обратился он к Владыке Дольна, — позволь мне немного дополнить твои слова о Южном Княжестве, ибо именно Гондором послан я сюда. Полезно бы знать всем присутствующим о наших делах. Ведь только нашей доблестью до сих пор сдерживаются дикие орды Востока и ужас Мордора, это нам обязан Запад миром и свободой. Что будет, если мы не сможем удержать переправы на Андуине?

Я не зря спрашиваю, именно так скоро и может произойти. Враг, которого не называют у нас, снова поднимается. Снова курится дымом вершина Роковой Горы, которую вы зовете Ородруином. Мощь Черной Страны растет с каждым днем, мы почти окружены. Потерян Итилиен, наши исконные прекрасные земли на восточном берегу. В июне мы были разбиты. Мордор бросил против

нас вастаков и людей Харада. Мы бы устояли, но вот против нового врага, доселе неизвестного, выстоять не смогли.

Что оно? Говорят, иногда это огромный черный всадник, от одного вида которого оружие падает из рук наших воинов, а дикари просто звереют. Из Итилиена вернулась лишь горстка воинов, успев разрушить за собой последний мост Осгилиата. Я был в их числе. Спаслись четверо: мой брат и еще два воина. И все же мы держимся. Западный берег Андуина наш. Народы за нашей спиной прославляют нас, но помощи не присылают. Из всех союзников только Рохан блюдет древний договор.

В это тяжелое время пришел я в Дольн, одолев неимоверный путь. Сто дней и еще десять провел я в седле. Но я пришел просить не помощи в войне, ибо сказано: не мощью оружия силен Дольн, а мудростью. В совете нуждается Гондор, в совете и в разгадке вещих снов, вернее, одного сна, привидевшегося моему брату накануне итилиенского сражения. Брат мой видел тот же сон еще несколько раз, однажды пришел он и ко мне.

В полуночной грезе предстало передо мной предгрозовое восточное небо, оттуда непрестан-

но слышались громовые раскаты. С запада, из вечерней зари, прозвучал нам далекий, но чистый голос, отчетливо произнесший слова:

Сломанный Меч в Имладрисе искать
Отныне вам суждено.
Срок наступает — Совет созвать
Сильнее Моргульских чар.
Там будет явлен зловещий знак —
Проклятье пробуждено,
И полурослик уйдет во мрак,
Приняв на себя удар.

Мы не поняли, что это значит, и спросили отца нашего, Правителя Денетора, умудренного в знаниях. Он смог сказать только, что в древности Имладрисом звалась эльфийская долина на севере, там сохранялась в неприкосновенности мудрость Высоких Эльфов. Брат мой порывался отправиться на поиски, но, памятуя о дорожных опасностях, в путешествие, уговорив отца, отправился я. Блуждал по дорогам, ехал бездорожьем, искал Дом Элронда, о котором слышали все, но не знает никто. И вот я здесь.

— И здесь ты многое поймешь, — ответил Арагорн, вставая и кладя на стол перед Элрондом обломки своего клинка. — Вот Сломанный Меч!

— Кто ты и что тебе до Минас Тирита? — невольно отступая перед высоким Следопытом, спросил Боромир, вглядываясь в обветренное лицо.

— Он — Арагорн, сын Арахорна, — негромко прозвучал в наступившей тишине голос Элронда. — Он — Наследник Исилдура, сына Элендила из Минас Итиля. Он — вождь дунаданов-северян, тех немногих, кто остался от этого славного народа.

— Так, значит, *оно* тебе принадлежит, а не мне вовсе! — Фродо в крайнем возбуждении вскочил на ноги, держась рукой за грудь.

— Оно не может принадлежать никому из нас, — сурово остановил его Арагорн. — Судьбе угодно было на время доверить его тебе.

— Достань Кольцо, Фродо, — повелительно произнес Гэндальф. — Пришло время. Подними, подними выше, пусть посмотрит Боромир и поймет смысл видения.

По залу пробежал ропот, вслед за тем воцарилось молчание. Все взгляды обратились к Фродо. Страх и еще почему-то стыд терзали хоббита. Ему ужасно не хотелось не только доставать Кольцо, но даже прикасаться к нему, а захотелось, наоборот, оказаться за тысячу миль отсюда. И все-таки он нашел в себе силы и дрожащей рукой поднял неимоверно тяжелое, сияющее Кольцо.

— Перед вами — Проклятие Исилдура! — гулко раскатились под сводами слова Элронда.

Боромир пожирал глазами страшный золотой символ.

— Полуросли к… — растерянно пробормотал он. — Значит, пробил час Минас Тирита! Но тогда к чему нам Сломанный Меч?

— В предсказании говорится о сроке, а не о часе, — резко поправил его Арагорн. — Но час действительно настает, час великих свершений. Вот Меч Элендила, единственное наследие,

пронесенное через века. Ему предречено быть откованным заново, когда найдется Проклятие Исилдура. Ты отправился на поиски этого меча, чего же ты хочешь теперь? Хочешь ли ты, чтобы род Элендила вернулся в Гондор?

— Меня послали лишь для того, чтобы уяснить смысл пророчества, — гордо выпрямившись, отвечал Боромир. — Да, Гондору приходится тяжело. Меч Элендила пришелся бы нам как нельзя кстати… если, конечно, прошлое вернет его без изъяна. — Он с явным сомнением окинул взглядом фигуру Следопыта.

Фродо почувствовал, как рядом вскинулся Бильбо, оскорбленный недоверием, оказанным старому другу. Хоббит встал, приосанился и громко произнес:

В истинном золоте блеска нет;
Не каждый странник забыт;
Не каждый слабеет под гнетом лет —
Корни земля хранит.

Зола обратится огнем опять,
В сумраке луч сверкнет,
Клинок вернется на рукоять,
Корону Король обретет!

— Не ахти какие стихи, но суть передают верно. — Бильбо выглядел взъерошенным. — Если слова Элронда не убедили тебя, — он сердито ткнул пальцем в сторону Боромира, — пусть хоть это поможет. Раз уж ты ехал сто дней и еще десять, лучше прислушаться к тому, что тебе говорят! — Хоббит фыркнул и сел на место.

— Это мои стихи, — шепнул он Фродо. — Я их для Дунадана давным-давно сочинил, еще когда в первый раз услышал его историю. Знаешь, я, по-моему, готов совершить еще одно путешествие с ним вместе, когда придет его день.

Арагорн улыбнулся и кивнул Бильбо, а потом снова повернулся к Боромиру.

— Твое сомнение простительно, — мягко сказал он. — Я не очень-то похож на знакомые тебе изваяния Элендила и Исилдура, стоящие в залах Денетора. Я только потомок, а отнюдь не сам Исилдур. Жизнь я прожил долгую и нелегкую, а твой путь из Гондора до Дольна — малая толика моих дорог. Мне пришлось пересечь немало гор и рек, я видел дальние страны, где даже рисунок звезд в небе иной, чем здесь. Но дом мой, уж какой есть, на севере. Род Валендила не прерывался, Меч всегда переходил из рук в руки, хоть нас и становится все меньше. Да, мы — Скитальцы из

Пустоземья, следопыты и охотники, только дичь у нас особая — вражьи прислужники; их и за пределами Мордора хватает.

Ты говорил о крепости, принимающей на себя удары Врага, наша задача в ином. На свете немало зла, для которого ничто крепостные стены и острые мечи. Много вы знаете о мире за границами Гондора? Там свобода, ты говоришь? Так вот, ее бы там и в помине не было, если бы не мы, северяне. Когда темные твари, которых ты и в кошмаре не видывал, вылезают из-под холмов, из темных лесов, не свобода, а страх царит на равнинах. И тогда на их пути встаем мы. Кто мог бы безопасно пользоваться дорогами, кто мог бы спокойно спать в мирных краях Среднеземья, если бы северяне-дунаданы оставили свою неусыпную службу, если бы покинули этот мир?

Ты говоришь, вас благодарят, но не помогают? Нам не перепадает и этого. Путники косятся, встретив на дорогах, селяне изощряются, выдумывая для нас прозвища. Один толстый трактирщик прозвал меня Колоброд ом, а между прочим, живет он в одном дне пути от таких чудищ, что увидишь только — обомрешь, а если оно наведается к нему в гости, от деревни и труб не останется. Но он спит себе преспокойно, потому

что не спим мы. А по-другому и быть не может. Пусть простой фермер живет, не зная страха, я и мой народ все сделаем, чтобы он жил так и дальше. Для этого храним мы свои тайны, в этом видим свое назначение, покуда зеленеет трава.

Но вот снова меняется мир. Настает новый час. Проклятье Исилдура нашлось. Война — в двух шагах. А значит, Меч мой будет откован заново, значит, я приду в Минас Тирит!

— Вы все говорите о Проклятии Исилдура, — прищурился Боромир, — а я видел только золотое колечко в лапке полуослика. Исилдур сгинул, когда наша Эпоха еще не начиналась. Откуда же узнали Мудрые, что это — Кольцо Исилдура? Как прошло оно сквозь годы, почему принесено сюда таким странным хранителем?

— Ты услышишь и об этом сегодня, — произнес Элронд.

— Но ведь не сейчас же, Мастер! — воскликнул Бильбо. — Посмотри, дело уже к полудню, надо же и подкрепиться, в конце концов.

— Я тебя не называл, — улыбнулся Элронд, — ты сам вызвался. Вот и начинай. Выкладывай свою историю. А если ты успел переложить ее на стихи, ох не скоро придется тебе подкрепляться.

— Ладно, — неожиданно покладисто согласил-

ся Бильбо, — сделаю, как просишь. Но теперь вы услышите *настоящую* историю, а если кто слыхал другую, может, даже и от меня, — хоббит покосился на Глоина, — забудьте и простите. Очень уж мне в те поры хотелось отделаться от воровской репутации. Теперь-то я многое понимаю… Ладно. Вот как это было.

Для многих из присутствующих на Совете история Бильбо была внове, они изумленно слушали старого хоббита, обстоятельно, без всяких прикрас описывавшего свое Приключение. Дойдя до встречи с Горлумом, он не ограничился одной загадкой, а привел их все, в том порядке, в каком они загадывались. Бильбо как раз собирался перейти к подробностям Праздника и своего исчезновения из Шира, но тут Элронд остановил его.

— Хорошо сказано, друг мой. Пока этого достаточно. Главное мы услышали и теперь знаем, как Кольцо оказалось у Фродо. Теперь его очередь.

Фродо с неохотой встал и не очень живо принялся рассказывать историю Кольца с тех пор, как оно перешло к нему на хранение. Бильбо вопросов не задавали, а вот путешествие хоббитов из Шира до Бруиненского Брода обсуждалось во всех деталях. Особенно подробно расспрашивали

о Черных Всадниках.

— Неплохо, неплохо, — похвалил Бильбо, когда Фродо наконец сел. — Если бы тебя не прерывали все время, отличный рассказ получился бы. Я кое-что записал, мы потом должны просмотреть это вдвоем, хватит на несколько глав.

— По-моему, на целую повесть, — усмехнулся Фродо. — Да только ведь история не закончена, неполная она. В ней многого не хватает, особенно про Гэндальфа…

Последние слова хоббита услышал сидевший рядом Гэлдор из Серебристых Гаваней.

— Вот и мне так кажется! — воскликнул он и, встав, обратился к Элронду: — По-видимому, у Мудрых есть причины считать находку полурослика тем самым великим Кольцом, о котором было столько разговоров. Но то — Мудрые. А мы? Неужели нет других доказательств? И еще, я хотел бы спросить, почему среди нас нет Сарумана? Он много знает о Кольцах, его совет был бы как нельзя кстати.

— На самом деле, Гэлдор, это один вопрос, — сказал Элронд. — Есть и на него ответ. Но об этом пусть говорит Гэндальф. Ему принадлежит почетное последнее слово, ибо в новой истории Кольца главная заслуга его.

— Ты хочешь доказательств, Гэлдор, — задумчиво начал маг, — но для многих хватило бы рассказанного здесь Глоином, особенно если не упускать из виду, как выслеживали Фродо. Уже отсюда ясно, какую ценность представляет для Врага наше кольцо. Давай считать. Девять — у Назгулов. Семь — либо у Врага, либо уничтожены.

При этих словах Глоин беспокойно шевельнулся.

— О Трех мы знаем, — продолжал маг. — Какого же недостает? Да, между Рекой и пещерой лежит пустыня времени, потеря на первый взгляд не очень-то связана с находкой. Но этот провал в знаниях мудрых наконец-то заполнен. Медленно заполнялся, согласен, слишком медленно, и вот Враг уже близко, ближе даже, чем я опасался. Счастье еще, что и Враг узнал обо всем недавно, не раньше этого лета.

Может быть, кто-то из вас помнит, как много лет назад мне пришлось добывать правду в Дол Гулдуре. Я был там, я видел Чародея, вызнал о нем многое и убедился: опасения наши справедливы. В Дол Гулдуре скрывался Саурон, наш древний Враг, снова принявший зримый облик и набиравший силу. Может, кто-то даже помнит,

как отговаривал нас Саруман от немедленных действий и преуспел. Мы долго наблюдали. Мы дали разрастись Тени, и только тогда Саруман согласился, Совет принял решение, против Чародея были брошены все наши силы, и Сумеречье освободилось от Зла. Как раз в тот самый год, когда нашлось Кольцо. Не правда ли, любопытное совпадение? Если совпадение вообще…

Как и предупреждал тогда Владыка Элронд, мы опоздали. Саурон тоже наблюдал за нами, он хорошо приготовился к отражению удара. Он управлял Мордором, отправив Девятерых в Минас Моргул. А когда там все было подготовлено, мы выступили, он разыграл паническое бегство и тут же оказался в своей исконной Черной Крепости, после чего не скрывался уже. Снова созван был Совет. Мы знали, как стремится он заполучить свое Единственное Кольцо, знали и опасались, нет ли у Врага каких-либо новостей о нем, нам неизвестных. Но Саруман веско сказал: «Нет», — и повторил то, что говорил и раньше: «Единственное никогда больше не объявится в Среднеземье».

Враг знает, говорил Саруман, что у нас Кольца нет. Он надеется найти его, но надеждам не суждено сбыться. Нам нечего бояться. Я недаром

много лет посвятил изучению Колец. Саурон покинул мир живых, а тем временем Великий Андуин унес Кольцо в Море. Там оно и пребудет до Конца. Так говорил Саруман.

Гэндальф замолчал и перевел взгляд на далекие пики Мглистых Гор, у корней которых так долго таилась беда. Он вздохнул.

— Меня успокоили слова Сарумана Мудрого, в том самая большая моя ошибка. Я мог бы раньше отправиться на поиски истины, тогда сейчас нам не грозила бы столь великая опасность.

— Мы все ошибались, — печально произнес Элронд. — Если бы не твоя бдительность, Тьма уже поглотила бы нас. Но продолжай, прошу тебя.

— А ведь сердце мое чувствовало беду, — снова заговорил Гэндальф. — Меня весьма интересовало, как Горлум добыл «свою прелесть» и давно ли владеет ею. Я был уверен: он вылезет из подземелья и отправится на поиски сокровища. Я не хотел пропустить этот момент. И он вылез-таки, но улизнул от моих наблюдателей и — как в воду канул! И я, я оставил все как есть! Я опять ждал и наблюдал, мы ведь только этим и занимались долгие годы.

Конечно, хватало и других забот. Но прошло

время, и мои опасения вспыхнули с новой силой. Откуда взялось хоббичье кольцо? И что с ним делать, если я вдруг окажусь прав в своих самых худших предположениях? Эти вопросы требовали ответа. Я по-прежнему скрывал свои подозрения, опасаясь заговорить о них раньше времени. Осторожности нас научили бесконечные войны с Врагом, в которых главным оружием всегда оказывалось предательство.

Семнадцать лет назад это было. Но тут — новая напасть! У границ Шира вдруг объявилось множество лазутчиков Врага — зверей, птиц, прочих тварей. Мои страхи начали расти… Я обратился за помощью к дунаданам, они удвоили дозоры, а я открыл то, что камнем лежало у меня на сердце, Арагорну.

— Тогда я предложил отловить Горлума, — подал с места голос Арагорн, — хотя времени прошло уже немало. Труд предстоял нелегкий, но кому же, как не Наследнику Исилдура исправлять ошибку великого предка? Мы с Гэндальфом отправились на долгую охоту.

Маг рассказал, как они обшарили все Дикие Земли от Хмурых Гор до Ворот Мордора.

— Там мы впервые обнаружили слабые следы этого негодника. Выходило так, что он долго жил

в Темных Холмах, но теперь его там не было. Я потерял терпение, а вслед за ним и надежду. И вот тогда мне подумалось: а не проверить ли само Кольцо? Не выдаст ли оно само себя? И в памяти моей отчетливо прозвучали слова Сарумана на одном давнем Совете, которым я тогда не придал значения. Девять, Семь и Три, говорил Саруман, украшены каждое своим камнем. Единственное — нет. Оно простое, круглое и гладкое, словно какое-нибудь из меньших колец, но тайные знаки, покрывающие Одно, отличают его от прочих. Мудрый сможет прочесть надпись.

Он не сказал, что написано на Кольце. Кто мог знать об этом? Знал Саурон, сделавший Кольцо. А Саруман? Он многое узнал о Кольцах, но откуда? Чья рука, кроме Темной Длани, касалась Кольца? Только рука Исилдура.

Здесь я оставил поиски Горлума и поспешил в Гондор. Когда-то там хорошо относились к членам нашего Ордена. Саруман часто бывал там и подолгу гостил у Правителей Города. Но Денетор встретил меня куда менее любезно и без всякой охоты допустил в книгохранилище.

«Если тебе и вправду нужны предания Древних Дней, относящиеся к основанию Города, — с некоторым пренебрежением сказал он тогда, — ну что

ж, читай. Былое — здесь. Мне это не нужно. Моя забота — грядущее. Здесь долго корпел Саруман, если ты не способней его, то ничего нового не найдешь. Я сам — Мастер в этом знании и о своем Городе знаю все». Так сказал Правитель Денетор.

А на поверку вышло другое. В книгохранилище нашлось немало записей, которых не прочесть хоть трижды мастеру. Люди перестали понимать языки и знаки, бывшие до них. Да, да, Боромир, в хранилище Минас Тирита и сейчас лежит манускрипт, который, как я полагаю, после гибели последнего Короля не читал никто, кроме нас с Саруманом. Написан он рукой Исилдура. Он ведь не сразу покинул Город, как утверждают предания.

— Северные предания, — поправил Боромир. — Мы-то знаем, что после войны Исилдур жил в Минас Аноре у племянника, Менельдила. Он готовил его к правлению Южным Княжеством. Тогда же он посадил в память о брате последнее семечко Белого Дерева.

— И оставил свиток, — заметил маг. — Вот об этом-то в Гондоре забыли. А между прочим, свиток прямо касается истории Кольца. Я перевел запись. Вот она:

«Великое Кольцо станет отныне родовой дра-

гоценностью Северного Княжества, а запись о нем останется в Гондоре, ибо и здесь обитают наследники Элендила. Я сделал эту запись, дабы не исчезла память о великих делах».

Маг оглядел собравшихся и продолжал:

— Дальше Исилдур описывает Кольцо таким, каким оно попало в его руки.

«Оно было горячим, когда я впервые взял его, горячим, как горящий уголь. Оно обожгло мне руку, и я сомневаюсь, что боль от ожога покинет меня когда-нибудь. Сейчас, когда я пишу, оно все еще остывает и умаляется, но ни формы, ни красоты не теряет. Уже письмена, горевшие поначалу так ярко, тускнеют на глазах и едва различимы. Они напоминают руническое письмо Эрегиона, в мордорском языке нет знаков для такой тонкой работы. Но я не могу понять надпись. Полагаю, это язык Черной Страны. Он зол и груб. Я не знаю, какое злодейство таит надпись, но пока знаки не исчезли, сниму с них копию. Верно, Кольцо хранит жар руки Врага, и хоть черна его длань, Кольцо сияет, как огонь. Может статься, если нагреть Кольцо, знаки снова проступят на нем. Но я не могу заставить себя причинить вред этому единственно прекрасному из всех трудов

Саурона. Это — мое сокровище, хоть я и заплатил за него великой болью».

— Теперь я знал, зачем отправился в Минас Тирит, — продолжал Гэндальф. — Как и предполагал Исилдур, надпись была сделана на языке Мордора. О том, что означают письмена, нам было известно и раньше. В тот миг, когда Враг впервые надел Кольцо, славный Келебримбер, создатель Трех чистых, наблюдал за Врагом и услышал зловещие слова. Так открылся коварный замысел.

Я покинул Денетора и в пути на север получил вести из Лориена. Арагорн изловил Горлума. Конечно, я поспешил ему навстречу. Как рисковал он в этой смертельно опасной охоте, я и предположить не могу.

— Что говорить о том, — заметил Арагорн. — Когда человек бродит у Черных Ворот, когда пробирается меж траурных цветов моргульской долины, то не рассчитывает на приятную прогулку. Откровенно говоря, и я решил бросить эту затею, даже повернул к дому, но тут мне повезло наконец: возле мутноватого озерка в грязи четко отпечатались следы, свежие, совсем свежие, и торопливые. Вели они со стороны Мордора, вдоль окраины Гиблых Болот. И вот там, на берегу бо-

чажка, я обрел свое «сокровище». Оно пялилось в воду, видно, промышляло пропитание. Когда темный сумрак пал на землю, я поймал Горлума. Он был весь в какой-то зеленой слизи и кусался, как хорек. Вряд ли он питает ко мне теплые чувства, мне пришлось обойтись с ним жестко. Там, на месте, мне от него ничего не удалось получить, кроме нескольких укусов. Обратная дорога была сплошным кошмаром. Днем и ночью я не спускал с него глаз и гнал впереди себя с веревкой на шее и кляпом во рту и в конце концов приволок в Сумеречье и сдал эльфам. Не скажу, что расставался с ним в слезах. Запах от него исходил довольно смрадный. Однако разлуки у нас не получилось. Подоспел Гэндальф, и я восхитился его терпению: ведь его хватило на долгую беседу с этой дрянью.

— Да, беседа была долгой и утомительной, — вспомнил Гэндальф. — Но очень полезной. С одной стороны, его версия «кражи» соответствовала той истории, которую нам поведал сегодня Бильбо, но здесь для меня было мало ценного. Я и раньше догадывался о том, как было на самом деле. Но, с другой стороны, я впервые услышал, как Кольцо вернулось со дна Великой Реки там, в низинах Оболони. А еще я узнал, как долго оно хранилось у Горлума — много поколений

сменилось за это время среди его соотечественников! Сила Кольца продлила его годы далеко за отпущенный срок, а такое во власти только Великих Колец.

Вот, Гэлдор, мои доказательства. А если их недостаточно, есть еще одна проверка. Вы видели Кольцо, Фродо его показывал. Оно круглое, без украшений, но тайные письмена, о которых говорил Исилдур, еще можно прочесть. Для этого кто-нибудь должен был отважиться нагреть Кольцо. Я сделал это. Вот надпись на Кольце.

Голос мага поразительно изменился. В нем звучала грубая тяжкая мощь, когда он прочел:

Аш назг дурбатулук, аш назг гимбатул,

Аш назг тракатулук аг бурзум иши кримпатул!

Словно тень замглила ясное солнце. В зале на миг потемнело. Все вздрогнули, а эльфы прижали ладони к ушам.

— Никто не осмеливался до сей поры вещать в Имладрисе на этом языке, Гэндальф Серый, — сурово проговорил Элронд.

Тень исчезла, и собравшиеся смогли перевести дух.

— И я надеюсь, никто не осмелится больше, — ответил Гэндальф. — Я не прошу у тебя прощения, Мастер Элронд. Либо этот язык зазвучит скоро в каждом уголке Запада, либо мы признаем наконец — перед нами сокровище Врага, в нем скрыта вражья злоба и заключена древняя вражья мощь. В те черные годы слова эти прозвучали впервые, и кузнецы Эрегиона поняли, что преданы.

Чтобы всех отыскать, воедино созвать
И единою черною волей сковать…

Я еще немало узнал от Горлума. Разговорчивым его не назовешь, да и рассказчик из него неважный, но в одном можно не сомневаться: он был в Мордоре, и там из него вытрясли все. Враг знает о возвращении Единственного, знает о том, что оно долго хранилось в Шире, а раз его слуги шли за Кольцом почти до этих дверей, скоро узнает, что оно у нас.

Некоторое время все молчали. Потом заговорил Боромир.

— Так ты говоришь, этот Горлум — маленькая тварь, но большой прохвост? Что же вы сделали с ним?

— Его держат в заключении, чего же еще? — пожал плечами Арагорн. — Ему здорово досталось.

В Мордоре его пытали, черный страх перед Сауроном до сих пор окутывает его сердце. Мне довольно того, что за ним присматривают эльфы Сумеречья. Он очень озлоблен, злоба дает ему силы, какие трудно предположить в столь тщедушном теле. Не сомневаюсь, будь он на свободе, вреда принес бы немало. Ясно же, что из Ворот Мордора он вышел с согласия Врага, а значит — с черной целью.

— Увы! — неожиданно вскричал Леголас, и странно было видеть на прекрасном эльфийском лице горестное выражение. — Пришло время сказать и мне о порученном. Я принес недобрые вести, но только сейчас понял, насколько они злы. Смеагорл, которого здесь называют Горлумом, бежал!

— Как — бежал? — вскочил на ноги Арагорн. — Вот уж действительно дурные вести. Как бы нам всем не пришлось горько пожалеть об этом. Но скажи, как случилось, что народ Трандуила не справился с порученным ему делом?

— Часовые здесь ни при чем, — отвечал эльф. — Может быть, виною наше мягкосердечие. Пленному помогли бежать. А это значит, что о наших делах Врагу известно больше, чем нам хотелось бы. День и ночь, как просил Гэндальф, мы

охраняли эту тварь — удовольствие маленькое. Гэндальф надеялся со временем излечить Горлума, и у нас не хватило духу держать его все время в темнице…

— Со мной вы так не нежничали! — фыркнул Глоин, припомнив свое заключение в подземельях Трандуила.

— Я тебя прошу, мой добрый Глоин, — Гэндальф проникновенно прижал руки к груди, — сейчас не время вспоминать старые обиды. Это досадное недоразумение давно исправлено. Если мы возьмемся разбирать старые распри, Совет можно закрывать.

Глоин встал и поклонился. Леголас продолжал.

— Мы выводили Горлума в лес. Он облюбовал одинокое дерево и все время проводил на вершине, на ветерке. Большой беды в том никто не видел, ведь под деревом стояла стража. Однажды он раскапризничался и отказался спускаться. Никому и в голову не пришло лезть за ним. Он, бывало, так цеплялся за ветки, что и не оторвешь. Охрана просто осталась под деревом на ночь.

А ночью напали орки. Их было много и самых свирепых. Это были горные орки, что само по себе странно, к лесу непривычные, их, конечно, отогнали, но Горлум исчез, а стража под деревом

частью оказалась перебита, частью — захвачена в плен. Тогда-то мы и поняли, в чем цель этой нелепой вылазки, а Горлум, похоже, знал о ней заранее. Мы не знаем, как именно, но его предупредили. Он хитрый, а вражьих шпионов развелось в лесу видимо-невидимо. Даже темные твари, изгнанные в Последний Год Дракона, стали возвращаться. Сумеречье, кроме северной части, вновь превращается в гиблое место.

Конечно, мы пошли по следам. Но они вели к Дол Гулдуру, а эльфам там делать нечего.

— И он ушел, — подвел итог Гэндальф. — Ладно. Не ловить же его снова. Пусть делает что хочет. Видно, есть в этом какой-то промысел, и Горлум сыграет свою роль в свое время, только вряд ли Саурон или он сам догадываются, какой она будет.

Теперь я могу ответить на последний вопрос Гэлдора: где Саруман Белый? Что присоветует он в этой нелегкой ситуации? Мне придется занять ваше внимание подробным рассказом, он того стоит. До сей поры мы говорили об этом только с Элрондом. Думаю, это пока последняя глава в истории Кольца.

— В конце июня я был в Шире, — начал повествование маг. — Меня снедала тревога, и

источник ее был на юге. Я и отправился туда, как будто специально навстречу вестям о войне в Гондоре. Слухи о Черной Тени словно ножом полоснули мне по сердцу. Несколько беглецов с юга, встреченных мной, были так напуганы, что ничего толком не смогли рассказать. Я повернул на северо-восток и по Зеленопутью направился в Брыль. В дороге я повстречал Радагаста Бурого, эльфы Трандуила должны знать его, одно время он был их соседом. Радагаст из нашего Ордена, но я лет сто его не видел. Тем более удивительно мне было, когда он окликнул меня.

— Гэндальф! А я тебя ищу! В этой глухомани и расспросить толком некого. Мне сказали, что тебя можно отыскать в какой-то деревне, не то Шир, не то Пыр…

— Верно сказали, — ответил я. — Ты только местным так не говори. Шир — не деревня, а страна, хоть и небольшая, а ты сидишь на самой границе. Но это — к слову. Что за дело погнало тебя в дорогу? Видно, важное, ты ведь не очень-то расположен к путешествиям?

— У меня к тебе поручение, — отвечал он, — и куча плохих новостей. — Потом огляделся, словно рассчитывая заметить под кустом посторонние уши, и прошептал: — Назгулы! Все Девять. Пе-

ресекли Реку и движутся на Запад. Выглядят черными всадниками.

Вот тут я и понял наконец, что за тревога не оставляла меня. А Радагаст тем временем продолжал:

— У Врага, видно, какая-то большая забота здесь, иначе зачем бы Девяти соваться в такую дыру.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Мне было сказано, что Девять повсюду расспрашивают о каком-то Шире…

Признаюсь, сердце у меня упало. Даже Мудрым небезопасно встречаться с назгулами, когда они все вместе, во главе с Предводителем. В древности это был великий король и великий чародей, а теперь его оружие — смертный ужас.

— Кто послал тебя? — поинтересовался я.

— Саруман Белый, — ответил Радагаст. — Он еще просил передать, коли тебе нужна его помощь — он готов, но тогда тебе придется поспешить, а то как бы поздно не было.

Я обрадовался. Саруман Белый — мудрейший среди нас. Радагаст и сам великий маг, мастер форм и цвета, кроме того, он знает все о травах и животных, а птицы, те просто его друзья. Но Саруман эпохами изучал искусство Врага, и только

благодаря ему нам удавалось разгадывать ходы Темного Владыки. Именно Саруман разработал план нападения на Дол Гулдур. Может статься, подумал я тогда, ему известен способ загнать обратно Девятерых.

— Я отправляюсь к нему, — сказал я Радагасту.

— Поспеши, — посоветовал он. — Я много времени потратил, разыскивая тебя, а дни бегут быстро. Мне было велено найти тебя не позднее середины лета, она как раз и наступила. Даже если ты отправишься сию секунду, вряд ли опередишь Девятерых. Они найдут страну, которую ищут. А я возвращаюсь домой. — Он вскочил на коня и готов был умчаться, но я остановил его.

— Постой, нам ведь понадобится твоя помощь, нам понадобится вообще любая помощь. Предупреди зверей и птиц, они же дружны с тобой. Пусть собирают новости, пусть присмотрят за этими делами и пусть несут вести в Ортханк, мне и Саруману.

— Хорошо, — ответил Радагаст, — я сделаю, о чем ты просишь. — И он умчался так, словно все Девять гнались за ним.

В этот день мы с конем сильно устали. К тому же надо было обдумать все спокойно. Я заночевал в Брыле. В Шир возвращаться времени уже

не было, решил я, и совершил самый большой промах из всех.

Я написал Фродо и доверил передать письмо своему давнему приятелю, хозяину гостиницы, а сам уехал на рассвете. Саруман издавна поселился в Изенгарде, в отрогах Мглистых Гор, неподалеку от Гривы Рохана. Боромир должен знать эту огромную, открытую всем ветрам равнину, раскинувшуюся до самых Белых Гор. А Изенгард — это каменистое плато, окруженное высокими острыми скалами. В центре этой естественной крепости стоит Ортханк, — башня, выстроенная давным-давно руками нуменорцев. Глядя на нее, высоченную, хранящую немало тайн, трудно поверить, что это — рукотворное сооружение. В скалах Изенгарда только одни ворота, иначе в Ортханк не попасть.

Спустя немало дней я поздним вечером приблизился к этим воротам. Их охраняли. Правда, как выяснилось, стража была уведомлена о моем приезде и открыла створы.

Когда они бесшумно сомкнулись за моей спиной, я почувствовал беспричинный с виду страх, однако подъехал к дверям Ортханка. Саруман уже поджидал меня. Вместе поднялись мы к нему наверх. Я заметил у него на пальце кольцо.

— Вот ты и пришел, Гэндальф, — приветствовал он меня, а в глазах у него плясали белые огоньки, словно от какого-то недоброго веселья.

— Да, пришел, — отвечал я, — пришел за обещанной помощью, Саруман Белый.

Почему-то упоминание его собственного титула разгневало мудрого мага.

— Неужто за помощью, Гэндальф *Серый*? — с неожиданной издевкой переспросил он. — Кто бы мог подумать! Гэндальф Серый ищет помощи, такой хитроумный, такой непоседливый, он везде суется и во все вмешивается, а вот поди ж ты — за помощью пришел!

В полном недоумении глядел я на него.

— Если меня не обманули, — начал я, — настало время собрать воедино всю нашу мощь…

— Вполне допускаю, — усмехнулся Саруман. — Только поздновато посетила тебя эта мысль. Интересно, долго ли Совет скрывал от меня события величайшей важности? Чего ради ты выбрался теперь из своего Шира?

— Девять вышли в мир, — ответил я ему. — Радагаст сообщил мне, что они перешли Реку.

— Ах, Радагаст! — захохотал он, и теперь-то уж ясно было, что он издевается. — Радагаст — укротитель пташек! Радагаст Простак! Радагаст Дурак!

Значит, у него все-таки хватило ума сыграть свою роль, а большего от него и не ждали. Ибо ты пришел, а это — главное. Здесь ты и останешься, Гэндальф Серый. Тебе пора отдохнуть от путешествий. Так решил я, Саруман Мудрый, Саруман — Создатель Кольца, Саруман Радужный.

Тут только я заметил, что одежда Сарумана, по привычке показавшаяся мне белой, переливается всеми цветами и оттенками. Когда он двигался, у меня просто в глазах рябило.

— Мне больше по душе белый цвет, — сказал я.

— Белый! Ха! Он хорош для начала. Но белые одежды можно выкрасить, белый лист исписать, а белый цвет — разложить.

— Тогда он уже не будет белым, — ответил я. — А тот, кто начинает расчленять целое на части, пытаясь понять природу целого, уже не будет мудрым.

— Нечего излагать мне прописные истины, — оборвал он меня, — оставь их своим друзьям-недоумкам. Я не затем вытащил тебя из норы, чтобы выслушивать твои наставления, я хочу предложить тебе выбор.

Дальше он произнес целую речь и, как мне показалось, заранее отрепетированную.

— Древние Дни миновали, — так учил меня

Саруман. — Уходят Средние Дни и уступают место Новым. Кончилось время Эльфов, настает наше: перед нами мир Людей, им надо управлять. Но нужна немалая сила, чтобы устроить этот мир так, как хотим мы, научить его Добру, ведомому лишь Мудрым.

Послушай меня, Гэндальф, старый мой друг и помощник, — тут голос его помягчел, он подошел поближе, — я сказал «мы», это и будем мы, если ты захочешь присоединиться ко мне. Поднимается новая сила. Против нее бесполезны старые союзники, а старые способы бесполезны для нас. Нет надежды у эльфов, нет шансов у гаснущего Нуменора. А значит, нет выбора и у нас, кроме как примкнуть к новой Силе. Вот в чем мудрость, Гэндальф. Вот в чем надежда. Она победит, эта Сила, победит скоро, и не забудет тех, кто помог ей победить. Она будет расти, а вместе с ней будет расти и наша мощь. Кому, как не нам, Мудрым, набравшимся терпения, удастся направить ее, а потом и обуздать? Мы можем позволить себе выждать, можем сохранить наши помыслы, сожалея, конечно, о неизбежном зле по пути к великой цели: к Знанию, к Власти, к Порядку, к тому, чего мы тщетно пытались достичь, покуда наши слабые и ленивые друзья больше мешали,

чем помогали нам. Наши намерения останутся прежними, изменятся лишь средства.

— Саруман, — остановил я эту прекрасную речь, — а ведь я уже слыхал раньше подобные разговоры… от лазутчиков Мордора, посланных смущать невежественные умы. Не могу же я подумать, что ты так долго ждал меня только за этим.

Некоторое время он рассматривал меня, соображая что-то свое.

— Значит, такой мудрый план не увлекает тебя? — в раздумье произнес он. — Нет, не увлекает? А если добавить к нему кое-что, а? — Он накрыл мою руку своей узкой длинной ладонью. — А почему бы нет, Гэндальф? — жарко зашептал он. — А Великое Кольцо? Неужели ты думаешь, мы не могли бы распорядиться им? Тогда Сила перешла бы к нам. Ну? Теперь ты знаешь, зачем я призвал тебя. У меня много глаз. Полагаю, тебе ведомо, где оно, это сокровище? Разве не так? Иначе зачем бы Девять носились по всему Среднеземью, разыскивая Шир. А ты что там делаешь?

Здесь он не смог сдержать обуревавшую его страсть. Глаза, алчно вспыхнув, выдали его. Мне пришлось отступить.

— Саруман, — сказал я, — Единственное потому и Единственное, что может быть лишь на *одной*

руке. Ты знаешь это не хуже меня, поэтому забудем о твоем «мы». Но я не собираюсь отдавать его, я не собираюсь даже рассказывать о нем теперь, когда узнал о твоих намерениях. Ты долго был Главой Совета, но только теперь я понял тебя. Ты предлагаешь выбор: подчиниться либо тебе, либо Саурону. Допустим, мне не подходит ни то ни другое. Может, предложишь еще что-нибудь?

Вот теперь я видел настоящего Сарумана, холодного и опасного.

— Ну что ж, — промолвил он. — Это похоже на тебя: не увидеть мудрого решения даже в своих собственных интересах. Ты мог бы помочь мне, а себя избавить от больших неприятностей. Потому что третья возможность — остаться здесь до конца.

— Какой конец ты имеешь в виду? — спросил я.

— Меня интересует лишь один. Ты скажешь мне, где Кольцо. Я найду способы помочь тебе в этом. А может, Кольцо найдут без тебя. Тогда подождем, пока Правитель выберет время подумать о награде за наглость и препоны, чинимые Гэндальфом Серым.

— Это будет нелегким делом, — сказал я, а он в ответ рассмеялся, ибо знал — слова мои пусты.

Меня поместили на вершине Ортханка. Саруман оттуда наблюдал за звездами. Узенькая лесенка в тысячи ступеней ведет вниз. С такой высоты мне было далеко видно. Я огляделся. Прекрасная, некогда зеленая долина лежала подо мной выжженной пустыней. Вся она была покрыта шахтами, кузницами. Я видел волков и орков. Видимо, Саруман копил собственные силы. Над долиной висел дым, гарь окутывала Ортханк удушливым облаком. Моя площадка вздымалась подобно острову из моря туч, я не видел путей к спасению, и дни мои были горьки. Холод терзал меня, теснота не позволяла сделать лишнего шага, а нестерпимей всего была мысль о Черных Всадниках, пробирающихся на Север.

Девять действительно вышли из небытия, я чувствовал это и без слов Сарумана. Вести о них пришли ко мне раньше, причем из такого источника, который не ошибается. Друзьям в Шире грозила опасность, но я не терял надежды. Фродо, получив письмо, должен был выйти немедля, и тогда у него оставались шансы уйти от погони. Но мои надежды и мои страхи, как оказалось, недорого стоили. Надеялся я на толстяка-трактирщика, а боялся хитрости Саурона. Но у хозяина гостиницы «и своих дел хватает», а сила Саурона

пока меньше, чем может показаться со страху. Однако мне, пойманному в мышеловку Изенгарда, и думать не думалось, что охотники, перед которыми все бежит и обмирает, споткнутся в далеком Шире.

— Я видел тебя! — вдруг закричал Фродо. — Ты ходил туда-сюда и луна светила!

Гэндальф замолчал, с удивлением поглядев на хоббита.

— Ну, это был сон, — смутился Фродо. — Я только сейчас вспомнил. А приснился он мне уже после того, как мы из Шира ушли.

— Тогда он маленько запоздал, — невесело усмехнулся Гэндальф и продолжал рассказ. — Да, я попал в такую переделку, в какой мне еще не довелось побывать. Подумать только, Гэндальф Серый попался, как муха в паутину. Но даже у самого искусного паука бывают промашки.

Я подумал было, что и Радагаст играет заодно с Саруманом. Но ему не провести меня, а я ничего не почувствовал при нашей встрече. А если бы почувствовал, то либо совсем не пошел бы в Изенгард, либо принял меры предосторожности. Саруман сообразил это и попросту обманул Радагаста. Радагаст Бурый не годится на роль предателя. Он честно нашел меня, чем и убедил.

Здесь-то Саруман и просчитался. Радагаст, конечно, выполнил мою просьбу, а направился он в Сумеречье, к старым друзьям. Горные Орлы летают по всему миру и многое видят. У них на глазах орки сбивались в стаи, у них на глазах Девять все дальше забирались на Север, слыхали они и о бегстве Горлума. И решили известить меня.

Однажды, уже в конце лета, на исходе лунной ночи, неожиданно явился Гваихир, Повелитель Ветров, самый быстрокрылый из Великих Орлов. Я поговорил с ним, и он взял меня с собой. Мы были уже далеко от Изенгарда, когда орки и волки бросились в погоню.

— Ты далеко можешь унести меня? — спросил я у могучей птицы.

— Куда хочешь, — ответил Орел. — Но меня послали разносить вести, а не грузы.

— Тогда мне нужен конь, — сказал я, — быстрый, самый быстрый, ибо мне сейчас нужна только скорость.

— Хочешь, я отнесу тебя в Эдорас, — предложил Орел. — Там живет Король Рохана, и это недалеко.

Конечно, я принял предложение. В Рохане живут укротители коней, там на тучных пастбищах пасутся самые быстрые кони на свете.

— Как по-твоему, людям Рохана можно еще доверять? — спросил я у Повелителя Ветров. Предательство Сарумана сильно подействовало на меня.

— Говорят, они посылают коней в Мордор, — ответил Орел, — но это — дань, а не служба. Однако если ты говоришь, что Саруман обратился ко Злу, значит, судьба Рохана решена.

На рассвете я ступил на землю Рохана. Я вижу, рассказ мой затянулся, теперь можно закончить его побыстрее. Я не напрасно опасался. Саруман постарался и здесь. Зло уже успело пустить корни в Рохане. Король не поверил мне, но разрешил взять коня и убираться. Вряд ли он был в восторге от моего выбора. Я взял лучшего коня Рохана, равного ему я вообще никогда не видел.

— Должно быть, это действительно достойный восхищения конь, — промолвил Арагорн. — Жаль, что Мордор получает благородных животных из Рохана. Для меня это новость. Я был там и ничего подобного не слышал.

— Могу поклясться, нет этого! — с жаром воскликнул Боромир. — Это опять вражья ложь. Я знаю людей Рохана, они самые честные и доблестные наши союзники. О какой дани может идти речь, если они живут на землях, данных

Гондором?

— Тень Мордора простирается далеко, — заметил Арагорн. — Вот уже и Саруман не устоял перед ней. Рохан окружен. Кто знает, что ты найдешь на обратном пути?

— Что угодно, только не это. Не будут в Рохане торговать конями, они любят их. Это ведь не обычные кони. Они пришли с лугов Севера, они помнят вольные Древние Дни.

— Истинно так! — подтвердил Гэндальф, — и есть среди них один, который, по-моему, жеребенком застал зарю мира. Коням Девяти за ним не угнаться. Он быстр как ветер и как ветер не знает усталости. Его зовут Сполох. При свете дня он как серебро, а в ночи — как тень и почти невидим. Как легок он на ходу! До меня он не знал наездников, но мы поладили, и я был уже в Шире, когда Фродо проходил Упокоища, а ведь начали путь мы одновременно: он из Хоббитона, а я — из Рохана.

Я скакал, нет, я летел, а страх летел впереди меня. Чем дальше на Север, тем чаще слышал я о Всадниках. С каждым днем я нагонял их, но все-таки они опережали меня. Я видел: они разделились. Часть осталась на восточных рубежах, на Зеленопутье, а другие вошли в Шир с юга. Я прискакал в Хоббитон, но не застал Фродо и вынужден был удовольствоваться беседой со старым Гэмджи. Толку от него было мало. Он все переживал насчет новых хозяев Засумок.

— Перемены, — ворчал он, — не в мои бы годы, а главное — перемены-то к худшему, к самому худшему, что ни есть.

— Надеюсь, до самого худшего ты не доживешь, — сказал я ему.

Сквозь его ворчание я разобрал все-таки, что Фродо ушел меньше недели назад, а в тот же вечер на Горку наведался Черный Всадник. Что и говорить, не успокоил меня старый Гэмджи. Я прискакал в Заскочье и застал его похожим на разворошенный муравейник. Дом в Кривражках был пуст, а на пороге лежал плащ Фродо. Я чуть не потерял голову и бросился по следу Всадников. Не задержался даже для того, чтобы расспросить народ в Заскочье. Я чуть не сбился со следа, он опять разошелся. Получалось, что один или двое

Черных направились в Брыль, я отправился за ними, а по дороге обдумывал слова, которые собирался сказать хозяину трактира.

«Маслютиком тебя зовут, — в ярости думал я, — ну, если эта задержка на твоей совести, от тебя один лютик и останется. Все масло я из тебя вытоплю, когда буду жарить на медленном огне». Похоже, он примерно так и представлял себе нашу встречу, потому что как меня увидел, хлопнулся на пол и прямо на глазах таять стал.

— Что ты с ним сделал? — испуганно спросил Фродо. — Он добрый, помог нам…

Гэндальф засмеялся:

— Не бойся, дружок. Я даже не ругал его особенно, так он обрадовал меня новостями, когда трястись перестал. Вышло просто замечательно, у меня камень с души свалился, когда я узнал о вашей встрече с Арагорном.

Я даже не удержался и воскликнул: «Как? С Колобродом?» А Маслютик испугался еще пуще и лепечет: «Да я-то ни при чем, я старался, а он все равно пролез и с ними ушел. Я предупреждал. Да ведь не слушают они! С характером!» «Осел! Дурень! — говорю ему, — Суслень ты мой ненаглядный! Это же лучшая новость за все лето! Просто на вес золота. Да будет твое пиво на семь

лет лучшим в округе! Ты мне первую ночь спокойную подарил своими новостями!»

Я заночевал в «Резвом Пони», гадая, куда подевались Всадники. В Брыле, похоже, видели только двоих. Зато ночью явилось их не меньше пяти. Они подошли с запада, попросту снесли ворота и черным вихрем промчались по деревне. Брыльчане до сих пор вздрагивают и со дня на день ждут конца света. Я встал на рассвете и поехал себе. Насколько я понял, Король-Призрак оставался в засаде к югу от Брыля, двое громили гостиницу, а четверо тем временем злодействовали в Шире. Когда и там, и там ничего не получилось, они вернулись к Предводителю, и Дорога на время осталась без присмотра. Думаю, назгул не очень-то обрадовался вестям.

Я добрался до Заветери на второй день, но они опередили меня. Настроение у меня было не самое мирное, они это почувствовали и до заката предпочли убраться. А вот ночью устроили мне на Амон Сул настоящую осаду. Я отбился. С тех пор, как на этой башне погас последний сторожевой огонь, такого света, таких вспышек там не видывали. На рассвете я ушел на север. Больше ничего не оставалось. Мне не найти бы вас в глуши, — сказал маг, повернувшись к Фродо, —

на Арагорна я полагался, как на себя, и, кроме того, надеялся увести за собой хоть нескольких Всадников. А потом, добравшись до Дольна, я мог послать вам навстречу подмогу. Четверо Всадников действительно увязались за мной, но потом остались у Брода, поэтому вас на Заветери атаковали только пятеро.

Окольным путем, через верховья Седонны и Троллиное Нагорье, я добрался в Дольн. От Заветери путь занял ровно две недели. Я не стал рисковать и отпустил Сполоха. Он не прошел бы по скалам. Но за время пути мы подружились с ним и, если я позову, он придет. Так что я поспел в Дольн только на три дня раньше Кольца. К счастью, Владыка Элронд был уже предупрежден.

Вот и все, Фродо. Пусть остальные простят меня за долгий рассказ, но никогда еще не случалось так, чтобы Гэндальф назначил встречу и не пришел, как обещал. Я должен был дать объяснения Хранителю, и я их дал.

Теперь история Кольца рассказана. Вот мы, знающие ее от начала до конца, вот Кольцо. Наконец-то можно перейти к нашей самой главной заботе — что с ним делать?

На этот раз затянувшееся молчание нарушил Элронд.

— Горько мне слышать о предательстве Сарумана, — качая головой, произнес он. — Мы ему доверяли, он знает о наших замыслах. Это опасное занятие — изучать повадки Врага. Впрочем, такие падения и предательства случались и раньше. Много необычного услышали мы сегодня, но для меня самой невероятной была история Фродо. Я мало знаю хоббитов, кроме разве что Бильбо, но я полагал, что он один такой, — Элронд помолчал, — и, к счастью, ошибался. Видно, мир сильно изменился с тех пор, как я в последний раз побывал на дорогах Запада.

Нежить из Упокоищ нам известна под разными именами, и о Древлепуще мы знаем достаточно. Это ведь только остатки некогда действительно могучего леса. Белка в те времена могла, не слезая на землю, перебраться из мест, названных позже Широм, до Дунгарского края западнее Изенгарда. Мне приходилось бывать там и видеть много странного, а вот про Бомбадила я успел забыть, если, конечно, это все тот же, бродивший когда-то в лесах и холмах. Он уже тогда был древнее самой древности. Мы звали его Йарвен Бен-Адар — Старейший из Нерожденных. В других народах у него были другие имена. Гномы звали его — Форн, северяне — Оральд. Да, это странное создание.

Может быть, следовало пригласить его на Совет?

— Он не пришел бы, — тихо сказал Гэндальф.

— Но может быть, попросить его помочь? — задумчиво произнес Эрестор. — Как я понял из рассказа, у него есть власть даже над Кольцом.

— Это не совсем верно, почтенный Эрестор, — снова сказал маг. — Я бы выразился так: у Кольца нет власти над ним. Том — сам себе хозяин. Кольца он не изменит и силу его не уничтожит. Посмотри, что осталось от его некогда бескрайних владений. Маленький уголок с границами, которые он сам установил, предчувствуя перемены. Установил и шагу за них не ступит.

— Но зато внутри этих границ ничего не боится, — не хотел отказываться от своей мысли Эрестор. — Не сможет ли он взять Кольцо на хранение? Там оно не принесет вреда.

— Нет, — покачал головой Гэндальф, — сам не возьмет. Зачем? Допускаю, если все свободные народы Запада будут просить его об этом, он согласится, но зачем это нужно, ему так и останется невдомек. Вскоре он либо забудет о нем, либо просто выкинет. Станет он держать в голове всякий вздор! Нет, он был бы очень ненадежным Хранителем, а уже одного этого достаточно.

— Бессмысленно посылать Кольцо к нему, —

сказал молчавший до этого Глорфиндейл. — В лучшем случае нам удастся на короткое время отсрочить приход Зла. Бомбадил далеко, скрытно доставить к нему Кольцо не просто, а если бы даже это и удалось, что с того? Рано или поздно Враг узнает об этом укрытии, и если он обрушит на Древлепущу всю свою мощь, кто скажет — устоит ли Йарвен? Думаю, нет. В лучшем случае, когда Тень накроет все земли, он уйдет последним, как некогда первым пришел, и все равно наступит Ночь.

— Я мало знаю Йарвена, — вступил в разговор Гэлдор, — но с Глорфиндейлом согласен. Сила Йарвена не в нем самом, а в земле, но мы видим, как Саурон мучает и уничтожает даже горы. Подобная сила есть и здесь, в Имладрисе, и в Лориене, и в Гаванях у Кирдэна, но достанет ли ее противостоять последнему пришествию Саурона, когда падет остальной мир?

— Нет, — коротко ответил Элронд.

— Значит, Кольца силой не сохранить, — задумчиво произнес Глорфиндейл, — и остается только два выхода: отослать его за Море или уничтожить.

— Но ведь Гэндальф объяснил — Кольцо не уничтожить теми способами, которыми мы

располагаем. — Голос Владыки Элронда звучал ровно и спокойно. — За Морем могут не принять его. К добру ли, к худу ли, порождено оно здесь, нам с ним и разбираться.

— Бросить в Море, — предложил Глорфиндейл, — пусть ложь Сарумана обернется правдой. Теперь ясно, он и на Совете ходил окольными путями. Он хотел заставить нас считать Кольцо утраченным навсегда, потому что надеялся добыть его для себя. Но часто во лжи оказывается скрыта правда: в Море оно успокоится навеки.

— Едва ли, — усомнился Гэндальф. — Даже глубины, будь то земля или вода, могут меняться. Мы не для того собрались сегодня, чтобы отвести беду на время жизни нескольких поколений людей или еще на одну Эпоху. Надо думать, как покончить с этим проклятием навсегда. Мы обязаны найти способ, даже если у нас не хватит сил на его осуществление.

— И уж во всяком случае, не на морском берегу искать этот способ, — добавил Гэлдор. — Тут считали опасной дорогу к Йарвену, что же тогда говорить о дороге к Морю? Для Саурона такое наше решение — самое очевидное, мне это сердце подсказывает. Он же знает, где Кольцо, или скоро узнает. Мы лишили Девятерых коней, но надолго

ли это задержит их? Они найдут других. Подумайте, сейчас только задыхающийся в борьбе Гондор мешает Саурону пройти маршем по побережью на Север, ударить на Белые Башни, захватить Гавани. Тогда эльфам не будет спасенья от закатных теней.

— Не скоро же он сможет выступить в такой поход, — сквозь зубы процедил Боромир. — Гондор задыхается, ты говоришь? Гондор стоит, и даже теперь, на закате своего могущества, очень силен.

— Ты забыл о Девяти, — устало ответил Гэлдор. — Что может Гондор выставить против Назгулов? А кроме всего прочего, есть и другие дороги.

— Значит, действительно прав Глорфиндейл, — подытожил Эрестор, — остается либо спрятать Кольцо навсегда, либо уничтожить. И оба пути нам не по силам. Как тут быть? Кто решит загадку?

— Никто, — тяжко прозвучал голос Элронда. — Никому не удастся предугадать, что произойдет, выбери мы тот или другой путь. Но зато для себя я уяснил: раз дорога на Запад кажется легче, пользоваться ею мы не вправе. Ее-то и будут стеречь в оба. Слишком она нахожена эльфами. Наш выбор

должен оказаться неожиданным для Врага. В этом, и только в этом, наша надежда, если она вообще существует. Надо идти в Мордор. Кольцо должно быть предано Огню.

И снова, в который раз, в зале воцарилась тишина. Даже здесь, в этом светлом Доме, глядя на залитую солнцем долину, Фродо почувствовал смертную темень на сердце. Боромир пошевелился, и Фродо стал смотреть на воина. Гондорец теребил перевязь рога и хмурился. Наконец он не выдержал и заговорил:

— Не понимаю я всего этого. Пусть Саруман предатель, но мудрым-то он остался. Почему все «спрятать» да «уничтожить»? А почему никто не думает, что Великое Кольцо само пришло к нам в руки в самый нужный час? Ведь, владея им, свободные народы Запада наверняка смогут победить. Разве не этого больше всего опасается Неназываемый?

Доблестные гондорцы никогда не покорятся, но они могут быть разбиты. Чего не хватает доблести? Во-первых, силы, во-вторых, оружия. Так давайте сделаем своим оружием Кольцо, если оно такое могущественное. Возьмите его, и вперед, к победе!

— Это невозможно, — терпеливо начал объяс-

нять воину Элронд. — Мы не можем воспользоваться Кольцом Всевластья. Оно принадлежит Саурону, он создал его для Зла. Могущество его, отважный Боромир, непосильно для любого из нас, кроме тех, кто уже владеет огромной мощью. Но даже найдись такой повелитель, Кольцо для него станет опасней вдвойне. Одно лишь желание обладать им смертоносно. Подумай о Сарумане. Да, кто-нибудь из Мудрых, обладая Кольцом, сумел бы свергнуть Саурона Темного. И что? Появился бы новый Темный Властелин, только и всего. Кольцо необходимо уничтожить. Пока оно остается в мире, оно опасно даже для Мудрых. В первую очередь — для Мудрых. Никакое Зло не изначально. Даже Саурон. Я, Элронд, боюсь взять Кольцо, чтобы спрятать, я ни за что не возьму Кольца, чтобы владеть им.

— И я, — эхом откликнулся Гэндальф.

Боромир с сомнением поглядел на обоих, но не нашел, что возразить, и опустил голову.

— Ладно, — мрачно произнес он, — придется Гондору и дальше обходиться тем оружием, какое есть. Пусть Мудрые стерегут это Кольцо, а мы будем сражаться. Глядишь, и Сломанный Меч пригодится, если, конечно, рука его хозяина унаследовала не только обломки, но хоть немного

мощи древних Королей.

— Может быть, придет день проверить и это, — ответил Арагорн.

— Наверное, его недолго ждать, — продолжал Боромир. — Да, мы не просим помощи, но она нужна нам. Нам хотя бы нужно знать, что и другие вступили в борьбу, и другие напрягают все силы.

— В этом вы можете быть уверены, — заверил гондорца Элронд. — Есть и другие силы в этом мире, и другие владения. Андуин Великий несет свои воды мимо многих берегов, прежде чем достичь Аргоната и Ворот Гондора.

— Но, я думаю, всем было бы только лучше, объединись эти силы, — подал голос Глоин. — Союз не сильнее ли отдельных армий? Есть ведь в мире и другие кольца, пусть не такие сильные, почему бы не воспользоваться ими? Семь потеряны для нас, если только Балин не нашел Кольца Трора. Теперь-то я могу сказать, Балин и ушел в надежде отыскать это Кольцо.

— Балину незачем было ходить в Морию, — сказал Гэндальф. — Трор передал свое Кольцо Трайну, но Трайн не успел передать его Торину. Трайна пытали в подземельях Дол Гулдура и отняли Кольцо силой. Я пришел слишком поздно.

— Черные дела! — вскричал Глоин. — Когда же придет день нашей мести? — Гном с трудом взял себя в руки. — Но остаются еще Три. Есть же эльфийские Кольца, тоже могущественные, как говорят, и появились они на свет вместе с Единственным, рожденные той же Черной Рукой. Где они? Почему их не используют? Мне хотелось бы услышать ответ эльфийских правителей.

Эльфы молчали.

— Разве я не ясно выразился, почтенный Глоин? — ответил за всех Элронд. — Три не имеют к Саурону никакого отношения. Он не касался их. Но о судьбе Трех лучше молчать. В этот час, когда нас раздирают сомнения, я могу лишь уверить вас: Три не бездействуют. Но никогда не мыслились они оружием, не в том их сила. Их создатели стремились не к власти или богатству, их влекло знание, творчество, стремление сохранить мир в первозданной чистоте. И с помощью Трех эльфам Среднеземья многого удалось достичь, хотя во всех их свершениях пребывает печаль. Но если Враг обретет Одно, гибель ждет все созданное владеющими Тремя, их сердца и помыслы станут доступны Темному Властелину. Он изо всех сил стремится к этому.

— Я понял, — склонил голову Глоин. — Теперь

я хочу узнать, что произойдет в мире, если Единственное будет уничтожено, как предлагали сегодня?

— Я не могу точно ответить на твой вопрос, — печально произнес Элронд. — Может быть, Три получат свободу, и с их помощью удастся залечить раны мира. Но может случиться и так, что с исчезновением Одного истает сила Трех, тогда уйдет из мира и забудется немало прекрасного. Я думаю, именно так и произойдет.

— Эльфы готовы заплатить такую цену, — сказал Глорфиндейл, — за гибель Саурона и избавление мира от его владычества на веки вечные.

— Ну, вот мы и вернулись снова к последней нашей возможности, — невесело улыбнулся Эрестор. — Кольцо должно быть уничтожено. А между тем решение этой задачи все так же далеко от нас. Какие силы помогут нам отыскать огонь, породивший Одно? Первый шаг к Ородруину — шаг отчаяния. Я бы даже осмелился назвать это глупостью, и только известная всем мудрость Владыки Элронда останавливает меня.

— Значит, ты считаешь — отчаяние или глупость? — усмехнулся Гэндальф. — Но отчаяние существует для того, кто увидел несомненный

крах своих устремлений. Где он? Мы взвесили все пути, мы увидели всего лишь несомненную необходимость одного из них и выбираем его — это мудрость. Глупостью она может показаться обольщающемуся ложными надеждами. Впрочем, пусть глупость послужит нам щитом, укроет наши замыслы от Врага. И Враг отнюдь не лишен мудрости, он взвешивает все самым тщательным образом, но на весах злобы. Обо всех сердцах судит он под знаком своей страсти — жажды власти. Ему едва ли придет в голову мысль об уничтожении Кольца. Как? Уже владея им — уничтожить? Нет, он не будет и думать о такой возможности.

— Хотя бы первое время, — поддержал мага Элронд. — Дорога тяжела, ни сила, ни мудрость далеко по ней не уведут. На этой дороге у слабых будут равные шансы с сильными. Мудрые знают — такое случается, когда сдвигаются мировые колеса. Их приводят в движение руки малых сих, пока глаза великих устремлены вдаль.

— Достаточно, Мастер Элронд! — неожиданно произнес Бильбо, вставая. — Я уже все понял. Бильбо заварил эту кашу, ему и расхлебывать. Мне прекрасно жилось здесь, и книга моя хорошо шла. Я ведь уже окончание пишу, даже конец

придумал: «И с тех пор он жил счастливо до конца дней своих». Это — хорошая концовка, не новая, конечно, но хуже она от употребления не стала. Жаль менять, а видно, придется. Ну, если удастся, допишу еще несколько глав. Досадно, конечно, но ладно. Когда мне идти?

Боромир, с огромным изумлением взиравший на хоббита, готов был расхохотаться, но, взглянув на остальных и заметив на лицах уважительную серьезность, сдержался. Улыбнулся лишь старый Глоин, да и то давним воспоминаниям.

— Конечно, дорогой Бильбо, — рассудительно заговорил Гэндальф, — если бы ты заварил эту кашу, тебе бы и расхлебывать. Но под старость ты, надеюсь, понял, что приписывать себе зачин в великих делах — немного самоуверенно, будь ты хоть трижды герой. Нет, ты погоди кланяться. Сказано было неплохо, предложение мы оценили, но дело это не твое. Не вернется к тебе Кольцо, коли ушло однажды. Если позволишь дать тебе добрый совет — изволь: твое Приключение в этой истории кончилось. Осталось только дописать книгу. Вот и дописывай. А конец не переделывай ни в коем случае! Нет нужды. Только приготовься писать продолжение, когда вернутся другие.

Бильбо рассмеялся.

— Впервые слышу от тебя не только дельный, но и приятный совет. Даже опасаюсь: поскольку все твои неприятные советы неизменно были к добру, то не к худу ли приятный? Впрочем, ты прав, конечно. У меня уже ни сил, ни удачи не хватит, чтобы справиться с Кольцом. Его сила растет, а моя-то — нет. Надеюсь, ты скажешь, кого имел в виду под этим безликим словечком «другие»?

— Тех, кто пойдет с Кольцом.

— Да что ты говоришь! Я бы ни за что не догадался! Ну и кто же это? Наконец-то мы добрались до сути. По-моему, только это и должен был решить наш Совет. Эльфы, вестимо, питаются звуками и могут долго прожить на одних речах, гномы всему миру известны своей выносливостью, но я-то — всего-навсего старый хоббит, пропустивший полуденную кормежку. Давайте быстренько назовем имена и пойдем обедать.

Никто не ответил Бильбо. Фродо переводил взгляд с одного лица на другое, но не встречал ответных взглядов. Казалось, весь Совет опустил глаза, погрузившись в глубокие раздумья. Фродо почувствовал страх, словно сейчас объявят приговор, которого он хоть и ждал, но все надеялся — не пронесет ли мимо. Отдохнуть! Побыть в

покое! — отчаянно взывало все его естество. Он встал и заговорил, сначала с усилием, удивленно вслушиваясь в собственные слова.

— Я возьму Кольцо. Только я не знаю дороги.

Элронд поднял голову. Его глаза словно пронзили хоббита.

— Думаю, я правильно понял твои слова, — проговорил он. — Я убежден, это — твоя задача, Фродо. Если ты не справишься с ней, значит, не справится никто. Для народа Шира настала пора уйти от своих мирных полей, чтобы сотрясать крепости и советы Мудрых. Кто из нас мог думать о таком? А ведь если Мудрые действительно мудры, они должны были бы предвидеть этот час.

Тяжкий груз достался тебе. Столь тяжкий, что никто в мире не осмелился бы взвалить его на ближнего. Не осмелюсь и я. Но раз ты добровольно выбрал свою участь, скажу: выбор твой верен. Встань из прошлого все могучие друзья эльфов — Хадор, Хурин и Турин, даже сам Берен, — твое место было бы среди них.

— Но вы же не отправите его одного, Мастер?! — крикнул Сэм, выскакивая из неприметного уголка, куда забился в самом начале.

— Как можно! — с улыбкой ответил ему Элронд. — Ты-то обязательно пойдешь с ним. Мы

уже убедились: разлучить вас не может даже Тайный Совет, куда тебя не приглашали.

Сэм сильно покраснел и сел, бормоча под нос:

— Ну и в переделку мы с вами попали, сударь.

Глава III
Кольцо уходит на юг

В этот же день, чуть попозже, в комнате Бильбо собрался другой Совет — хоббичий. Мерри и Пиппин возмущались хитростью Сэма, прокравшегося на Совет у Элронда и попавшего таким образом в спутники Фродо.

— Где ж тут справедливость? — вопрошал Пиппин. — Вместо того чтобы вышвырнуть наглеца, Элронд берет и награждает его за наглость!

— Хороша награда, — урезонивал его Фродо. — Трудно придумать наказание суровее. Подумай, что ты говоришь? По-твоему, приговор к участию в этом безнадежном деле — награда? Эх, я-то размечтался: отдохну здесь, может, и надолго задержусь…

— И мне бы хотелось, чтобы ты отдохнул, — кивнул Мерри, — но мы же не тебе завидуем, а Сэму. Раз ты идешь, значит, не пустить с тобой любого из нас — наказание, даже если остаться придется здесь, в Дольне. Мы с тобой уже прошли через всякие переделки и дальше собираемся идти.

— Я считаю, — упрямо проговорил Пиппин, — нам, хоббитам, надо вместе держаться, это правильно. Чтоб меня не пустить — это ж кандалы нужны. Должен ведь в походе хоть один с головой быть.

— Ну тогда тебе не миновать дома сидеть, Перегрин Тук! — раздался голос Гэндальфа, а потом он и сам заглянул в низкое окошко. — Зря вы тут кипятитесь, еще ничего не решено.

— Да, не решено! — фальцетом выкрикнул Пиппин. — Тогда что же вы там делали столько времени?

— Мы разговаривали, — степенно ответил Бильбо. — На Совете были сплошные разговоры, между прочим, было от чего глаза вытаращить. Даже Гэндальфу. По-моему, когда Леголас рассказал, что Горлум сбежал, даже ты растерялся, хоть и виду не подал.

— Ошибаешься, — спокойно возразил Гэн-

дальф. — Ты просто невнимательно слушал. О побеге Горлума я узнал от Повелителя Ветров. Если уж на то пошло, кроме вас с Фродо, глаз никто не таращил, а я так и вовсе ничего нового не услышал.

— Все равно, — примирительно сказал Бильбо, — пока решили только насчет бедного Фродо и Сэма. Так и чувствовал, что меня не пустят. Но насколько я знаю Элронда, он просто ждет каких-то вестей, а потом отправит столько народу, сколько посчитает нужным. Они ведь уже разослали разведчиков, а, Гэндальф?

— Да, — нехотя сказал маг. — Некоторые уже в пути, остальные уйдут завтра. Они свяжутся со Скитальцами и с Сумеречными Эльфами. Сыновья Элронда и Арагорн тоже ушли. Прежде чем сделать хотя бы шаг, нужно точно знать, что происходит вокруг. Ты зря расстраиваешься, Фродо, тебе еще надоест здесь сидеть.

— Ну вот, — проворчал Сэм, — что ж теперь, до зимы ждать?..

— Это, скорее, Фродо виноват, — сказал Бильбо. — Кто ждал моего дня рождения? Да и подарочек мне хороший припасли. Надо же было выбрать именно этот день, чтобы пустить в Засумки Дерикулей. А теперь вот выходит: и до

весны ждать нельзя, и без разведки не выйдешь.

Когда зима свистит в кулак
И крошит скалы мерзлый мрак,
Мертвеет лес, чернеет омут —
В глуши беда грозит любому…

Да-а, в общем, как повезет.

— То-то и оно, — согласился Гэндальф. — Только на везение нам рассчитывать нельзя. Надо разузнать о Всадниках. Без этого не пойдем.

— А разве они в реке не сгинули? — удивился Мерри.

— Кольценосцев так легко не уничтожишь, — вздохнул Гэндальф. — Пока их хозяин в силе, с ними не удастся покончить насовсем. Коней они лишились, облика, надеюсь, тоже. Но в этом еще убедиться нужно. А пока, Фродо, мой тебе совет: отдохни, ни о чем не беспокойся. И вот еще что… Не знаю, будет ли от меня толк, но тут говорили некоторые, что голова отряду не помешает. Я согласен и поэтому думаю пойти с тобой.

При этих словах Фродо пришел в такой буйный восторг, что маг слез с подоконника, отступил на шаг и с легким поклоном сказал:

— Ну-ну, ты не очень-то пока радуйся. Я ведь сказал: «думаю пойти». Как там на самом деле

получится — еще неизвестно. Здесь последнее слово за Элрондом и за вашим другом Колоброд-ом, кстати. Ладно, пойду. Мне еще Элронда повидать надо.

Он ушел, а Фродо спросил Бильбо:

— А по-твоему как? Долго я здесь пробуду?

— Трудно сказать. В Дольне дни не очень-то посчитаешь. Впрочем, наверное, долго. Мы с тобой еще успеем наговориться. Помог бы ты мне с книгой, а? Может, и следующую начнем? Ты уже придумал концовку?

— И не одну, — мрачно отозвался Фродо. — Только, знаешь, они все какие-то неприятные.

— Вот этого не надо, — строго проговорил Бильбо. — Книги должны кончаться хорошо. Как тебе вот такая, например: «Все они поселились вместе и жили с тех пор счастливо»?

— Годится, — улыбнулся Фродо. — Дожить бы до этого.

— Эй, подождите, — вмешался Сэм. — А где они жили-то? Вот что меня всегда интересовало.

Хоббиты еще не раз говорили о прошлом путешествии и предстоящих опасностях, но, видно, так уж действовала земля Дольна, что скоро все страхи и беспокойства оставили их. Будущее, доброе или злое, по-прежнему ждало их впереди, но

уже не могло пересилить настоящее. Постепенно крепло здоровье, надежда вливалась в сердца, они научились радоваться каждому новому дню, каждому обеду, сказанному слову или песне.

День незаметно ускользал за днем, приходили свежие яркие утра, наступали ясные вечера, но осень гасла. Скоро золото лесов потускнело, последние листья покидали ветви. С Мглистых Гор тянуло холодом. Луна все полнела, мелкие звезды тонули в ее прибывающем свете. Каждую ночь низко над южным горизонтом стала восходить яркая винно-красная звезда. Ее видно было из окна Фродо, и с каждым разом она все больше походила на внимательный злой глаз, заглядывающий поверх кромки леса в долину.

Уже около двух месяцев хоббиты гостили в Доме Элронда. Прошел ноябрь, и только в начале декабря стали возвращаться разведчики. Некоторые из них побывали далеко на севере, другие с помощью Арагорна и его Скитальцев обследовали земли в нижнем течении Гремячей до самого Тарбада, где старая северная дорога пересекает реку возле развалин древнего города. Разведчики побывали на юге и на востоке, кое-кто вернулся из-за Гор, добравшись до Сумеречья; Радагаста они не застали и вернулись через Рос-

ные Пороги. Элладан и Элрохир возвратились позже всех. Они спускались по течению Серебрени в тамошние странные края, но о том, что видели, говорили только с Элрондом. Никто из посланных не обнаружил и признаков Черных Всадников. Не видно было и других слуг Врага. Даже Орлы с Мглистых Гор не сообщили ничего нового. Горлум словно сквозь землю провалился. Зато множились волки, они уже сбивались в стаи в верховьях Великой Реки. Трупы трех черных коней обнаружили неподалеку от Брода. На скалах, ниже по течению, нашли еще пятерых и длинный изодранный черный плащ. И больше ничего. Видимо, Всадников на севере не было, нигде не ощущалось их присутствия.

— Так. Восемь из Девяти сосчитаны, — говорил Гэндальф. — Полной уверенности, конечно, нет, но, кажется, на время мы от них избавились. Теперь им придется добираться в Мордор не только без Кольца, но и без обличья. А это значит, что они не скоро соберутся на новую охоту. Понятно, у Врага есть и другие слуги, ну да ведь им еще надо добраться до границ Дольна, взять наш след, а мы уж постараемся не оставлять его. Больше медлить нельзя.

Элронд призвал хоббитов к себе. Фродо выдер-

жал его долгий внимательный взгляд.

— Время пришло, — сказал Владыка Дольна. — Уходить надо немедленно. Тем, кто пойдет с Хранителем, не помогут ни войска, ни сила. А во владениях Врага им и вовсе не придется рассчитывать на чью-нибудь помощь. Ну как, любезный Фродо, ты не отказываешься от своих слов? Несешь Кольцо?

— Да, — просто сказал Фродо. — Мы пойдем с Сэмом.

— Хорошо, — вздохнул Элронд. — Я не могу помочь тебе даже советом. Что встретится тебе в пути, как будет выполнена твоя задача, мне неведомо. Тень достигла подножий Гор, она накрыла нижнее течение Седонны. Там все темно для меня. Думаю, в пути тебе встретится немало врагов, иных сразу узнаешь, иных — нет, но можешь встретить и друзей, даже когда на это будет меньше всего надежды. Я постараюсь оповестить тех, кому доверяю, но не все мои гонцы дойдут, а некоторым едва ли удастся опередить тебя.

С тобой пойдут другие и будут идти, пока захотят или пока позволит удача. Но отряд должен быть небольшой, ваша надежда — на скорость и скрытность. Даже будь у меня эльфийская дружина в доспехах Древних Дней, она не принесла бы

пользы, разве что всколыхнула бы весь Мордор.

Вас будет Девять. Девятерых пеших мы выставим против Девяти Всадников. Кроме вас с Сэмом, идет Гэндальф. Кольцо — это его великая забота и, может статься, завершение его великих трудов.

Остальные представляют свободные народы Западного Мира: Эльфов, Гномов и Людей. От Эльфов — Леголас, от Гномов — Гимли. До горных перевалов они будут с вами, а может, и дальше. От Людей идет Арагорн; кому, как не наследнику Исилдура, сопровождать Кольцо.

— О! Колоброд! — радостно воскликнул Фродо.

— Он самый, — подтвердил улыбающийся Арагорн. — Я снова прошусь к тебе в проводники. Берешь?

— Я бы и сам просил тебя, — горячо сказал Фродо, — но я думал, ты с Боромиром идешь в Минас Тирит.

— Так оно и есть. Сломанный Меч перекуют, он еще постоит за Гондор. Но сотни миль нам шагать вместе. Боромир тоже в отряде. Он доблестный воин.

— Нужны еще двое, — задумчиво произнес Элронд. — Может быть, послать кого-нибудь из моих советников?

— Но тогда для нас места не останется! — в

отчаянии завопил Пиппин. — Мы не хотим оставаться. Мы тоже пойдем!

— Это только потому, что вам невдомек, с чем придется встретиться в пути, — осадил его Элронд.

— Так ведь и Фродо невдомек, — неожиданно вступился за хоббитов Гэндальф. — Как и нам с тобой. Конечно, если бы они по-настоящему представляли все опасности, то не осмелились бы. Но все равно хотели бы осмелиться, от стыда бы сгорели, что не пошли. Думаю, Элронд, лучше положиться на их дружбу, чем на премудрость и предосторожность. Пошли ты хоть Глорфиндейла, не станет же он в одиночку штурмовать Черную Крепость или мечом прорубать дорогу к Ородруину.

— Я слышу твои слова, — ответил Элронд, — но сомневаюсь. Я хотел отправить этих двоих домой, ведь в Шире неспокойно. Они знают тамошние порядки и в качестве моих гонцов предупредили бы жителей о надвигающейся опасности. Во всяком случае, младшему, Перегрину, нужно остаться. Так подсказывает мне сердце.

— Тогда, Мастер Элронд, заприте меня в подземелье или отсылайте домой в мешке, — дрожащим голосом, но исполненный решимости сказал

Пиппин. — Иначе я все равно пойду за отрядом.

— Ну что с тобой поделаешь, — вздохнул Элронд. — Хорошо, ты идешь. Итак, Девять! Через неделю отряд должен отправиться в путь.

Эльфийские кузнецы перековали Меч Элендила. На клинке был выбит знак: семь звезд между неполной луной и лучистым солнцем; по всему лезвию вились охранные руны, ибо Арагорн, сын Арахорна, уходил на войну к границам Мордора. Перекованный Меч сиял, и был в этом сиянии и красноватый отблеск солнца, и серебристый блеск луны. Дивной закалки и остроты добились эльфийские мастера. Арагорн дал мечу новое имя. Теперь он звался Андрил, Пламя Запада.

Арагорн и Гэндальф долго обсуждали предстоящую дорогу, дни напролет просиживали над картами, хранившимися в Доме Элронда. Иногда и Фродо составлял им компанию, но в душе он всецело положился на своих опытных спутников и все свободное время проводил с Бильбо.

В эти последние дни они часто сидели по вечерам в Каминном Зале и однажды, среди множества историй, услышали все-таки полностью балладу о Берене и Лучиэнь и о том, как они вернули Сильмарилл.

Мерри и Пиппин предпочитали бродить по

окрестностям, а Фродо с Сэмом всегда можно было найти в маленькой комнатке Бильбо. Старый хоббит читал им отрывки из своей книги (она никак не кончалась), показывал старые и новые стихи или набрасывал со слов Фродо отчет о его Путешествии.

Утро последнего дня Фродо провел наедине с Бильбо. Он застал дядю над деревянным сундучком, выволоченным из-под кровати на середину комнаты.

— Я приберег твой меч. — Бильбо рылся в сундуке. — Но он ведь сломан, и я забыл попросить кузнецов перековать его. Теперь уж не поправишь. Придется тебе этот взять. Как думаешь, подойдет?

Он достал со дна небольшой меч в старых потертых ножнах, потянул за рукоять, и на свету неожиданно остро сверкнула ухоженная сталь без единого изъяна.

— Это мой Шершень, — объявил он и без особых усилий вогнал меч в деревянную балку. — Возьми, если хочешь. Мне-то он вряд ли теперь пригодится.

Фродо принял прославленное оружие с благодарностью.

— Здесь у меня и еще кое-что есть. — Бильбо до-

стал сверток. При небольших размерах он казался увесистым. Размотав несколько слоев старой ткани, хоббит поднял на руках и встряхнул… кольчугу. Она поражала гибкостью и на ощупь показалась Фродо очень холодной. Переливающееся серебристое нагрудье украшали белые камни. Следом из сундука явился и пояс к ней, тоже богато украшенный хрусталем и жемчугами.

— Неплохая вещица, правда? — любуясь кольчугой, сказал Бильбо. — И весьма полезная. Это мне Торин подарил. Я ее перед уходом из Микорыта забрал на память о Приключении. А так… зачем она мне? Когда наденешь, веса совсем не чувствуется.

— Я как-то… — замялся Фродо, — ну, я хочу сказать, вид у меня в ней будет…

— А-а, брось! — махнул рукой Бильбо. — Я тоже так говорил. Не стоит в походе особенно переживать из-за того, как выглядишь. Давай-ка, надень под куртку. И знаешь, пусть это будет наш секрет. Просто мне спокойней, если я знаю, что она на тебе. Я даже думаю, — добавил он тихо, — может, она и клинки Черных Всадников отведет.

— Ладно, я возьму, конечно, — сказал Фродо.

Бильбо ловко накинул на него кольчугу, застегнул пояс и пристегнул меч. Сверху Фродо надел

свою старую куртку.

— Вполне обычный хоббит, — удовлетворенно произнес Бильбо, оглядывая племянника. — Теперь у тебя внутри больше, чем снаружи. Ну, удачи тебе! — Он поспешно отвернулся и выглянул из окна, фальшиво напевая какой-то мотивчик.

— Даже не знаю, как благодарить тебя за все, что ты для меня сделал, — смущенно проговорил Фродо.

— И не думай! — Старый хоббит отошел от окна и хлопнул племянника по спине. — Ого! — воскликнул он, тряся ушибленной рукой. — Твердоват ты стал! При чем тут благодарность, — серьезно продолжал он. — Нам, хоббитам, надо держаться друг за друга, особенно Сумниксам. Я только прошу, береги себя и вернись, вернись с новостями. И прислушивайся по дороге к песням да историям. Я постараюсь к твоему возвращению закончить эту книгу и хотел бы начать другую… если доживу.

Он резко замолчал, опять отвернулся к окну и начал напевать:

Я размышляю у огня
О том, что повидал:

О летних днях, когда в лугах
Цветочный дух витал,

О днях, когда осенний лист
Кружился на ветру
И солнце в мглистом серебре
Вставало поутру.

Я размышляю у огня,
Как будущей весной

Наш мир, простившийся с зимой,
Простится и со мной.

Я не узнаю стольких тайн,
Загадок и чудес —
Ведь каждый день и каждый миг
Иначе зелен лес!

Я размышляю у огня
О людях давних лет,
О тех, кто жил вокруг меня
И кто придет вослед.

Как невозвратно далеки
Ушедших голоса!

Но вечно слышу их шаги
И вижу их глаза.

Был холодный серый день конца декабря. Восточный ветер свободно проносился меж голых ветвей, мотал кроны темных сосен на холмах. Рваные низкие облака мчались над землей. В вечерних сумерках отряд готов был выступить из Дольна. Первое время, по совету Элронда, предстояло идти ночами.

— У Саурона много слуг. За вами будет следить множество глаз, — напутствовал уходящих Элронд. — Враг знает о поражении Кольценосцев, и он, надо полагать, не в восторге от этого. Скоро новые его посланцы будут на севере. Остерегайтесь даже неба над головой.

Полностью экипированные путники собрались вместе. На боку Арагорна висел Андрил — другого оружия он не взял. Походная одежда Скитальца из Пустоземья скрывала боевую кольчугу. Длинный меч покачивался на поясе Боромира, гондорец нес еще щит и боевой рог.

— Если он запоет в горных долинах, — сказал воин, — пусть лучше разбегаются враги Гондора. — С этими словами он поднес рог к губам, и могучий звук породил в скалах множественное

эхо, заставив всех в Дольне вскочить на ноги.

— Не скоро тебе придется трубить теперь, — с легкой укоризной сказал Элронд, помолчал и добавил: — Не раньше, чем придешь к границам своей страны, а тогда — нужда заставит.

— Пусть так, — гордо ответил Боромир, — но я всегда разрешал моему рогу подать голос в начале похода. Пусть потом нам придется идти в ночи, но я не собираюсь красться, как вор.

Гном Гимли открыто облачился в кольчужную рубаху, а к поясу пристегнул боевой топор. У Леголаса за спиной висел эльфийский лук и колчан со стрелами, а на поясе — длинный кинжал в белых ножнах. Мерри и Пиппин были вооружены мечами из Упокоища, а у Фродо из-под куртки едва виднелся Шершень. Про кольчугу он никому не сказал, даже искушенный глаз не заметил бы ее под походной одеждой. У Гэндальфа, кроме жезла, на поясе тоже висел эльфийский меч Гламдринг, похожий на его прежний Оркрист, покоящийся ныне на груди Торина, вечно спящего под Одинокой Горой.

Элронд снабдил отряд всем необходимым. В предзимье не лишними казались и меховые плащи, и другие теплые вещи. Запасы еды, одеяла, одежду и посуду погрузили на единственного

пони, уходившего с отрядом, того самого, пришедшего из Брыля. Пребывание в Дольне совершило в нем разительную перемену: шкура лоснилась, он помолодел и раздобрел. Взяли его по настоянию Сэма, уверявшего, что Билл (так он прозвал лошадку) зачахнет без него и без дела.

— Эта животина почти говорящая, — уверял он, — и заговорила бы наверняка, останься тут подольше. Он вот так на меня посмотрел, ну как если бы мастер Перегрин сказал: «Не возьмешь — я все одно следом пойду».

И Билла назначили в отряд вьючным животным. При этом он единственный из всех выглядел бодро и весело.

Слова прощания были уже сказаны, и теперь путники ждали только Гэндальфа, задержавшегося у Элронда. Бильбо, зябко кутаясь в плащ, стоял в сторонке, рядом с Фродо. Арагорн сидел расслабившись, низко опустив голову. Никто, кроме Элронда, не догадывался, что означает для него начало похода.

Сэм стоял у порога, оглаживая пони и уныло прислушиваясь к шуму реки внизу. В этот час он меньше, чем когда-либо в жизни, жаждал приключений.

— Эх, Билл, животина ты моя бедная, — бормо-

тал он. — Лучше бы тебе с нами не связываться. Оставался бы здесь, щипал бы травку.

Билл пренебрежительно махнул хвостом, но промолчал.

Сэм поправил котомку за плечами и с беспокойством перебрал в уме: все ли взял? Кухонные принадлежности — раз, соль — о, соль у него всегда имелась при себе в небольшой коробочке; он никогда не упускал случая пополнить запас. Табак, кремень, огниво, шерстяные носки, кусочек холста, кое-какие мелочи, забытые Фродо и прибранные Сэмом (чтобы торжественно достать, когда хозяин хватится), — все было на месте, все в должном порядке.

— Эх, а веревка-то! — хлопнул он себя по лбу. — Нету ведь веревки-то! Ночью же вспомнил: «Сэм, а как насчет веревочки? Хватишься ведь, а не будет». Ну вот оно, хватился уже, а взять-то и негде.

В этот момент вышли наконец Элронд с Гэндальфом.

— Что сказать мне вам напоследок? — тихо и задумчиво обратился к отряду Владыка Дольна. — Хранитель Кольца начинает свой путь к Роковой Горе. Вся тяжесть долга — на нем. Ни бросить Кольцо, ни отдать его вражьим слугам, ни даже позволить коснуться Кольца кому бы то

ни было он не вправе. Остальные вольны в своих действиях. Они могут вернуться, могут выбрать другие тропы — как распорядится судьба. Чем дальше пройдете вы с Хранителем, тем труднее вам будет вернуться или покинуть его, но ничто не обязывает вас продолжать путь. Испытайте ваши сердца, примите то, что пошлет каждому из вас дорога.

— Ненадежен говорящий «прощай» на темном пути, — сурово заметил Гимли.

— Возможно, — ответил Элронд, — но пусть лучше не клянется продолжать путь во мраке тот, кто не видел настоящей ночи.

— Клятва укрепляет слабое сердце, — сверкнув глазами, стоял на своем гном.

— Или разбивает его, — закончил Элронд. — Не надо пытаться заглянуть далеко вперед. Пусть сердце останется самим собой, но пусть не покидает его доброта. Прощайте, благословение эльфов, людей и всех свободных народов Запада пребудет с вами. Да осияет звездный свет ваши лица!

— Удачи в пути! — крикнул Бильбо посиневшими от холода губами. — Фродо, мальчик мой, если не сможешь вести дневник, хоть запоминай побольше, я буду ждать. Не пропадай надолго!

Их провожали эльфы. Тихие мелодичные голоса со всех сторон желали уходящим доброго пути. Ни музыки, ни песен, ни смеха. Отряд вышел на дорогу и словно канул в темноту.

За мостом крутая тропа вывела путников из долины, и на высокой вересковой пустоши прощально запел ветер. Потом, взглянув на последний домашний кров, мирно мигавший огнями внизу, отряд ушел в ночь.

У Бруиненского Брода свернули с дороги на юг. Этого направления предстояло держаться много миль и дней. Идти без дороги было нелегко, но зато уменьшался риск попасться на глаза неприятелю, хотя в этом пустынном краю слуг Врага никогда раньше не встречали.

Гэндальф с Арагорном, прекрасно ориентировавшиеся здесь даже ночью, шли впереди. Вереницу замыкал зоркий Леголас. Поначалу путь казался очень тяжел, Фродо запомнился лишь не смолкающий ни на секунду заунывный свист ветра. Он налетал с гор на востоке ледяными порывами, его холодные пальцы шарили под любой теплой одеждой. Холод испытывали все, и в пути, и на отдыхе. Беспокойный сон днем в каком-нибудь укромном овражке под колючими кустами к вечеру прерывался дозорным. Наста-

вало время ужина. Костер разводить опасались, ели невкусно, а потом шли дальше, стараясь выдерживать направление на юг.

Скоро хоббитам стало казаться, что, двигаясь таким черепашьим шагом, они вообще никуда никогда не попадут. Каждый новый день, озираясь вокруг, они видели ту же унылую равнину, что и вчера. Только Горы с каждым днем становились немножечко ближе. На юге, уже за границей Дольна, их хребты плавно заворачивали к западу, а в предгорьях в изобилии попадались нудные пологие подъемы да ущелья, по дну которых часто мчался скачущий пенный поток. Тропы встречались редко и еще реже вели в нужном направлении.

В конце второй недели пути погода изменилась. Ветер сначала стих, а потом задул с севера. Прояснилось, выглянуло солнце. Очередной спотыкающийся ночной переход окрасился ясной рассветной зарей. Перед путниками обрисовался невысокий гребень, увенчанный древними падубами. Бугристые серо-зеленые стволы деревьев словно были выстроены из тех же камней, на которых росли. Среди потемневших и не думавших облетать листьев посверкивали лаковые красные ягоды.

Далеко на юге глазам Фродо предстала горная страна. Слева вздымались три отдельных пика, ближайший, самый высокий, напоминал очертаниями драконий зуб. Вершина, опушенная снегом, розовела заревыми бликами.

Гэндальф стоял рядом с Фродо и, прикрыв глаза рукой, рассматривал горы.

— Прекрасно, — удовлетворенно заметил он. — Мы достигли страны, которую люди звали Благодатными Кущами. Когда-то, в более счастливые времена, здесь жили эльфы. На их языке страна звалась Эрегион. От Дольна по прямой — сорок пять лиг, но мы-то ногами отмерили куда больше. Я думаю, холод теперь перестанет донимать нас. Климат здесь помягче, но и опасность растет.

— Ты посмотри на восход, — посоветовал Фродо, откидывая капюшон плаща, — он-то не опасный.

— Смотри-ка, а Горы-то теперь впереди, — удивился подошедший Пиппин, — выходит, мы ночью свернули на восток?

— Нет, — ответил маг. — Просто днем видно дальше. За этими вершинами хребет уходит на юго-запад. В Доме Элронда есть прекрасные карты, но тебе, полагаю, недосуг было заглядывать в них?

— Да смотрел я, — с досадой ответил Пиппин, — только не разбираюсь я в них. Это вон Фродо с его головой может.

— А мне никаких карт не надо. — Гимли стоял рядом с Леголасом, жадно вглядываясь в даль. — Это — земля моих отцов. Три вершины впереди знакомы мне с детства. Я видел их контуры много раз и в металле, и в камне, слышал о них в песнях и преданиях. Это — горы наших грез; наяву они предстали мне лишь один раз, но запомнились навсегда. Ведь под ними лежит Страна Гномов, Казад Дум, зовущаяся ныне Черной Бездной, на языке эльфов — Мория. Вон стоит Баразинбар, Красный Рог, по-эльфийски — Жестокий Карадрас; за ним — Серебряный Пик и Седоглавый, Келебдил Белый и Фануидол Серый, а по-нашему — Зирак Зигиль и Бундушатур.

Там, сжатая отрогами Мглистых Гор, лежит долина, которая вечно пребудет в памяти гномов, — Азанулбизар, Росная Долина, а по-эльфийски — Нандухирион.

— Вот туда нам и нужно, — сказал Гэндальф. — Подниматься будем к перевалу, к Воротам Красного Рога, потом спустимся Росными Порогами в легендарную долину гномов. Там из Зеркального озера берет начало Серебрень.

— Непроглядны воды Келед Зарама, — торжественно произнес Гимли, — холодны ключи Кибил Налы. Сердце мое трепещет — скоро я увижу их!

— Пусть это принесет тебе радость, мой добрый гном, — в тон ему ответил Гэндальф. — Но ты как хочешь, а мы там не задержимся. Наш путь — по течению Серебрени в зачарованные леса, а там — к Великой Реке и дальше… — Он замолчал.

— Что дальше-то? — подергал мага за рукав Мерри.

— Не стоит заглядывать слишком далеко вперед, — сдержанно ответил маг. — Первую часть пути осилили, и хорошо. Здесь устроим дневку. В Эрегионе легко дышится. Сколько бы зла ни пришлось вынести этой стране, а память об эльфах жива.

— Это правда, — кивнул Леголас. — Для нас, Сумеречных Эльфов, здешний народ странен. Трава и деревья уже не помнят их. А камни скорбят, вот, слышите: «Они проникали в нас, они творили нас, ввысь они поднимали нас, но они покинули нас». Давно ушли эльфы Эрегиона к Гаваням.

Утром в глубокой лощине, надежно скрытой ветвями падуба, развели костер. Завтракоужин показался на удивление вкусным. Спать не торо-

пились, ведь впереди ждал целый день отдыха. Выйти предполагали назавтра к вечеру. Только Арагорн обеспокоенно молчал, а чуть погодя оставил отряд и поднялся на гребень. Стоя в тени деревьев, он долго осматривался и прислушивался, потом вернулся к краю лощины и встал, глядя на остальных сверху.

— Эй, Колоброд, ты чего там высматривал? — окликнул Мерри. — Тебе восточного ветра не хватает?

— Без него-то я обойдусь, — ответил Арагорн. — Но кое-чего и впрямь не хватает. Я много раз бывал в Эрегионе в разное время года. Ни один народ не живет здесь, но всегда было полно зверья и птиц, особенно птиц. А сейчас только вы и щебечете, а все молчит. На мили вокруг — тишина, и лишь земля как будто отзывается на ваши голоса. Непонятно мне это.

Гэндальф с неожиданным интересом спросил:

— А как ты думаешь, что за причина? Если простое удивление от такой чудной компании — это одно, а если… — Он не закончил, вопросительно глядя на Следопыта.

— Может, и так, — нехотя ответил Арагорн. — Только никогда раньше не чувствовал я здесь тревоги, если не чего похуже.

— Надо бы нам потише, — озабоченно обратился Гэндальф к остальным. — Если уж рядом с тобой Скиталец, да еще такой, как Арагорн, стоит прислушиваться к его словам.

Первым в этот день дежурил Сэм, но по собственной воле к нему присоединился Арагорн. Остальные один за другим уснули. Над лощиной стремительно стала расти тишина. Ее почувствовал даже Сэм. Каждый звук, будь то дыхание спящих или взмах хвоста Билла, был словно бы сам по себе. Хруст в суставах, когда Сэм потянулся, заставил вздрогнуть его самого, так громко и отчетливо он прозвучал. В мертвой тишине солнце неторопливо взбиралось в ясное синее небо. Далеко на юге появилось темное облачко, похожее на клок дыма. Оно быстро приближалось.

— Глянь, Колоброд, что это там? — шепотом спросил Сэм. — На облако вроде не похоже…

Арагорн не отвечал. Он давно уже смотрел на юг. Но вскоре Сэм и сам понял, что это такое. К ним быстро приближалась огромная стая птиц, летящая каким-то странным, рыскающим зигзагом.

— Ложись и замри! — шепотом приказал Арагорн.

От стаи отделился узкий язык и понесся прямо

на гребень. Сэм присмотрелся и подумал, что никогда не видел таких огромных ворон. Птицы пронеслись у них над головами, затмив небо и на мгновение наполнив воздух оглушительным граем. Скоро они уже исчезли на северо-западе. Арагорн вскочил на ноги и принялся будить Гэндальфа.

— Вставай! Стаи ворон рыщут от Гор до Седонны. Это не здешние, похожи на *кребайн* из лесов Фангорна или из Дунгара. Может, их что-то спугнуло на юге, но, сдается мне, они просто следят за Эрегионом. Надо убираться отсюда нынче же вечером.

— Значит, и перевал Красного Рога может оказаться закрытым. Уж там-то незаметно не пройдешь. Ну, посмотрим. А выходить вечером надо, ты прав.

— Хорошо, костер не дымил, — промолвил Арагорн. — *Кребайн* его не заметили. Больше разводить не будем.

— Это же надо, — возмущался Пиппин. — Костра нет, опять в ночь тащиться, и все из-за стаи ворон! А я-то рассчитывал вечером горяченького поесть.

— Можешь продолжать рассчитывать, — подначил его Гэндальф. — У нас впереди сплошные

пиры. Мне бы вот трубочку да ноги согреть. Ну, дальше на юг — потеплее будет.

— Лишь бы жарко не стало, — проворчал Сэм. — Я-то уши развесил: думал, мы уж к Огненной Горе пришли. Этот, как его, Красный Рог, Баразинбар, что ли, за нее принял. Тьфу, пропасть! С этим гномьим языком челюсти свихнешь. И чего восторгаться, право?

Карты не оставили ни малейшего следа в голове садовника. Пространства, раскинувшиеся вокруг, своей обширностью совсем сбили его с толку.

До вечера отряд оставался в укрытии. Вороны прилетали еще дважды, но после заката исчезли на юге. Вышли в сумерках и направились к подножию Карадраса. Быстро темнело, стали высыпать звезды.

Арагорн нашел отличную тропу. Фродо она показалась остатками древней дороги, ведущей от Эрегиона к перевалу. Полная луна поднялась над горами, в ее бледном свете тени в камнях стали угольно-черными. Очертания многих хранили следы резца, но теперь камни были разбросаны вокруг в полном беспорядке.

Стоял холодный предрассветный час, и луна готовилась опуститься за горизонт, когда Фродо, взглянув вверх, скорее почувствовал, чем увидел

пронесшуюся в вышине тень. Просто звезды исчезли на миг, а потом появились снова. Хоббит вздрогнул.

— Ты ничего не заметил? — спросил он шагавшего впереди Гэндальфа.

— Я почувствовал, — тут же отозвался маг. — Может быть, это прядь тумана?

— Слишком быстро для тумана, — пробормотал, не оглядываясь, Арагорн, — да еще против ветра.

Этой ночью других происшествий не случилось. Утро настало яснее вчерашнего, только опять похолодало, и ветер снова отворачивал к востоку. Путь к перевалу занял еще две ночи постоянного, хотя и пологого подъема. На третье утро Карадрас уже закрывал полнеба; могучий горный пик с оснеженной вершиной и крутыми склонами, тускло-красными, словно выпачканными запекшейся кровью.

Солнце в это утро выглядело каким-то больным. Ветер зашел на северо-восточный. Гэндальф несколько раз принимался принюхиваться.

— За нами идет зима, — тихо сказал он Арагорну. — Посмотри, горы на севере белее, чем вчера. Даже на отрогах лежит снег. Наверх ведет только одна тропа, кто знает, чего от нее ждать, но самое главное — погода. У меня не идет из головы доро-

га, о которой мы говорили…

Фродо, расслышавший эти слова, принял их за продолжение какого-то другого разговора. Он с беспокойством прислушался.

— Ты прекрасно знаешь, *что* я думаю о дороге, которой мы идем, — устало ответил Арагорн. — Она не просто ненадежна, а чем дальше, тем становится все опаснее. Но теперь нам от нее никуда не деться. Надо идти на перевал, медлить опасно. На юге перейти Горы негде, единственный перевал выходит к Гриве Рохана. После твоих рассказов о Сарумане я там не пойду. Мы не знаем, на чьей стороне Рохан.

— Да, это опасно, — согласился Гэндальф. — Но есть ведь и другой путь, темный и тайный…

— Давай не будем начинать снова, — остановил его Арагорн. — Или… отложим, пока не убедимся в непроходимости перевала. И, я прошу тебя, не говори пока остальным.

— Но надо же решить, как идти, — настаивал маг.

— Хорошо. Давай каждый из нас еще раз подумает обо всем, взвесит, а там видно будет. Дай им поспать пока.

Уже после полудня, когда остальные заканчивали завтрак, Гэндальф с Арагорном отошли

в сторону и долго разглядывали Карадрас. Вершина горы пряталась в низких тяжелых тучах. Фродо наблюдал за проводниками, гадая, о каком еще пути может идти речь. Гэндальф подошел к остальным и объявил о решении идти на перевал сегодня. Почему-то его слова обрадовали Фродо. Он ничего не знал о «темном и тайном» пути, но видел, с какой неохотой говорил о нем Арагорн, и заранее невзлюбил его.

— Есть у меня опасение, — меж тем говорил Гэндальф, — что Перевал Красного Рога охраняется, еще больше меня смущает погода. Надо пройти перевал быстро. До седловины не меньше двух переходов, темнеет сейчас рано, надо поторапливаться.

— Я хотел добавить пару слов, — произнес Боромир. — Я родился в предгорьях, дороги в горах мне хорошо знакомы. Наверху нас встретят сильный ветер и холод. Там уже не до тайн, надо думать, как не замерзнуть. Я посоветовал бы прихватить дров, кто сколько сможет.

— А Билл возьмет чуток побольше, правда, дружище? — Сэм заботливо похлопал пони по крупу. Ответом ему был довольно мрачный взгляд почти говорящего животного.

— Хорошо, — согласился Гэндальф. — Но это

— на самый крайний случай.

Отряд тронулся в путь и поначалу двигался довольно быстро. Но скоро тропа полезла круто вверх. Во многих местах ее перегораживали упавшие камни. Темнело. Пронизывающий ветер задувал все сильнее. К полуночи вышли на площадку, после которой тропа лепилась вдоль отвесной стены. Громада горы нависла над ними во мраке, справа подстерегала черная пустота, там зиял обрыв.

Поднявшись еще немного, Фродо приостановился. Что-то мягко коснулось его щеки. Протянув руку, он увидел на рукаве снежинки, а вскоре воздух наполнился кружащимся белым роем. Хоббит с трудом различал впереди согнутые спины Гэндальфа и Арагорна.

— Не нравится мне все это, — прохрипел позади Сэм. — Снежок хорош зимним утречком, когда печка уже топится, а вставать еще рано. Вот бы в Хоббитоне такой снегопад, то-то детворе радость!

В Шире снегопад — редкость. Снег выпадает изредка только в Северной Чети, и там это неизменный повод для веселья. Никто из жителей Шира (за исключением Бильбо) не помнил Лютой Зимы 1311 года, когда белые волки перешли

через замерзший Брендидуин.

Гэндальф остановился. Снег густо усыпал капюшон его плаща, маленькими сугробами лежал на плечах. Под ногами тоже намело уже по щиколотку.

— Этого я и боялся, — отдышавшись, выговорил он. — Что скажешь, Арагорн?

— Что и я опасался снегопада, — ответил Скиталец, — но меньше, чем остального. Конечно, это неприятно. Кстати, здесь, на юге, снег редко бывает таким сильным, разве что в горах. Но мы все еще внизу, а внизу тропы остаются открытыми всю зиму.

— Уж не вражья ли это забота? — проворчал, подходя к ним, Боромир. — Он ведь может приказывать бурям в Хмурых Горах. Он вообще повелевает странными силами, и союзников у него не счесть.

— Да уж, руки он себе отрастил длинные, — включился в разговор Гимли, — если с севера нагнал снегу сюда, за три сотни лиг, чтобы только досадить нам.

— Значит, отрастил, — коротко подытожил Гэндальф.

Пока они стояли, ветер почти стих, а снег поредел. В воздухе кружились лишь отдельные

снежинки. Передохнув, путники снова пошли, но, не одолев и фарлонга, вынуждены были опять остановиться. Вокруг бушевал настоящий буран. Ветер свистел, а снег больно сек лица и залеплял глаза. Хоббиты, согнувшись в три погибели, едва тащились за спинами высокого народа, но видно было, что долго им не выдержать. Пиппин плелся позади. Даже Гимли, выносливый, как всякий гном, спотыкался и ворчал в бороду. В следующий раз все встали как по команде. Темнота вокруг наполнилась жуткими звуками. Конечно, это мог выть и ветер в трещинах скал, но уж слишком дикими воплями, да еще перемежающимися злорадным хохотом, разразилась темнота. Впереди на тропу обрушился камень, за ним еще один, а потом грохот близкого камнепада едва не оглушил их.

— Сегодня дальше не пройти! — прокричал Боромир. — Пусть кто хочет назовет это ветром, но я различаю злые голоса, а камни целят в нас.

— Это и есть ветер, — ответил Арагорн, — но, похоже, ты прав. В мире есть немало сил, враждебных двуногим. Они не обязательно союзники Саурону, он слишком молод по сравнению с ними. Это могут быть их происки.

— Карадрас прозвали Жестоким в те времена,

когда о Сауроне и слыхом не слыхивали, — добавил Гимли.

— Сейчас не так важно, кто наш враг, если он сильнее нас, — промолвил Гэндальф.

— Так что же нам делать? — страдальчески вопросил Пиппин. Он едва стоял на ногах, опираясь на плечи Фродо и Мерри, и дрожал крупной дрожью.

— Можно остаться здесь, а можно идти вперед. — Маг внимательно посмотрел на него. — Правда, впереди нас не ожидает ничего хорошего. Насколько мне помнится, дальше — открытое место, ни от ветра, ни от камней не спрячешься.

— Дорога назад не лучше, — ответил Арагорн. — Посмотрите, настоящая буря. Здесь нас прикрывает скальная стенка, но позади нет других укрытий.

— Ишь, укрытие! — пробормотал Сэм. — Этак стены без крыши за дом сойдут.

Путники стояли, прижавшись к скале. Слабо, очень слабо, но она все же защищала от северного ветра и камнепада. Однако снег падал все гуще. Все сгрудились вплотную, прижавшись друг к другу боками и спинами. Унылый пони тоже слегка загораживал хоббитов от ветра. Стояли по колени в снегу. Не будь с ними рослых людей,

хоббитов уже давно занесло бы.

Фродо неудержимо клонило в сон. Похоже, он даже задремал, потому что вдруг ощутил в ногах и в пальцах тепло близкого камина и расслышал голос Бильбо: «Я невысокого мнения о твоем дневнике. Посмотри, что это за запись: *Снежный буран двадцатого января*. Стоило возвращаться, чтобы сообщить об этом!»

«Я устал и хочу спать, Бильбо», — с трудом ответил Фродо, чувствуя, как его встряхивают сильные руки. Он охнул и проснулся. Боромир поднял его из снежной ямки.

— Гэндальф! — позвал он. — Полурослики не могут больше. Нас с головой занесет. Надо что-то делать.

Маг порылся в мешке и достал кожаную флягу.

— Дай им хлебнуть. — Он протянул флягу гондорцу. — И нам — по глотку. Это — *мирувор* из Имладриса.

Едва Фродо глотнул пахучей жидкости, как ощутил горячий ток в сердце, а сонливость отлетела, словно сбитая щелчком. Остальные тоже оживились. Но на снегопад *мирувор* никак не повлиял. Снег валил большими хлопьями, а ветер завывал пуще прежнего.

— Ты не считаешь, что настал «самый крайний

случай»? — обратился Боромир к Гэндальфу. — Когда нас совсем заметет, можно будет не опасаться шпионов Врага. Только нам будет уже все равно. Нужен огонь.

— Давай, разводи, — согласился Гэндальф. — Чьи бы глаза за нами ни следили, если им этот буран не помеха, то они заметят нас и с огнем, и без него.

Достали дрова, сразу порядком отсыревшие. Ветер вихрился и срывал искры огнива. Сначала гном, а потом эльф после долгих попыток отступились. Тогда за дело взялся Гэндальф. Переложив дрова, он звучно произнес: «*Наур ан эдрайт аммен!*» — и ткнул жезлом в сложенный костер. Сверкнуло зелено-синее пламя, поленья дружно занялись и затрещали.

— Ну, если есть кому смотреть, — невесело усмехнулся маг, — им трудно не прочесть «Гэндальф здесь», настолько очевидно я расписался.

Но никто больше не думал ни о каких соглядатаях. Все просто радовались огню. Не обращая внимания на талые ручейки под ногами, путники сгрудились у костра, протягивая вперед закоченевшие руки. Красные отсветы плясали на усталых лицах, а вокруг черной стеной стояла ночь.

Дрова горели быстро, а снег все падал и падал.

Последняя небольшая охапка дров ненадолго продлила жизнь огню.

— Ночь на исходе, — проговорил Арагорн, — скоро рассвет.

— Если какой-нибудь рассвет сможет проникнуть сквозь эти тучи, — мрачно заметил Гимли.

Боромир отошел на несколько шагов, вглядываясь в ночь.

— Снег почти перестал идти, и ветер стихает, — сообщил он.

Фродо устало следил за танцем снежинок, влетающих из темноты в свет догоравшего костра. Он удивился словам Боромира, ему казалось, что этих белых пушинок по-прежнему очень много. Однако, в очередной раз вздернув отяжелевшую

голову, он заметил перемены: снежинки стали крупнее и реже, а ветер — тише. Темнота посерела.

С трудом пробивавшийся рассвет высветил молчаливый убеленный мир. Ниже их убежища на месте тропы громоздились причудливые сугробы. Небо хмурилось тяжелыми снеговыми облаками.

Гимли глянул вверх и покачал головой.

— Карадрас не передумал, — произнес он. — Если мы двинемся, у него хватит снега остановить нас. Надо спускаться.

С гномом никто не спорил, но осуществить его намерение было теперь не так-то просто. Всего в нескольких шагах от углей костра снегу намело куда выше хоббичьего роста, а в некоторых местах по прихоти ветра воздвиглись высокие белые гребни.

— Может, пустим Гэндальфа вперед? — предложил Леголас. — Он жезлом растопит снег и проложит всем тропинку. — Буран никак не отразился на настроении эльфа. Он, единственный из всего отряда, оставался легок и беззаботен.

— Хорошо бы эльфы умели летать, — сердито отозвался Гэндальф. — Их можно было бы послать за солнцем. Я не собираюсь работать вместо

него и растапливать снег.

— Ладно, — сказал Боромир, поплевав на руки. — У нас говорят: когда голова задумалась, тело может и поработать. Пора пускать сильных. Смотрите, снег, конечно, вроде бы везде одинаков, но застал он нас вон за тем выступом. До него не больше фарлонга, может, дальше легче будет.

Арагорн встал рядом с ним.

— Давай попробуем пробить туда тропу, — поддержал он гондорца.

Боромир уступал ростом Арагорну, но был шире в плечах. Он прокладывал путь, Арагорн двинулся следом. Но даже для них работа оказалась непростой. Снег временами доходил людям до плеч, Боромир словно плыл в нем, загребая мощными руками.

Некоторое время Леголас с легкой улыбкой наблюдал за их усилиями, потом повернулся к остальным.

— Говорите, надо пускать сильных? — усмехнулся он. — Ну что ж, пахарь хорош в поле, выдра — в воде, но для ходьбы по траве, листьям или по снегу лучше эльфа пока ничего не придумали.

С этими словами эльф изящно обошел кострище и взбежал на снежный вал. Фродо словно в первый раз увидел на ногах Леголаса вместо

тяжелых сапог мягкие кожаные чулки, но удивительнее того выглядели следы эльфа на снегу: за ним оставались лишь слабые, едва придавливавшие снег отпечатки.

— До свидания! — задорно крикнул Леголас Гэндальфу. — Пойду приведу солнце! — И он быстро, словно по песчаной дорожке, побежал по снегу, настиг тяжко ворочавшихся людей, обогнул их, махнул рукой и исчез за поворотом бывшей тропы.

Хоббитам, магу и гному оставалось только ждать. Боромир с Арагорном хоть и медленно, но продвигались вперед. Скоро и они скрылись за скалой.

Шло время. Облака стали ниже и снова роняли пока редкие снежинки.

Прошло не меньше часа, прежде чем показался возвращавшийся Леголас. Почти одновременно с ним из-за поворота появились с трудом поднимавшиеся люди.

— Я не привел солнце! — подбегая, прокричал Леголас. — Оно нежится в синих полях на юге, и маленький сугроб на небольшом пригорке его не соблазнил. Но для тяжелоходящих я принес кусочек надежды. Там, за поворотом, намело целый оборонительный вал, наши силачи завязли в нем

и приготовились отчаяться, даже не подозревая, что ширина вала не больше локтя. Дальше снега меньше, а еще дальше — не хватит хоббитам ступни охладить.

— А я что говорил! — важно произнес Гимли. — Это не простой буран. Это — злая воля Карадраса. Он не жалует ни эльфов, ни гномов, вот и сугроб сложил, замуровать нас хотел.

— К счастью, твой Карадрас забыл про людей, — тяжело дыша, проговорил подошедший Боромир. — И каких людей! Правда, два негероя с лопатами управились бы, наверное, побыстрее, но и мы проложили через сугроб целую дорогу и теперь готовы принимать благодарности.

— Но как же мы доберемся до вашей дороги? — жалобно спросил Пиппин, глядя на глубокое снежное крошево впереди. Об этом же подумали и остальные хоббиты.

— Не надо терять надежду, — снисходительно успокоил их Боромир. — Нечего притворяться, мы устали, но не настолько же! Для нас с Арагорном малый народец — не велика ноша. Остальные пройдут как-нибудь за нами. Прошу, мастер Перегрин, с тебя и начнем.

Воин легко поднял хоббита.

— Эй, держись за спину! — прикрикнул он. —

Руки мне понадобятся. — И зашагал вперед. Арагорн с Мерри под мышкой двинулся следом. Пиппин, с высоты разглядывая проход, проделанный людьми, подивился силе Боромира. Даже теперь, с грузом за плечами, гондорец шел, продолжая расширять коридор в снегу для тех, кто двигался позади.

Так они добрались до сугроба действительно устрашающих размеров. Если бы пришлось рыть насквозь, глубина прохода составила бы не меньше двух ростов Арагорна. Но люди не стали этого делать. Они разгребали и утаптывали снег, и получился мост, плавно поднимавшийся и опускавшийся по ту сторону сугроба. Там Пиппина и Мерри наконец опустили на землю, и они вместе с Леголасом остались поджидать остальных.

Боромир скоро вернулся с Сэмом на закорках. За ним по узкой, но уже достаточно утоптанной тропе шел Гэндальф, ведя в поводу Билла с пристроившимся поверх поклажи гномом. Последним шел Арагорн, а у него из-за плеча выглядывал Фродо. Хоббит спрыгнул на землю, и, словно от этого неощутимого удара, где-то наверху пробудилось эхо. Оно перешло в угрожающий рокот, быстро сменившийся грохотом рушащихся камней, увлекающих за собой снеж-

ную лавину. Когда путники, вжавшиеся в скалу, перестали чихать и кашлять от снежной пыли, оседавшей в воздухе, тропы позади них больше не существовало. Сплошная ровная снежная стена возникла на том месте, где они прошли несколько минут назад.

— Хватит! Ну, хватит же! — крикнул Гимли. — Мы и так уходим. Уймись!

Действительно, с этой последней злобной вспышкой Карадрас то ли устал, то ли убедился, что незваные пришельцы достаточно проучены и больше сунуться не посмеют, но дальнейший спуск проходил без осложнений. Скоро они уже стояли на том колене, где застали их первые признаки снегопада.

Развиднелось. Отсюда можно было оглядеться. Внизу хоббиты рассмотрели даже лощину, от которой начинался подъем к перевалу.

У Фродо болели ноги. Он промерз до костей, голова кружилась от голода, а ведь предстоял еще долгий путь вниз. Перед глазами плыли черные точки. Фродо тер их кулаками, но точки и не думали исчезать. Только когда Арагорн рядом сказал: «Снова птицы!» — Фродо понял, что с глазами у него все в порядке.

— Ничего не поделаешь, — махнул рукой Гэн-

дальф. — Придется спускаться. Даже на коленях у Карадраса ночевать мы больше не будем.

Холодный ветер словно подталкивал их сзади, когда они устало заковыляли вниз по склону. Карадрас победил.

Глава IV
Путь во мгле

Был уже вечер, когда отряд остановился на ночлег. Все смертельно устали. Горы быстро тонули в сгущающемся мраке, с вершин по-прежнему тянул холодный ветер. Гэндальф подумал и еще раз оделил всех *мируво́ром* из фляги, а после ужина собрал совет.

— Ночной переход отменяется, — сказал маг. — Карадрас так вымотал нас, что придется отдохнуть.

— Но куда идти потом? — спросил Фродо.

— Ничего не изменилось, — взглянув на него, как можно спокойнее отвечал маг. — У нас только два пути: вперед к цели или назад в Дольн.

Пиппин при упоминании о возвращении не

смог сдержать робкую улыбку. Мерри и Сэм тоже с надеждой поглядели на мага. Арагорн и Боромир не отреагировали на его слова, а Фродо заметно встревожился.

— Конечно, — в волнении заговорил он, — я хотел бы оказаться там снова, но как же я вернусь? Разве нет другой дороги? Разве мы уже сдаемся?

— Ты прав, — мягко улыбнулся маг. — Вернуться — значит сдаться и ждать худшего поражения. Если мы вернемся сейчас, второй раз уже не выйдем. Рано или поздно Дольн окажется в осаде и не выстоит на этот раз. Ужасны Кольценосцы, но они — лишь тень того ужаса, который падет на земли Запада с возвращением Кольца на палец своего хозяина.

— Тут и думать нечего, — сердито произнес Фродо. — Идти надо. Ведь есть же какой-то путь…

Сэм, повернувший к нему голову, помрачнел.

— Да, путь есть, — задумчиво поглаживая бороду, проговорил Гэндальф. — Еще когда мы обсуждали маршрут, я думал об этом пути, но хорошего в нем мало, я не стал вам ничего говорить. К тому же Арагорн был против, пока оставалась надежда пройти через перевал.

— Ну, уж если другой путь хуже, — покрутил головой Мерри, — значит, он действительно ни-

куда не годится.

Маг словно не обратил на него внимания.

— Дорога, которую я помянул, ведет в подземелья Мории. — Последние слова маг подчеркнул голосом.

Гимли вскинул голову. В глазах гнома полыхнуло затаенное пламя. Остальные при одном названии невольно втянули головы в плечи. Для хоббитов Мория была только смутной легендой, но легендой страшной.

— Вести-то она ведет, — мрачно заметил Арагорн, — да только вот куда выведет?

— Это нехороший путь, — решительно заговорил Боромир. — Я не вижу никакой необходимости лезть под землю. Нам не удалось перевалить горы здесь? Не беда. Можно спуститься к югу и пройти перевалами к Гриве Рохана. Я же так и попал в Дольн. Там живут наши союзники. А можем пройти еще дальше, к побережью, пересечь Изен, пройти через Лебеннин и попасть прямо в Гондор.

— Сейчас многое и быстро меняется, Боромир. — Гэндальф положил руку на плечо воина. — Разве не достаточно измены Сарумана? Да, мне не миновать еще одной встречи с ним, но Кольцо не должно появляться поблизости от Изенгарда.

Грива Рохана закрыта не для нас, а для Хранителя. А на кружную дорогу у нас нет времени. Такое путешествие займет не меньше года, идти придется через множество стран. Большинство пустынны, но небезопасны. Там достаточно глаз и у Врага, и у Сарумана. Когда ты шел на север, ты был для них просто одиноким путником, до которого Врагу не было дела. У него голова была занята погоней за Кольцом. Но теперь ты идешь с отрядом, сопровождающим Хранителя, и опасность растет с каждой лигой, пройденной под открытым небом.

После нашей неудачи на Карадрасе я расцениваю положение как отчаянное. Если не исчезнуть в самое ближайшее время, надежды не останется. Только поэтому я заговорил о пути под горами. Из всех путей, о которых знает Враг, об этом он будет думать в последнюю очередь.

— Да не знаем мы, о чем он думает! — в сердцах воскликнул Боромир. — Может, он вообще за всеми дорогами следит. Тогда сунуться в Морию — значит оказаться в ловушке. Лучше уж просто постучать в Ворота Черной Крепости. В одном этом названии — Мория — уже чуется беда.

— Ты совершенно напрасно сравниваешь Морию с крепостью Саурона, — повысил голос

маг. — Не стоит говорить о том, чего не знаешь. Я, единственный из вас, побывал в подземельях Дол Гулдура и вышел оттуда, но из Барад Дура не возвращаются. И я не повел бы вас в Морию, если бы не рассчитывал вывести оттуда. Возможно, там орки, и хорошего в этом, конечно, мало. Но большинство орков Мглистых Гор погибло в Битве Пяти Воинств. Орлы предупреждали, что они снова стали стягиваться к горам, но есть надежда, что Мория пока свободна. Больше того, есть надежда встретить где-нибудь там Балина, сына Фундина. Мы не от хорошей жизни выбираем этот путь, нас толкает нужда.

— Я иду с тобой, Гэндальф! — пылко воскликнул Гимли. — Если ты найдешь и откроешь запертые двери, я взгляну на залы Дарина, чего бы мне это ни стоило!

— Спасибо за поддержку, Гимли, — улыбнулся гному Гэндальф. — А двери мы с тобой отыщем и Морию пройдем. В подгорном царстве голова гнома перетянет и хоббичью, и человечью, и эльфийскую. Да и для меня это не первый спуск в залы Мории. Я долго искал там Трайна, сына Трора. Я прошел Морию насквозь и, как видите, вышел живым.

— И мне пришлось побывать там, — тихо про-

изнес Арагорн. — Но мне вполне хватило одного раза.

— А я и в первый раз ни за что не полезу! — выкрикнул Пиппин.

— И я не хочу, — с запинкой пробормотал Сэм.

— Так ведь никто не хочет, — проникновенно сказал маг. — Только вопрос стоит по-другому: кто пойдет со мной, если я поведу вас туда?

— Я пойду, — решительно заявил Гимли.

— Я тоже пойду, — тяжело промолвил Арагорн. — Ты пошел за мной на перевал, мы едва не погибли, но ты не укорял меня, хотя и предупреждал. Теперь я пойду за тобой, хотя и предупреждаю. Не о Кольце речь и не о нас, — голос Арагорна дрогнул, — речь о тебе, Гэндальф. Если ты войдешь в ворота Мории — берегись!

— Я не пойду, — отрезал Боромир. Потом помолчал и добавил: — Если только все не решат идти. Пусть выскажется малый народ. И уж Хранителя-то во всяком случае надо выслушать.

— Я не хочу идти в Морию, — ясным голосом произнес Леголас.

Хоббиты молчали. Сэм поглядывал на Фродо.

— Я тоже не хочу идти, — после долгой паузы вымолвил Фродо. — Но и от совета Гэндальфа не отказываюсь. Я прошу вас, не надо голосовать.

Давайте поспим, а утром посмотрим. При свете решать легче, чем в этих потемках. Слышите, как ветер воет?

Никто не стал ему возражать. Путники сидели, глубоко задумавшись, а ветер действительно разгулялся в предгорьях. Он завывал в отдалении, и от этого ночь становилась еще неуютней.

Внезапно Арагорн вскочил на ноги.

— Как ветер воет? — воскликнул он. — Да он воет волчьими голосами! *Варги* в долине!

— Стоит ли теперь ждать утра? — горько произнес Гэндальф. — Вот и началась охота. Даже если мы доживем до рассвета, кому придет в голову путешествовать на юг с волками за спиной?

— А далеко до Мории? — быстро спросил Боромир.

— От Карадраса ворону по прямой — миль пятнадцать, — ответил Гэндальф. — Для волка — двадцать.

— Ладно, — решил Боромир, — как рассветет, пойдем. Лучше орка опасаться, чем волка слышать.

— Это верно, — пробормотал Арагорн, проверяя, легко ли вынимается меч из ножен. — Но где варг воет, там и орк рыщет.

— Честное слово, прав был Элронд! — прошеп-

тал Пиппин Сэму. — Мне и так нехорошо было, а тут еще эти волки. Я же все-таки не Бандобрас, хоть мы с ним и одного рода. Провалиться мне, если я припомню переделку похуже этой!

— Да и у меня сердце где-то в пятках, сударь, — ответил Сэм. — Но нас ведь еще не съели. Люди — народ крепкий, да и, спорить могу, что бы там судьба ни припасла для Гэндальфа, но уж не волчье брюхо — это точно!

Для удобства обороны отряд поднялся на невысокий холм, под которым они недавно совещались. Здесь росли старые корявые деревья, а несколько больших валунов образовывали нечто вроде изгороди на самой вершине. Там развели огонь. Таиться дальше не имело смысла. Темнота и тишина не собьют волков со следа.

Хоббиты сидели вокруг костра и беспокойно дремали. Пони дрожал и потел от страха. Волчий вой доносился теперь, казалось, отовсюду. То здесь, то там на равнине вспыхивали огоньки глаз, подбирающиеся все ближе. Неожиданно меж камней показался огромный волчище и протяжно завыл, призывая стаю за собой.

Гэндальф, сжимая жезл, шагнул ему навстречу.

— Слушай, ты, Сауронова тварь! — звучно произнес маг. — Здесь — Гэндальф! Только сунься в

этот круг, и я с тебя шкуру спущу!

Волк коротко рявкнул и прыгнул вперед. Тренькнула тетива, и тяжелое тело глухо ударилось о землю. Эльфийская стрела торчала в горле нападавшего. Леголас опустил лук. Арагорн и Гэндальф шагнули вперед, и горящие глаза разом исчезли. Стая бежала. Вокруг холма стало темно и тихо, только ветер подвывал, но уже своим голосом.

В разрывах облаков изредка показывалась заходящая луна. Ночь кончалась, когда Фродо вскочил на ноги, разом стряхнув с себя сон. Казалось, вокруг взвыла сама темнота. Это варги, бесшумно подобравшись, решили напасть сразу со всех сторон.

— Больше огня! — крикнул Гэндальф хоббитам. — Готовьте мечи, станьте спина к спине!

Костер окреп от большой охапки сучьев, свет позволил различить множество серых теней, то проскальзывающих между камнями, то перепрыгивающих через них. Арагорн поймал на меч переднего зверя. Боромир, коротко размахнувшись, разрубил пополам другого. Рядом с ним стоял Гимли, широко расставив ноги и поигрывая топором. Звенела тетива.

В отсветах пламени Гэндальф словно вырос

вдруг. Огромная гневная фигура мага нависла над вершиной холма, будто изваяние какого-нибудь героя древности. Пылающий сук у него в руках горел страшным белым огнем. Варги припали на передние лапы и отпрянули. Над холмом громом раскатился голос:

— *Наур ан эдрайт аммен! Наур дан и нгаурот!*

С ревом и треском вспыхнули сразу несколько деревьев. Пламя мгновенно перекинулось на вершины остальных. Весь холм оделся цветами слепящего огня. Мечи в руках оборонявшихся сверкали. Последняя стрела, посланная Леголасом, вспыхнула на лету и поразила в сердце огромного волка. Остальные бежали.

Огонь медленно умирал. Сверху падали угли и пепел. Над сожженными деревьями клубился едкий дым, синея в первых проблесках рассвета. Варги не возвращались.

— Ну, что я вам говорил, сударь Перегрин? — Сэм, возбужденно блестя глазами, прятал меч в ножны. — Разве такого слопаешь? Вот уж диво так диво!

Когда совсем рассвело, никаких признаков волков не обнаружилось. Больше того, не нашлось ни одного убитого зверя. О ночной схватке напоминали лишь обугленные деревья да стрелы Леголаса, разбросанные неподалеку. Все они были целы, кроме одной, сгоревшей до наконечника.

— Я так и думал, — мрачно заявил Гэндальф. — Это не простая волчья стая, охотившаяся в глуши. Давайте быстро завтракать и собираться.

Погода снова изменилась. Теперь кому-то не нужен стал ни снег, ни туман, а, наоборот, понадобился ясный день, при свете которого легче разглядеть происходящее на равнине. Ветер стих. Облака разогнало. День обещал быть теплым и солнечным.

— До заката нужно во что бы то ни стало достичь Ворот Мории, — говорил Гэндальф спутникам. — Это не так далеко, но троп мы с Арагорном не знаем. Он редко бывал в этих местах, а я лишь однажды подходил к западному краю Мории. Вход в нее там. — Маг махнул рукой на юго-восток, где протянулась цепочка неприветливых скал, переходящих в сплошную темно-серую стену. — Я специально пошел с перевала на юг, теперь мы выгадали несколько миль. Пора идти.

— Пора-то пора, — проворчал Боромир. — А зачем мы идем? Найдет ли Гэндальф то, что ищет? А вдруг Ворот больше нет? Тогда что? Оказаться между горами и волками? Ладно, — вздохнул он, — раз решили, веди!

Отряд снова шел к горам. Теперь впереди рядом с магом шагал Гимли. Ему единственному не терпелось попасть в Морию. В древности с запада к Воротам Мории можно было подойти по берегу Сираннона; этот поток брал начало неподалеку от Ворот. Но то ли Гэндальф сбился с пути, то ли местность с тех пор изменилась, но там, где предполагали, реки не оказалось.

Утро давно кончилось, а отряд все блуждал меж красноватых камней. Они и всматривались с вершин валунов, и вслушивались, но ни блеска, ни плеска воды никто не уловил. Края вокруг лежали безжизненные. Ни следа на серой сухой земле, ни птицы в небе. О том, что может принести ночь, путникам даже думать не хотелось. Надежда уже почти угасла, когда Гимли, все рвавшийся вперед, подозвал остальных. К нему поспешили и оказались неожиданно на берегу высохшего русла. Ни единой лужицы не блестело на дне. Но зато вдоль берега вела хорошо заметная, только сильно разрушенная временем тропа.

— О! Вот он наконец! — с облегчением воскликнул Гэндальф. — Это — Сираннон, Привратный Поток, как его еще называли. Но куда подевалась вода, ума не приложу! Такой шумный был, помнится… Идем! Мы и так задержались.

Отряд устал. У хоббитов болели ноги, но они упорно тащились вперед по старой, неровной каменистой тропе. Солнце уже клонилось к закату, а они, позволив себе лишь короткий привал для еды, все еще шли к горам.

Но вот за крутым поворотом дорога принялась петлять, следуя прихотливым изгибам русла, вдоль скальной стены. Вдруг она выпрямилась и повела их строго на восток. Скоро впереди показался осохший порог. Через неширокий проем, несомненно пробитый когда-то в камне водопадом, теперь едва сочилась вода.

— Как же здесь все изменилось! — поразился Гэндальф. — Я знаю это место. Здесь был Каскадный Водопад, дорога ступенями поднималась слева, а наверху, прямо у Ворот Мории, лежало озеро, откуда брал начало поток. Посмотрим, на что это похоже сейчас.

Действительно, каменные ступени обнаружили без труда. Гимли быстро принялся карабкаться вверх, за ним поспешили Фродо и Гэндальф.

Только забравшись наверх, они поняли, почему пересох Привратный Поток. Его русло было перегорожено рухнувшими скалами.

Заходящее солнце разлило по небу золото заката, а перед путниками раскинулось темное тихое озеро. Ни единый блик не оживлял угрюмую поверхность. Позади зловещих вод вздымались скалы, исключая всякую возможность дальнейшего пути. Никакого признака Ворот в сплошной каменной стене глаз не различал.

— Вот Морийские стены. — Маг указал жезлом за озеро. — Там некогда дорога упиралась прямо в Ворота. Теперь она под водой, а плыть на ночь глядя, думаю, никому не захочется.

— Значит, надо попробовать обойти по краю, — предложил Гимли. — Поднимемся выше, до основной дороги, я знаю, она должна быть там, посмотрим, нельзя ли подойти к Воротам по ней. Только пони нам здесь не протащить.

— В любом случае в подземелья мы его не возьмем, — покачал головой Гэндальф. — Дорога под горами и для человека-то труднопроходима, пони там делать нечего.

— Бедный Билл, — вздохнул Фродо. — Я как-то и не подумал о нем. Что теперь Сэм скажет?

— Мне тоже жаль, — согласился маг. — Бедный

Билл нам здорово помог. Будь моя воля, я не стал бы оставлять его. Но если помнишь, я и брать его не советовал, потому что уже тогда боялся, что придется воспользоваться этим путем.

День кончался. Вечереющее небо замерцало первыми звездами, когда весь отряд собрался на берегу озера. От северного края их отделяло не более полумили, там виднелось неширокое, относительно ровное пространство. Приходилось спешить, до Ворот, как утверждал Гэндальф, оставалось еще мили полторы.

Добравшись до северного конца озера, наткнулись на узкий рукав зеленой стоячей воды, протянувшейся к самым скалам. Гимли, не останавливаясь, вошел в воду; оказалось совсем мелко, только очень скользко. Под водой скрывались покрытые водорослями и противной тиной камни. Фродо содрогнулся от отвращения, ступив в темную, мутную и затхлую воду.

Сэм, шедший последним, уже выводил Билла на твердую сухую землю, когда странный звук заставил всех насторожиться. Вроде бы в озере за спиной плеснула большая рыба, а потом донеслось непонятное бульканье. Оглянувшись, путники заметили в быстро надвигающихся сумерках лишь круги, расходящиеся по воде от

середины озера. Снова что-то булькнуло, и наступила тишина. Быстро темнело.

Гэндальф торопился. Остальные едва поспевали за ним. Скоро все оказались на каменистой площадке не больше десяти — пятнадцати ярдов шириной, заваленной упавшими сверху обломками. Справа лежало жуткое озеро, слева — стена. По этой полке прошли еще около мили и неожиданно наткнулись на огромные падубы. Несколько поваленных стволов гнили наполовину в воде; видимо, когда-то деревья стояли вдоль дороги, теперь затопленной. Но возле самой скальной стены еще жили два дерева. Фродо даже растерялся, он никак не ожидал, что падубы могут быть такими большими. Узловатые корни протянулись к воде. Правда, под нависшими скалами даже эти исполины казались издалека не более чем кустарником, но, когда их ветки простерлись над головами путников, отбрасывая густые причудливые тени, все подумали о великанах, стерегущих заповедную дверь.

— Наконец-то мы здесь! — воскликнул Гэндальф. — На этом месте кончается дорога из Эрегиона. Падуб был символом народа этой страны, деревья отмечали границы их владений. В счастливые дни, когда даже эльфов с гномами

связывала тесная дружба, западный вход в Морию всегда был открыт для эльфов Эрегиона.

— Не по нашей вине она прервалась, — насупившись, заметил Гимли.

— Я не слыхал, чтобы кто-нибудь обвинял в этом эльфов, — возразил Леголас.

— А я слышал и то, и другое, — прикрикнул на них Гэндальф, — и не собираюсь сейчас разбираться в давних делах! Поймите, мне нужна ваша помощь, а вы заводите дрязги. Дверь закрыта, чем скорее мы найдем ее, тем лучше. Ночь на носу!

Повернувшись к остальным, он распорядился:

— Пока я буду искать вход, приготовьте поклажу. Боюсь, с нашим верным помощником придется расстаться. Теплые вещи можно бросить, зимы мы теперь не увидим. Распределите припасы и мехи для воды.

— Как же так? — недоуменно вопросил Сэм. — Ведь мы же не можем просто бросить беднягу Билла в таком гиблом месте, а, Гэндальф? Это же нечестно. Он уже столько прошел с нами…

— Мне жаль, Сэм, — коротко ответил маг, — но, когда откроется дверь, ты едва ли затащишь его внутрь. Придется тебе выбирать между пони и хозяином.

— Он даже в драконью берлогу пойдет, если

я его поведу! — Сэм решил стоять до последнего. — Да ведь это все равно что убить его, волки же вокруг, сами говорили.

— Нет, не все равно, — отрезал маг. Он положил ладонь на голову пони и тихо заговорил ему в ухо, а потом шлепнул по спине. — Иди, дружок, да будут на тебе охрана и водительство. Ты — умное животное, многому научился в Дольне. Выбирай тропы с травой, потихоньку доберешься до Дома Элронда или куда пожелаешь. Все, Сэм, хватит. — Маг сурово взглянул на хоббита. — У него теперь столько же шансов уцелеть, сколько и у нас.

Сэм ничего не ответил. Билл, видимо, прекрасно понявший слова мага, вздохнул и сунулся мордой в Сэмово ухо. Бывший садовник, всхлипывая, начал распутывать вьючные узлы. Остальные принялись разбирать поклажу. Управившись, все повернулись посмотреть, как идут дела у мага. Но Гэндальф просто стоял меж двух деревьев, уставясь в стену, словно надеясь взглядом продолбить в ней проход. Гимли бродил вокруг, выстукивая скалы обухом топора. Леголас изящно прислонился к скале, словно вслушиваясь во что-то.

— Мы готовы, — сообщил Мерри. — Куда входить-то? Я никаких дверей не вижу.

— Двери в царство гномов не увидишь, если

они закрыты, — сказал Гимли. — Даже те, кто их делал, не найдут ничего снаружи. И открыть их невозможно, если секрет утрачен.

— У этой двери таких секретов быть не должно, — отрываясь от созерцания скалы, произнес Гэндальф. — Вряд ли все настолько изменилось, чтобы внимательные глаза, знающие, на что смотреть, не обнаружили знаков.

Он подошел к стене. Прямо перед ним меж теней, отбрасываемых падубами, оставалось совершенно ровное место. Маг, что-то бормоча себе в бороду, принялся водить руками над скалой. Потом отступил назад.

— Ну? Теперь видите что-нибудь? — спросил он.

Лунный свет лежал на гладкой скале. Никто по-прежнему ничего не видел. И вдруг на камне, как раз там, где прошлись руки мага, начали проступать едва заметные серебристые линии. Поначалу они были не толще паутинки и лишь посверкивали прерывисто в неверном свете, но с каждой секундой становились все отчетливее. Теперь уже угадывался общий контур рисунка. В верхней части, под аркой, увитой эльфийскими рунами, обрисовалось изображение молота и наковальни, увенчанное семизвездной короной.

Еще ниже означились два дерева с полумесяцами наверху. А прямо посередине ярко засияла одинокая многолучевая звезда.

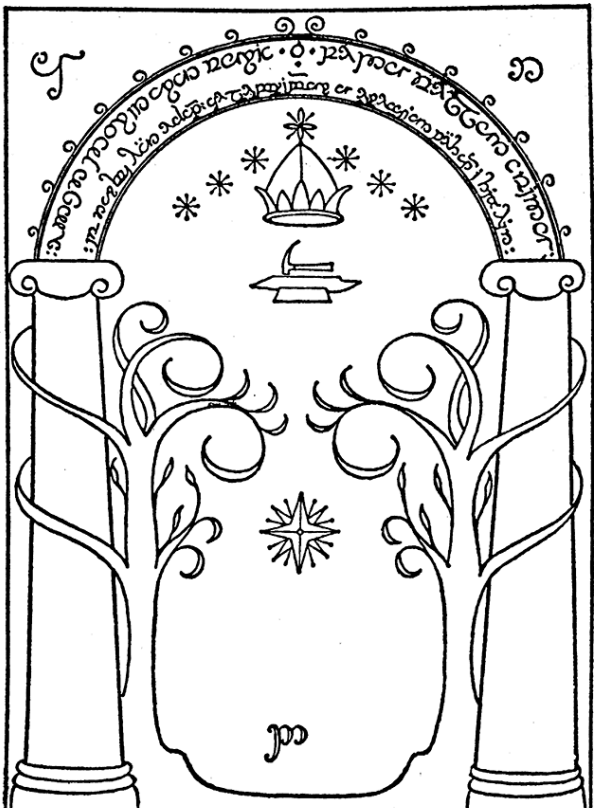
— Знак Дарина! — воскликнул Гимли.

— И Дерево Высоких Эльфов! — добавил Леголас.

— И Звезда Дома Феанора, — закончил Гэндальф. — Рисунок сработан из *итильдина*, этот металл отражает только звездный и лунный свет, да и то если его пробудит владеющий языком, давно забытым в Средиземье. Надо знать слова. Я знал их, но так давно, что не сразу вспомнил.

— А что здесь написано? — спросил Фродо, уже давно пытавшийся разобрать знаки над аркой. — Мне казалось, я знаю эльфийские буквы, но эти мне непонятны.

— Это — язык эльфов Древнего Запада, — сказал маг. — Ничего интересного для нас надпись не содержит. Она означает: «Двери Дарина Повелителя Мории. Скажи друг и входи». А ниже, вот здесь, помельче: «Я, Нарви, создал Дверь. Келебримбер из Эрегиона запечатлел эти знаки».



Здесь буквами Феанора по обычаю Белерианда написано: Эннин Дурин Аран Мориа: педо мелон а минно. Им Нарви хайн эхант: Келебримбор о Эрегион тейтант и тивхин

— А как это понять: «Скажи друг и входи»? — ошеломленно проговорил Мерри.

— Яснее ясного, — фыркнул гном. — Если ты друг, назови пароль, двери откроются.

— Да, — с сожалением протянул Гэндальф. — Вполне возможно, что они открывались по слову. Некоторые ворота гномов открываются только в определенное время, другие — лишь перед определенным лицом, а третьи и вовсе с замками и ключами, даже если все времена и слова известны. Здесь-то замка нет. Во Дни Дарина Ворота Мории стояли открытыми. Наверное, здесь сидели привратники. Но даже если их закрывали, любой, знающий слова, мог войти. По-моему, так, Гимли?

— Так, так, — отвечал гном. — Только слова уже никто не помнит. Весь род Нарви, все их искусство давно исчезли с лица земли.

— Как? Разве ты не знаешь слов, Гэндальф? — обескураженно спросил Боромир.

— Нет, — коротко ответил маг.

Остальные с удивлением посмотрели на него. Только Арагорн, слишком хорошо знавший Гэндальфа, остался невозмутим.

— Тогда что толку было волочь нас в эту треклятую дыру?! — взорвался гондорец. — Ты же

говорил, что проходил подземельями. Как же ты попадал туда, если не знаешь слов?

— Отвечаю на первый вопрос, — спокойно проговорил маг. — Да, я не знаю слов — пока. Насчет толка от моих поступков ты будешь интересоваться тогда, когда они окажутся бесполезными. — Глаза мага сверкнули под нависшими бровями. — Что же до второго твоего вопроса… ты, как я понял, мне не веришь? Ты, видно, голову потерял. Я шел с *востока*! Изнутри эти двери можно открыть легким толчком. А снаружи — только повелительными чарами. Силой их не взять.

— Но что же все-таки делать? — вырвалось у Пиппина.

— Можно попробовать постучать в них твоей головой, Перегрин Тук, — раздраженно ответил маг. — Может, хоть тогда я на короткое время отдохну от дурацких вопросов и поищу нужные слова!

Я знаю все заклятья на всех языках, даже орочьих, для открывания чего угодно. Я и сейчас с ходу могу штук сто вспомнить. Но понадобятся самые простые, незачем перебирать все. Я даже не собираюсь выпытывать у Гимли тайный язык гномов, которого, кроме них, никто не знает. Слово было эльфийским, как и надпись на арке,

это любому ясно.

Он снова подошел к скале и слегка коснулся звезды жезлом.

Аннон эделлен, эдро хи аммен!

Феннас ноготрим, ласто бет ламмен! —

произнес маг повелительно. Серебряные линии рисунка вспыхнули на миг и снова потускнели. Камень не дрогнул.

Гэндальф произнес множество заклинаний, то быстро и громко, то медленно и тихо, перепробовал много эльфийских слов, но ничего не происходило. Скала незыблемо стояла перед ним, а на небе уже вовсю высыпали звезды.

Снова и снова подходил маг к скале. В голосе его постепенно проступили гневные нотки.

— *Эдро*! — восклицал он, ударяя жезлом о камень. — *Откройся*! — повторил он раз двадцать на всех известных и неизвестных языках. Все было тщетно. Наконец, швырнув жезл под ноги, он сел на камень и замер.

Ветер донес издалека волчий вой. Билл вздрогнул и нервно переступил копытами. Сэм подскочил к нему и начал оглаживать, нашептывая в ухо нечто успокоительное.

— Придержи его, — посоветовал Боромир, — похоже, он нам еще пригодится, если только волки до нас раньше не доберутся. Ух, как мне ненавистна эта вонючая лужа! — Он наклонился, схватил увесистый камень и в сердцах запустил на середину озера.

Камень исчез без всплеска, едва булькнув, но, почти слившись с этим звуком, донеслись другие: шелест, журчание. Огромные круги пошли по воде и двинулись к берегу. Только начались они не там, где упал камень.

— Зачем ты это сделал, Боромир? — упрекнул воина Фродо. — Мне озеро тоже не нравится, я боюсь его. Не волков, не подземелья за дверями, а чего-то еще. Именно озера. Не надо его тревожить.

— Уйти бы нам отсюда, — озираясь, проговорил Мерри.

— Ну что же Гэндальф ничего не делает! — шепотом воскликнул Пиппин.

А Гэндальф сидел, ни на что не обращая внимания, то ли в отчаянии, то ли в глубоком раздумье. Волчий вой послышался снова, уже ближе. Круги по воде все шли, первые докатились до берега.

Внезапно, заставив всех вздрогнуть, маг вскочил и расхохотался.

— Есть! — вскричал он. — Ну конечно! Это же просто до нелепости, как и все остальные загадки, когда найдешь ответ!

Подняв жезл, он встал перед скалой и ясным голосом произнес единственное слово: *меллон*! Звезда рисунка вспыхнула и погасла. Совершенно беззвучно в камне возникла тонкая вертикальная трещина. Обозначился проем, и огромные дверные плиты дюйм за дюймом медленно отворились. За ними ощущалась каменная лестница, но видны были только несколько ступеней, остальные скрывал непроглядный мрак. Отряд охнул.

— Надо же так ошибиться! — восклицал Гэндальф. — И мне, и Гимли. Только Мерри почти отгадал сразу. Слово все время было у нас перед носом! Оно же написано на воротах. Просто надо было прочесть: «Скажи „друг“ и входи». Стоило мне произнести по-эльфийски «друг», и двери распахнулись. Совсем просто. Слишком просто даже для Мудрого в эти темные времена! О счастливые Древние Дни! А теперь — идем!

Маг шагнул вперед и уже поставил ногу на порог, но в этот миг разом случилось несколько событий. Фродо почувствовал, как что-то схватило его за ногу, и с криком упал. Пони ди-

ко ржанул от страха и, задрав хвост, умчался по берегу в темноту. Сэм кинулся было за ним, но, остановленный криком хозяина, метнулся назад. Остальные обернулись. Кошмарное зрелище предстало их глазам. Воды темного озера вскипели. Казалось, огромный клубок змей движется к берегу. Из воды выхлестнуло длинное извивающееся щупальце, бледно-зеленое, слабо светящееся и противное. Оно поймало Фродо за ногу и теперь тащило в озеро. Сэм в исступлении рубил его своим маленьким мечом. Щупальце разжалось и выпустило Фродо, но из воды взметнулось еще не менее двадцати змеящихся рук. Озеро бурлило, и гнусный смрад тек на берег.

— Быстро! Все в Ворота! — закричал Гэндальф, разбивая оцепенение, сковавшее остальных. Он прыгнул назад и сильными толчками погнал хоббитов к проему.

Они едва успели. Сэм и Фродо стояли на первых ступенях лестницы, маг только вошел, а весь берег перед входом в подземелье кипел извивавшимися щупальцами, шарившими по скалам. Одно даже уцепилось за порог, жирно блестя в звездном свете. Гэндальф, повернувшись, то ли наблюдал за ним с интересом, то ли раздумывал, каким словом закрывают двери. Впрочем, слова

не понадобились. Сразу несколько кольчатых плетей облепили створки и с силой захлопнули их. Пал мрак. Снаружи слабо донесся шум. Там что-то билось и ломалось о камень.

Сэм, судорожно вцепившийся в руку Фродо, бессильно осел на ступени.

— Бедный старый Билли! — дрожащими губами едва вымолвил он. — Волки и змеи! Змеи — это для него уже слишком. Я теперь выбрал, сударь, я с вами иду.

Они услышали шаги Гэндальфа. Очевидно, он подошел к дверям и ударил в них жезлом. Камень едва заметно вздрогнул, но створки не шелохнулись.

— Все, — произнес маг. — Эти двери для нас закрыты, и есть только один выход наружу — по другую сторону гор. Судя по звукам — там целый обвал, да еще вырванные деревья сверху лежат. Жаль, красавцы были падубы, и так долго стояли.

— Я чувствовал, я чувствовал, — пытаясь совладать с голосом, повторял Фродо, — как только ступил в эту воду, все время чувствовал ужас поблизости. Что это за тварь, или их там много было?

— Не знаю. — Видимо, Гэндальф пожал пле-

чами. — Не знаю, — повторил он, — но уверен: всеми злобными руками, лапами и щупальцами движет одна цель. Что-то выползло, а может, что-то выгнали из темных вод под горами. В глубинах мира скрыты твари пострашнее и постарше орков.

Маг подумал, что кто бы ни жил в озере, первым делом среди всех тварь цапнула Фродо, но вслух говорить об этом не стал.

Боромир проворчал нечто, но не учел подземного эха, многократно усиливавшего звуки, и все расслышали его бормотание:

— В глубинах мира! Вот именно. Туда нас и занесло против моей воли! Кто нас теперь вызволит из этой смертной тьмы?

— Я, — спокойно отозвался Гэндальф, — а Гимли мне поможет. Не теряйте из виду мой жезл.

Маг поднялся по ступеням, высоко держа в руке слабо светящийся жезл. Лестница оказалась в полном порядке. Путники насчитали две сотни ступеней, прежде чем вышли в ровный коридор, уводящий во тьму.

— Давайте присядем и перекусим здесь, на площадке, — предложил Фродо. — Трактира мы ведь все равно не найдем поблизости. — Ужас, испытанный на берегу, потихоньку отпускал хоббита.

На смену ему пришло острое чувство голода.

Предложение пришлось по нраву всем. Едва видимые во мраке, путешественники расселись на ступенях. После еды Гэндальф в третий раз обнес всех мирувором.

— Боюсь, ненадолго его хватит, — вздохнул он, закрывая флягу. — Но после этого страха у Ворот хлебнуть необходимо. Даже если нам сильно повезет, мы и остатки допьем прежде, чем увидим другую сторону. Воду поберегите. В Мории есть и ручьи, и родники, но лучше бы их не касаться. Ближайший случай набрать воды представится, пожалуй, только в Росной Долине.

— А долго нам туда добираться? — спросил Фродо.

— Как я тебе скажу? — вопросом на вопрос отвечал маг. — Смотря по тому, что нас по дороге ждет. Если прямо идти да если удача не отвернется, не меньше сорока миль.

Отдыхали недолго. Всем безотчетно хотелось отойти подальше от Ворот. В левой руке шагавшего впереди Гэндальфа мерцал жезл. В правой он сжимал Гламдринг. За ним с сияющими глазами шел Гимли. Дальше, тоже с обнаженным мечом, настороженно ступал Фродо. Клинки были темны. Это успокаивало, ведь мечи, сработанные

древними эльфийскими кузнецами, светятся, окажись поблизости орки. За Фродо следовал Сэм, за ним — Леголас и другие хоббиты, потом — Боромир, а замыкал шествие хмурый и молчаливый Арагорн.

Несколько раз коридор поворачивал, а затем начался долгий спуск. Воздух заметно потеплел, стало душно, но никакого запаха, как бывает в замкнутом помещении, не ощущалось. Наоборот, несколько раз по лицам скользнули струи холодного воздуха из каких-то щелей или проходов в стенах. Их встречалось немало. В слабом свете жезла Фродо иногда различал по сторонам лестницы арки и переходы. Они возникали то справа, то слева, путались, и решительно никакой возможности запомнить дорогу Фродо не видел.

От Гимли помощи Гэндальфу пока было немного. Разве что стойкое мужество, исходившее от гнома, подбадривало идущих. Темнота не тревожила его совершенно. Иногда маг, сомневаясь в выборе пути, советовался с ним, но решение неизменно принимал сам. Подземелья Мории своими колоссальными размерами превосходили самые смелые представления Гимли, сына Глоина, хоть он и происходил из рода подгорных гномов. Давнее путешествие, совершенное в земных недрах,

мало помогало Гэндальфу, но даже во мраке, несмотря на все повороты, он ясно понимал, куда идет и куда хочет идти, и пока попадались галереи, ведущие в нужном направлении, маг не останавливался.

При очередной задержке, пока Гэндальф с Гимли перешептывались о чем-то, Арагорн сказал остальным:

— Не бойтесь. Я бывал с ним во многих путешествиях, хоть и не в таких потемках. В Дольне вам могут рассказать о нем и вовсе невероятные вещи. Он с пути не собьется, лишь бы путь существовал. Мы боялись, не верили, а он привел нас сюда и выведет, чего бы это ни стоило ему самому. Дорогу он находит лучше кошек королевы Берутиэль.

Действительно, отряду повезло с проводником. У них не было топлива, они не успели заготовить факелы, в отчаянной спешке у ворот многие вещи оказались забыты. Без света жезла они не прошли бы и фарлонга. Кроме бесконечных разветвлений, время от времени попадались дыры, провалы, а может, колодцы прямо на дороге. Встречались трещины, которые приходилось перепрыгивать, пока маг светил. Одна, например, оказалась шире семи футов, и Пиппин долго

собирался с духом, прежде чем перескочить «пропасть» (как он назвал ее). Впрочем, не так уж он был не прав. Со дна трещины едва доносился шум большой текущей воды.

— Вот — веревка-то! — пробормотал Сэм. — Знал же, что понадобится.

Все эти досадные мелочи отнимали немало времени. Путникам казалось, что они давно блуждают во тьме, у корней гор. Это была уже не просто усталость, но мысль остановиться, отдохнуть почему-то не радовала. Да, спасение у Ворот, еда, глоток мирувора взбодрили Фродо на время, но теперь на душе у него снова лежала тяжесть, вот-вот готовая прорасти страхом. Элронд исцелил его рану, но бесследно она не прошла. Чувства хоббита обострились, и теперь его сильно угнетала невозможность видеть. Впрочем, довольно скоро Фродо заметил, что видит в темноте много больше других, кроме Гэндальфа, конечно. И Кольцо… Кольцо на шее, на тонкой цепочке, иногда наливавшееся тяжестью… Он ощущал некое неопределенное зло впереди и зло, идущее следом, но он молчал, только крепче сжимал рукоять Шершня и упрямо шел и шел вперед.

Идущие позади почти не разговаривали. Толь-

ко шаги слышал Фродо впереди и за спиной. Глухой стук башмаков Гимли, тяжелая поступь Боромира, легкий шелест шагов Леголаса и почти такой же неслышный топоток хоббитов, а в конце — мерный четкий шаг Арагорна. Если отряд останавливался, наступала тишина, но со временем обостренный слух Фродо начал улавливать и еще кое-что: как будто шлепанье мягких босых ног по камню. Оно не было ни близким, ни громким, так, едва различимые звуки на самом пределе слышимости, но, раз начавшись, они непрестанно сопровождали отряд. Эхо? Нет, не эхо. Когда все останавливались, оно еще шлепало чуть-чуть и только потом стихало.

В Морию они вошли ночью, а теперь шли уже несколько часов с короткими передышками, но тут Гэндальф впервые озадачился надолго. Впереди широкая темная арка расходилась тремя галереями. На первый взгляд все три вели на восток, но левая зарывалась вниз, правая — вверх, а средняя, хоть и казалась горизонтальной, настораживала узостью прохода.

— Хм, совсем не помню этого места, — пробормотал Гэндальф, останавливаясь. Он поднял жезл, надеясь отыскать на своде какие-нибудь знаки или надписи, но ничего не нашел. Тогда он

сказал сам себе:

— Нет, слишком устал, чтобы не ошибиться. Да и все устали, наверное. Ночь еще не кончилась, остановимся здесь. Снаружи миновала полночь, луна скоро зайдет.

— Бедный Билл, — вспомнил Сэм. — Как-то он там? Интересно, удалось ему от волков удрать?

Слева от арки обнаружилась каменная дверь. Полуприкрытая, она легко распахнулась от несильного нажима. За ней, кажется, находилась небольшая зала.

— Осторожнее! — крикнул Гэндальф, останавливая Мерри с Пиппином, бросившихся вперед. Хоббиты так обрадовались хоть какому-нибудь укрытию, да еще с дверью, что совершенно забыли об опасности. Уж очень не хотелось спать прямо посреди открытой галереи.

— Осторожнее, — повторил маг. — Вы же не знаете, что там, внутри. Пустите-ка меня.

Он боком протиснулся в дверной проем, остальные вошли следом.

— Вот. — Гэндальф указал жезлом на середину комнаты. У его ног чернела большая круглая дыра. Обрывки цепей свисали вниз, пол вокруг был усыпан каменными обломками.

— Один из вас неминуемо загремел бы ту-

да, — негромко сказал Арагорн стоящему рядом Мерри, — и сейчас все еще гадал бы, когда же будет дно. У нас есть проводник, вот пусть он и идет первым.

— Здесь располагалась стража, — заявил Гимли. — А это — колодец. Крышка разбита, надо быть поосторожнее в темноте.

С первой же минуты колодец неодолимо притягивал Пиппина. Пока остальные разворачивали одеяла и устраивались на ночлег под стенами, он на четвереньках подполз к краю и заглянул внутрь. Из невидимых глубин поднимался ток холодного воздуха. Повинуясь внезапному порыву, Пиппин подобрал с пола камень и отпустил его над дырой. Сердце хоббита успело стукнуть много раз, прежде чем снизу пришел звук. Сначала донеслось едва слышное «плюх», видимо, камень упал в воду, но потом звук пошел гулять по стволу колодца, отражаясь от стен.

— Что там? — вскинулся Гэндальф. Пиппин, замирая, сознался и даже в темноте разглядел гневно сверкавшие глаза мага.

— Туковская дурость! — с досадой проворчал Гэндальф. — Когда ты сообразишь наконец, что мы не на прогулке? В следующий раз прыгай туда сам, меньше хлопот будет! А теперь — тихо!

Несколько минут стояла тишина, а потом из глубины снова пришел звук. Теперь это были слабые удары: «том-тап, тап-том», эхо повторило их, и снова раздалось: «тап-том, том-тап, тап-тап-том». Это напоминало слабые беспокойные сигналы, но больше они не повторялись.

— Либо я никогда раньше не слышал ударов молота, либо это они и есть, — убежденно произнес Гимли.

— Да, похоже, — согласился Гэндальф. — Ох, не нравится мне это. Может, конечно, дурацкий камень Перегрина здесь и ни при чем, но вполне возможно, он разбудил что-то, чего лучше бы не беспокоить. Я вас очень прошу всех, — сердито сказал маг, — поменьше глупостей! Нам надо отдохнуть. А ты, Пиппин, в награду подежуришь первым. — Гэндальф завернулся в одеяло и замолк.

Несчастный Пиппин уселся в кромешной тьме у двери, но мысли о колодце словно преследовали его. Воображение рисовало лезущих из дыры чудищ, он с трудом сдерживался, чтобы не закрыть ее хотя бы одеялом, но и двинуться в ту сторону не смел — ведь Гэндальф не велел. Правда, Гэндальф спит…

Гэндальф не спал. Он глубоко задумался,

припоминая малейшие подробности своего предыдущего путешествия в подгорном царстве и тревожно обдумывая наилучший вариант завтрашнего пути: любой ошибочный поворот мог привести отряд к гибели. Через час он встал и подошел к Пиппину.

— Иди-ка спать лучше. — В голосе мага не чувствовалось ни малейшего раздражения. — Мне все равно глаз не сомкнуть, посижу лучше, покараулю.

— Я знаю, в чем дело, — бормотал он, усаживаясь возле двери. — Покурить нужно! Я трубки не доставал от самого Карадраса.

Последнее, что увидел Пиппин засыпая — темный силуэт мага и нависший над трубкой нос, высвеченные короткой вспышкой, прикрываемой полой плаща.

Гэндальф разбудил их часов через шесть.

— Пока я тут сидел, — объявил он, — путь определился. Средняя галерея мне не нравится, из левой плохо пахнет, мы пойдем по правой. Будем подниматься.

Еще восемь часов, не считая двух коротких остановок, шли без помех. Впереди, напоминая блуждающий огонек, качался слабо светящийся кончик жезла. Галерея полого, но неуклонно

поднималась. По мере продвижения она становилась все шире, пол был ровный, без ям и трещин, даже боковых ответвлений почти не встречалось. Видно, они таки попали на какую-то главную дорогу и двигались куда быстрее, чем прошедшей ночью. Спрямленный пройденный путь составил бы не меньше пятнадцати миль, а учитывая всякие повороты и изгибы — около двадцати. Почему-то подъем приободрил Фродо, но ощущение тревоги не отпускало, а сзади, далеко за отрядом, за эхом их шагов, он опять слышал призрачное «шлеп-шлеп», и оно-то эхом не было.

Переход определялся расстоянием, которое могли пройти без отдыха хоббиты. Пора уже было подумывать о месте для ночевки, но тут стены и справа, и слева внезапно исчезли. Из-за спины тянуло теплым воздухом, а лицо холодила непроглядная тьма. Путники остановились и столпились возле мага.

Гэндальф довольно усмехнулся.

— Я оказался прав, — похвалил он сам себя. — Мы выходим к обжитым местам. До восточной стены недалеко теперь, только мы очень высоко поднялись, куда выше Росных Порогов. Сейчас мы в каком-то большом гроте. Я, пожалуй, рискну прибавить света.

Он поднял жезл. Короткая вспышка заставила отпрянуть огромные тени, высоко над головами высветив свод, опирающийся на мощные колонны. Зал был пуст, странно поблескивали темные полированные стены. На другом конце чернели три арки. Большего заметить никто не успел.

— Пока хватит, — проговорил Гэндальф. — В таких залах обычно бывали окна, врезанные в склоны горы, этакие световые шахты, но снаружи — ночь, до утра ничего не определишь. Если я не ошибаюсь, утром увидим свет. Я предлагаю передохнуть. Большая часть пути уже позади.

Заночевать решили в углу зала, где поменьше досаждали сквозняки. Ветерок тянул из восточной галереи. Когда все улеглись, вплотную подступили темнота и тишина, особая подземная темнота и глухая ватная тишина. Чувство одиночества, затерянности в этих бесконечных печальных залах, переходах, лестницах охватило хоббитов. Смутно-страшные легенды о Мории, когда-то слышанные на родине, оказались на поверку игрушечными по сравнению с молчаливыми подземными пространствами, хранящими и ужасы, и чудеса настоящие.

— Ну и толпища гномов, должно быть, потрудилась здесь когда-то, — прошептал Сэм. — И

каждый хлопотал, как барсук, и хлопотал лет пятьсот, если не больше. Ведь скала же! Она же твердая! А зачем? Неужто можно жить в этих темных норах?

— Это не норы, — подал голос Гимли. — Это — великое царство и сердце подземного мира. В те времена темноты не было. Свет, великолепие — вот воспоминания о Мории, оставшиеся в песнях.

Внезапно гном встал и глубоким голосом, мгновенно породившим эхо под сводами, запел.

Был юным мир в тиши времен,
Был лик луны не затенен,
Когда, в величии благом,
Явился Дарин, Первый Гном.
Средь безымянных гор и рек
Бродя один, он их нарек;
Он устремил пытливый взор
В глубины девственных озер,
Где звезды вспыхнули светло,
Короной увенчав чело.

Был светел мир в тиши времен;
Могучи были Нарготронд

И Гондолин, чьи короли
Еще в пучину не ушли.
Был ласков гром, был ветер мил —
В День Дарина был светел мир.

Резной престол его стоял
В чертогах скальных; тронный зал
Венчал златой чеканный свод;
Сплетенья рун хранили вход;
Сиянье Солнца, блеск Луны,
В кристальный свет воплощены,
Не омрачались никогда
В благословенные года.

Там гулкий молот бил в металл
И искр алмазный рой взметал;
Резец искусный в недрах скал
Узор по камню высекал;
Чертог мерцающий хранил
Опал, и жемчуг, и берилл,
И в ночь дышал кузнечный мех,
Творя сверкающий доспех.

Был счастлив Дарина народ;

И дни, и годы напролет
Пел свет подземных тех земель
Неутомимый менестрель.

Но мир померк во мгле времен,
Глухой бедою замутнен;
Смолк молот ныне; песнь нема;
В горах владычествует тьма,
Там страх лежит — тяжел, угрюм…
О Мория! О Казад Дум!

Но в глубине угасших гор
Хранит корону глубь озер,
Пока — в иные времена —
Не встанет Дарин ото сна.

— Здорово! — восхитился Сэм. — Я бы выучил. «О Мория! О Казад Дум!» Эх, как представишь все эти огни, темнота еще горше становится. Послушай, Гимли, а золото и драгоценности эти, они тут так и лежат?

Но Гимли не ответил. Он слишком много вложил в песню и не хотел разменивать высокие чувства на обсуждение презренных деталей.

— Нет здесь драгоценностей, — ответил за него Гэндальф. — Орки все начисто выгребли. По край-

ней мере на верхних выработках. А после ухода гномов нижние горизонты затопила вода, да и кто бы осмелился туда сунуться? Ужас глубин — надежный страж.

— А чего же тогда гномы так вернуться хотят? — удивился Сэм.

— Это все мифрил, — пояснил Гэндальф, — слава Мории не в золоте или камнях — гномы занимались ими развлечения ради, и не в железе — оно для гномов слуга и помощник. Конечно, и то и другое здесь есть, но ради них никто не стал бы зарываться так глубоко. Здесь, и больше нигде в мире, водится морийское серебро, его еще называют подлинным серебром, а по-эльфийски — *мифрил*. У гномов есть для него свое название, но они никому его не поведали. Мифрил был в десять раз дороже золота, а сейчас и вовсе бесценен, изделий из него на поверхности осталось совсем мало. Жила идет на север, а у корней Карадраса уходит в глубину. Даже орки не осмеливаются продолжать добычу после всего случившегося. Именно мифрил положил начало богатству гномов, но он же и погубил их. Гномы зарылись слишком глубоко и потревожили Ужас Глубин. Потом его назовут Погибелью Дарина. Почти весь мифрил, добытый гномами, захватили орки;

конечно, он попал к Саурону.

Об этом металле мечтали многие. Он ковкий, как медь, легко полируется, а после обработки становится тверже закаленной стали. На вид схож с серебром, но в отличие от него не тускнеет. Эльфийский *итильдин* сделан на основе мифрила.

Когда-то Торин подарил Бильбо кольчугу из мифрила. Любопытно, какова ее судьба? Небось, пылится до сих пор в Микорытском Маттом-доме.

— Что?! — разом выходя из своего возвышенного молчания, вскричал Гимли. — Кольчуга из морийского серебра? Да это же величайшая драгоценность!

— Да я-то знаю, — улыбнулся во тьме Гэндальф, — только Бильбо говорить не стал. Сейчас она стоит дороже всего Шира со всем содержимым.

Фродо молча сунул руку под рубашку и потрогал кольчугу. Его потрясла мысль о надетой на нем стоимости всего Шира. Интересно, знал об этом Бильбо? Почему-то Фродо был уверен: знал, и очень хорошо. Вот поистине великодушный дар.

Мысли хоббита наконец-то оторвались от мрачных подземелий, уносясь в Дольн, к старому Бильбо, и еще дальше, в Засумки прежних счаст-

ливых дней. Всем сердцем желал бы он снова оказаться там, выкосить лужайку или просто побездельничать среди цветов и никогда не слышать ни о Мории, ни о мифриле, ни о Кольце.

Фродо нес дозор. Спутники его засыпали один за другим, и сердце хоббита постепенно сковывал страх. Ладони похолодели, на лбу выступил пот. Он напряженно прислушивался. Целых два медленных часа он слушал, слушал, только слушал, но не услышал ни звука.

Его уже скоро должны были сменить, и тут в дальнем конце зала, примерно на месте западной арки, Фродо почудились два близких огонька, две бледные световые точки, очень похожие на чьи-то глаза. Он вздрогнул.

«Задремал я, что ли? — подумалось ему. Точки пропали. — Наверное, задремал», — решил Фродо, встал, протер глаза и не садился больше, пока его не сменил Леголас. Хоббит лег, угрелся под одеялом и быстро заснул, но и во сне продолжал слышать тихий, неразборчивый шепот и видеть бледные пятна света. Когда Фродо проснулся, вокруг тихо разговаривали, а сверху прямо на лицо падал тусклый свет. Он проникал через отверстие в высоком своде над восточной галереей. Еще один световой столб слабо мерцал в северном

конце зала.

Фродо сел.

— Доброе утро, — приветствовал его Гэндальф. — Настоящее утро. Видишь, я не ошибся. Мы в верхних восточных горизонтах. Думаю, еще до конца дня мы должны увидеть от восточных морийских ворот заповедные воды Зеркального.

— Хорошо бы, — согласился Гимли. — Теперь я видел Морию, великое подземное царство, но она стала темной и страшной; никаких признаков моего народа нет и в помине. Я даже начал сомневаться, приходил ли сюда Балин вообще.

Сразу после завтрака Гэндальф принялся подгонять их.

— Конечно, мы все устали, — говорил он. — Но лучше отдохнуть снаружи. Надеюсь, никто не рвется провести под землей еще одну ночь?

— Нет уж, хватит! — решил за всех Боромир. — По какой дороге пойдем? По восточной?

— Можно бы и по ней, — как-то не очень уверенно согласился маг. — Я еще не знаю точно, где мы. Сильно сбиться я не мог, а коли так, выход лежит ниже и северней. Может быть, туда и можно попасть восточной галереей, но сначала мне хотелось бы осмотреться. Я бы попробовал северный штрек, может, там есть окна.

Вслед за магом все прошли под северной аркой. Вскоре действительно впереди стало светлеть. Еще через несколько шагов показалась полуоткрытая каменная дверь. Свет падал из-за нее. Конечно же, они вошли. Большой квадратный грот освещался рассеянным тусклым светом, но отвыкшим глазам путников он показался ослепительно ярким.

В толстом слое пыли под ногами что-то с дребезгом перекатывалось. В верхнем восточном углу был пробит глубокий наклонный световой колодец; на его дальнем конце виднелся маленький, с носовой платок, кусочек голубого неба. Столб света падал на каменное возвышение посреди грота с верхней плитой, сработанной из белого камня.

— Похоже на надгробье, — пробормотал Фродо и наклонился к плите, уже не сомневаясь в правильности своего предчувствия. Гэндальф быстро подошел к нему. Плиту испещряли глубоко высеченные руны.

— Даэрон, язык древней Мории, — сказал Гэндальф. — На языках Людей и Гномов здесь выбита надпись:

БАЛИН, СЫН ФУНДИНА

ГОСУДАРЬ МОРИИ

— Значит, он умер, — промолвил Фродо. — Я так и знал.

Гимли молча опустил капюшон на лицо.

Глава V
Морийский мост

Отряд в молчании замер над могилой Балина. Фродо думал о долгой дружбе Бильбо с замечательным гномом и вспоминал давний визит Балина в Шир. Здесь, в этой пыльной усыпальнице, погребенной под каменной толщей, казалось, что это происходило тысячу лет назад и на другом конце света.

Постепенно стряхнув оцепенение, путники стали оглядываться, пытаясь в обстановке грота, в расположении вещей прочесть судьбу горемычного государя и его народа. В противоположной стене оказалась не замеченная поначалу еще одна дверь, поменьше. У обоих порогов лежали вперемешку мечи, кости, сломанные топоры, раз-

битые щиты и шлемы. Бросались в глаза орочьи ятаганы с черненными клинками.

Множество стенных ниш наполовину скрывали огромные, окованные железом сундуки, разбитые и разграбленные. Рядом с сорванной крышкой одного из них валялась большая книга, она была в ужасном состоянии: удары топора и колотые дыры превратили обложку в лохмотья, а темные пятна сильно походили на засохшую кровь. Гэндальф осторожно поднял ее, положил на плиту и открыл. Первые листы ломались у него в руках, но он бережно составлял их и надолго погрузился в изучение фолианта. Фродо и Гимли, стоявшие рядом, видели страницы, заполненные не только разными руками, но и на разных языках — встречались эльфийские и морийские руны и какие-то еще, незнакомые.

Наконец Гэндальф оторвался от рукописи.

— Это похоже на летопись народа Балина, — промолвил он. — Начата около тридцати лет назад, с приходом гномов в Морию. Страницы нумерованы по годам. Вот, видите: «один-три» — первый год, третья страница, первых двух нет. Послушайте.

«Мы прогнали орков от Ворот и охраняем…» здесь не прочесть, я думаю: «…зал. Мы перебили

их множество в долине…» наверное, «при свете дня. Флои поражен стрелой». Дальше пятно. «Он лежит под травой на берегу…» Непонятно… «мы захватили первый зал в северном конце, будем здесь жить…» Наверное, «световая шахта», потом… а, вот: «Балин утвердил трон в Зале Мазарбул». — Гэндальф вопросительно взглянул на гнома.

— В Зале Памяти, — подсказал Гимли. — Это, наверное, он и есть.

— Дальше ничего не разберешь… вот слово «золото». «Топор Дарина… шлем… Отныне Балин — Государь Мории». По-моему, глава кончается. Дальше — другая рука. Вот, я читаю: «Мы нашли подлинное серебро…», пропуск… «хорошо кованное…» э-э, понял: «мифрил», и вот две последние строки: «Оин ушел искать верхние оружейные на Третьем Горизонте…», не прочесть… «идет на запад к Воротам Эрегиона».

Маг замолчал и перевернул несколько страниц.

— Трудно читать, — сказал он. — Рука очень торопливая, и листы сильно повреждены. — Он досадливо взглянул вверх. — Свету мало! Мне кажется, многих страниц нет. Номера начинаются уже с пятерки, это значит — пятый год

заселения. Ну-ка! Нет, изрублено все. О! Вот здесь хорошо. Твердый крупный почерк и письмо эльфийское…

— Мне кажется, я узнаю руку Ори, — произнес Гимли. — Он писал хорошо и быстро, и всегда эльфийскими знаками.

— Боюсь, о недобром поведает этот красивый почерк, — вглядываясь в рукопись, промолвил маг. — Вот первое слово: «скорбь», а конца строки нет. Это «чера», должно быть, «вчера», а дальше понятно: «Десятого дня ноября месяца пал Балин, Государь Мории. Он ушел один к озеру и был сражен орочьей стрелой. Орка убили, но их много с востока…», по-моему, тут сплошная кровь, вот дальше: «…закрыли ворота… удержать их долго, если… ужасный…» Нет, не разобрать! Бедный Балин. Похоже, он и пяти лет не прожил Государем. Дальше совершенно нечитаемо. Вот последний лист.

Маг вздохнул.

— Нет радости в этих записях. Боюсь, конец книги черен. Вот слушайте: «Нам не выбраться. Мост и второй зал у них. Фрар, Лони и Нали погибли…» Здесь несколько строк не читаются. Дальше: «…ушли пять дней назад». А вот последняя запись: «Вода подошла к стенам, к самым

Западным Воротам. Страж озера взял Оина. Нам не выбраться. Скоро конец…», потом идет: «…грохот в глубинах». Не понимаю, о чем речь… вот еще эльфийские знаки: «Они идут». Все. Это конец.

Маг глубоко задумался. Его спутники переглянулись. Кажется, всем стало одинаково жутковато в скорбной комнате.

— «Нам не выбраться», — повторил Гимли. — Когда мы подошли к Воротам, вода, наверное, упала, а Страж спал далеко от берега. Повезло.

Гэндальф поднял голову и внимательно огляделся.

— Я думаю, — произнес он, — последние из них держались здесь, но их оставалось немного. На этом попытка вернуть Морию закончилась. Попытка доблестная, но самонадеянная. Время для этого еще не пришло. Попрощаемся с Балином, сыном Фундина. Пусть он спокойно лежит здесь, в сердце древнего владения гномов. Книгу Мазарбула мы заберем с собой. Пусть будет у тебя, Гимли. Если получится, отнесешь Даину. Он должен знать эту горестную правду. Пора идти. Утро кончилось.

— Так какой дорогой пойдем? — спросил Боромир.

— Надо вернуться в большой зал, — отвечал

Гэндальф. — Мы не напрасно зашли сюда, я сумел определиться. Это двадцать первый зал северного крыла. Если я не ошибаюсь, расположен он на седьмом горизонте, а Ворота — на первом. Надо спускаться и забирать на юг.

Едва Гэндальф успел договорить, как тишину взорвал грохот. «Р-рок, рок», — донеслось из глубин, камень вокруг вздрогнул. Отряд бросился к двери. «Р-рок, рок», — прокатилось снова, словно вся Мория стала одним огромным барабаном и какой-то исполин мерно бьет в него. Потом со стороны зала протрубил рог, издали ему ответили другие рога и грубые крики. Послышался топот.

— Они идут! — выкрикнул Леголас.

— Нам не выбраться, — побледнев, проговорил Гимли.

— Ловушка! — в досаде воскликнул Гэндальф. — Эх, не надо было медлить. Нас поймали, как и тех, раньше! Но тогда здесь не было меня. Посмотрим, как сложится на этот раз!

«Р-рок, рок», — словно в ответ ему загрохотал, сотрясая стены, барабан.

— Закройте двери! — крикнул Арагорн. — Надо заклинить их. Пока не снимайте котомки, может, удастся прорваться.

— Подождите, — остановил бросившихся к две-

рям Гэндальф. — Восточную дверь не закрывайте, там пока тихо, попробуем уйти туда.

Совсем близко снова протрубил рог. Топот приближался. Отряд обнажил мечи.

Гэндальф подскочил к Боромиру, навалившемуся на дверь, отстранил его и страшным голосом спросил:

— Кто смеет тревожить покой Балина, Государя Мории?

Ответом ему был хриплый хохот, как будто камни перекатывались в реке. На фоне криков и шума выделялся отрывистый голос, отдающий команды. А в глубине все грохотало.

Гэндальф быстро высунул в дверную щель жезл. Ослепительная вспышка заставила смолкнуть нападающих, а маг нагнулся и выглянул в галерею. Он уже снова был в комнате, когда в дверь с запозданием полетели стрелы.

— Там орки, много, — не обращая внимания на цокающие о стены удары, сказал Гэндальф. — Большие и злобные черные мордорские уруки. Сейчас они опешили, но с ними пещерный тролль, и, кажется, не один. Этим путем не пробиться.

— Если они подойдут с востока, тем путем тоже не уйти, — заметил Боромир.

— Там пока тихо, — сказал Арагорн. Он стоял, чутко прислушиваясь, возле восточной двери. — За дверью вскоре начинается лестница, ясно, что снова в зал этот проход не возвращается. Но бежать от погони вслепую — хорошего мало. Запереть эту дверь мы не сможем, замок давно сломан, и заклинить — тоже, она открывается внутрь. Так что сначала надо задержать орков. Мы заставим их бояться зала Мазарбул!

Тяжелые шаги послышались в проходе. Боромир налег плечом на западную дверь, закрыл ее и заклинил обломками мечей. Но от первого же удара дверь вздрогнула и, визжа клиньями, приоткрылась. В щель просунулась огромная рука и часть плеча, а потом плоская беспалая ступня. Кожа была темная, болотного оттенка, похожая на чешую. За дверью все еще стояла тишина.

Боромир прыгнул вперед и сплеча нанес удар. Меч зазвенел и вырвался из руки гондорца. На лезвии появилась зазубрина.

Внезапно, к собственному удивлению, Фродо окатила волна ярости. Он оттолкнул изумленного гондорца и с криком: «За Шир!» — всадил Шершень в отвратительную ступню. Раздался рев, лапа отдернулась назад, едва не вырвав у хоббита клинок из рук. С лезвия, дымясь, капали

черные капли. Боромир снова захлопнул дверь.

— Прекрасный удар! — одобрил Арагорн. — У тебя отличный клинок, Фродо, сын Дрого.

На этот раз на дверь обрушились удары молотов. Она начала потрескивать, а потом клинья вылетели, и в открывшуюся широкую щель впорхнул рой стрел. Они никому не причинили вреда, осыпавшись у северной стены. Рог протрубил сигнал, и орки с топотом ворвались в зал.

Сосчитать их никто не успел. Схватка оказалась короткой, ибо орки явно не ожидали столь яростного отпора. Двое рухнули с торчащими в горле стрелами. Одному, успевшему вскочить на могилу Балина, Гимли перерубил ноги. Под мечами Арагорна и Боромира враги валились как снопы. Когда рухнул тринадцатый нападавший, остальные в ужасе бежали.

Никто из отряда не пострадал, если не считать царапины на щеке Сэма. Он таки сразил напавшего на него орка, и теперь в карих глазах бывшего садовника из Засумок тлел грозный огонек. Встреть его сейчас Тэд Песошкинс, убежал бы, пожалуй.

— Теперь пора! — крикнул Гэндальф. — Уходим, пока тролль не вернулся!

Но прежде чем Пиппин и Мерри, вышедшие

первыми, достигли лестницы, в зал ворвался огромный орк. Почти с человека ростом, в черной кольчуге с головы до пят, плосколицый, с длинным красным языком, он большим щитом отбил меч Боромира, увернулся от удара Арагорна, словно стремительно атакующая змея, ворвался в гущу отряда и с размаху ударил Фродо копьем, отбросив и пригвоздив хоббита к стене. Сэм заорал дурным голосом и перерубил древко копья. Орк отшвырнул обломок и схватился за рукоять ятагана, но в этот миг Андрил пылающей молнией пал ему на голову. Шлем орка разлетелся вдребезги, и он без звука повалился на пол. Другие, толпившиеся в дверях, давя друг друга и повизгивая, выскочили в проход, едва Арагорн с Боромиром повернулись к ним.

«Р-рок, рок», — гремело в глубинах.

— Уходим! — крикнул Гэндальф. — Иначе не успеть!

Арагорн легко подхватил на руки бесчувственного Фродо и побежал к лестнице, подгоняя Пиппина и Мерри. Остальные последовали за ними. Гимли, медлившего у могилы Балина, Леголасу пришлось дернуть за плечо. Боромир захлопнул восточную дверь. Снаружи на ней оказались железные скобы, но второпях не нашлось,

что в них вставить.

— Я в порядке, — прохрипел вдруг Фродо. — Отпусти меня, я сам пойду.

Арагорн чуть не уронил его от удивления.

— Я думал, ты мертвый! — вскричал он.

— Нет еще, — ответил за хоббита Гэндальф. — Сейчас не время разбираться. Спускайтесь и подождите меня, но если задержусь, уходите. Вам нужно все время вниз и вправо.

— Мы не оставим тебя одного, — не согласился Арагорн.

— Делайте, как я сказал, — гневно воскликнул маг. — Мечи здесь не помогут. Идите!

На лестнице было совершенно темно. Скатившись по длинному пролету, они оглянулись, но на верхней площадке лишь тлел неподвижно крохотный огонек жезла мага. Фродо, тяжело дыша, привалился к Сэму, поддерживавшему его за плечи, и прислушивался к голосу Гэндальфа, быстро произносящему какие-то слова, дробно отраженные эхом на лестнице. Глубинный барабан продолжал грохотать.

Внезапно с верхней площадки полыхнула ярчайшая вспышка. Глубинный грохот обвала заставил барабан сбиться с ритма, и все смолкло. Гэндальф скатился вниз по ступеням и рухнул у

ног Арагорна. Впрочем, он сразу встал.

— Ну, с этим все, — непонятно произнес он, с трудом переводя дух. — Что мог, я сделал. Однако все висело на волоске, меня чуть не раздавило. Да не стойте же здесь! — закричал он. — Идем. Света пока не будет. Гимли, где ты? Иди вперед. Держитесь плотнее друг к другу!

В полной темноте отряд осторожно пробирался за магом, гадая о случившемся на лестнице. Смолкший было рокот в глубинах Мории возобновился. Теперь он доносился приглушенно, словно бы издалека. Ни топота, ни голосов, ни других признаков погони никто не слышал. Гэндальф вел их все прямо и прямо. Они спустились еще на несколько пролетов. Каждый раз ступени возникали неожиданно, просто на очередном шаге нога ощущала пустоту. Гэндальф, словно слепец, постукивал впереди себя жезлом.

Так прошли около мили, миновав множество лестничных маршей. Позади все еще было тихо. Гэндальф остановился.

— Жарко становится, — выдохнул он. — Кажется, мы теперь ниже уровня Ворот. Надо искать поворот налево. Я очень устал, — признался маг еще через несколько шагов. — Даже если все орки, сколько их наплодилось на свете, помчатся

за нами, мне нужно отдохнуть.

Гимли поддержал старика, помогая ему сесть.

— Скажи, что произошло там, у дверей? — спросил гном. — Ты встретил того, кто бил в барабаны?

— Не знаю. — Чувствовалось, что маг качает головой. — Я не знаю, кого я встретил, но раньше мы наверняка не встречались. Я пытался заговорить дверь, я много таких наговоров знаю. Но нужно время, да и все равно, заговоренную дверь можно разбить. С той стороны я все время слышал орочьи голоса и боялся не успеть. Но все-таки прислушивался. Отвратительный у них язык! Слышно было из-за двери плохо, но слово «гхаш» они повторили много раз. Оно означает «огонь». А потом в комнате появился кто-то еще и напугал даже орков. Они притихли. Я чувствовал его, а он, взявшись за дверь, почувствовал меня и мое заклятье. Понятия не имею, кто это был, но сила у него под стать моей. От его наговора меня чуть не разорвало, а самое главное — дверь начала открываться! Тогда я повелением запечатал ее навсегда. Но с той стороны оказалась такая сила, что дверь попросту разнесло на куски. За ней клубилась какая-то туча. Тут начала разваливаться стена, меня швырнуло вниз, а в гроте, где

мы были, по-моему, рухнул свод.

Боюсь, могилу Балина теперь сыскать непросто, но похоронен он не один. Назад нам дороги нет. Ох! Никогда не чувствовал себя таким разбитым. Ладно, это уже проходит. А как ты, Фродо? Я в жизни так не радовался, когда услышал твой голос. Я ведь был уверен, что Арагорн несет отважного, но мертвого хоббита.

— Со мной все в порядке, — ответил Фродо. — Жив и даже, по-моему, цел. Бок болит, ушиб, наверное, сильный. А так — ничего.

— Ну и ну, — проговорил Арагорн. — Пожалуй, такого крепкого народа я еще не встречал. Знай я об этом в Брыле, говорил бы с вами помягче. Такой удар дикого кабана прошибет!

— Я не кабан, — попробовал улыбнуться Фродо, — и меня, как видишь, не прошибли. Но чувствовал я себя как между молотом и наковальней.

Больше он ничего не стал говорить. Дышать было все-таки больно.

— Ты похож на Бильбо, — сказал Гэндальф. — Когда-то давно я ему сказал: внутри у тебя больше, чем снаружи.

Фродо понял, что маг нарочно не договаривает.

Они снова шли. Но вскоре Гимли, шагавший

впереди, остановился.

— По-моему, впереди свет, — сказал он. — Только не дневной. Он красный. Что бы это могло быть?

— Гхаш! — пробормотал Гэндальф. — Может, они имели в виду, что нижние горизонты в огне? Ничего не поделаешь, надо идти.

Вскоре все могли убедиться в правоте гнома. Красные отсветы трепетали на стенах и сводах галереи, уводившей все вниз и вниз. Впереди показалась арка. Свет был за ней, свет и жар, горячий воздух теперь налетал волнами.

Не доходя до арки, Гэндальф жестом остановил остальных, а сам осторожно двинулся вперед. Несколько мгновений отряд мог видеть фигуру мага на фоне багровых отсветов, впрочем, он сразу отступил.

— Это какая-то новая напасть, — проворчал он, — и задумана, несомненно, в нашу честь. Зато я знаю, где мы: в Первом подземном горизонте, на один уровень ниже Ворот. Нам нужна восточная сторона, по ней — с четверть мили налево. Потом — через мост, вверх по лестнице и по дороге через Первый зал наружу! Впрочем, смотрите сами!

Зал, раскинувшийся перед ними, был намного обширней предыдущего. Они были недалеко от

восточной стены; западная стена тонула во мраке. К центру уходил двойной ряд колонн. Колонны, изваянные в виде могучих деревьев, каменными кронами поддерживали свод. На черных гладких стволах играли отсветы. Зал рассекала большая трещина. Красный свет шел оттуда, изредка снизу протягивались языки пламени, обвиваясь вокруг ближайшей колонны. Клубы дыма колыхались в горячем воздухе под сводами.

— Пойди мы из верхних залов основной дорогой, — пояснил Гэндальф, — попались бы в ловушку. А теперь — наоборот. Хочется верить, что трещина отделяет нас от преследователей. Идем, нам нельзя терять время.

Снова послышался барабанный рокот: «рок, рок, рок». С западного конца зала донеслись крики и хриплый рев рогов. «Рок, рок», колонны начали тихо вздрагивать, затрепетало пламя в трещине.

— Ну, последний рывок! — крикнул Гэндальф. — Если снаружи светит солнце, у нас есть шанс.

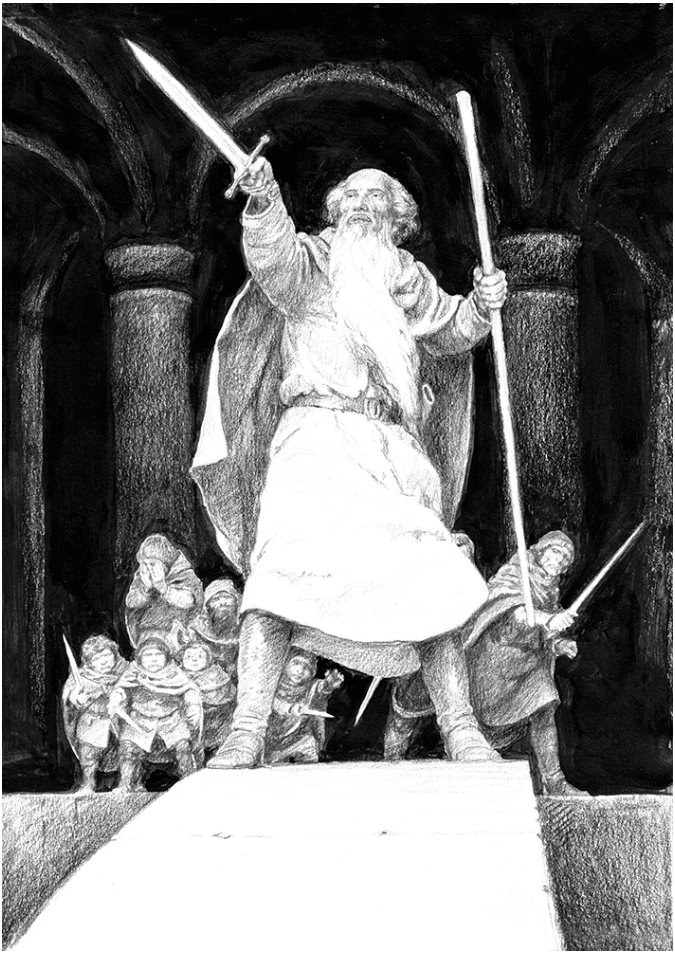
Он повернул налево в зал, остальные бросились за ним. Расстояние оказалось больше, чем казалось в полумраке. Орки завизжали: беглецов заметили. Над головой Фродо свистнула стрела.

Боромир захохотал.

— Такого они не ждали! — воскликнул он. — Им нас не достать, огонь отрезал их!

— Смотрите вперед, — прервал его Гэндальф. — Мост близко. Он узок и опасен.

Фродо увидел впереди черный провал. Через бездонный ров был перекинут узенький мостик без перил. Одним изящно выгнутым пролетом футов пятидесяти он повис над бездной. Так думали древние морийские гномы обороняться от врага, захвати он первый зал и внешние галереи. Пройти по мосту можно было лишь по одному. У его начала Гэндальф остановился.



— Веди, Гимли! — приказал он. — Следом — Пиппин и Мерри. Прямо и вверх по лестнице!

Вокруг падали стрелы. Одна несильно стукнула Фродо в спину и упала у ног. Другая пронзила шляпу Гэндальфа и торчала из нее, как черное щегольское перо. Уже у моста Фродо оглянулся. За трещиной в дрожащем мареве виднелись черные фигурки. Орков было не меньше трех сотен. Они потрясали копьями и ятаганами, вопили, но крики покрывал приближающийся рокот барабанов: «рок, рок».

Леголас положил стрелу на тетиву и поднял лук, но тут же опустил его. Стрела упала, а он даже не заметил. Два огромных пещерных тролля появились из темноты дальнего конца и уложили поперек трещины каменные плиты. Но не тролли вселили страх в лесного эльфа. Толпа орков раздалась и кинулась в разные стороны. Сзади надвигалось нечто, какая-то клубящаяся тень с размытыми контурами. Но зато мощь и угроза угадывались в ней сразу. Медленно подплыв к трещине (огонь прижался к ее краям, словно в испуге), фигура легко переметнулась на другой край. Огонь взревел, языки пламени приветственно взвились из глубин, на миг обрисовав дымные контуры. Теперь новое действующее

лицо можно было разглядеть получше. В правой руке пришелец сжимал меч, похожий на язык пламени, в левой — бич со многими хвостами.

— О-е! — высоким голосом воскликнул Леголас. — Барлог! Барлог пришел!

Гимли широко распахнутыми, остановившимися глазами вперился в это новое страшное чудо.

— Погибель Дарина, — прошептал он, опуская топор, и закрыл лицо руками.

— Барлог, — пробормотал Гэндальф. — Теперь понятно. — Он тяжело оперся на жезл. — Что за злая судьба! А я так устал!

Темная фигура, вся в струях огня, приближалась к ним. Орки взвыли и хлынули по плитам через трещину. Тогда Боромир поднял рог и затрубил. Словно многоголосый грозный клич разнесся под сводами зала. Орки присели от неожиданности, и даже страшная фигура остановилась. Но звук рога замер, не породив эха, и враги снова двинулись вперед.

Гэндальф стряхнул с себя мгновенное оцепенение.

— За мост! — крикнул он. — Бегите! Этот враг вам не по силам. Я задержу его. Бегите!

Арагорн и Боромир стояли уже по другую сторо-

ну моста и дальше идти не собирались. Хоббиты, гном и эльф тоже медлили возле дальней двери, не в силах оставить своего вожатого один на один с врагом.

Барлог был уже возле моста. На середине пролета, опираясь левой рукой на жезл, стоял Гэндальф. Опущенный Гламдринг, холодный и белый, сиял в правой руке мага. Барлог надвинулся на мост и остановился снова. За его спиной словно распахнулись два крыла тьмы. Он поднял бич, дымное пламя заклубилось и затрещало. Гэндальф не шелохнулся.

— Ты не пройдешь, — ровным голосом произнес он. Сразу упала мертвая тишина. — Я служу Тайному Пламени и владею Огнем Анора. Ты не пройдешь. Темное Пламя Удуна не поможет тебе. Возвращайся во мрак!

Барлог не отвечал. Взвихрившиеся до этого языки багрового огня у него за спиной притихли. Стало темнее. Он сделал шаг и внезапно вырос, заполнив собой, казалось, весь объем подгорного зала. Тьма в его крылах загустела и протянулась от стены до стены. Маленькая сияющая фигура Гэндальфа одиноко стояла на фоне клубящейся грозовой тучи.

Вдруг из дыма рванулся пылающий багро-

вый меч. Навстречу ему белой молнией взлетел Гламдринг. Короткий звенящий лязг, вспышка белого пламени — и меч Барлога разлетелся на куски, а сам он отпрянул. Маг покачнулся, но устоял.

— Ты не пройдешь, — повторил он.

Барлог снова метнулся на мост. Бич в его руке шипел и извивался.

— Он не выстоит один! — крикнул Арагорн и бросился на подмогу. — Элендил! — разнесся под сводами его клич. — Я с тобой, Гэндальф!

— Гондор! — зарычал Боромир и устремился за ним.

В этот миг Гэндальф поднял жезл и ударил о мост. Жезл переломился, слепящая полоса белого огня встала над бездной. Мост застонал и прямо под ногами Барлога обрушился вниз. Остаток моста, лишенный опоры, дрожа, повис в воздухе. Барлог испустил жуткий вопль, огромным напряжением пытаясь удержаться, и провалился вслед за обломками моста. Но, уже исчезая из глаз, он взмахнул бичом, и несколько хвостов захлестнули колени мага, дернув его к краю. Гэндальф упал, попытался ухватиться за обломки моста, но его руки соскользнули, и только крик долетел из бездны:

— Бегите!

Языки пламени умерли, темнота накрыла место страшного поединка. Отряд в ужасе замер, не в силах понять случившегося. Арагорн и Боромир едва успели отбежать назад, как остатки моста вздрогнули и с треском рухнули. Арагорн криком заставил остальных двигаться.

— Надо идти. Я поведу вас. Мы должны выполнить его последний наказ.

Оглядываясь, спотыкаясь во мраке, путники кое-как поднялись по широким ступеням. Впереди уверенно шагал Арагорн, последним шел Боромир. Лестница вывела к широкому гулкому проходу. Фродо слышал прерывистые рыдания Сэма и вдруг заметил, что и сам плачет на бегу. «Рок, рок, рок» — грохотало позади, но все тише, глуше — «рок», «рок».

Впереди забрезжил свет. Побежали быстрее, влетели в зал, промчались через разрушенные двери и внезапно выскочили к Великим Восточным Воротам, ослепившим их солнечным сиянием дня.

Небольшой караул орков охранял обломки ворот, хоронясь в тени от света. Вожака, пытавшегося заступить им дорогу, Арагорн смахнул мечом, остальные порскнули в стороны. Отряд,

не останавливаясь, запрыгал по огромным, искрошенным временем ступеням. Над головами раскинулся синий небесный свод, который они уже не чаяли увидеть, а лица овевал вольный ветер.

Остановились, только отбежав от ворот на расстояние полета стрелы. Наверное, был полдень. Сияло солнце, по небу плыли величественные белые облака.

Морийские Ворота зияли темным провалом в тени Мглистых Гор. Слабо и далеко слышались одиночные раскаты: «р-рок». И больше ничего. Долина вокруг лежала пустынная и безмятежная. И тут наконец скорбь охватила друзей и захлестнула с головой. Они долго плакали, кто стоя и молча, кто бросившись на землю и рыдая в голос. Последний раз глухо заворочался под землей гром: «р-рок» — и затих.

Глава VI
Лотлориен

— Друзья, боюсь, нам больше нельзя здесь оставаться. — Слова Арагорна вернули отряд к действительности. Он оглянулся на Морийские Ворота и стиснул рукоять меча.

— Прощай, Гэндальф, — проговорил он. — Разве я не предупреждал тебя: берегись! Я оказался прав, но мне не легче от этого. У нас все меньше надежды.

Арагорн повернулся к отряду.

— Да, нам не на что надеяться, — повторил он, — но мы должны идти. Может быть, мы сможем отомстить. Укрепитесь духом, не надо плакать. Впереди у нас долгий путь и тяжелая работа.

С того места, где они остановились, открывался вид на узкую горную долину, стесненную отрогами. Три вершины выделялись на фоне неба: Келебдил, Фануидол и Карадрас. По ущелью неслась река; белой пенной нитью она прошивала каскад водопадов, над некоторыми из них висела кисея мельчайших брызг.

— Будь судьба к нам помилостивее, — сказал Арагорн, — мы спустились бы с перевала по тропе вдоль реки.

— Это все Карадрас! — Гимли погрозил кулаком горной вершине. — Вон он стоит, ухмыляется.

На востоке горы неожиданно обрывались, за уступом смутно синели далекие земли. К югу, насколько хватало глаз, тянулась горная страна, а не далее как в миле на дне долины лежало озеро, похожее на наконечник копья, глубоко вонзившегося в горный склон. Затененное, кроме южного краешка, освещенного солнцем, оно выглядело везде одинаково темным. Ни одна морщинка не портила безмятежного лика воды. Берега, со всех сторон свежие и зеленые, казалось, не знали прикосновения ничьей ноги.

— Вот дремлет Зеркальное, наш легендарный Келед Зарам, — печально произнес Гимли. — Я помню, он сказал: «Да возрадуешься ты, увидев

его! Но нам нельзя там задерживаться». Сколько дорог я пройду, прежде чем возрадуюсь снова? Оказывается, это я буду спешить, а он останется…

Дорога, ведущая от Морийских Ворот, была сильно разрушена, местами пропадала в зарослях вереска и камнеломки, но в ней еще угадывался некогда широкий мощеный тракт, подобающий столице гномьего мира. Временами на обочинах попадались руины не то изваяний, не то строений, зеленые курганы с вершинами, поросшими березняком, или одинокие мощные ели. Повернув на восток, дорога вывела их к самому берегу Зеркального. Неподалеку из травы поднимался обломок колонны.

— Камень Дарина! — воскликнул Гимли. — Я не могу пройти мимо и не заглянуть в воды чудесного озера.

— Я прошу тебя, постарайся побыстрее. — Арагорн с беспокойством оглянулся на Морийские Ворота. — Солнце скоро сядет. До заката орки, надеюсь, не выйдут, но, прежде чем настанет ночь, лучше бы нам оказаться подальше. Луна на исходе. Ночь будет темной.

— Идем со мной, Фродо! — позвал Гимли, сбегая по зеленому склону. — Ты обязательно должен

заглянуть в воды Келед Зарама!

Фродо пошел следом. Тихая синяя вода притягивала, несмотря на усталость. Сэм тоже увязался за ними.

Возле обломка колонны Гимли остановился. Камень изъели трещины. Руны, когда-то покрывавшие столб, стерлись, их уже нельзя было прочитать.

— Здесь Государь Дарин впервые заглянул в воды Зеркального, — пояснил гном. — Давай и мы поглядим на дорожку.

Они наклонились над темной водой. Сначала не видно было вообще ничего. Потом из густой синевы медленно проступили очертания гор и простор неба над вершинами. Затем, словно самоцветы, погруженные в глубину, показались звезды. Фродо удивленно взглянул вверх — там сияло солнце — и опять перевел взгляд на воду. Звезды! Зато отражений хоббита и гнома в воде не было.

— О прекрасный и дивный Келед Зарам! — благоговейно произнес Гимли. — В его водах корона Дарина ожидает пробуждения Государя.

Гном с трудом оторвался от воды, низко поклонился, промолвил: «Прощай», — и зашагал к дороге.

— Ну что ты там видел? — накинулся Пиппин на Сэма, но тот, глубоко задумавшись, даже не услышал вопроса.

Вскоре дорога, повернув на юг, привела их к большому роднику с чистой, словно хрустальной водой. Переливаясь через каменную кромку, вниз бежал веселый ручеек.

— Отсюда берет начало Серебрень, — сказал Гимли. — Но пить нельзя — вода холодна как лед.

— Скоро этот ручеек станет быстрой рекой, — улыбнулся Арагорн. — Теперь много миль нам с ним по пути. Дорогу выбирал Гэндальф, и лежит она через леса, вдоль русла Серебрени, до ее впадения в Великую Реку.

Леголас поглядел вслед ручью, терявшемуся в золотистой закатной дымке долины.

— Там — Лотлориен! — звенящим голосом произнес он. — Прекраснейшие владения эльфов в этом мире. Нигде нет таких деревьев, как там. Их листья не опадают осенью, а становятся золотыми, а когда весной нарождается молодая листва, в зелени распускаются золотые цветы, и серебряные ровные, гладкие стволы несут сияющие кроны, словно драгоценные колонны, а земля под ногами покрывается золотом старых листьев. Так

говорится в песнях, поющихся у нас в Сумеречье. Ах, как возрадовалось бы мое сердце, приди мы туда весной!

— Мое возрадуется и зимой, — заметил Арагорн, — да только мы еще не там. И впереди немало миль. Не будем медлить.

Некоторое время Фродо с Сэмом пытались не отставать, но Арагорн шагал таким размашистым шагом, что скоро хоббиты тащились далеко позади. С самого утра во рту у них не было ни маковой росинки, ссадина у Сэма на щеке горела огнем, а голова кружилась. После теплого подземного мрака свежий ветер казался холодным. У Фродо болели грудь и бок. Ему не хватало воздуха.

Леголас обернулся и сказал что-то Арагорну. Арагорн остановил отряд, позвал Боромира и подбежал к хоббитам.

— Извини меня, Фродо! — с искренним участием воскликнул он. — Столько всего случилось сегодня! Я совсем забыл про ваши раны. Но потерпи еще немного. Недалеко есть одно место, там можно передохнуть, там я помогу вам. Боромир, давай-ка понесем их.

Вскоре путь пересек еще один ручей, впадавший в Серебрень. Русло раздалось вширь, а после порога из зеленого камня по берегам появились

неказистые низкорослые пихты и заросли черники. Дойдя до галечного плеса, устроили привал.

Пока Гимли, призвав на помощь Мерри и Пиппина, занимался костром и обедом, Арагорн врачевал раненых. Царапина на щеке Сэма была неглубокой, но выглядела скверно. Арагорна она поначалу встревожила, но после тщательного осмотра он хлопнул Сэма по плечу и улыбнулся.

— Повезло тебе, братец, — проговорил он. — Многим первый убитый орк обходился куда дороже. Яда на ятагане не было, а, между прочим, часто бывает. Сейчас я ее обработаю, заживет, и не заметишь. Вот Гимли воду согреет…

Он достал из сумки на поясе уже знакомые хоббитам немного увядшие листья.

— У меня еще остались листья *ацелас*. Брось один в воду, потом промоешь и завяжем. А пока посмотрим Фродо.

— Со мной все в порядке, — поспешно заявил Фродо. Ему не хотелось раздеваться. — Поесть бы только немного да отдохнуть чуток…

— Нет уж, — сказал Арагорн. — Надо же взглянуть, на что похож хоббит после молота и наковальни. Я все еще диву даюсь, что ты живой.

С этими словами Арагорн бережно стащил с Фродо куртку, потом рубашку, потом присвист-

нул в удивлении, а потом расхохотался.

У него перед глазами свет мерцал и переливался на мириадах колечек. Следопыт осторожно снял кольчугу, расправил, и она зазвенела у него в руках, а жемчужины засияли, как крупные звезды.

— Посмотрите-ка, друзья! — позвал Арагорн. — Вот прелестная хоббичья шкурка. В пору эльфийских князей обряжать. Не ровен час, прознают охотники, какие шкурки у хоббитов в Шире, мигом со всего Среднеземья набегут.

— Только толку от их стрел не будет, — в изумлении уставясь на кольчугу, вымолвил Гимли. — Да ведь это же мифрил. Мне не то что видеть — и слышать про такое не приходилось. Подожди-ка, уж не про эту ли кольчужку Гэндальф вспоминал? Тогда я скажу, недооценил он ее. Вот уж поистине королевский дар!

— То-то я удивлялся, о чем вы там с Бильбо все шушукаетесь! — воскликнул Мерри. — Милый наш Бильбо! Я его теперь еще больше люблю и надеюсь найти случай сообщить ему об этом!

Но как ни хороша была кольчуга, а на груди у Фродо, ближе к правому боку, красовался огромный иссиня-черный синяк. Даже левый бок, которым его ударило о стену, был слегка

ободран.

Арагорн быстро обработал раны, и острый запах *ацелас* придал бодрости всем, вдохнувшим парок над котелком. Скоро Фродо уже свободно мог дышать полной грудью, хотя еще несколько дней старался не спать на правом боку.

— Кольчуга на редкость легкая, — сказал Арагорн. — Надевай-ка ее и постарайся не снимать даже ночью. Мне будет спокойнее. Если уж попадешь в совсем безопасные места — тогда другое дело. Но боюсь, это еще не скоро будет.

После завтрака приготовились выступать. Костер погасили и постарались уничтожить все следы стоянки. Впрочем, до заката отряд не успел уйти далеко. С гор сползли длинные тени, а с низин начал подниматься туман. Дальние равнины на востоке растаяли в сумеречной дымке.

Фродо с Сэмом вполне оправились и больше не отставали. С одной короткой остановкой Арагорн вел отряд до темноты.

Ночь пришла звездная, но безлунная. Теперь ущербная луна появлялась лишь под утро. Фродо и Гимли молча шагали в конце растянувшейся цепочки, чутко прислушиваясь к звукам позади. Наконец Гимли заговорил:

— Только ветер вокруг. Либо у меня уши деревянные, либо поблизости ни одного гоблина нет. Может, им просто хотелось выгнать нас из Мории, а Кольцо вовсе ни при чем? Вообще-то они мстительные.

Фродо не отвечал. Он изредка поглядывал на Шершень — клинок оставался темным. Но ему не давали покоя звуки (или призраки звуков?) позади. С наступлением ночи он снова стал слышать знакомое пришлепывание. Несколько раз он специально резко оглядывался и однажды заметил вдалеке две крошечные светящиеся точки… или ему показалось? Во всяком случае, они тут же пропали, словно метнулись в сторону.

— Ты чего озираешься? — спросил Гимли.

— Знаешь, мне кажется, я шаги слышу, — решил признаться Фродо, — а иногда вижу глаза чьи-то сзади. Еще в Мории это началось.

Гимли лег на землю и прижался ухом к дороге.

— Ничего не слышу, только травы и камни разговаривают, — сказал он, поднимаясь. — Давай-ка поторапливаться, смотри, отстали мы.

Порыв ночного ветра пронесся по долине. Впереди смутно начала вырисовываться серая стена, временами оттуда наплывал волнами шелест.

— Лотлориен! — воскликнул Леголас. — Мы на опушке Золотого Леса. Как жаль, что сейчас зима!

Вскоре высокие деревья закрыли небо. Речка, верная проводница, нырнула под их своды. В звездном свете серели вокруг стволы, а в листве изредка просверкивали красновато-золотистые блики.

— Лотлориен! — удовлетворенно вздохнул Арагорн. — Как я рад снова услышать шелест этих деревьев! От Ворот нас отделяют только пять лиг, но дальше сегодня не пойдем. Понадеемся на эльфийские чары, да сохранят они нас этой ночью от напастей.

— Если эльфы еще остались здесь, — пробормотал Гимли. — Что им делать в темнеющем мире?

— Никто из нас не бывал здесь уже очень давно, — ответил Леголас. — Когда-то, много веков назад, мы бродили в этих лесах. Но я знаю, Лориен

не заброшен. Тайная сила хранит здешние края от зла. Просто эльфы Лориена не показываются, наверное, ушли в глубь лесов, подальше от северного края.

— Да, они живут там, дальше, — махнул рукой Арагорн и вздохнул, словно припомнив что-то. — Сегодня ночью на их помощь рассчитывать не приходится. Давайте пройдем немного в лес, а там поищем место для ночлега.

Он шагнул вперед, но Боромир не тронулся с места.

— А другого пути нет? — напряженно спросил гондорец.

— Зачем же нам искать другие пути, когда перед нами светлейший из всех возможных? — удивился Арагорн.

— Я предпочел бы обычную дорогу, веди она хоть через все орочьи засады, — проговорил Боромир. — А мы все время выбираем какие-то чудные пути, и они то и дело приводят нас к злосчастьям и бедам. Я не хотел идти в Морию, и вот какой потерей обернулся наш выбор. А теперь ты хочешь вести нас в Золотой Лес. Мы в Гондоре слыхали об этих опасных местах. Говорят, из тех, кто вошел под сень Золотых Лесов, мало кто вышел обратно, а уж невредимым и вовсе никто.

— Лучше сказать «неизменным», так будет вернее, — поправил Арагорн. — Видно, Гондор теряет знания, если в Городе некогда мудрых Правителей стали бояться Лотлориена. Впрочем, можешь держаться своих слухов, другой дороги все равно нет. Можно, конечно, вернуться к Морийским Воротам и лезть через горы, но там нет перевалов.

— Ладно, веди, — с неохотой согласился Боромир. — Но я говорю: это опасно.

— Опасно, — согласился Арагорн, — очень опасно для любого Зла, какое есть в мире, или для того, кто несет Зло в себе. А для прочих — чудесно! Идите за мной!

Примерно через милю путникам повстречался еще один ручей, сбегавший с холмов на западе. Веселый голос плещущей воды слышен был издали, а потом меж корней деревьев замелькали темные, быстро бегущие водовороты.

— Это Нимродель, — с нежностью произнес Леголас. — У Сумеречных Эльфов о ней поют песни, там говорится о радуге на перекатах и золотых листьях, мелькающих в белой пене. Сейчас, когда в мире темнеет, мост через Нимродель разрушен. Я хочу омыть ноги в здешней воде, она снимает усталость.

Эльф шагнул в ручей.

— Идите ко мне! — позвал он. — Здесь неглубоко. Можно вброд перейти. На том берегу отдохнем. Может быть, голос этой нежной реки исцелит нас на время от нашей скорби.

Один за другим его спутники ступили в воду. Фродо постоял немножко у берега, прислушиваясь к ощущениям. Вода, темная в ночи, ласковой прохладой обняла его ноги, приникла к нему, чистая, звенящая, и уже через несколько шагов усталость от долгого пути растворилась в ней и уплыла куда-то вниз по течению.

На другом берегу, пока они ели и отдыхали, Леголас рассказывал о Лотлориене, о том крае, каким он остался в памяти Сумеречных Эльфов, об озаренных чистым солнечным и звездным светом лугах у Великой Реки, о ярком и юном мире, не знающем мрака. А когда голос эльфа замолкал, становился слышен похожий голос реки, звенящей на перекатах. Фродо даже начало казаться, что в звуках бегущей воды можно разобрать отдельные слова.

— Слышите, как говорит Нимродель? — спросил Леголас. — Хотите, я спою вам песню о девушке, жившей здесь давным-давно и оставившей реке свое имя? Песня эта очень красива на

нашем лесном наречии, но для вас я спою ее на Вестроне, как поют иногда в Доме Элронда.

Тихим голосом, почти сливающимся с шелестом листьев и плеском воды, он начал:

То песнь о Деве, что жила
В далекие года,
Чиста, как полдень, и светла,
Как ранняя звезда.

Она несла эльфийский свет —
Так, солнцем залитой,
Волшебный Лориен одет
Зарею золотой;

Так бьется чистым серебром
Прозрачный звонкий ключ;
Так ветер в странствии своем
Свободен и летуч.

И озарял лучистый взгляд
Чертоги древних гор,
И песен светлый звездопад
Звенел о гладь озер…

Где нынче дивный этот свет,

Где лучезарный взор?
Утерян Нимродели след
Среди полночных гор.

Там, где клокочет пенный вал,
Без счета долгих дней
Ее корабль эльфийский ждал
И не гасил огней.

Но на серебряный причал
Из северных земель
Ворвался вихрь, и он умчал
Корабль от Нимродель.

Туда, где глух и мрачен путь,
Где ветер волны рвет,
Где взор слепят и режут грудь
Осколки черных вод.

И Амрот в сумрачном краю,
Где ночи торжество,
Послал проклятье кораблю,
Предавшему его.

Он был навеки разлучен
С любимою своей…

Где с той поры скитался он?
Среди каких теней?

Где нынче он? В каких мирах
Смешались сон и явь?
Вот он взлетает на волнах;
Вот он стремится вплавь;

Он в ветре чайкою парит,
Он пеною одет;
Он гордым лебедем царит
Над бездной вод… Но нет —

То лишь виденье. День за днем,
И, верно, навсегда,
Хранит молчание о нем
Пустынная вода.

Неожиданно Леголас замолчал.

— Я забыл дальше, — смущенно признался он. — Это долгая песня, печальная, ибо рассказывает о скорби, пришедшей в Цветущий Лориен, когда гномы пробудили горное Зло.

— Не они же его создали, — не удержался Гимли.

— Я и не говорю так, но Зло пришло, — печаль-

но сказал Леголас. — И многие эльфы из народа Нимродели ушли на Запад, и только она, заплутав в Белых Горах, не нашла дороги к кораблю, где ждал ее возлюбленный Амрот. По весне, в шуме молодой листвы, здесь, у реки с ее именем, все еще слышится голос Нимродели, и тогда с юга ветер приносит голос Амрота. Нимродель впадает в Серебрень, эльфы говорят — Келебрант, а Келебрант сливается с Андуином Великим, впадающим в залив Белфалас, откуда отплывали лориенские эльфы. Корабль так и не дождался ни Амрота, ни Нимродели.

Говорят, она жила здесь, возле порогов, в ветвях огромного дерева — это в обычае у лориенских эльфов. Их даже называют Галадримы, Древесный Народ. Дальше в лесу мы, наверное, встретим огромные деревья-дома. Древесный Народ не зарывался в землю, как Гномы, и не строил каменных укреплений, пока не пришла Тень.

— Я их понимаю, — неожиданно произнес Гимли. — Сейчас-то точно спокойней жить на дереве, чем сидеть на земле. — Он выразительно взглянул за реку, на дорогу, ведущую к Росному Долу, а потом поглядел на сплетение ветвей над головой.

— Ты подал дельный совет, друг Гимли, — под-

держал его Арагорн. — Дом мы строить не будем, но сегодняшнюю ночь проведем, если получится, как Галадримы. Пойдемте, не стоит здесь засиживаться.

Отряд свернул с тропы и углубился в сумрак леса. Неподалеку от порогов уже начали встречаться деревья в несколько обхватов, кроны их терялись где-то высоко в ночной тьме.

— Я поднимусь наверх, — предложил Леголас. — В лесу я дома, хотя таких деревьев у нас нет. Я их знаю по песням. Это *меллорны*, цветущие золотыми цветами. Наконец-то я посмотрю на них вблизи.

— Деревья, наверное, хорошие, — с сомнением проговорил Пиппин, — может, птицам удобно на них спать, но я-то не зяблик, я не могу спать на жердочке!

— Тогда вырой норку, — предложил Леголас. — Но если ты хочешь укрыться от орков, мой тебе совет: копай поглубже.

Эльф без разбега подпрыгнул, ухватился за высокую ветку и сильно качнулся, собираясь перебраться на следующую.

— *Даро*! — прозвучал сверху неожиданный приказ.

Растерявшийся Леголас выпустил ветку из рук

и, с трудом удержавшись на ногах, приземлился рядом с товарищами.

— Стойте тихо! — шепнул он остальным. — Не говорите, не двигайтесь.

Вверху кто-то мелодично рассмеялся, и уже другой голос заговорил по-эльфийски. Фродо, к своему удивлению, мало понял из сказанного и пришел к выводу, что язык лориенских эльфов не похож на другие эльфийские[7]. Однако Леголас без труда ответил на том же языке.

— Кто это и что они говорят? — прошептал Мерри.

— Да эльфы это, неужто не слышно? — удивился Сэм.

— Да, это эльфы, — Леголас с улыбкой посмотрел на Сэма, — и они говорят: ты так пыхтишь, что в тебя с закрытыми глазами попасть можно.

Сэм в испуге прикрыл рот рукой.

— А еще они говорят, — продолжал Леголас, — что ты можешь не бояться. Они давно за нами наблюдают и слышали, как я пел о Нимродели. По голосу они поняли, кто я, и просят подняться наверх, кстати, и тебя, Фродо, тоже. Мне кажется, они предупреждены о нашем приходе. Осталь-

---

[7] Сноски: 7
См. примечание в Приложении XX «Об Эльфах».

ных просят пока подождать немного.

Из сумрака ветвей над головами путников выпала веревочная лестница, слабо мерцавшая в темноте. Леголас легко взбежал по перекладинам, а Фродо медленно и осторожно начал карабкаться. Позади пыхтел потихоньку неотвязный Сэм.

Ветви меллорна сначала росли под прямым углом к стволу, а потом загибались вверх. Довольно высоко над землей ствол расходился на несколько мощных ветвей; там крепилась легкая деревянная платформа. Эльфы называют такие *талан*, но Фродо знал другое слово — *флет*, и не удивился. На флет попадали через круглый люк в центре.

Когда, довольно не скоро, Фродо наконец выбрался на флет, он застал Леголаса беседующим с тремя другими эльфами. Их с трудом можно было различить на фоне ветвей, настолько удачно была подобрана темно-зеленая одежда. Один из них достал из-под полы плаща небольшой фонарь и, направив узкий луч света на хоббитов, тут же убрал его снова, после чего обратился к Фродо со словами приветствия. Фродо, запинаясь, ответил.

— Добро пожаловать, — повторил эльф на Всеобщем языке с сильным акцентом. — Извините

нас, мы редко пользуемся другими языками и еще реже говорим с пришельцами. Даже наши северные родичи отдалились от нас. Но разведчики помнят другие языки. Я и есть разведчик. Зовут меня Хэлдир. А это — мои братья, Румил и Орофин. Они плохо говорят по-вашему.

О вашем приходе нас предупредил Элронд. О хоббитах (эльф с трудом выговорил незнакомое слово) мы не слыхали много лет, даже не знали, что они еще есть в Средиземье. На злодеев вы не похожи, а раз с вами пришел наш родич, мы вам рады. Чужестранцам нет дороги в нашу страну, но ручательство Элронда весомо, и для вас мы сделаем исключение. Сколько вас?

— Восемь, — ответил Леголас. — Я сам, четверо хоббитов, два человека, один из них — Друг Эльфов Арагорн.

— Арагорна, сына Арахорна, хорошо знают в Лориене, — улыбнулся Хэлдир. — Владычица благосклонна к нему. Но ты назвал пока только семерых.

— Восьмой — гном, — коротко сказал Леголас.

— Гном! — повторил Хэлдир. — Это плохо. Гномы после Темных Дней нам не друзья. Он не может войти в Лориен.

— Но это Гимли от Одинокой Горы, из народа

Даина, дружественного Дольну, — заступился Фродо. — Элронд сам выбрал его.

Некоторое время эльфы тихо переговаривались между собой, изредка задавая вопросы Леголасу.

— Хорошо, — наконец произнес Хэлдир. — Это против правил, но если Арагорн и Леголас поручатся за гнома, он пойдет с вами. Только через Лориен ему придется идти с завязанными глазами. Скажите остальным, чтобы поднимались. Эту ночь вам лучше провести на дереве. Река охраняется с тех пор, как много дней назад к Мории прошла большая ватага орков. Тогда же на краю Леса появились волки. Если вы и в самом деле пришли из Мории, значит, опасность близко. Завтра на рассвете мы уйдем в леса.

Хоббиты будут ночевать с нами. Остальные пусть спят на соседнем дереве, там есть такой же талан. Под твою ответственность, Леголас. Если что случится, сразу зови нас. И приглядывай за этим гномом.

Леголас отправился сообщить товарищам о словах Хэлдира, и вскоре Мерри с Пиппином вскарабкались на флет. Выглядели они запыхавшимися и испуганными.

— Вот, — Мерри с трудом перевел дух, — мы приволокли ваши одеяла. Остальное Колоброд

спрятал внизу.

— Незачем было тащить наверх такую тяжесть, — заметил Хэлдир. — Зимой на талане, конечно, прохладно, но у нас найдутся для вас и еда, и питье, и теплые плащи.

Хоббиты без возражений поужинали еще раз. Потом закутались в меховые эльфийские плащи, а сверху завернулись в собственные одеяла и попытались уснуть. Однако, несмотря на усталость, сделать это с первой попытки удалось лишь Сэму. Хоббиты не любят высоты, в их жилищах, как правило, нет вторых этажей, а если и есть, там никогда не размещают спальни. Спать на флете оказалось очень неуютно. Там не было даже перил. Только плетеная циновка, защищавшая от ветра, которую переносили по мере надобности.

Пиппин все ворочался.

— Если я и засну на этой голубятне, — ворчал он, — как бы под деревом не проснуться.

— А я, — засыпая, буркнул Сэм, — даже и там не проснусь. Если мне, конечно, дадут уснуть некоторые разговорчивые.

Фродо долго лежал без сна, глядел на звезды, пробивающиеся кое-где сквозь листву, и сомкнул глаза не скоро. Сэм давно уже посапывал рядом с ним. Сквозь неплотно прикрытые веки

Фродо различал неподвижных эльфов, изредка переговаривавшихся еле слышным шепотом. Их осталось двое. Третий спустился на нижние ветви. Наконец, убаюканный нежным шелестом листвы и тихим звоном Нимродели, хоббит уснул и во сне слышал песню Леголаса.

Проснулся Фродо глубокой ночью. Другие хоббиты спали. Эльфов не было. Сквозь листья тускло просвечивал серпик старой луны. В безветрии снизу до него донесся грубый смех и слитный топот. Несколько раз лязгнул металл. Звуки удалялись в глубь леса.

Неожиданно над люком флета появилась голова эльфа в капюшоне. Обеспокоенный Фродо сел.

— Что там? — спросил он.

— *Ирч*! — свистящим шепотом произнес эльф единственное слово, быстро втягивая на флет веревочную лестницу.

— Орки? — скорее догадался, чем понял Фродо. — Что они делают?

Но эльф, не ответив, исчез в ветвях.

Внизу было уже тихо. Даже пороги, казалось, звучали приглушенно. «Хороши бы мы были на земле, — подумал Фродо. — Но ведь у орков чутье хорошее, да и лазить они умеют». Он осторожно достал из ножен Шершень. Клинок горел сине-

ватым огнем, на глазах остывая, и вскоре погас совсем. Однако ощущение близкой опасности почему-то не спешило уходить, скорее, наоборот, Фродо ощущал нарастающее беспокойство. Он привстал, на четвереньках подобрался к отверстию и стал всматриваться вниз. У подножия дерева, далеко внизу, что-то происходило.

«Это не эльфы, — думал Фродо, — их не услышишь. А тут вроде как принюхивается кто». Теперь уже Фродо был уверен, что кто-то поднимается по стволу вверх. Незнакомец дышал тяжело, явно стараясь не шуметь. Фродо, свесившись вниз, вдруг увидел два бледных горящих глаза, устремленных на него. В этот же миг неясный серый силуэт метнулся вокруг ствола и исчез.

Через мгновение появился Хэлдир. Он просто пришел по ветвям.

— На дереве кто-то есть, — сообщил он. — Это не орк, он удрал слишком ловко, орки так не могут. Хоббиты, наверное, тоже? — полувопросительно добавил он. — Стрелять нельзя. Эта банда пока недалеко, не стоит поднимать шум. Орков много прошло. Они перешли Нимродель, чтоб у них лапы их грязные отсохли! Под деревом принюхивались. Нам втроем с сотней не справиться, вот

мы и пошли перед ними, заманивая подальше. Орофин предупредит наш народ. Из Лориена до сих пор ни один орк не выходил. Завтра же северную границу закроют, а нам с рассветом идти на юг.

На рассвете хоббиты проснулись с ощущением ясного летнего утра. Голубое небо виднелось в просветах ветвей. На юге перед Фродо лежала долина Серебрени, вся в красноватом золоте мерно колышущихся лесов.

Рано утром отряд снова был в пути. Теперь вели Хэлдир и его брат Румил.

— Прощай, милая Нимродель! — певуче воскликнул Леголас.

Фродо оглянулся, и среди серых стволов ему блеснуло пятнышко белой пены.

— Прощай, — пробормотал и он, думая о том, что вряд ли есть на свете еще хоть одна река с таким чарующим голосом.

Тропа по-прежнему вела их вдоль берега Серебрени. На земле попадались отпечатки орочьих сапог. Но скоро Хэлдир срезал какой-то знакомый ему угол и остановился на берегу.

— Здесь нас ждут, — сказал он и позвал мелодичным птичьим посвистом.

На той стороне из зарослей вышел эльф в сером

плаще, с сияющими на солнце золотыми кудрями. Хэлдир ловко перебросил ему конец веревки, моток которой носил на поясе. Заречный эльф поймал и закрепил конец.

— В этом месте, как видите, Келебрант уже серьезная река, — промолвил Хэлдир. — Здесь глубоко, течение быстрое, а вода холодная. Теперь мостов нет. Мы переходим вот так. — Эльф захлестнул свой конец веревки вокруг мощного ствола и легко, словно в танце, перебежал на другую сторону. — Идите за мной! — позвал он.

— Я-то пройду, — ответил ему Леголас, — но остальным это вряд ли удастся. Им что, плыть?

— Нет! — рассмеялся Хэлдир. — Сейчас мы протянем еще две веревки, повыше и пониже, тогда чужеземцы смогут пройти.

Когда простой мост был готов, отряд принялся переправляться. Из хоббитов отличился Пиппин, быстро перешедший реку, придерживаясь одной рукой за перила. Он ни разу не взглянул под ноги. Сэма пришлось ждать долго. Он едва полз, подолгу не мог отпустить веревку, чтобы перехватиться руками и, как завороженный, неотрывно смотрел на воду внизу.

Когда он оказался на другом берегу, все облегченно вздохнули.

— Век живи, век учись, — нетвердым голосом просипел Сэм, — как любил говаривать мой старик. Оно конечно, он при этом про садоводство думал, а не про то, чтобы, значит, на насесте спать или, там, по-паучьи ползать. Даже мой дядюшка Энди таких штуковин не выкидывал.

Наконец весь отряд оказался на восточном берегу. Эльфы смотали две веревки, а Румил, возвращавшийся на талан, вытащил третью, быстро свернул в бухту, повесил на плечо и, махнув рукой, скрылся в лесу.

— Теперь мы на внутренних землях Лориена, — сказал Хэлдир. — Чужеземцы здесь не бывают. Для вас сделано исключение, но гному я по уговору должен завязать глаза. Остальные пока могут идти так.

Гимли фыркнул.

— Я об этом не уговаривался. Я не пленник и не шпион. Мой народ никто не заподозрит в связях с Врагом. И с эльфами мы не враждовали. Если ты боишься раскрывать мне ваши тайны, так я не опаснее остальных.

— Я не подозреваю тебя ни в чем, — терпеливо сказал Хэлдир, — но таковы законы нашего края. Не я их создаю, не мне их и менять. Я и так сделал слишком много, позволив тебе ступить на землю за Келебрантом.

Но Гимли уперся.

— Я пойду свободно или уйду домой и сдержу слово, даже если сгину в глуши.

— Ты не можешь уйти, — вздохнул Хэлдир. — С того места, где ты стоишь, у тебя лишь один путь — предстать перед нашими владыками. Только они теперь вольны позволить тебе уйти или остаться. За рекой наши сторожевые посты. Ты даже не успеешь понять, почему умер.

Гимли потащил топор из-за пояса. Эльфы неторопливо, но все равно очень быстро натянули луки.

— Чтоб им пусто было, этим твердолобым гномам! — в сердцах воскликнул Леголас.

— Эй! — вмешался Арагорн. — По-моему, отряд

веду я. Гному, конечно, нелегко снести такое отношение к себе. Я предлагаю завязать глаза всем, и Леголасу в том числе. Так будет справедливо, хотя и сделает наш путь скучноватым, да и времени он займет больше.

Гимли неожиданно расхохотался.

— Представляю, какими дураками мы будем выглядеть! — гоготал он. — А Хэлдир, значит, у нас поводырем будет? Ладно, не надо всем. Я согласен, если один Леголас разделит со мной компанию.

— Я эльф, я свой здесь! — с гордостью произнес разгневанный Леголас.

— Чтоб им всем пусто было, этим твердолобым эльфам! — тихонько произнес Арагорн. — Давай, Хэлдир, завязывай нам глаза.

— За каждый ущерб, будь то синяк или шишка, я потребую возмещения, — проговорил Гимли, покорно ожидая, пока эльфы завязывали ему глаза платком.

— Не придется, — усмехнулся Хэлдир. — Я аккуратно поведу вас, а тропы у нас мягкие, ровные, не споткнешься.

— До чего довели злосчастные времена! — восклицал Леголас. — Мы все здесь враги одного Врага, и вот меня ведут, словно слепца, когда

вокруг солнце играет в золотых листьях.

— Враг уже добился немалого, — отвечал Хэлдир, — бросив тень отчуждения, разделившего его врагов. За пределами Лориена все реже встретишь честь и благородство; доверчивость может обернуться большой бедой, мы не имеем права рисковать. Наш край — словно остров посреди моря опасностей, и сегодня нашим рукам куда чаще приходится иметь дело с луком, чем с лютней. Раньше рубежи наши обороняли реки, сегодня на них слабая надежда. Тень вокруг. У нас поговаривают об уходе, а я думаю — не поздно ли? В Горах на западе день ото дня вырастает Зло, земли к востоку лежат в разоре и запустении, там полно Сауроновых тварей. Даже земли Рохана небезопасны, как говорят. За устьем Великой Реки следит Враг. Даже придя на побережье, мы не найдем там надежного убежища. Я слышал о Гаванях Высоких Эльфов где-то далеко на северо-западе, за страной полурослико в, но где это — о том знают разве что наши владыки.

— Так это ж недалеко от нас, считай, сразу за Широм, — перебил Мерри.

— Счастлив твой народ, живущий возле побережья, — вздохнул Хэлдир. — Но из нас никто не бывал там очень давно. Мы поем песни о Море,

но какое оно?.. Расскажи мне о Гаванях, пока мы идем! — внезапно загорелся эльф.

— Да я ведь не видал их никогда, — расстроился Мерри. — Я тоже в первый раз покинул Шир, а если бы знал, на что похож этот широкий мир, и вовсе сидел бы дома.

— Но зато ты увидишь прекрасный Лориен! — воскликнул Хэлдир. — Да, конечно, мир полон опасностей, в нем немало мрака, но много и прекрасного. Наверное, сейчас уже не найти земель, где к любви не примешивается скорбь, но сама любовь, на мой взгляд, стала выше.

У нас поют, что Тень уйдет и мир вернется к нам, но я не верю. Среднеземье не может вечно оставаться неизменным, даже свет солнца уже не тот, каков он был встарь. Может быть, для эльфов наступит передышка и они смогут беспрепятственно уйти к Морю, чтобы покинуть Среднеземье навсегда. Но тогда не станет Лориена, который я знаю и люблю. Мир обеднеет, если однажды из него уйдет последний меллорн. А есть ли они за Морем, я не знаю.

Так в разговорах отряд неторопливо пробирался по лесным тропам. Впереди — эльф, и позади — эльф. Путники ступали по ровной мягкой земле и вскоре освоились со своей временной слепотой.

У Фродо, лишенного зрения, опять обострились слух и другие чувства. Он ощущал запахи деревьев и потревоженных трав, слышал множество оттенков в шелесте листвы, в сонном бормотании реки справа, в чистых голосах птиц. Солнце касалось его лица ласковой рукой, значит, они проходили поляной.

Ступив на восточный берег Серебрени, он словно прошел по мосту времени в заповедный уголок Древнейших Дней и теперь шел по стране, которой давно уже нет. В Дольне жила память о древнем, в Лориене обитала сама Древность. Да, здесь знали Зло, ведали скорбь, здешние эльфы опасались внешнего мира и не доверяли ему, и волки выли на его границах, но на самой земле Лориена не было ни единого пятнышка Тьмы.

Весь день прошел в дороге. Наступил вечер. Прохладный ветер громче зашелестел листвой. Путники уснули прямо на траве, а утром снова неспешно отправились дальше. Остановились в полдень. Фродо ощутил вокруг обширное свободное пространство, которое вдруг наполнилось звоном множества голосов. Это большой отряд эльфов торопился к северным рубежам. Предводитель отряда коротко обменялся с Хэлдиром новостями, а эльф пересказал их своим подопеч-

ным. Морийских орков уничтожили почти всех. Удрать удалось немногим, но за ними ушла погоня. У реки видели странную тварь, двуногую, но очень похожую на зверя. Словить ее не удалось, а без нужды эльфы не стреляют. Тварь удрала на юг.

— А еще, — значительно произнес Хэлдир, — мне передали слова Владыки и Владычицы Галадримов. Вы можете идти свободно, даже гном. Владычица знает вас. Может быть, приходили новые гонцы из Дольна.

Хэлдир в первую очередь освободил от повязки Гимли.

— Прости нас, почтенный гном, — низко поклонился он. — Не таи обиды. Смотри и радуйся, ибо со Дней Дарина ты первый из гномов узришь деревья Лориена!

Когда повязка спала с глаз Фродо и он огляделся, у него захолонуло в груди. Они действительно стояли на открытом месте. Слева высился огромный зеленый курган. На вершине двойным венцом росли два круга невиданных деревьев. Составлявшие внешний круг блистали белоснежной корой. Их обнаженные ветви поражали стройностью и благородством линий; внутри стояли меллорны, но такие громадные, что трудно

было поверить глазам. Бледное золото крон мерцало и переливалось под ветром. В центре стоял одинокий исполин, вознося на немыслимую высоту большой белый флет. Трава на склонах кургана пестрела звездчатыми золотистыми цветами. Попадались и другие цветы, белые и бледно-зеленые; покачиваясь на тонких стеблях, они словно туманным облачком приглушали яркую зелень трав. Во всю ширь распахнулось синее небо, а послеполуденное солнце украсило курган длинными зелеными тенями.

— Глядите! Перед вами — Керин Амрот, — торжественно произнес Хэлдир, — сердце древнего королевства. На кургане стоял некогда дом Амрота. Теперь здесь вечно цветут золотой *эланор* и белый *нифредил*. Мы не станем торопиться и вступим в город на закате.

Со счастливыми вздохами все повалились в густую душистую траву, а Фродо так и остался стоять, пораженный здешней красотой в самое сердце. Он словно шагнул через окно в несуществующий мир, в котором свет и краски оказались неузнаваемо яркими, формы — четкими и гармоничными, словно их сначала задумал, а потом осуществил и закрепил навсегда гениальный ваятель. Золотой и белый, синий и зеленый

— других цветов не замечали глаза хоббита, но зато какой первозданной свежестью дарили они зрение. Зимой никто не стал бы здесь толковать о весне или лете. Все, все вокруг казалось совершенным и безупречным. Да оно и было таковым.

Фродо повернулся. Рядом стоял Сэм и тер глаза.

— Так ведь солнце же, — растерянно произнес он, — а я-то думал, раз эльфы, значит, луна и звезды! Но здесь больше эльфийского, чем где-нибудь. У меня внутри песни щекотятся, если, конечно, понятно, про что я.

Хэлдир с улыбкой посмотрел на них.

— Ну вот, вы ощутили могущество Владычицы Галадримов. Не хотите ли подняться со мной на Керин Амрот?

И хоббиты, осторожно ступая, пошли за легко шагавшим эльфом. Все вокруг жило, дышало, двигалось, а Фродо никак не мог отрешиться от мысли об остановленном времени, и еще одна странная убежденность мелькнула в его сознании: скоро он, Фродо, бедный странник из маленького Шира, снова уйдет в большой мир, но он же, Фродо из Шира, останется бродить среди цветов эланора в прекрасном Лориене.

Круг белых деревьев сомкнулся за ними. Ветер вздохнул в вышине. Фродо замер. Из непредста-

вимого далека он услышал напев нездешних морей, где волны бьются о берега, которых нет давно, а над волнами кричат птицы, чьих имен не помнит ни один из живущих.

Хэлдир подвел их к стволу-гиганту. Фродо бестрепетно приготовился подняться на флет, положил руку на ствол, и вдруг его пронзило ощущение живой древесной плоти. Через ладонь он чувствовал буйную радость дерева и знал, что оно ощущает прикосновение его маленькой руки.

Когда, пройдя множество ступеней, он шагнул на поверхность флета, Хэлдир взял его за руку и повернул лицом на юг.

— Посмотри!

Фродо взглянул и увидел в отдалении еще один холм со многими… деревьями? зелеными башнями? — он не знал, зато ощутил исходящие оттуда силу и свет, под чьей защитой и опекой лежал весь этот край. Его потянуло туда, и он впервые позавидовал птичьей доле. Тогда он взглянул на восток — и перед ним предстали земли Лориена до самого лучистого блеска Великого Андуина. Он послал взгляд дальше и… выпал в обычный мир, знакомый, пустой, плоский, какой-то бесформенный, а еще дальше вставала темная и страшная стена. Солнце, осиявшее Лотлориен,

словно утрачивало там силу, и ни единый луч не озарял мрака на далеком горизонте.

— Там Дол Гулдур, — коротко сказал Хэлдир. — Там только черные ели, там деревья насмерть борются друг с другом, а на земле гниют и сохнут их ветви. Там скрывался Враг, но теперь там другие хозяева, и сила мрачной крепости растет. В последнее время на ней часто лежит черное облако. Сейчас ты можешь видеть разом две противоборствующие силы. До сих пор в борьбе скрещивались мысли, и свет постиг самое сердце тьмы, не раскрыв ни одной из собственных тайн. Пока не раскрыв.

Эльф повернулся и заспешил вниз.

У подножия холма Фродо нашел Арагорна, неподвижного, как изваяние. В руках у него золотился цветок эланора, а в глазах сиял свет. Видно, какое-то давнее воспоминание, связанное с курганом, заставило его забыть обо всем. Не было на лице Арагорна следов суровых лет, перед Фродо стоял прекрасный стройный витязь и что-то тихо говорил по-эльфийски, обращаясь к той, которую Фродо видеть не мог.

— *Арвен ванимельда, намариэ!*

Арагорн не сразу заметил Фродо, а увидев, улыбнулся.

— Здесь сердце эльфийского народа, живущего в этом мире, — проговорил он. — И здесь останется мое сердце, если только за темными дорогами нам с тобой не удастся увидеть свет. Идем!

Арагорн повернулся и ушел от холма Керин Амрот, чтобы в этой жизни никогда больше не вернуться сюда.

Глава VII
Зеркало Галадриэль

Солнце садилось за горами; меж древесными стволами легли сумеречные тени. В эту пору Хэлдир и повел отряд дальше. Стемнело. Эльфы достали серебряные фонари. Но на этот раз путь не был долог. Тропа привела под открытое небо с несколькими ранними звездами. Впереди лежала широкая луговина, обрывающаяся глубоким рвом с ярко зеленевшими краями, а за ним вставала стена, ограждавшая холм, поросший царственными меллорнами. Таких величественных деревьев путники еще не видели в Лориене. Кроны их терялись где-то в вышине, сливаясь с потемневшим небом, создавая впечатление огромных живых башен, повсюду расцвеченных

огнями.

Хэлдир повернулся к отряду.

— Добро пожаловать в Карас Галадон! Перед вами город Галадримов, здесь троны Владыки Келеберна и Владычицы Лориена Галадриэль. С северной стороны в город не войти. Ворота смотрят на юг. Путь еще неблизкий.

За рвом вышли на дорогу, мощенную белым камнем. Город зеленым облаком высился слева, и, по мере того как ночь вступала в права, все больше огоньков вспыхивало в вышине, переплетаясь со звездным небесным узором. Белый мост подводил к городским воротам, высоким и крепким, ярко освещенным и прикрытым спиралью городских стен.

Хэлдир положил руку на створы и произнес несколько слов. Ворота бесшумно распахнулись, но, к удивлению Фродо, никакой стражи за ними не оказалось. Войдя, путники попали в узкий коридор, образованный заходящими одна за другую стенами и, только пройдя по нему около фарлонга, вступили в Древесный Город. Пока они никого не встречали, даже не видели никого, но со всех сторон раздавались голоса, а впереди с холма стекали вниз звуки музыки и песен, словно мягкий дождь, звенящий в молодой листве.

Дорожки, лестницы, переходы и снова лестницы вывели на поляну, посреди которой стоял облицованный камнем большой фонтан, из него брал начало белый в свете множества светильников ручей. За фонтаном вздымался огромный гладкий ствол меллорна, кора его мерцала, словно серый шелк, а первые ветви отходили от ствола высоко вверху, окутанные облаком листвы. Легкая лестница вилась вокруг дерева. У ее подножия сидели три эльфа; при появлении чужих они встали, и под плащами сверкнули кольчуги.

— Это меллорн Владык, — сказал Хэлдир. — Они ждут вас, вы можете подняться.

Один из стражей поднес к губам маленький серебряный рожок и сыграл чистый короткий сигнал. Сверху ему ответили.

— Я пойду первым, — предупредил Хэлдир, — и прошу следовать за мной Фродо и Леголаса. Остальные — потом. Нам предстоит долгий подъем, но по пути можно будет отдохнуть.

Они неторопливо поднимались, минуя множество флетов, но лестница вела все выше, пока не исчезла в люке большого талана, размерами не уступавшего Каминному Залу Дольна. Фродо вошел вслед за Хэлдиром и действительно оказался

в зале с одной центральной колонной, образованной все тем же стволом меллорна, все еще достаточно широким в обхвате. То ли настоящие, то ли лиственные, зеленые с серебром стены покрывал золотой потолок; в центре залы под пологом большой живой ветви в двух креслах чуть впереди ствола сидели Владыка Келеберн и Владычица Галадриэль. При появлении гостей хозяева встали по эльфийскому обычаю, и вслед за ними встали эльфы, находившиеся в зале. Высокие, все в белом, величественные и прекрасные, предстали глазам пришедших легендарные правители Лотлориена. Волосы Владычицы Галадриэль отливали старым золотом, ярким серебром сияли длинные локоны Владыки Келеберна. Ничто не говорило об их возрасте, лишь в глубине глаз, пристальных, по-эльфийски лучистых, били родники мудрости и древней памяти.

Хэлдир подвел Фродо к креслам, и Владыка Келеберн приветствовал хоббита на родном языке. Ни слова не промолвила Владычица Галадриэль, но долгим взглядом задержалась на лице Фродо.

— Садись рядом, Фродо из Шира, — пригласил Владыка Келеберн. — Подождем остальных, а потом поговорим.

Каждого члена отряда, поднимавшегося на

талан, он приветствовал учтиво на их языках, называя по именам.

— Добро пожаловать, Арагорн, сын Арахорна! — звучно разносился по залу голос Владыки. — Тридцать лет и еще восемь прошло в твоем мире с тех пор, как мы попрощались. Вижу, годы эти были нелегкими. Но теперь, плохой или добрый, конец близок. Расправь усталые плечи, забудь о бремени забот!

— Добро пожаловать, Леголас, сын Трандуила. Не забыли ли Северные Эльфы путь в наши края?

— Добро пожаловать и тебе, Гимли, сын Глоина! Давно, со времен Государя Дарина, не переступала порог Карас Галадона нога гнома. Для тебя мы отступили от правил. Темно нынче в мире, но, может быть, твой приход послужит знаком возвращения лучших дней и возрождения дружбы между нашими народами.

Гимли низко поклонился.

Когда все гости расселись, Владыка еще раз оглядел их.

— Вас восемь, — с легким удивлением заметил он. — Гонцы сообщили нам о выходе девяти. Неужели Совет изменил решение? Дольн далек, между нами — тьма, вести запаздывают.

— Совет не менял решений, — впервые заговорила Владычица Галадриэль. Ее голос был удивительно мягок и музыкален, но не по-женски глубок. — С отрядом из Дольна вышел Гэндальф Серый, но границы Лориена он не пересекал. Я хотела бы поговорить с ним и прошу гостей рассказать, почему его нет. Мне не увидеть его издалека, вокруг Гэндальфа серый туман, его пути и мысли скрыты от меня.

— Гэндальфа Серого поглотила Тьма, — ответил Арагорн. — Он вступил в поединок во мраке Мории, его нет больше.

Множество горестных и изумленных возгласов послышалось в зале.

— Дурные вести, — покачал головой Владыка Келеберн. — Самые дурные за многие годы, обильные печальными известиями.

Он повернулся к Хэлдиру и спросил по-эльфийски:

— Почему о том не известили меня раньше?

— Хэлдир не знал о наших делах, Владыка, — ответил Леголас. — Поначалу мы слишком устали, а опасность шла по пятам; потом, на прекрасных тропах Лориена, печаль наша почти забылась…

— Но скорбь велика, а утрата невосполнима, — добавил Фродо. — Гэндальф вел отряд. Если бы не

он, нам не пройти бы через Морию, а в конце он спас нас ценой своей жизни.

— Я прошу рассказать об этом полнее, — произнес Владыка Келеберн.

И Арагорн рассказал обо всем случившемся с отрядом после неудачной попытки у перевала Карадрас. Он говорил о Балине, упомянул о схватке в зале Мазарбул, о пламени и о поединке на мосту.

— Это было какое-то Зло из Древних Дней, я никогда не видел такого прежде, — закончил Арагорн. — Мрак и огонь, сильный и ужасный.

— Это Барлог Моргота, — сказал Леголас. — С древних времен — самый ужасный из всех наших врагов. Кроме хозяина Черной Крепости, конечно.

— Это Проклятье Дарина, — тихо сказал Гимли, и в его глазах плеснул недавний ужас.

— Мы опасались спящей под Карадрасом силы, — молвил Владыка Келеберн. — Но если бы я знал, что гномы снова разбудили морийское зло, я не открыл бы перед тобой, гном Гимли, и твоими спутниками границы Лориена. Похоже, мудрость изменила Гэндальфу. Он понапрасну сгинул в морийской ночи.

— Поспешные суждения редко бывают справед-

ливы, — произнесла Владычица Галадриэль. — Гэндальф никогда не поступал опрометчиво, думаю, наши гости просто не знали обо всех его замыслах и планах. Впрочем, он сам выбирал пути, и на наших гостях нет вины. Нам не в чем упрекнуть и гнома. Если бы наш народ вынужден был надолго покинуть Лориен, неужели спустя годы кто-нибудь из Галадримов, будь то даже Келеберн Мудрый, не пожелал бы взглянуть на свой старый дом, стань он тем временем хоть обиталищем дракона?

Темны воды Келед Зарама, холодны ключи Кибил Налы и прекрасны многоколонные залы Казад Дума в памяти своего народа, — торжественно произнесла Владычица Галадриэль, взглянув на нахохлившегося от незаслуженной обиды Гимли.

Гном, услышав древние дорогие имена, поднял голову и встретился взглядом с Владычицей, ожидая увидеть суровый приговор, а вместо этого погрузился в океан любви и мудрого понимания. Растерянное изумление сменилось на его лице широкой улыбкой. Он встал, поклонился так, как это принято было во времена Дарина, и произнес:

— Но куда прекрасней живой край Лориена и

его Владычица, превосходящая блеск всех самоцветов, хранимых землей!

После долгой паузы снова заговорил Владыка Келеберн:

— Я не знал, что ваше положение было столь отчаянным. Пусть Гимли, сын Глоина, простит опрометчивые слова, вызванные сердечной тревогой. Я постараюсь помочь каждому в его нужде, и тем более — Хранителю, принявшему столь тяжкое бремя.

— Мы знаем о вашей цели, — произнесла Владычица Галадриэль, взглянув на Фродо. — Не будем называть ее. Но, думаю, Гэндальф не напрасно проложил путь отряда через Лориен. Владыка Галадримов — один из мудрейших эльфов Среднеземья, и дары его превыше могущества королей. Он встречал здесь зарю мира, а я пришла в Лориен до падения Нарготронда и Гондолина, и с тех пор бессчетные века мы не уставали бороться с Тьмой.

Я созвала первый Белый Совет. Если бы его возглавил, как хотелось мне, Гэндальф Серый, может статься, дела наши не были бы сейчас столь печальны. Но надежда жива. Не ждите от меня совета, как поступить и какой путь выбрать, моя сила — в знании прошлого и настоящего,

а отчасти и будущего. Здесь я помогу вам. Но дорога ваша — по лезвию меча. Чуть оступись — погибнет все. Лишь чистота помыслов охранит ваш отряд.

Владычица замолчала и обвела взглядом гостей, подолгу задерживаясь на каждом. Только Леголас и Арагорн смогли выдержать ее взор. Сэм зарделся и потупился.

— Пусть тревога покинет ваши сердца, — улыбнувшись, произнесла она. — Сегодня ваш сон будет спокоен и светел.

Путники вздохнули и почувствовали вдруг навалившуюся усталость, как будто их долго расспрашивали о многом, хотя ни слова не было произнесено вслух.

— Отдыхайте! — посоветовал Владыка Келеберн. — После всех тревог и скорбей вам нужен отдых. Не думайте о предстоящей дороге, у нас еще будет время вернуться к этому.

Эту ночь, на радость хоббитам, отряд провел на земле. Неподалеку от фонтана эльфы разбили для них шатер, устроили мягкие ложа и с добрыми напутствиями оставили их. Друзья немного поговорили, вспомнив последние дни пути, но ни одним словом не обмолвившись о темных морийских переходах. Рана на сердце была еще

слишком свежа.

— Интересно, а чего это ты закраснелся так, Сэм? — поинтересовался Пиппин. — Можно подумать, что у тебя совесть нечиста. Небось одеяло у меня стянуть задумал или чего похуже?

— Да ну вас! — отбивался не расположенный шутить Сэм. — Я просто понял вдруг, что на мне нет ничего; кому это понравится? Она будто заглянула мне в самое нутро и спросила, что я, дескать, буду делать, если она прямо сейчас вернет меня в Шир, в уютную норку с садиком, да еще собственным…

— Ну прямо как у меня, — покрутил головой Мерри. — Только у меня… нет, пожалуй, не стану я говорить об этом.

Видимо, каждый из путников испытал нечто схожее. Каждому предложили выбор между мраком неизвестности впереди и каким-нибудь соблазнительным затаенным желанием, ради осуществления которого достаточно свернуть с пути и отказаться от выполнения непосильной задачи.

— А мне еще показалось, что о выборе никто не узнает, — добавил Гимли.

— Все это странно, — сурово заговорил Боромир. — Она испытывала нас. Но если бы только

так! Она соблазняла нас, обещая заманчивые выгоды! Конечно, я не стал слушать! Воины Минас Тирита верны своему слову!

Однако о том, что предлагалось ему, Боромир говорить не стал. Отмалчивался и Фродо, хотя гондорец донимал его расспросами.

— Да, мне был предложен выбор, — сдержанно сказал Фродо. — Но лучше пусть он останется при мне.

— Берегись! — предостерег хоббита Боромир. — Я не очень-то стал бы доверять этой эльфийской Владычице. Намерения ее темны.

— Ты не знаешь, о чем говоришь! — резко оборвал его Арагорн. — Ни в ней самой, ни в ее стране нет Зла, кроме того, которое каждый приносит в себе. Беречься надо тем, чьи помыслы нечисты. Здесь, в Лориене, я впервые после дольнских стен смогу уснуть спокойно. Я устал и духом, и телом.

Он действительно уснул, едва донеся голову до подушки. Уснули и остальные. Сон их был бестревожен в эту ночь. А проснувшись, они увидели солнце, сверкавшее в струях фонтана.

Никто после не мог сосчитать, сколько дней и ночей пробыли они в Лориене. Каждый день светило солнце, порой набегал и исчезал ласковый дождик, после него листья сверкали особенно

свежо и чисто. Прохладный весенний воздух временами заставлял забыть о зиме, хотя ее задумчивая тишина ощущалась и в здешней земле. У них не было других дел, кроме еды, отдыха, неспешных прогулок, занимавших все время.

Владыки не показывались, а с местными эльфами говорить было трудно, слишком их язык отличался от знакомого эльфийского. Хэлдир вернулся на границу. Леголас пропадал где-то у Галадримов, даже спал у них, заходя в шатер поесть и поговорить. Странное дело: уходя на долгие прогулки, он теперь брал с собой Гимли.

Часто вспоминали Гэндальфа. Когда уже перестали болеть усталые ноги, когда все раны зажили, вернулась скорбь от потери, но теперь она ощущалась даже острее, чем вначале. Рядом звучали эльфийские голоса, и путники улавливали в песнях знакомое имя. Эльфы складывали плачи о гибели Гэндальфа Серого.

«Митрандир, о Серый Странник!» — пели эльфы (здесь Гэндальфа называли этим именем), мелодия была пронзительно грустной, но слова непонятны. Леголас отказывался переводить, говоря в оправдание, что для него тут впору плакать, а не петь.

Сложил плач и Фродо. Раньше стихосложение

не очень привлекало его, даже в Дольне он только слушал, но сам никогда не пел, хотя помнил множество баллад и стихов. Но теперь, у лориенского фонтана, слова начали сами приходить к нему, складываясь в песню, показавшуюся красивой. Правда, когда он попробовал прочесть ее Сэму, вместо баллады остались какие-то разрозненные строки, больше всего похожие на горсть сухих листьев.

Его шаги в закатный час
Еще звучали на холме,
Но лишь последний луч угас —
Безмолвно в путь ушел во тьме.

Песчаный вихрь и пенный вал,
Драконий рев и горный гром
Он стойко преодолевал
И шел назначенным путем.

Ему был внятен шум лесов,
Звериный говор, птичий звон;
Он ведал тайны языков
Любых народов и племен.

В сражениях непобедим,

В целении неутомим,
Тяжелой думой изможден —
Усталый вечный пилигрим.

Мудрец, что многое постиг,
Равно на гнев и шутку скор —
Худой серебряный старик,
Идущий тьме наперекор.

Один, над бездною, без сил,
Он бился с Сумрачным Огнем,
Но в тяжкой битве жезл разбил
И сгинул — следом за врагом.

— Ну, сударь, в следующий раз вы и старого Бильбо за пояс заткнете! — восхитился Сэм.

— Вряд ли, — вздохнул Фродо. — Лучше я пока не могу.

— Надо обязательно продолжать! — настаивал Сэм. — Если еще писать будете, замолвите про фейерверк словечко, ладно? Ну, что-нибудь вроде этого:

Струился в небесах ночных
Каскад невиданных шутих,
И с громом вспыхивал на миг

Горящий золотом цветник…

— Нет, Сэм, — покачал головой Фродо, — это я тебе оставлю. А может, Бильбо напишет. Не могу я больше про Гэндальфа говорить. Все думаю, как же я Бильбо скажу…

Как-то вечером Фродо с Сэмом бродили вдвоем по темным тропинкам. Целый день оба испытывали непонятное беспокойство. Фродо понимал: тень расставания расправила крылья. Видно, скоро придет время покидать цветущий Лориен.

— Ну, что ты теперь скажешь об эльфах, друг Сэм? Я у тебя уже спрашивал, но то было тысячу лет назад. С тех пор ты их всяких повидал.

— Это верно. И знаете, сударь, я вот что думаю: есть эльфы и есть эльфы. Все эльфийские, и все разные. Эти вот, здешние, так даже на нас похожи, сидят себе дома и никуда не рвутся, точь-в-точь ширские хоббиты. То ли они сделали эту страну, то ли она их, но здесь удивительно спокойно. Ничего не происходит, да никто и не хочет, чтобы происходило. Если здесь и есть волшебство, то оно так глубоко упрятано, что рукой не достать, как говорят.

— Но оно же повсюду здесь, — вставил Фродо.

— Э-э, так ведь волшебников-то нет. Я не про

фейерверки, до которых Гэндальф любитель был. Вот разве Владычица… по-моему, она чудеса умеет делать, если захочет. Эх, кабы вы знали, сударь, до чего мне охота повидать настоящее эльфийское волшебство! Только не то что волшебства, мы и владык-то больше не видели…

— А меня на чудеса не тянет, — признался Фродо, — здесь всего достаточно. Не в фейерверках дело. А вот без его мохнатых бровей, без его голоса пусто на сердце.

— Это верно, — ответил Сэм. — Просто в старинных историях много волшебства этого самого, вот я и хотел поглядеть. А так, конечно, в этой земле всего в изобилии. Тут я как дома во время праздника, если понятно, про что я. И уходить не хочется. Но все-таки, если мы собираемся дальше идти, пожалуй, пора и честь знать. Мой старик ведь как говорил? «Неначатая работа долго тянется». По-моему, здешний народ ничем особенным нам не поможет, с магией там или без. Сейчас-то еще ничего, а вот уйдем мы, тогда и хватимся Гэндальфа по-настоящему.

— Наверное, ты прав, — как-то вяло отозвался Фродо. — Но мне бы все-таки очень хотелось перед уходом повидать Владычицу еще раз.

Фродо даже не закончил фразы, а им навстречу уже шла меж деревьев Владычица Галадриэль. Она лишь слегка повернула голову в сторону хоббитов, не сказала ни слова, но поманила за собой. Пройдя сквозь зеленую живую изгородь, они оказались в небольшом саду на южном склоне Карас Галадон. Деревьев здесь не было, только небо над головой и над западным окоемом — сияющая белым огнем яркая вечерняя звезда. Хоббиты вслед за Владычицей спустились в неглубокий зеленый лог и узнали в говорливом ручье, бегущем у ног, поток, бравший начало из фонтана возле их шатра. Здесь, на невысоком каменном постаменте, стояла большая чаша, а рядом — серебряный кувшин.

Водой из ручья Владычица наполнила чашу до краев, дохнула на воду и, подождав немного, заговорила:

— Это — мое Зеркало. Я привела вас сюда, чтобы вы могли заглянуть в него.

На дне ложка сумерки уже сгустились, и светлая фигура Владычицы неясно возвышалась над хоббитами.

— Зачем нам смотреть и что мы можем там увидеть? — холодея от неясных предчувствий, спросил Фродо.

— По моему слову Зеркало может открыть многое. Одним оно покажет их затаенные желания, другим — совсем неожиданные вещи. Впрочем, иногда это полезней того, что мы хотели бы увидеть. Если предоставите Зеркалу свободу, даже я не буду знать, что оно покажет. Это может быть видением прошлого, настоящего или будущего. Вы хотите взглянуть?

Фродо молчал.

— Ну а ты? — повернулась Владычица к Сэму. — По-моему, именно *это* твой народ называет настоящим волшебством. Хотя, мне кажется, тем же самым словом у вас именуют хитрости Врага. Вот, если угодно, волшебство Галадриэль. Не ты ли стремился посмотреть на него?

— Да-а, — неуверенно протянул Сэм, не решаясь выбрать между опасением и любопытством. — С вашего позволения, я гляну… Я ведь не про то, что там дома, — проговорил Сэм, просительно глядя на Фродо, — хотя, как подумаешь, будто год назад ушли, давно, значит, но ведь я там, наверное, звезды какие-нибудь увижу, а то и вовсе не понятное что-нибудь.

— Это вполне может быть, — улыбнулась Владычица. — Подойди. Что сможешь, то и увидишь. Только не касайся воды.

Сэм взобрался на подножие и заглянул в чашу. Вода выглядела твердой. В ней отражались звезды.

— Так я и думал… — начал он было говорить, но замолчал, ибо звезды исчезли. В глубине чаши словно раздвигали кисейную занавесь, Зеркало стало сереть и внезапно прояснилось. Сэм увидел солнечный день и качающиеся под ветром кроны деревьев. Он еще не сообразил, что предстало перед ним, а картина уже изменилась. Теперь он видел мертвенно-бледного Фродо, лежащего у подножия темной скалы, а потом появился и он сам, Сэм Гэмджи, бредущий вверх по длинной винтовой лестнице и упорно высматривающий что-то ведомое только тому Сэму в Зеркале. Видение сдвинулось, ушло, снова качались деревья, но уже сильнее, и стало понятно, что качаются они не от ветра, а под ударами топора, качаются и падают, падают…

— Эй! — закричал Сэм. — Это ж возле Тэда Песошкинса деревья! Их же нельзя рубить, от них же тень на дороге в Уводье. Ну, попадись мне этот Тэд!

Но вот уже нет Старой Мельницы, а на ее месте строится огромное уродливое здание из красного кирпича, рядом торчит высокая труба, из нее валит черный дым и заволакивает, заволакивает изображение в Зеркале!

— Там какие-то злодейские дела в Шире, — пробормотал Сэм. — Неспроста Элронд хотел Мерри обратно послать. — Он еще раз взглянул в Зеркало и вскрикнул, а потом решительно слез с подножия.

— Мне домой надо, — насупившись, заговорил он. — Они там Тугосумы перекапывают, а старик мой бедный с Горки спускается со своим скарбом в тачке. Я должен домой идти.

— Ты не можешь уйти один, — мягко произнесла Владычица. — Пока ты не посмотрел в Зеркало, ты ведь не собирался возвращаться. Но ты и раньше знал, что в Шире неладно. Картины, показанные Зеркалом, не обязательно уже произошли. Они могут и вовсе не произойти, — добавила она, — если смотрящий обладает непреклонной волей. Советы Зеркала опасны.

Сэм в отчаянии сел на землю и обхватил голову руками.

— Лучше бы мне никогда не приходить сюда, — забормотал он. — И никакого волшебства мне

не надо. — Он замолчал надолго, а когда снова заговорил, в голосе слышались слезы. — Ладно, я вернусь долгой дорогой вместе с Фродо… или совсем не вернусь. Все ж таки надеюсь вернуться. И если увижу то, что видел, кое-кому не поздоровится!

— Ну а ты, Фродо, — сказала Владычица Галадриэль, — не хочешь ли взглянуть на эльфийское волшебство?

— Вы советуете мне? — спросил Фродо, глядя в глаза Владычице.

— Нет, — ответила она. — Я не даю советов. Ты можешь узнать кое-что, плохое или хорошее, оно может пригодиться тебе, а может и нет. Знать — хорошо, но и опасно. Впрочем, у тебя достаточно мудрости и мужества, чтобы испытать Зеркало. Иначе я не привела бы тебя сюда. Решай сам.

— Я посмотрю, — неожиданно севшим голосом произнес Фродо и, подойдя, склонился над Зеркалом.

Темная глубь сразу прояснилась, и Фродо увидал сумеречную страну. Вдали темнели горы. Длинная серая дорога уходила за горизонт. Издали навстречу Фродо по ней двигалась маленькая фигурка. Она быстро приближалась и так напоминала Гэндальфа, что Фродо едва не окликнул

мага, но вдруг обратил внимание на цвет одежд странника: они были вовсе не серыми, а белоснежными, и жезл в руках был белого цвета. Фродо никак не мог разглядеть низко опущенное лицо незнакомца, а тот повернул и пропал за краем чаши. Фродо не знал, что и подумать. Это мог быть и Гэндальф в одном из своих давних одиноких странствий, но это мог быть и Саруман.

А картина в Зеркале уже изменилась. Бильбо беспокойно шагает из угла в угол своей маленькой комнатки в Дольне. Стол завален бумагами, а в окно стучит дождь.

Вслед за коротким перерывом последовал целый калейдоскоп быстро сменяющих друг друга видений. Фродо не сразу понял, что перед ним проносятся эпизоды истории, в которой и он принимает немалое участие. Но вот все Зеркало заняла картина, никогда не виденная им раньше, но сразу узнанная: Море. В мглистом свете штормовые волны дыбились и беззвучно рушились, багровое солнце в разрывах туч на горизонте озаряло черный корабль с клочьями парусов. Потом воды хлынули на многолюдный город, потом — белая крепость с семью башнями, и снова корабль. На черном знамени можно различить изображение Белого Дерева. Дым… битва… за-

катное красное зарево, серый туман и уходящий маленький корабль, мерцающий огоньками. Он скрылся из глаз, и Фродо вздохнул, решив, что на этом все кончилось.

Но внезапно Зеркало потемнело, почернело даже, и Фродо заглянул в какую-то аспидную дыру. Там, в бездне, появилась багровая точка. Она стремительно росла и вдруг стала единственным Оком, занявшим всю поверхность Зеркала. Ужасное зрелище приковало хоббита к месту; не в силах вскрикнуть или отвести взор, он следил за огненным веком, в котором шевелился по-кошачьи желтый глаз, пристальный, настойчивый, но какой-то тусклый, с черной щелью зрачка, похожей на провал в Ничто.

Глаз ворочался, вращался, он явно искал кого-то, и Фродо с ужасом понял: глаз ищет его! И тут же пришла твердая убежденность: Око не сможет увидеть его, пока он не захочет этого сам. Хоббит почувствовал, как наливается тяжестью Кольцо у него на шее, оно уже как мельничный жернов пригибает его голову вниз, к воде… Похоже, вода в Зеркале быстро нагревалась, от нее уже начал подниматься пар, а голова все клонилась, клонилась…

— Не коснись воды! — Мягкий голос, прозву-

чавший рядом, словно сдул видение. В холодной водяной глади отражались звезды.

Фродо отпрянул от Зеркала, весь дрожа.

— Я знаю твое последнее видение, — спокойно сказала Владычица Галадриэль. — Не бойся! Не только песни в лесах и эльфийские стрелы обороняют от Врага Лотлориен. Даже сейчас, когда я говорю с тобой, я знаю его намерения, по крайней мере те из них, которые касаются эльфов. Он тщится проникнуть в мои мысли, но пока дверь закрыта!

Она протянула руки ладонями к востоку в запрещающем жесте. Эарендил, любимая эльфами вечерняя звезда, сиял высоко в небе и был так ярок, что на траве Фродо заметил легкую тень Владычицы. Звездный свет вспыхнул в кольце на ее пальце, и белый камень замерцал, словно еще одна звезда, спустившаяся отдохнуть на руке Галадриэль. Фродо благоговейно глядел на кольцо. Он понял.

— Да, — кивнула Владычица, угадывая его мысли, — об этом нельзя говорить. Элронд ни за что не стал бы этого делать, но от Хранителя, видевшего Огненное Око, это не скроешь. Одно из Трех хранит земли Лориена. Это — Наин, Адамантовое Кольцо, порученное мне.

Враг догадывается, но пока не знает. Пока. Теперь ты понимаешь — твой приход для нас словно поступь Рока. Дашь победить себя — и мы беззащитны перед ним. А если ты победишь… тогда сила наша пойдет на убыль, Лориен увянет, волны времени смоют его. Мы уйдем на Запад или останемся здесь, постепенно становясь просто народом холмов и пещер, забывая и забываясь.

Фродо опустил голову. Он долго не решался, но потом все же задал вопрос:

— А что бы вы выбрали?

— Все будет так, как должно быть, — ответила Владычица Галадриэль. — Любовь эльфов к этому краю глубже морских бездн, в этом наше горе, и оно неутолимо. Но если предстоит выбор: Лориен или рабское служение Врагу, они уйдут бестрепетно, ибо знают Врага давно. Ты не в ответе за судьбу моих земель, на тебе лишь твоя собственная задача. Но лучше бы Единственному никогда не являться на свет или уж пропасть навсегда.

— Владычица! Ты мудра, бесстрашна и прекрасна! Если хочешь, я отдам тебе Единственное. Это великое дело не по мне.

Галадриэль рассмеялась.

— Мудрая Владычица Лориена встретила достойного собеседника. Я испытала твое сердце

при нашей первой встрече, но ты сравнял счет уже при второй. Твоя ноша делает тебя прозорливым. Не стану скрывать, я хотела бы обладать тем, что ты предлагаешь. Долгие годы я думала, как бы я распорядилась Единственным, попади оно ко мне. И вот — свершилось! Его принесли, прямо сюда, в Лориен! Древнее Зло живет в Кольце независимо от жизни или смерти Саурона. Наверное, такому Кольцу понравится, если его отнимут у гостя — силой, хитростью или страхом.

А ты готов подарить его мне, сменить Темного Властелина на Королеву. Нет, я не стану темной, я стану прекрасной и грозной! Прекрасной, как Море, как Солнце, как снег на горах! Грозной, как буря, как молния! Твердой, как корни земли. Все будут любить меня и бояться.

Она воздела руку, и адамант, вспыхнув, залил ее потоком света. Властная, невыносимо прекрасная и грозная стояла перед Фродо Владычица Галадриэль… но вот рука опустилась, погас свет камня, и в густых сумерках зазвенел мягкий смех. Высокая тонкая эльфийская женщина в простых белых одеждах… и голос печальный и тихий:

— Я прошла испытание. Я уйду на Запад и останусь Галадриэлью.

Долго длилось молчание. Наконец Владычица

заговорила снова:

— Пора возвращаться, Фродо. Утром отряд выходит в путь. Сегодня мы с тобой сделали выбор, а волны Судьбы неотвратимы.

— Сейчас, — замешкался Фродо, — но… я хотел спросить… Я еще у Гэндальфа хотел спросить в Дольне, но как-то не успел. Я ношу Единственное, так почему же я не вижу остальных колец и не знаю мыслей их носителей?

— Ты просто не пробовал, — ответила Владычица. — С тех пор как ты узнал, чем владеешь, ты трижды надевал Кольцо. Не пытайся сделать это в четвертый раз, ты погибнешь. Разве Гэндальф не объяснил тебе, что сила Кольца соответствует силе обладателя? Прежде чем распоряжаться Кольцом Всевластья, тебе надо было бы набрать собственную силу и употребить ее для порабощения других. Но и без того твое внутреннее зрение обострилось. Ты уже читаешь в сердцах Мудрых, ты видишь Око того, кто властвует над Семью и Девятью. Ты видел и узнал мое Кольцо. Сэм, ты видел мое Кольцо? — вдруг спросила она.

— Нет, Владычица, — ответил Сэм, вздрогнув. — Сказать по правде, я в толк не возьму, о чем вы толкуете. Я видел звезду у вас над головой, да вон она светит! Но если уж вы меня спросили, я ска-

жу: прав мой хозяин. Заберите вы это проклятое Кольцо. Уж вы бы все сделали как надо. Вы бы не позволили всяким там издеваться над моим стариком и пускать его по миру. Вы бы заставили кое-кого расплатиться за свои грязные делишки!

— Заставила бы, — согласилась Галадриэль. — С этого бы и началось. Но этим бы не кончилось. Больше мы не будем говорить об этом. Пойдемте.

Глава VIII
Прощание с Лориеном

Этим же вечером отряд призвали Владыки. Когда все собрались в уже знакомой зале на талане и обменялись приветствиями, к гостям обратился Владыка Келеберн:

— Для тех, кто решил продолжать путь, настало время уходить. Лориен — не самое безопасное место в мире, но кто захочет, может остаться здесь. Все мы стоим на краю судьбы. В Лориене можно дождаться рассвета, и тогда дороги снова станут открыты, но если вместо рассвета настанет глухая ночь, оставшихся ждет битва, а потом — либо возвращение в родные края, либо дорога в дальние дома павших.

В напряженной тишине Владычица Галадриэль

снова обошла каждого внимательным взглядом.

— Они пойдут дальше, — сказала она Владыке Келеберну.

— Мне решать нечего, — произнес Боромир, — мой дом впереди.

— Но пойдет ли отряд с тобой в Минас Тирит? — быстро спросил Келеберн.

— Мы еще не решили, как нам идти, — ответил за всех Арагорн. — Гэндальф не говорил о своих планах после Лотлориена. А может быть, он и сам не знал.

— Возможно, — кивнул Келеберн, — но впереди у вас Река. Между Лориеном и Гондором нет ни одной переправы, мосты Осгилиата разрушены, пристани захвачены Врагом. Вам придется выбирать берег. Для дороги в Минас Тирит вам лучше подойдет западный, но задача Хранителя — на восточном.

— Если бы мой совет услышали, — заговорил Боромир, — я предложил бы западный берег и путь в Минас Тирит. Но не я веду отряд.

Остальные промолчали. На лице Арагорна заметны были тревога и сомнение.

— Хорошо, решайте, — выждав некоторое время, сказал Келеберн. — Выбрать за вас я не могу, но помочь в силах. Среди вас есть такие, кто

умеет управляться с лодками: Леголас, Боромир и Арагорн…

— И один хоббит! — выкрикнул Мерри. — Мы живем на берегу Брендидуина, и для нас лодка — не бешеная лошадь, как для других хоббитов.

— Прекрасно! — улыбнулся Келеберн. — У вас будут лодки, достаточно легкие, чтобы обносить пороги, если вы подойдете к Сарн Гебиру или даже к великим водопадам Рэроса. Путь по Реке не так утомителен. Конечно, всех проблем лодки не решат, рано или поздно вам придется оставить Реку и поворачивать — на запад или на восток.

Арагорн горячо поблагодарил Владыку Келеберна. Сообщение о лодках его обрадовало — может быть, потому, что выбор откладывался еще на несколько дней? Остальные тоже воспряли духом. Плыть налегке по течению, пусть даже навстречу опасности, все же лучше, чем тащиться к ней же пешком с тяжелым грузом. Только Сэм пребывал в растерянности; он еще не решил для себя, на самом ли деле лодка лучше бешеной лошади.

— Завтра до полудня все будет приготовлено к походу, — заверил Владыка Келеберн. — Утром вам помогут собраться. А сейчас — доброй ночи!

— Доброй ночи, друзья! — пожелала Владычи-

ца. — Спите спокойно, не думайте о предстоящем. Ваши тропы — у вас под ногами. Каждый увидит свою в должное время. Доброй ночи!

Отряд вернулся в шатер. Последнюю ночь в Лориене даже Леголас решил провести вместе со всеми. Перед сном устроили небольшой совет и долго решали, как поступить. Никто не отказывался сопровождать Хранителя, но все же большинство предпочитало идти сначала в Минас Тирит и хоть на время отсрочить поход в Страну Мрака. Фродо молчал, Арагорн по-прежнему не мог принять решение.

Пока отряд вел Гэндальф, Арагорн намеревался уйти из Лориена вместе с Боромиром и обнажить меч в боях за Гондор. Пророчество он принял за знак, за призыв Наследнику Элендила бросить вызов Саурону. Но после Мории ответственность за порученное дело целиком легла на плечи Арагорна, и он понимал: откажись Фродо идти в Минас Тирит, он, Арагорн, должен будет сопровождать Кольцо. Но даже Следопыт не мог представить пока, чем он или любой другой член отряда поможет Хранителю — разве что сгинет вместе с ним во мраке.

— Я иду в Минас Тирит, даже если никто не последует за мной, — горячился Боромир. Но

Фродо все еще молчал, и в конце концов гондорец умолк и теперь сидел, не сводя глаз с Хранителя, словно пытаясь отгадать его мысли. Только через несколько минут он заговорил, но уже совершенно другим тоном. — Конечно, если вы хотите уничтожить Кольцо, толку от Минас Тирита мало. Но если надо уничтожить военную мощь Врага, тогда глупо соваться в его владения без хорошей поддержки, глупо не воспользоваться… — Он вдруг замолчал, как человек, едва не разгласивший некую тайну. — Я имел в виду, глупо рисковать жизнью понапрасну, — закончил он. — Перед нами странный выбор: либо защитить то, что вполне можно защитить, либо просто шагнуть в пасть смерти. Во всяком случае, мне это видится так.

Фродо уловил какие-то новые нотки в голосе Боромира и пристально посмотрел на него. Нет, гондорец имел в виду нечто другое. Как он сказал? «Было бы глупо не воспользоваться…» Чем? Кольцом? А ведь он и на Совете говорил о том же, но тогда Элронд убедил его… или не убедил? Фродо взглянул на Арагорна, но тот сидел, погруженный в собственные мысли, и нельзя было понять, обратил ли он внимание на слова гондорца. Так спор и кончился ничем. Мерри и Пиппин

уже спали, Сэм вовсю клевал носом. Ночь давно опустилась на Лориен.

Утром, едва они начали собирать пожитки, пришли эльфы, владевшие Всеобщим языком, и принесли дары Владык: припасы и одежду. Из съестного были в основном лепешки, светло-коричневые снаружи и цвета заварного крема внутри. Гимли взял одну из них и критически осмотрел.

— Крам. — Он пренебрежительно фыркнул и откусил кусочек. Выражение лица у гнома мгновенно изменилось, и он моментально слопал остаток лепешки.

— Хватит, хватит! — смеясь, закричали эльфы. — Ты теперь и так наелся на целый день трудного пути.

— Да я ведь думал, это что-нибудь вроде крама, — сконфуженно оправдывался гном, — который в Дэйле выпекают в дорогу.

— Так и есть, — подтвердили эльфы. — Это — дорожный хлеб, *лембас* по-нашему, он легок и намного питательней любой другой еды. Ну и по вкусу, конечно, получше крама.

— Точно, — облизнулся Гимли. — Это даже вкуснее медовых лепешек Бьорнингов, а уж они-то пекари хоть куда! Только я не слыхал, чтобы

Бьорнинги давали их кому-нибудь в дорогу. Вы — воистину добрые хозяева!

— Но вы все-таки берегите лембас, — посоветовали эльфы. — Это на крайний случай, когда остальные припасы кончатся. Лембас, если его не ломать, очень долго не черствеет, постарайтесь держать его в этих же листьях. Одной лепешки вполне хватит даже гондорскому воину на целый день.

Каждому путнику вручили по плащу из легкой, но теплой шелковистой ткани местной выделки. Странно было видеть, как материя плащей меняет цвет в зависимости от освещения. Плащи могли становиться серыми, как лесные сумерки, или зелеными, под цвет листвы на деревьях, или коричневыми, как осенние травы в лугах, или тускло-серебристыми, как озеро под звездами. Застежка в виде зеленого листа с серебряными прожилками скрепляла плащи у горла.

— Они волшебные? — спросил Пиппин, удивленно разглядывая диковинную одежду.

— Что ты имеешь в виду? — не понял эльф. — Это хорошая дорожная одежда, удобная и красивая. И ткань хорошая, здесь сделана. Одним словом, настоящие эльфийские плащи. Листья и ветви, воды и камни Лориена отдали им свои

краски. У нас всегда так: о чем мы думаем, то и привносим в работу. Но это всего лишь плащи, а не доспехи, стрелу или копье они не отразят. В дороге это самая удобная одежда: в жару — прохладно, зимой — тепло, и маскировка хорошая. Это дар Владычицы Лориена, и дар, скажу вам, редкий. Во всяком случае, до вас ни один чужеземец такого не получал.

После завтрака пришла пора прощания с полюбившейся лужайкой у фонтана. Они чувствовали себя здесь как дома, только не знали, долго ли пробыли. Пока путники стояли, глядя в последний раз на игру солнечных лучей в звенящих струях, к ним подошел Хэлдир. Фродо ему обрадовался.

— Меня отозвали с границы, чтобы проводить вас, — сообщил эльф. — Росная Долина в дыму. В горах беспокойно, под землей стоит гул. Дороги на север нет больше. Но вам-то нужно на юг. Идем!

Тропинки возле Карас Галадона так и остались пусты, но из крон деревьев слышались голоса, долетала музыка, иногда — песня. Отряд молча шагал мимо. По южному склону холма, вслед за Хэлдиром, они подошли к воротам и вышли из города. Тропка, отделившись от дороги, нырнула в заросли и, все время спускаясь, повела их на юго-восток, к Реке.

Только около полудня, отшагав не меньше десяти миль, подошли к высокой зеленой стене. За ней кончались деревья и начинался луг, пестрящий золотыми цветами эланора. Путники оказались на полуострове у слияния Серебрени с Великим Андуином. Леса на противоположном берегу уходили на юг до горизонта, но деревья стояли голые и печальные. Ни одного меллорна не было видно за границей Лотлориена.

Неподалеку располагался причал, выложенный белым камнем. Возле качались легкие лодки. Среди них две или три были богато украшены, отделаны серебром и золотом, но большинство, по-видимому, предназначалось для каждодневной работы. Наших путешественников ожидали три маленькие серые лодочки. Эльфы помогли разместить в них поклажу и добавили от себя по три мотка веревки на каждую лодку. Сэм схватил один моток, лежавший на берегу.

— Это что?

— Простая веревка, — ответил эльф из лодки. — Никогда не отправляйся в путь без длинной крепкой веревки. А эта как раз из таких. Всегда пригодится.

— Хэ! Мне-то можешь не рассказывать, — ответил Сэм. — Я вот не взял из дома и просто места

себе не находил. Но я не про это спрашиваю. Я в веревках разбираюсь, оно у нас семейное, так сказать. Из чего они сделаны?

— Из *хитлайна,* — сказал эльф. — Сейчас не время рассказывать, как их плетут. Жаль, мы не знали, что ты мастер, мы бы могли тебя поучить. Ладно, если вернешься, покажем. А пока прими в подарок. Пусть послужит с пользой.

— Пора! — поторопил Хэлдир. — Все готово. Садитесь в лодки. Только осторожнее поначалу!

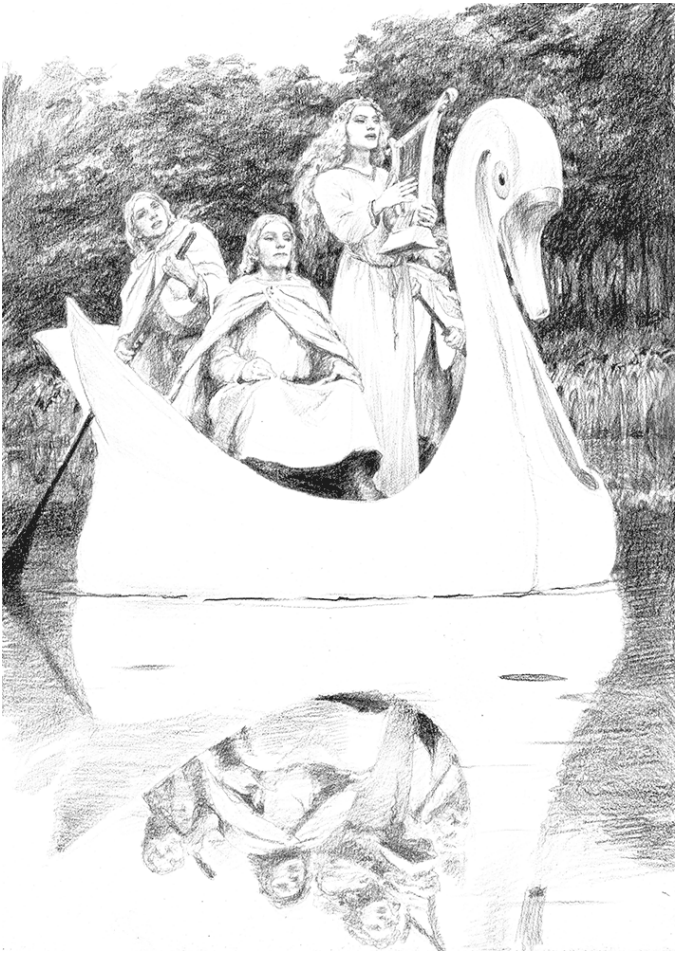
— Будьте внимательны! — поддержали другие эльфы. — Лодки легкие, нрав у них капризный. Груза они могут нести много, но управлять ими надо уметь. Пройдитесь взад-вперед возле причала, привыкните к ним, а потом уж выходите на стремнину.

Места в лодках распределили следующим образом: в одной устроились Арагорн и Фродо с Сэмом; в другой — Боромир с двумя хоббитами, а в третьей — неразлучные в последнее время Леголас и Гимли. К ним сложили большинство припасов. Грести надо было короткими веслами с лопастями в форме древесного листа. Когда все расселись, Арагорн уверенно повел свою лодку вверх по Серебрени.

Встречное течение было быстрым, но лодка

продвигалась споро. Сэм сидел на носу, вцепившись в борта обеими руками, и с тоской глядел на берег. Солнечные блики заставляли его недовольно щуриться. Вскоре деревья подступили вплотную к воде. В воздухе кружились золотые листья, река подхватывала их и несла навстречу. В тишине ясного дня из поднебесья падали трели жаворонка.

Неожиданно из-за поворота выплыл огромный лебедь. Вода с журчанием разбегалась двумя полосами от его белой груди. Клюв на изящно изогнутой шее сиял, словно полированное золото, глаза блестели черными жемчужинами в оправе из янтаря. Огромные белые крылья невиданной птицы были слегка приподняты. Над рекой полилась музыка. Только тут путешественники поняли, что навстречу им движется ладья, формой бортов удивительно похожая на птицу. Два эльфа в белых плащах легко управлялись с черными веслами. На палубе лебедя сидел Владыка Келеберн, а рядом с ним, высокая, в белых одеждах, стояла Владычица Галадриэль. Венок из золотых цветов почти терялся в ее волосах, в руке она держала легкую арфу и пела. Печальной дивной мелодией наполнился воздух над рекой.



Я пела золоту листвы — и лес сиял листвой;

Я пела ветру — он летел, ласкал убор лесной.

За царством Солнца и Луны, по берегам морским,

У Ильмарина льется свет над Древом Золотым.

Под звездной сенью Эльдамар тем светом озарен

У стен, хранящих от врага Эльфийский Тирион.

А здесь померк цветущий лес, и безнадежно ждет

Сияния златых ветвей скорбящий мой народ.

О Лориен! Грядет зима — печальных дней итог.

Уносит палую листву темнеющий поток.

О Лориен! В твоих краях минуло столько лет,

Что эланор в моем венце утратил прежний свет.

Когда спою о корабле — придет ли он на зов,

Умчит ли за Море народ угаснувших лесов?

Арагорн удерживал лодку на течении, пока ладья не подошла совсем близко. Песня кончилась, и Владычица приветствовала путешественников.

— Мы хотели пожелать вам доброго пути напоследок, — сказала она, — и благословить на дорогу.

— Вы гостили у нас, — промолвил Келеберн, — но нам ни разу не пришлось разделить трапезу. Теперь мы приглашаем вас на прощальный пир меж текучих вод, которые унесут вас далеко от Лориена.

Ладья величаво подошла к причалу, и лодки повернули за ней. Вскоре на зеленой траве Эгладила начался пир.

Фродо ел и пил мало, захваченный красотой Владычицы. Теперь она не казалась ему ни опасной, ни грозной, но, как и многие эльфы, встреченные им раньше, пребывала здесь, одновременно оставаясь живым видением по ту сторону струящейся Реки Времени.

В конце пира Келеберн вернулся к разговору о пути, поджидавшем уходящих.

— Когда будете плыть вниз, — говорил он, — леса скоро кончатся. За ними лежат пустынные края каменистых долин. Через много лиг вам встретится высокий остров Крутояр, мы зовем его Тол Брандир. Он делит Реку на два потока. За ним лежат водопады Рэроса, а ниже по течению — долина Ниндальф, Изветина на Всеобщем языке. Там болота, Река течет медленно, разделяясь на множество рукавов. Примерно в этом месте в Андуин впадает Энтова Купель, берущая начало в Лесу Фангорна на западе. За рекой лежит Рохан. Дальше — холмы Эмин Майл. Там всегда от Гиблых Болот дует восточный ветер, а дальше, за болотами, до Кирит Горгора и черных Ворот Мордора тянутся безлюдные выжженные земли.

Тем, кто решит повернуть к Минас Тириту, лучше оставить Реку до Рэроса и пересечь Энтову Купель в твердых берегах, а не в топях. Но и далеко по ее течению подниматься не следует. Лес Фангорна — странное место. Про него мало кто знает. Впрочем, Арагорн с Боромиром, конечно, наслышаны о нем.

— Да, у нас говорят о тех краях, — пренебрежительно ответил Боромир, — только все это

бабушкины сказки. Северные области, лежащие за Роханом, так далеки теперь, что никто ничего не знает наверняка. Когда-то Лес Фангорна граничил с Гондором, но вот уже много поколений сменилось, а там никто не бывал, и некому опровергнуть выдумки, дожившие до наших дней.

Я бывал в Рохане, правда на севере. А когда шел в Дольн, тоже миновал Лес Фангорна, но, если придется, пройду и через него.

— Ну что ж, — грустная улыбка тронула лицо Владыки Келеберна, — тогда мне больше нечего сказать. Но, может быть, не стоит так легко отворачиваться от бабушкиных сказок. В них иногда хранится знание из наследства Мудрых.

Владычица Галадриэль наполнила кубок и протянула Владыке.

— Пришла пора прощального кубка, — произнесла она. — Пей, Владыка Галадримов! Не думай о вечере, за которым торопится ночь. Встреть ее с беспечальным сердцем.

Каждому предложено было отпить из кубка на прощание. Кубок опустел, а Владычица все еще переводила внимательный взгляд от одного гостя к другому.

— Кубок выпит, — молвила она наконец. — Тень разлуки легла между нами. Но прежде чем

мы расстанемся, Владыки Лориена просят вас принять дары в память о нашей стране.

Первым она назвала Арагорна.

— Вот наш дар тому, кто поведет отряд. — С этими словами Галадриэль протянула Арагорну ножны для меча. Серебряные и золотые цветы и листья образовывали на них сложный узор, переплетаясь с эльфийскими рунами, рассказывавшими историю Андрила. — Эти ножны сохранят меч от времени. Он больше не переломится в бою и не затупится. Мы расстаемся с тобой надолго, Арагорн, сын Арахорна. Твой путь — во тьме. Возможно, следующая встреча суждена нам лишь на дороге, с которой нет возврата. Может, у тебя есть какие-нибудь пожелания ко мне?

— Владычица, — ответил Арагорн, — тебе ведомы все мои желания. Ты давно хранишь единственное сокровище, бесценное для меня. Но не в твоей власти подарить его мне. Да, мой путь лежит через мрак, но, может статься, на нем обрету я желаемое.

— Тогда возьми пока вот это. Оно оставлено для тебя и долго ожидало твоего прихода. — Галадриэль подняла большой зеленый камень в оправе, изображающей орла с распахнутыми крыльями. Камень засиял на солнце, как сама весна в мо-

лодой листве. — Я отдала его Келебриэни, моей дочери, а она вручила его своей. Теперь он приходит к тебе как символ надежды. Прими вместе с ним и завещанное имя, Элессар! Пусть хранит тебя Эльфийский Камень из Дома Элендила!

Арагорн принял камень и укрепил на груди. Он словно впервые предстал перед ступниками, поразив их величавостью осанки и просветлевшим лицом, будто омытым от долгих трудных лет.

— Благодарю тебя, Владычица благословенного Лориена, за щедрые дары, — ответил он, — но еще более — за подаренных тобой миру Келебриэнь и Арвен, Вечернюю Звезду Эльфийского Народа.

Владычица склонила голову, а потом повернулась к Боромиру. Гондорцу достался редкой красоты золотой пояс. Мерри и Пиппину — маленькие серебряные пояса с пряжками в форме золотого цветка. Леголасу вручен был мощный лориенский лук и колчан стрел к нему.

— А для тебя, маленький садовник, — обратилась она к Сэму, — у меня нашелся лишь маленький подарок. — С этими словами Галадриэль достала действительно небольшую коробочку из простого серого дерева, украшенную единственной серебряной руной на крышке. — Это руна «Г». Можешь считать, что она означает мое имя, или,

если хочешь, грунт твоей родины. Здесь земля из моего сада и вся благодать, на которую способна Галадриэль из Лориена. Помощи от нее в пути никакой, от опасностей она не защитит, но, если ты сможешь сохранить ее и вернуться домой, она вознаградит тебя. Какие бы разор и запустение ни встретились тебе там, брось щепоть в землю и увидишь, как зацветет твой сад. Может, он напомнит тебе о далеком Лориене, который тебе довелось увидеть лишь зимой, ибо наши весна и лето давно миновали и живы лишь в нашей памяти.

Сэм, красный как маков цвет, подошел, бормоча что-то невразумительное, и, взяв подарок, неумело поклонился.

— А какой же дар мог бы пожелать гном в гостях у эльфов? — с легкой улыбкой спросила Владычица, поворачиваясь к Гимли.

— Никакого! — громко ответил гном. — Для меня более чем достаточно было видеть Владычицу Галадримов и слышать ее учтивые слова.

— О! Послушайте, эльфы! — обратилась Галадриэль к окружающим. — Да не назовет никто отныне гномов корыстными и неучтивыми. И все же, Гимли, сын Глоина, разреши мое затруднение, назови желанный для тебя подарок. Будет

несправедливо отпустить тебя, единственного из всех, с пустыми руками.

— Я не прошу ничего, Владычица, — повторил гном, снова низко кланяясь. Однако голос его дрогнул, и Галадриэль улыбнулась ему ободряюще. — Разве что… если мне действительно дозволено просить, подари мне прядь твоих волос, превосходящих земное золото настолько, насколько звезды небесные превосходят драгоценности земных недр. Конечно, я не настаиваю. Просто ты просила назвать дар, и я повинуюсь.

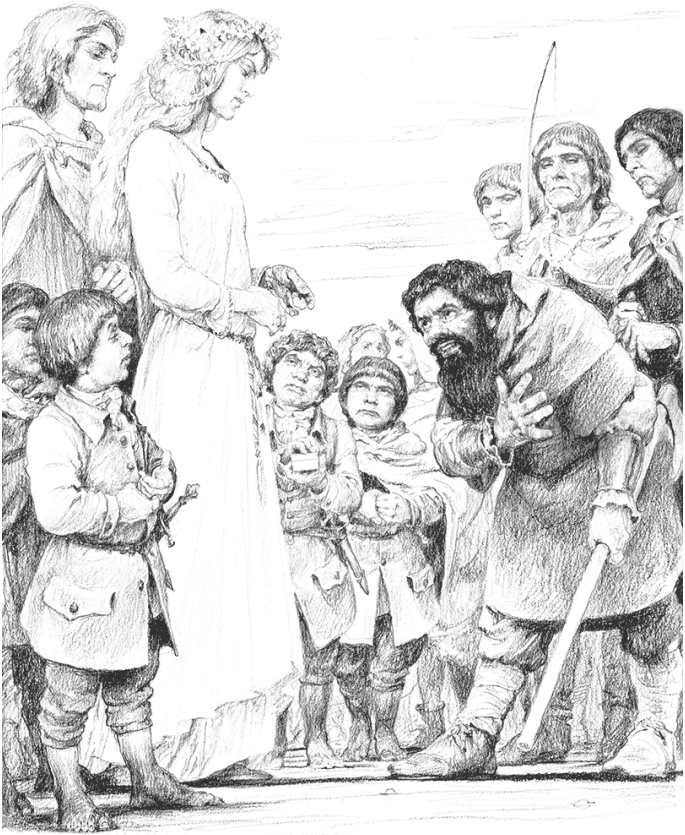
Эльфы беспокойно зашевелились, перешептываясь, даже Владыка Келеберн взглянул удивленно, но Владычица рассмеялась.

— Говорят, гномы искусны руками, а не речами, но о нашем госте так не скажешь. Никто доныне не обращался ко мне с просьбой столь же дерзкой, сколь и учтивой. Как же могу я отказать, повелев прежде говорить? Но скажи мне, что бы ты стал делать с таким даром?

— Берег бы как величайшее сокровище, Владычица, — ответил Гимли, — в память о твоих словах, сказанных в нашу первую встречу. А если мне суждено вернуться домой, я помещу твой дар в самый прочный алмаз, и он станет нашей родовой драгоценностью, как залог добрых чувств

между Лесом и Горой до конца времен.

Владычица отрезала три золотые пряди и вручила Гимли.



— Я не предсказываю, — молвила она, — ибо напрасны предсказания в наши дни, когда на од-

ной чаше весов лежит Тьма, а на другой — лишь надежда. Но если надежда наша не обманчива, я скажу тебе, Гимли, сын Глоина: золото будет само течь тебе в руки, но над сердцем твоим власти не будет иметь никогда.

Ну вот, теперь остался только Хранитель Кольца, — обратилась она к Фродо. — Ты последний ждешь моих слов, но не последний в моих мыслях. Для тебя у меня приготовлен особый дар. — Галадриэль подняла хрустальный фиал, и от ее руки брызнули лучи белого света. — Здесь пойман и сбережен свет Эарендила, отразившийся в моем Зеркале. Чем чернее ночь вокруг тебя, тем ярче будет он освещать твой путь. Ему гореть там, где погаснут все другие огни. Помни Галадриэль и ее Зеркало.

Фродо протянул руку, взял фиал и на миг снова увидел перед собой великую и прекрасную королеву. Однако в ее облике не было больше ничего грозного. Он поклонился и молча отступил назад.

Все встали, и Келеберн повел их к воде. Полдень окутал лесной край золотым мягким сиянием. Серебряно блестели волны Реки. Отряд расселся по лодкам, эльфы с прощальными возгласами оттолкнули их от берега длинными шестами, и

вот уже течение подхватило легкие суденышки и повлекло прочь. Путники сидели, не двигаясь и не разговаривая. На зеленом берегу, поодаль от всех, стояла Владычица Галадриэль. Казалось, она все быстрее удаляется от них, и весь Лориен скользит назад, словно яркий корабль с высокими мачтами своих дивных деревьев и зелеными парусами их пышных крон, уплывает к забытым берегам, а они беспомощно и неподвижно сидят на сером унылом песке.

Они все смотрели назад, а воды Серебрени уже смешались с волнами Андуина, и лодки уносили отряд на юг. Скоро белая фигура Владычицы отдалилась, стала маленькой, словно оконце в доме на холме, поймавшее солнечный луч, словно хрусталь, упавший на колени этой земли. Фродо показалось, что Галадриэль подняла руку в прощальном жесте, и вдруг ветер совершенно явственно донес ее голос. Владычица пела на древнем языке Заморских Эльфов, слов было не понять, а в прекрасной мелодии слышалась тревога. Фродо и раньше хорошо запоминал эльфийские слова, вот и теперь песня врезалась в память, и много лет спустя он перевел ее, как умел, хотя говорилось в ней о вещах, малоизвестных в Среднеземье.

Аи! Лауриэ лантар ласси суринен!
Йэни унотимэ ве рамар альдарон,
йэни ве линтэ йулдар аваниер
ми оромарди лиссэ-мируворева
Андунэ пелла, Вардо теллумар
ну луини йассен тинтилар и элени
омарио айретари-лиринен.

Си ман и йулма нин энкуантува?

Ан си Тинталлэ Варда Ойолоссэо
Ве фаниар мариат Элентари ортанэ,
ар илиэ тиер ундулавэ лумбулэ,
ар синданориелло кайта морниэ
и фалмалиннар имбэ мет, ар хисиэ
унтупа Калакирио мири ойалэ.
Си ванва на, Ромелло ванва, Валимар!

Намариэ! Нан хирувалиэ, Валимар.
Нан элиэ хирува. Намариэ!

[Ах! Как золото, падают листья под ветром!
Долгие годы бессчетны, как крылья деревьев,

долгие годы проходят, как быстрые глотки сладкого меда

в высоких залах на дальнем Западе

под синими сводами Варды,

где звезды подрагивают от песни,

которую поет ее царственный голос.

Кто нынче наполнит для меня кубок?

Варда, Королева Звезд с вечно белой горы,

поднимает руки над миром, подобные облакам.

И тропы мира тонут в тени, а туман из серой страны

лег на пенистые волны меж нами,

скрыл туман навсегда Калакирии камни.

Ныне для тех, кто скорбит на Востоке, пропал Валимар!

Прощай! Может быть, ты еще найдешь Валимар.

Может быть, именно ты и найдешь Валимар. Прощай!]

На Заокраинном Западе имя Варда носит та,

которую эльфы Среднеземья зовут Элберет.

Русло реки повернуло, берега поднялись по обе стороны и скрыли Лориен. Фродо никогда больше не видел этой дивной страны.

Солнце плыло в небе прямо у них по курсу и слепило глаза, и без того полные слез. Гимли плакал открыто.

— Я уже видел самое прекрасное в своей жизни, — сказал он другу Леголасу. — Что могу я назвать прекрасным теперь? Разве только ее дар? — Он приложил руку к груди. — Скажи мне, Леголас, ну зачем пошел я с отрядом? Я ведь не знал, где таится главная опасность! Прав был Элронд. Не дано нам предвидеть свою дорогу. Я боялся пыток во тьме и пересилил страх. Но, клянусь тебе, я остался бы, коли б мог предвидеть боль этого расставания. Мне не станет хуже, попади я нынче же ночью прямиком к Темному Властелину. Горе, о горе Гимли, бедному сыну Глоина!

— Горе всем нам! — откликнулся Леголас. — Горе всем, бредущим по тропам мира в эти последние дни! Их удел — находить и терять. Но твоя судьба осиянна, Гимли, сын Глоина, ибо ты выбрал, что терять, по доброй воле. Ты знал, что теряешь, но не оставил спутников, и награ-

дой тебе будет чистая память сердца о дивном Лотлориене, и не потускнеет, и не иссякнет эта память!

— Может, и верно, — вытирая глаза, ответил Гимли. — Твои слова верны, но холодно от них на душе. Не успокоится сердце памятью. Память — лишь зеркало, холодное, как Келед Зарам. Но, может, эльфы по-другому видят? Я слыхал, для них память — не греза, а мир на грани сна и яви. Увы! Мы не так чувствуем. Впрочем, довольно об этом. Взгляни на лодку! Не слишком ли мы нагрузили ее? Я не хотел бы топить свою скорбь в холодной воде.

Он взял весло и принялся помогать Леголасу, уводя лодку со стремнины под берег.

Так начался долгий путь на юг. Голые бесприютные леса стояли по берегам, мешая видеть окрестности. Ветра не было. Ни одной птицы не появлялось над Рекой. Солнце тускнело, склоняясь к земле, и кануло за горизонт; настал ранний вечер, а вслед за ним — серая беззвездная ночь. Путники плыли и ночью, держась в тени западного берега. Огромные деревья призраками проплывали над головами, опустив извилистые жадные корни в туман. Было тревожно и холодно. Фродо прислушивался к плеску и журчанию

вокруг лодки, и постепенно голова его склонилась на грудь, а беспокойный сон смежил глаза.

Глава IX
Великая река

Фродо проснулся, разбуженный Сэмом. Оказалось, что он спал, заботливо укутанный, под деревьями, в тихом лесном уголке на западном берегу Андуина. Ночь прошла, и тусклое серое утро повисло на голых ветвях деревьев. Неподалеку Гимли хлопотал возле маленького костерка. Прежде чем окончательно рассвело, отряд снова был в пути. Не то чтобы они спешили; всех вполне устраивала отсрочка решения до Крутояра и водопадов Рэроса, а до них плыть предстояло еще несколько дней. Река несла их не быстро, не медленно — как могла, торопить ее никто не хотел. Независимо от выбора, впереди ждали только опасности, а они могли и подождать. Ара-

горн, сохраняя силы товарищей, не заставлял их грести, но неукоснительно следил за тем, чтобы на стоянках зря времени не терять. Отправлялись рано и плыли допоздна. Предводитель отряда хорошо понимал, что Темный Властелин не сидел без дела, пока они отдыхали в Лориене.

Но пока путешествие проходило вполне спокойно. Вереницей тянулись однообразные часы плавания, и только на третий день пути берега стали меняться. Деревья росли все реже, а потом и вовсе пропали. На восточном берегу их сменили не менее однообразные бурые увалы без единой травинки или кустика, словно выжженные зловредным палом. Начинались Бурые Земли; обширные и заброшенные, они тянулись между Южным Сумеречьем и холмами Эмин Майл. Даже Арагорн не знал, какое лихо привело все здесь в такое запустение.

На западном берегу леса уступили место равнине. Там зеленела трава, а вдоль берега тянулись тростниковые заросли, высокие, никогда не остававшиеся в покое. Темные сухие камыши, печально шелестя, клонились и вздрагивали под напором течения. Иногда в просветах мелькали пятна зелени прибрежных луговин, а за ними на горизонте синела линия Мглистых Гор.

Одиночество путников скрашивали только птицы. В тростнике, оставаясь невидимыми, перепархивали и посвистывали маленькие пичуги; однажды над головами с шумом протянулся на юг большой клин.

— Лебеди! — узнал Сэм. — Ого! Ну и здоровущие!

— И к тому же черные, — мрачно добавил Арагорн.

— Какой широкой, пустой и печальной выглядит эта земля, — сказал Фродо. — А я-то думал, если путешествуешь на юг, становится все теплее.

— Мы пока не на юге, — ответил Арагорн. — До моря далеко. В этих краях даже снег может пойти. Там, у впадения Андуина в залив Белфалас, теплее и веселее. Хотя что я говорю? Какое веселье? Те земли под Врагом теперь. А здесь мы всего лиг на семьдесят южнее вашей Южной Чети. Скоро подойдем к устью Светлимы, роханской реки, вытекающей из Леса Фангорна. По ней проходит северная граница Рохана. В старину всеми землями между течением Светлимы и Белыми Горами владели рохирримы. Земли изобильные, славятся отменными пастбищами, но в нынешние злые дни Люди ушли от Реки. Андуин широк, но оро-

чьи стрелы перелетают с одного берега на другой, а в последнее время орки даже переправляются иногда и угоняют табуны.

Сэм тут же принялся беспокойно озираться. Совсем недавно он все высматривал засады меж деревьев, но теперь, среди открытых пространств, стало еще хуже: уж очень все на виду, и он с сожалением вспоминал об оставшихся позади лесах.

Впрочем, в последующие два дня это ощущение постепенно охватило всех в отряде. Теперь весла не лежали без дела, и берега быстрее скользили мимо. Река разливалась, стали появляться галечные отмели, и рулевым лучше было не зевать. По другую сторону начали встречаться болота.

Фродо, припомнив яркие лужайки, фонтаны, солнце и ласковые дожди Лотлориена, зябко передернул плечами. Из-за увалов с востока на Реку накатывали невидимые волны холодного воздуха. В лодках давно уже не смеялись, даже разговаривали мало; каждый был занят собственными мыслями. Память Леголаса уводила его в буковые рощи под крупными летними звездами; Гимли прикидывал мысленно, найдется ли в родовой сокровищнице подходящий алмаз для дара Владычицы; Мерри и Пиппин в средней лодке

увлечены были подхваченным вчера насморком, а Боромир то бормотал неразборчиво, то вдруг принимался обкусывать ногти, как поступают иногда воины в сомнении и беспокойстве, а то вдруг хватал весло и догонял лодку Арагорна. В такие моменты Пиппин, сидевший на носу, улавливал странный блеск в глазах гондорца, устремленных на Фродо.

Сэм после долгих размышлений пришел к выводу, что хотя лодки и не так опасны, как он раньше представлял, но и удобств в них куда меньше, чем можно предположить, глядя со стороны. Он тягостно переживал плавание: делать нечего, сиди себе да пялься на ползущие мимо зимние снулые земли и серую воду в нескольких дюймах от бортов. Даже когда приходилось грести, весел ему не доверяли.

Вот так, на четвертый день пути, уже под вечер, он и развлекал себя: то посмотрит вправо, то вперед, а то через головы Арагорна и Фродо назад, на идущие следом лодки. Его уже клонило в сон, хотелось побыстрее вылезти, размять занемевшие ноги и почувствовать наконец твердую землю. И тут что-то привлекло его взгляд за кормой. К этому времени он уже с минуту бездумно смотрел назад, но теперь замотал головой и протер

глаза. Однако, всмотревшись, ничего необычного не увидел.

Ночевали на маленьком островке под западным берегом. Сэм, завернувшись в одеяло, ворочался рядом с Фродо.

— Я тут было задремал в лодке, сударь, — неуверенно начал он, — и привиделась мне… а может, не привиделась… забавная штука.

— Ну, что ты там еще углядел? — проворчал Фродо. Он уже по опыту знал: Сэм не уймется, пока не расскажет свою байку. — Мне вот с самого Лотлориена не попадалось ничего забавного.

— Да не то чтобы забавно, а все ж таки странно, — оживился Сэм. — Но вы послушайте: я бревно с глазами видел!

— С бревном все точно, — улыбнулся Фродо, — их в Реке много, а глаза лучше убрать.

— Так ведь это ж самое главное! — подскочил Сэм. — Я от этих глаз так и сел. Ну, плывет себе коряга за Леголасовой лодкой и плывет, я сначала и внимания не обратил, а потом гляжу — догоняет! Это как же так, думаю, течение-то одно! Вот тогда я глаза и увидел: две такие бледные точки с переднего конца, а потом пригляделся, а у коряги-то — лапы! Ну прямо как у лебедя, и она гребет! Я сел, глаза тереть стал, крикнуть собрался, ника-

кой дремоты у меня и в помине не осталось, а только смотрю — нету! Но я краешком-то глаза заметил, вроде под берег что-то темное — нырь! И все. Никаких глаз.

Я, значит, и говорю себе: дрыхнешь, стало быть, Сэм, вот и видишь невесть что. Но с тех пор все думаю: привиделось или нет?

Фродо на удивление долго молчал, а потом заговорил устало:

— Это, Сэм, было бы проще всего: мол, сумерки, задремал. Да только они ведь не впервой появились, глаза эти. Я их еще до Лотлориена замечал. А ночью на границе на флет поднималось какое-то существо с такими глазами. Хэлдир его тоже видел. А эльфы, которые орков гоняли? Помнишь, они рассказывали?..

— А-а, — задумчиво протянул Сэм. — Теперь мне, пожалуй, многое припоминается. То, да се, да рассказы Бильбо — все одно к одному. Получается, сударь, мы с вами существо-то это знаем. Ведь это ж Горлум, наверное.

— Наверное, он, — с неохотой подтвердил Фродо. — Боюсь, что он. С той самой ночи на дереве и боюсь. Как я теперь думаю, он в Мории прятался и там увязался за нами. Я надеялся, остановка в Лориене собьет его со следа, но эта дрянь, видно,

пряталась на той стороне Серебрени и видела, как мы отплывали.

— Надо бы нам поосторожнее, — озабоченно сказал Сэм, — а то, не ровен час, однажды ночью передушит он нас, как курей. Не надо Колоброда там беспокоить или кого. Я сам покараулю. А завтра в лодке отосплюсь, я ведь все равно там вроде как груз.

— Груз с глазами, — улыбнулся Фродо. — Ладно, карауль, но с полночи я тебя сменю. А если что — буди меня сразу.

Глухой ночью Фродо с трудом проснулся. Сэм тряс его за плечо.

— Жалко будить вас, сударь, — прошептал он, — но все так и есть, как мы говорили. Совсем недавно я тут плеск такой особый слыхал и сопение, значит. Хотя ночью-то у реки всегда всяких странных звуков хватает.

Сэм лег, а Фродо, борясь со сном, закутался в одеяло и сел, вглядываясь в темноту. Однако проходили минуты, часы, и ничего не случалось. Фродо уже подумывал, не прилечь ли ему, как вдруг заметил едва различимый силуэт в воде, возле самого берега. Вот поднялась слабо белевшая в ночи рука и ухватилась за планширь, следом высунулась голова и заглянула через

борт, а потом прямо на Фродо уставились два знакомых слабо светящихся глаза. Не больше двух ярдов отделяло Фродо от них. Хоббит встал и, обнажив Шершень, взглянул прямо в глаза. Они мигнули, притухли, раздалось шипение, плеск, и по-лягушачьи раскоряченная фигурка рванулась вниз по течению.

Арагорн повернул голову, вскочил и подошел к Фродо.

— Что тут у тебя? — прошептал он. — Меня что-то разбудило. Ты почему с мечом?

— Горлум, — коротко ответил Фродо. — Или мне показалось, — добавил он.

— А-а! Так ты знаешь о нашем маленьком разбойнике? Он топал за нами, почитай, через всю Морию и проводил до Нимродели. А потом встретил на Серебрени, оседлал бревно и не отстает. Я уж тут на него ночами охоту устраивал, но он хитрей лисы и ловок, как рыба. Да и плавает не хуже. Ладно, завтра попробуем оторваться от него. Ты ложись, спи. Я покараулю. Да, хотелось бы мне словить этого мерзавца, он может пригодиться. На свободе он слишком опасен. Мало того, что убьет — не задумается, он ведь врагов может навести.

Ночь прошла, а никакого Горлума будто и не было. Теперь уж весь отряд смотрел в оба, но ничего не высмотрел. Если он и продолжал пре-

следование, то очень осторожно. После этой ночи Арагорн не выпускал весла из рук, другие тоже гребли. Скорость заметно возросла. Шли опять по ночам, а днем выбирали стоянки понезаметнее. Так без особых событий шли дни, пока не настал восьмой из них.

Седьмой день выдался облачным, но к ночи стало проясняться, и рожок молодой луны замелькал в разрывах туч. Сэм долго смотрел на нее, морща лоб и шевеля губами.

На следующий день характер берегов стал быстро меняться. Появились скалы, поросшие терном и ежевикой. Кое-где за камень цеплялись кривые от постоянных ветров пихты. Впереди лежало нагорье Эмин Майл.

На прибрежных утесах гнездилась масса птиц. Теперь в воздухе по целым дням кружились стаи. Арагорн с беспокойством посматривал на них, прикидывая, далеко ли разнеслись вести об их путешествии и не приложил ли к этому лапу Горлум.

На закате он заметил, очень высоко и далеко, огромную птицу, описывавшую медленные круги.

— Посмотри-ка, Леголас, похоже на орла?

Эльф прищурился.

— Орел. Он на охоте. Странно. Слишком далеко от гор.

— Подождем, пока стемнеет, — решил Арагорн. — Тогда и двинемся.

Восьмая ночь плавания выдалась тихой. Тонкий серпик Луны рано растаял в светлой полосе заката, небо над головами было ясным, и только на юге громоздились тучи.

— Пора, — сказал Арагорн. — Рискнем сделать еще один переход. Я плохо знаю здешние берега, по воде здесь никогда не ходил, но, по-моему, до Сарн Гебира еще далеко. Нам могут попадаться маленькие островки. Они каменистые, смотрите в оба!

Сэма назначили впередсмотрящим. Он улегся на носу лодки, всматриваясь в ночь. Высыпали на редкость крупные звезды, поверхность воды слабо поблескивала. Около полуночи Сэм закричал. Впереди, всего в нескольких ярдах, вставали темные зубчатые контуры скал, вода изменила голос. Течение ускорилось, лодку отнесло влево, и она заплясала в пенных гребнях. Справа из воды торчали сплошные камни. Лодки подогнало друг к другу.

— Эй, Арагорн! — крикнул Боромир. — Это же безумие — лезть ночью на стремнину. Ни одна

лодка не пройдет Сарн Гебир даже днем.

— Назад! — закричал Арагорн, изо всех сил удерживая лодку на месте. — Уходите под берег! Я, наверное, ошибся, — признался он Фродо. — Течение быстрее, чем я думал. Сарн Гебир совсем рядом.

Путешественникам стоило немалого труда развернуть лодки. Они медленно продвигались против течения, сносившего их к восточному берегу.

— Навались! — кричал Боромир. — Навались разом, иначе нас выбросит на камни.

Фродо почувствовал, как дно лодки задело за что-то. И тут, в довершение ко всему, на них посыпались стрелы. Одна так ударила Фродо в спину, что он едва не вылетел из лодки. Другая пронзила капюшон Арагорна, третья застряла в борту второй лодки под рукой Мерри. Сэму показалось, что он видит мечущиеся темные фигуры на низком восточном берегу. Они были близко.

— *Ирч*! — воскликнул Леголас, от волнения переходя на родной язык.

— Орки! — крикнул Гимли.

— Горлум! Его лап дело! — уверенно произнес Сэм. — И выбрали же место! Река-то нас прямо на них несет.

Все налегли на весла, даже Сэм. Каждый миг любой из путников ждал удара черной оперенной стрелы. Над головами посвистывало, стрелы вспарывали воду рядом с бортами, но пока никто не пострадал. Темнота не могла помешать целиться мордорским лучникам — орки обладали ночным зрением, но серые борта лодок и эльфийские плащи сбивали их с толку.

Во тьме нелегко было определить, насколько успешны усилия гребцов. Но вскоре напор воды уменьшился, течение стало поспокойнее, и уже не так трудно было отвести лодки в густую тень под западный берег. Только там, причалив, они позволили себе отдохнуть. Леголас тут же бросил весло и с луком в руках выпрыгнул на берег. Положив стрелу на тетиву, он обернулся, выискивая цель, но в темноте с той стороны доносились только грубые крики. Над головой эльфа в звездном свете поблескивали скалы, но по небу неслись уже невесть откуда взявшиеся рваные облака, быстро затягивающие звездные поля.

Внезапный страх почувствовали одновременно все.

— *О Элберет Гилтониэль*! — выдохнул эльф, взглянув наверх.

Огромная темная тень, только похожая на об-

лако, но двигавшаяся куда быстрее, налетала с юга. Скоро уже можно было различить очертания невиданной крылатой твари. Ее появление, судя по крикам на том берегу, вызвало ликование среди орков.

Леденящий ужас сковал Фродо. Старая рана в плече отозвалась пульсирующей болью. Хоббит распластался по дну лодки, тщетно пытаясь спрятаться.

Громко зазвенела тетива большого лориенского лука. Фродо поднял голову. Крылатая тень дернулась и резко отвернула в сторону. Хриплый обиженный карк упал с неба, и все стихло. С того берега взорвались озлобленные, разочарованные крики, и больше — ни стрелы, ни звука.

Немного погодя Арагорн отвел лодки еще выше по Реке и остановился в маленьком мелком заливчике. Здесь, под низкорослыми деревцами, решили ждать рассвета, даже не выходя из лодок, а просто сведя их бортами и прижавшись друг к другу.

— Хвала и слава лориенскому луку и твердой руке, — сказал Гимли, закусывая эльфийскими лепешками. — Это был великолепный выстрел, друг мой.

— Только вот кто бы мне еще сказал, во что я

попал? — пробормотал обескураженный эльф.

— Этого я не знаю, — степенно ответил Гимли, — но рад, что оно улетело. Мне оно не понравилось. Слишком Барлога напомнило, — закончил он шепотом.

— Это не Барлог, — пытаясь унять дрожь, возразил Фродо. — Оно совсем холодное, слишком холодное. Мне показалось… — Он не стал продолжать.

— Ну, что показалось? — настойчиво спросил Боромир; он даже перегнулся из своей лодки, пытаясь разглядеть лицо хоббита.

— Не стану я говорить, — пробормотал Фродо. — Чем бы оно ни было, а те, на берегу, струхнули, когда оно улетело.

— Мне тоже так показалось, — согласился Арагорн. — Но мы так и не знаем, сколько их там и что они намерены предпринять. Эту ночь спать не придется. Сейчас-то темно, а что день принесет? Держите оружие наготове.

Сэм сидел, барабаня пальцами по рукояти меча и все поглядывая на небо.

— Вот чудно, — бормотал он. — Луна ведь у нас одна, что в Шире, что еще где-нибудь. То ли она с пути сбилась, то ли я — со счета. Фродо, — обратился он к хозяину, — вы ведь помните, когда мы

на флет влезли, луна как раз на убыль шла, этак с неделю после полнолуния. Неделю мы по Реке плывем. В прошлую ночь новая луна народилась. Это что же получается? Были мы в Лориене или не были? Три ночи я помню, ну, может, их еще несколько было, но не целый же месяц! Или там время вообще не считано?

— Может, здесь дело вот в чем, — задумчиво проговорил Фродо. — В Лотлориене все еще пребывает время, которое во всех остальных местах давно прошло. А когда Серебрень вынесла нас в Андуин, мы вернулись в то время, которое властвует над всеми смертными землями. В Карас Галадоне я помню только солнце и звезды, а никакой луны не видел.

Леголас пошевелился в своей лодке.

— Нет, Фродо, время нигде не стоит на месте. Но в разных местах ход его неодинаков. Для эльфов мир тоже меняется, причем меняется и медленно, и быстро. Быстро потому, что сами эльфы почти неизменны, события и времена летят мимо, мало задевая их, — в этом печаль эльфийского народа. А медленно потому, что эльфы не считают уходящих лет. Смена времен года — только рябь для них, вечно бегущая по поверхности реки времени. Но все под солнцем имеет свой конец.

— Только Лориен идет к концу очень неспешно, — проговорил Фродо. — На нем охрана Владычицы. Это власть ее Кольца делает часы и дни в Карас Галадоне насыщенными и незаметными.

— Молчи! — остановил его Арагорн. — За границей Лориена нельзя говорить об этом. Сэм просто сбился со счета. В эльфийской стране время пролетело мимо нас. Старая луна ушла, народилась новая и тоже ушла, а вчера вечером появилась опять. Зима кончается. Скоро весна, только надежды она в этот раз не принесет.

Ночь молчала. До самого рассвета из-за Реки не донеслось ни звука, ни крика. Съежившиеся в лодках путники чувствовали, как меняется погода. Потеплело. Воздух стал тихим и отсыревшим под огромными дождевыми тучами, пришедшими с юга, от далеких морей. Голос Сарн Гебира громче зазвучал под утро. С веток деревьев падали капли сгустившегося тумана.

Рассвет подкрался незаметно и потянул за собой грустный день, лишенный теней и настоящего света. Река тонула в белесом тумане, восточного берега как будто не было.

— Терпеть не могу туман, — ворчал Сэм, — а тут ладно уж, тут он кстати. Глядишь, эти проклятые гоблины нас и не заметят.

— Они-то не заметят, — откликнулся Арагорн, — но ведь и нам дороги не увидеть. Надо же обходить Сарн Гебир.

— А зачем? — неожиданно спросил Боромир. — Если впереди Эмин Майл, мы вполне можем бросить эти утлые скорлупки и свернуть на юго-запад. Потом переберемся через Энтову Купель и окажемся в моей стране.

— Возможно, этим путем мы бы и пошли, если бы стремились попасть в Минас Тирит, — возразил Арагорн. — Но такого решения никто не

принимал. К тому же дорога, которую ты предлагаешь, не безопасна. Долина Энтовой Купели плоская и заболоченная. Если туман застанет там путников, им не позавидуешь. Лодки нам еще пригодятся. Река — это такая тропа, с которой по крайней мере не собьешься.

— Но ты же видел, на том берегу враги, — настаивал Боромир. — Хорошо, допустим, мы пройдем Ворота Аргоната и доберемся до Крутояра, дальше что? Прыгать с вершины Рэроса прямо в Гиблые Болота?

— Ну зачем же? — Чем больше горячился Боромир, тем спокойнее становился Арагорн. — Обнесем лодки по берегу и снова спустим на воду. Ты же не мог забыть о Северной Лестнице и сторожевом посту на Амон Хене. Я собирался обязательно заглянуть туда, осмотреться и принять решение в зависимости от того, что мы увидим.

Боромир долго еще настаивал и приводил аргументы, но когда Фродо сказал, что идет с Арагорном, сразу сдался.

— Люди Минас Тирита не бросают друзей в беде, — совершенно другим тоном сказал он. — Вам без меня не справиться. Но дальше Крутояра я не пойду. Даже если мне не найдется спутников, я все равно должен идти домой.

Туман постепенно поднимался. Арагорн с Леголасом решили пройти вдоль берега, поискать дорогу, чтобы обойти пороги.

— Я вполне верю, что лориенские лодки не тонут, — заметил Арагорн. — Но живые не ходят через пороги Сарн Гебир. Гондорских дорог здесь нет, мы ведь на самой границе, а вот древний волок должен остаться. Надо только поискать его. Еще несколько лет назад легкие лодки спускались до Осгилиата, только с появлением орков путь по воде забросили.

— Что-то я не помню на своей памяти ни одной лодки с севера, — скептически произнес Боромир. — Чем дальше вперед, тем опасней.

— Любая дорога на юг опасна, — пожал плечами Арагорн. — Мы идем. Ждите нас до вечера. Если мы не вернемся, выбирайте нового проводника и уходите, как сможете.

Фродо, чувствуя тяжесть на сердце, проводил взглядом человека и эльфа, быстро исчезнувших в тумане. Но страхи оказались напрасны. Уже к полудню разведчики вернулись.

— Все в порядке, — спустившись с косогора, успокоил их Арагорн. — Там есть тропа, а ниже — хороший спуск к воде. Пороги начинаются неподалеку и тянутся не больше мили. Дальше

русло спокойное. Сложно только дотащить лодки и груз до старого волока. До него не больше фарлонга, но подъем крутой. Наверное, выше по течению был причал, а мы проскочили его прошлой ночью. Но он скорее всего разрушен. Лучше идти к волоку прямо отсюда.

— Будь мы все Людьми, и то это непростое дело, — проворчал Боромир.

— Все же придется попытаться, — ответил Арагорн.

— Сделаем, — заверил Гимли. — Там, где люди спотыкаются, гном идет себе и еще несет вдвое больше своего веса, мастер Боромир!

Но задача и в самом деле оказалась нелегкой. Сначала разгрузили лодки и вынесли пожитки наверх. Потом подняли и перенесли лодки. Против ожидания, они оказались совсем легкими. Даже Леголас не мог сообразить, из какого дерева они сделаны, но двое хоббитов легко несли лодку по ровному месту. Однако тропа шла круто вверх по скалам, заросшим ежевикой, а кое-где попадались неожиданные болотистые низинки.

Лодки перетаскивали Арагорн и Боромир, а остальные пыхтели за ними с вещами. Наконец все оказалось сложено у начала волока, дальше пошло легче. Туман все еще висел над Рекой,

слышно было, как бьется и плещет вода в порогах. За два раза груз и лодки переправили к маленькому озерку, сообщающемуся с рекой ниже Сарн Гебира. Ложе озерка, видимо, выточила вода, завихряясь ниже последнего порога. Дальше дороги по берегу не было.

Полдень давно миновал, дело шло к вечеру, когда путники, отирая пот, сели возле воды, прислушиваясь к реву и грохоту стремнины. Все устали, и настроение было под стать уходящему сумрачному дню.

— Здесь придется заночевать, — сказал Боромир, — все устали, и вряд ли есть смысл пытаться пройти в темноте Ворота Аргоната. Хотя наш стойкий гном, несомненно, рвется вперед.

Гимли никак не реагировал. Он стал клевать носом, как только сел.

— Ладно, отдохнем, — согласился Арагорн. — Отчалим утром. Если туман продержится, может, удастся проскользнуть незаметно. Но дежурить будем по двое.

Ночь не принесла ничего хуже моросящего дождя под утро. На рассвете, по-прежнему в тумане, но уже не в таком плотном, как накануне, тронулись в путь, держась поближе к западному берегу. Утро кончалось, когда дождь полил

сильнее. Лодки прикрыли кожаными фартуками, весла отложили и так сплавлялись по течению сквозь сплошную дождевую кисею.

Впрочем, дождь скоро прекратился. Постепенно развиднелось, а потом облака как-то вдруг разошлись и клочьями унеслись к верховьям Реки. Туман исчез. Река текла в огромном каньоне, и течение снова заметно ускорилось. Остановиться здесь вряд ли удалось бы. Впереди, против солнца, темнели высокие холмы Эмин Майл, и в них не заметно было ни единого просвета.

Фродо, вглядывавшийся вперед, наверное, первым заметил вдали две огромные скалы. Высокие, угрюмые, они с двух сторон стиснули Реку, и лодки несло как раз между ними.

— Это Аргонат, Столбы Королей! — воскликнул Арагорн. — Держитесь на середине потока и как можно дальше друг от друга.

Столбы вставали навстречу и все больше казались Фродо молчаливыми грозными фигурами гигантов. Но лишь через несколько минут он понял, что это не обман зрения. Камень был обработан. Мастерство и мощь древности сквозь зной и холод лет пронесли облики былого. Из быстрых вод вздымались каменные короли. Время, словно глубокими морщинами, избороздило трещина-

ми их лица, обращенные на север. Левая рука каждого изваяния в предостерегающем жесте протянулась вперед, правая сжимала боевой топор. Величие и сила молчаливых стражей давно исчезнувшего королевства настолько поразили Фродо, что он в благоговейном ужасе опустился на дно лодки и закрыл глаза. Даже Боромир склонил голову, когда легкие серые скорлупки лодочек проносились в тени гигантов.

За Воротами Аргоната утесы по обе стороны Реки взметнулись высоко в небо. Река словно выгнула напряженную спину и несла лодки все быстрее, ветер тоскливо вскрикивал над ними. Фродо сидел, сжавшись в комок, и слушал, как бормочет за спиной Сэм: «Что за место! Что за жуткое место! Только дайте мне выбраться из этой проклятущей лодки, я не то что к реке, к луже-то больше в жизни не подойду!»

— Не надо бояться! — раздался зычный голос.

Фродо обернулся и увидел… Колоброда? Нет, пожалуй, не его. Усталого, вечно озабоченного Следопыта из Пустоземья больше не было. На корме лодки, гордо выпрямившись, стоял Арагорн, сын Арахорна. Легкими точными движениями он направлял лодку. Темные волосы развевались по ветру, в глазах — свет: король, возвращающийся

на родину из долгого изгнания.

— Не надо бояться! — повторил он. — Давно стремился я узреть образы моих далеких предков, Исилдура и Анариона. Под их тенью нечего опасаться Элессару Эльфиниту, Наследнику Элендила.

Постепенно свет в его глазах угас, и он проговорил уже про себя:

— Ах, если бы Гэндальф был здесь! Как тоскует мое сердце по Минас Анору, по стенам моего города! Куда же теперь направлю я путь?

Длинный и темный каньон, наполненный шумом ветра и гулом несущейся воды, постепенно изгибался к западу. Вскоре впереди показался и начал стремительно расти свет. Внезапно лодки вынесло на простор, и Фродо зажмурился.

Солнце сияло в ветреном небе. Вырвавшись из каньона, Река широко разливалась в холмах, поросших лесом. Вдали на юге среди вод вставал остров, и Андуин словно обнимал его двумя светлыми мерцающими руками. По берегам поднимались еще две вершины. Издалека ветер принес гулкий рокот.

— Тол Брандир, — сказал Арагорн. — Слева — Амон Лав, а справа — Амон Хен, сторожевые посты Чуткий и Зоркий. Там, на вершинах, во

времена королей несли дозор. Но на вершину Тол Брандира никогда не ступал ни зверь, ни человек. Еще до заката мы будем там. Я уже слышу голос Рэроса.

Отряд немного передохнул; сцепив лодки, перекусили, потом взялись за весла. На западе холмы уже окунулись в вечернюю тень, солнце висело на горизонте слегка сплюснутое, большое и красное. Скоро появились первые ранние звезды. Три вершины темнели впереди. Все громче ревел Рэрос.

Приставали уже в глубоких сумерках. На исходе десятого дня пути Бурые Земли остались позади. Предстояло наконец сделать выбор между западом и востоком и выполнить последнюю часть Задачи.

Глава X
Отряда больше нет

Арагорн привел их к началу правого рукава Реки. Здесь, у подножия Амон Хена, к воде спускалась зеленая приветливая лужайка с узким песчаным пляжем. Поодаль начинался лес, покрывавший склоны холма. Маленький родничок, весело кувыркаясь, петлял в траве.

— Вот здесь и заночуем, — сказал Арагорн. — Это Порт Гален, в старину — замечательное чистое место. Может быть, Зло еще не добралось сюда.

Лодки вытащили на берег и разбили лагерь. Дозорного, конечно, назначили, но никаких признаков врагов не ощущалось. Если Горлум и продолжал следить за отрядом, то научился

делать это очень осторожно.

Арагорн спал беспокойно, метался во сне, часто просыпался. Перед рассветом он встал и подошел к дежурившему Фродо.

— Ты чего не спишь? — спросил хоббит. — Все ведь спокойно. Ложись, я дежурю.

— Не спится мне, — ответил Арагорн. — Видно, чувствую что-то. Достань-ка меч, давай поглядим.

Фродо с удивлением достал из ножен Шершень. Края клинка тускло светились в ночи.

— Орки! — в ужасе проговорил Фродо. — Не очень близко, но и недалеко ведь.

— Вот этого я и боюсь, — отозвался Арагорн. — Конечно, может, они на том берегу, клинок-то едва светится. А может, и не орки, а просто какие-нибудь вражьи шпионы на Амон Лав. Я никогда не слыхал об орках на Амон Хене. Правда, то было раньше. Минас Тирит больше не сдерживает врага у Реки. Завтра надо быть поосторожнее.

Утро раскрасило небо в красные и черные тона. Низко на востоке нависли мрачные тучи, словно дым огромного пожара. Восходящее солнце подсвечивало их снизу, но скоро выбралось в чистое небо, позолотив вершину Тол Брандира.

Фродо разглядывал высокий остров. Крутые

стены обрывались в воду. Неприступные скалы штурмовали упорные одинокие деревья, цеплявшиеся за каждую щель или трещину. Над вершиной острова, неправдоподобно высокой, кружились птицы. Действительно, никаких признаков других живых существ глаз не замечал.

После еды Арагорн собрал отряд на совет.

— Вот он и пришел, день выбора, — промолвил он. — Как ни откладывай, а надо решать. Что станет с нашим братством? Повернем ли мы на запад и уйдем вместе с Боромиром в сражающийся Гондор, уйдем ли на восток, к Страху и Тени, или вовсе разойдемся кто куда по своим дорогам? Какое бы решение мы ни приняли, принимать его надо быстро. Задерживаться здесь нельзя. На том берегу мы видели орков, но я опасаюсь, как бы они не переправились и на наш.

После его слов настало долгое молчание.

— Ну, Фродо, — заговорил наконец Арагорн, — боюсь, решать предстоит тебе. Ты — Хранитель, назначенный Советом, и выбор за тобой. Даже я ничего не могу предложить тебе. Я ведь не Гэндальф, хотя и пытался, насколько мог, делать его работу. Я не знаю, что у него было припасено для этого дня, да и было ли? Даже будь он с нами, решать все равно пришлось бы тебе. Это — твоя

судьба.

Фродо долго молчал, а потом медленно, через силу заговорил.

— Я знаю, времени мало. Но я пока не могу выбрать. Тяжело мне. Я хотел бы побыть один. А через час скажу, ладно?

Арагорн тепло взглянул на него.

— Конечно, Фродо, сын Дрого. У тебя будет час, и ты будешь один. Мы останемся здесь. Только не отходи далеко, чтобы можно было позвать.

Фродо посидел еще минуту, опустив голову. Сэм, с беспокойством наблюдавший за ним, отвернулся, покачал головой и пробормотал: «Ясно как день! Только не след Сэму Гэмджи встревать сейчас».

Фродо встал и пошел прочь. Остальные сдержались и не стали мешать ему даже взглядами. Только Боромир (Сэм случайно заметил это) провожал Фродо глазами, пока он не скрылся за деревьями у подножия Амон Хена.

Фродо бесцельно бродил по лесу, но скоро набрел на тропу — жалкие остатки давней дороги — и начал подниматься по ней. Там, где становилось слишком круто, попадались вырубленные в скале ступени, выветренные и расколотые корнями деревьев. Скоро тропинка вывела его

на плоскую, поросшую травой и рябинником поляну. Посредине торчал камень. Здесь было тихо, светило солнышко. Фродо повернулся к Реке, к Тол Брандиру, над которым все так же кружились птичьи стаи, и долго вслушивался в гневный голос Рэроса. Потом сел на камень и, уперев подбородок в ладони, невидящим взглядом уставился на восток. Он перебирал в памяти все случившееся с тех пор, как Бильбо ушел из Шира, вспоминал слова Гэндальфа. Время шло, а выбор оставался все так же далек и труден.

Внезапно он очнулся от раздумий. Ощущение жесткого, неприятного взгляда в спину заставило его резко вскочить и обернуться. Но, к своему облегчению, он увидел только Боромира, с доброй улыбкой идущего к нему через поляну.

— Я беспокоился за тебя, Фродо, — подходя, проговорил гондорец. — Если прав Арагорн и орки близко, нельзя нам по одному ходить, а тебе в особенности. Слишком много от тебя зависит. У меня тоже тяжело на сердце. Можно я поговорю немножко, раз уж я нашел тебя? А то, когда народу много, любой разговор в спор превращается, и конца этому не видно. А вдвоем, глядишь, мы и отыщем мудрое решение.

— Ты добрый, — сказал Фродо, — но вряд ли

мне помогут слова. Я ведь уже решил, Боромир, только боюсь решиться.

Боромир напряженно слушал. Неумолчно ревел Рэрос. Ветер забормотал в ветвях деревьев. Фродо вздрогнул.

Воин подошел и решительно сел рядом на камень.

— А может, ты напрасно страдаешь? — участливо спросил он. — Я в самом деле хочу помочь тебе. В трудный час плохо без совета. Почему бы тебе не выслушать мой?

— Я, наверное, знаю, каков он будет, — со слабой улыбкой проговорил Фродо. — Да, он кажется мудрым, но сердце остерегает меня.

— Остерегает? От чего же? — не сдержавшись, воскликнул Боромир.

— От задержки. От пути, который кажется легче. От того, чтобы сложить мой груз. От… — Он запнулся. — Ладно, раз уж это должно быть сказано — от веры в силу и чистоту намерений людей.

— Но ты же слышал, именно эта сила долго охраняла твою далекую страну, хоть вы и не знали об этом.

— Да нет. Я не сомневаюсь в доблести твоего народа. Но в мире все так изменчиво. Да, в Минас

Тирите крепкие стены, но если они падут, что тогда?

— Тогда и мы с честью падем в битве. Но пока есть надежда, что они выстоят.

— Нет такой надежды, — вздохнул Фродо, — пока есть в мире Кольцо.

— А! Кольцо! — Глаза Боромира сверкнули. — Вот оно что! Кольцо! Что за странная судьба! Столько страхов, столько сомнений из-за такой маленькой штучки. Я даже не рассмотрел его как следует там, на Совете. Может, дашь мне хоть взглянуть на это чудище еще разок?

Фродо поднял глаза и похолодел. На лице воина замерла дружелюбная улыбка, но взгляд…

— Мне кажется, не стоит этого делать, — как можно мягче произнес Фродо.

— Ну и ладно. Нет и не надо! — как-то суетливо воскликнул Боромир. — Но хоть говорить-то о нем можно? Мне кажется, ты все думаешь, сколько зла оно может натворить, попади оно к Врагу. Но ты же сам сказал: мир меняется. Конечно, Минас Тирит падет, если Кольцо останется. Но он падет, если Кольцо останется у Врага! А пока оно у нас!

— Ты что, не был на Совете? — удивился Фродо. — Мы не можем воспользоваться Кольцом.

Все сделанное его силой обернется во Зло.

Боромир вскочил и нетерпеливо принялся расхаживать по поляне.

— Ну что ты заладил? — в раздражении заговорил он. — Это Гэндальф с Элрондом научили тебя. Может, они и правы… для себя. Все эти эльфы, эльфиниты, маги — для них, может, оно и будет злом. Но что-то мне сомнительна их мудрость. Не трусость ли скрывается за их осторожностью? Ладно, каждому свое. Людей с честными сердцами не испортишь. Мы в Минас Тирите доказали это в долгих испытаниях. Нам не нужна сила магов, защищающих только себя. Но мы в большой нужде. А тут — надо же! — случай приносит Кольцо Всевластья. Вот так подарок для Мордора! Это же сущее безумие — не воспользоваться против Врага его же оружием. Только бесстрашные, только безжалостные добьются победы! Многое в этот грозный час судьбы может сделать отважный воин, великий вождь. Например, Арагорн. Ах, он не хочет, он отказывается? Ладно. Тогда почему не Боромир? Кольцо дало бы мне силу власти! О, как бы я гнал орды Мордора! Под мои знамена сошлись бы все свободные народы Запада.

Боромир метался по поляне, срываясь на крик. Теперь он говорил о крепостях и стенах, об ору-

жии и военном союзе людей и совсем, кажется, забыл о Фродо. Он рисовал планы великих побед, он уже расправился с Мордором, раздавил его и сам стал могучим королем, мудрым и великодушным. Внезапно он остановился и потряс сжатыми кулаками.

— А нам говорят: выбросить его! — завопил он. — Не уничтожить — любому ясно, что это невыполнимо, — нет, просто выбросить. Дескать, полурослик отправится в Мордор — и что? А ничего. Просто Враг отберет у него Кольцо — и все. Ведь это же глупость!

Воин повернулся к Фродо.

— Ты ведь и сам понимаешь это. Ты сказал, что боишься, и правильно. Это понятно. Конечно, твой здравый смысл протестует против вопиющей глупости.

— Да нет, — остановил его Фродо. — Я просто боюсь. Но я рад был выслушать тебя. У меня в голове прояснело.

— И ты идешь в Минас Тирит? — Лицо Боромира выражало крайнее нетерпение.

— Ты неправильно понял меня, — слегка смутясь, ответил Фродо.

— Но ты зайдешь? Хоть ненадолго? — настаивал Боромир. — Мой Город уже недалеко, а оттуда

до Мордора почти столько же, сколько и отсюда. Узнаешь, что поделывает Враг. Мало ли что изменилось за это время. Раз уж ты непременно решил идти в Черную Страну, хоть отдохнешь перед походом. Ну, идем со мной, Фродо! — Он дружески положил руку на плечо хоббиту. Это выдало его: рука дрожала от едва сдерживаемого возбуждения.

Фродо отступил и с тревогой взглянул на высокого, сильного воина.

— Ну почему ты мне не доверяешь? — Боромир терял терпение. — Я честный человек и честно скажу тебе: да, мне нужно твое Кольцо, но только на время. Я испытаю свой план и верну тебе. Одолжи мне его, а?

— Нет, ни за что! — Фродо отшатнулся. — Совет доверил его мне!

— Вот из-за этих глупостей Враг и разобьет нас в конце концов! — выкрикнул Боромир. — Ну что ты за упрямый дурак! Сам лезешь Врагу в зубы, ведь сгинешь ни за грош и нас лишишь единственного шанса. Уж если кто из смертных и может владеть им по праву, так это мы, наследники Нуменора, а вовсе не какие-то там полурослики! Да это же несчастный случай, что оно к тебе попало! Оно должно быть моим, оно

моим и будет! Отдай его мне!

Фродо, не отвечая, все отступал, пока между ними не оказался камень.

— Ну, что же ты? — сбавив тон, проговорил Боромир. — Неужели ты не хочешь разом избавиться от всех сомнений и страхов? Ведь твоей вины тут нет. Скажешь, что ты не справился со мной и я отнял его. Тебе ведь и в самом деле не справиться со мной. — Воин внезапно прыгнул через камень к Фродо. Открытое мужественное лицо гондорца разительно изменилось, в глазах бушевало алчное яростное пламя.

Фродо увернулся, и камень снова разделил их. Теперь оставалось только одно. Трясущимися руками Фродо вытянул цепочку и надел Кольцо. Он едва успел это сделать, как воин снова прыгнул на него. На миг Боромир остолбенел, а потом принялся метаться по поляне, растопырив руки.

— Жалкий пройдоха, — орал он, — фокусник! Ну, погоди, дай мне до тебя добраться! Ага, я понял твою затею: ты хочешь отнести его Сауро-ну и продать нас всех! Ты только случая искал подходящего. У-у, будь ты проклят, ты и все эти полурослики, сколько их есть на свете!

Потом он споткнулся о камень, упал ничком и затих, будто пораженный собственным прокля-

тьем, а спустя минуту тихо заплакал. Еще через некоторое время он поднялся, с силой провел рукой по лицу и дико огляделся.

— Что я наговорил! — воскликнул Боромир. — Что я натворил! Фродо! Фродо! Я сошел с ума, но теперь все кончилось. Вернись, Фродо!

А Фродо был далеко и даже не слышал его криков. Ничего не замечая вокруг, он мчался по тропинке к вершине холма. Ужас смешивался в нем с жалостью. Перед глазами все еще стояло искаженное яростным безумием лицо Боромира.

Только на вершине Амон Хена Фродо остановился, с трудом переводя дыхание. Словно в тумане виделась ему широкая круглая площадка, вымощенная обтесанными плитами и окруженная невысокой зубчатой стеной. Посредине на четырех резных столбиках высилось каменное кресло. Несколько ступеней вели к нему. Чувствуя себя заблудившимся малышом, залезшим на трон горных королей, Фродо поднялся по ступеням и сел в древнее кресло.

Поначалу, забыв про Кольцо, он с удивлением взирал на туманный мир, наполненный неясными тенями. Однако уже через несколько мгновений туман стал редеть, и яркие четкие образы явились перед глазами хоббита. Но мир

оставался погруженным в глубокую тишину. Фродо сидел на вершине Амон Хена, в Дозорном Кресле Людей Нуменора. Он взглянул на восток — там простирались неведомые земли, неизвестные равнины чередовались с безымянными лесами. Он взглянул на север — и лента Великой Реки развернулась перед ним во всю длину, а вдали, совсем невысокие, словно старые обломанные зубы, торчали Мглистые Горы. На запад обратил он взгляд — и посреди безбрежных пастбищ Рохана встал, подобный черному шипу, Ортханк — неприступная башня-крепость Изенгарда. Обернувшись на юг, он увидел сияющую радугу над рушащимися в бездну Рэроса водами Андуина. Дальше над причудливой излучистой дельтой кружились стаи морских птиц, как крупинки белой соли под солнцем, а еще дальше лежало Море. И везде, везде являлись ему знаки войны. Мглистые Горы шевелились, как разворошенный муравейник: орки выбирались наружу из тысяч щелей. Под кронами Сумеречья эльфы и люди насмерть бились с какими-то злобными тварями. Пламя металось над землей Бьорнингов; мрачная туча нависла над Морией, дым застилал границы Лориена. По ковыльным степям Рохана мчались всадники; волки серым ручьем текли из ворот

Изенгарда; в гаванях Харада снимались с якорей боевые корабли; а с востока шли и шли войска. Темный Владыка привел в движение все свои силы. Фродо снова взглянул на юг. Белостенный, многобашенный, гордый Минас Тирит вздымал к небу яркие стяги. Сталью мерцали зубцы стен. Вид этой твердыни заронил в сердце хоббита луч надежды. Но уже различал он напротив Минас Тирита другую крепость, еще более грозную и мощную. К ней невольно тянулся его взор. Вот разрушенные мосты Осгилиата, вот оскал ворот Минас Моргула, вот за горной цепью безжизненным пятном легла ужасная Горгоратская долина. Дым пеленой укрыл ее, а в дыму изредка полыхали багровые огни. Но нет, то был не дым, то изрыгала тучи пепла Роковая Гора. На ней задержался взгляд Фродо, на ней и нескончаемых укреплениях, черных, могучих, непреодолимых. Там, за железными, стальными, алмазными стенами, яростно вздыбился Барад Дур, Крепость Саурона. Остановив на ней взор, Фродо почувствовал, как всякая надежда покидает его.

И внезапно он ощутил Око. Там, в Черной Крепости, недреманое Око встревожилось, почуяв взгляд хоббита. Яростная решимость собралась в пучок, в один ищущий перст, и метнулась че-

рез разделяющее их пространство. Вот сейчас она найдет его, вот она стремительно обшарила скалы Чуткого, вот мельком скользнула по Тол Брандиру — хоббит скатился с каменного кресла и сжался в комочек у подножия, накрыв голову капюшоном плаща.

Кажется, он кричал: «Никогда!» — а может, это было: «Я приду к тебе»... А потом словно пронзительный луч прорвался сквозь давящую вражью волю, ворвался в сознание отчаянной мыслью: «Сними! Немедленно сними его! Сними Кольцо, дуралей!»

Две могучие силы, две воли скрестились в нем, словно два клинка. Мгновение Фродо казалось, что он не выдержит этой пытки, и вдруг все исчезло. Он, Фродо из Шира, снова был самим собой, свободным в выборе, помнившим о долге. В последний оставшийся для этого миг он снял Кольцо. Вокруг синел ясный солнечный день, над ним возвышалось древнее кресло, и черная тень, скользнув над рекой, оставила Амон Хен, убралась с запада, растаяла в туманной дали, а вокруг в ветвях деревьев беззаботно пели птицы.

Фродо поднялся на ноги. От усталости его пошатывало, но воля окрепла, а на сердце полегчало. Словно подводя итог, он сказал сам себе:

— Теперь я готов. Злая воля Кольца уже проникла в отряд. Нельзя позволить Кольцу оставаться здесь дольше, иначе жди горших бед. Идти придется одному. Некоторым я не доверяю, а другие слишком дороги для меня. Колоброд рвется в Минас Тирит, он нужен там, нужен вдвойне, раз Боромир уже склонился ко Злу. Я уйду один. Прямо сейчас.

Быстро спустившись по тропинке, он вернулся на злополучную лужайку и остановился, прислушиваясь. Кажется, на берегу кричали.

«Наверное, они ищут меня, — подумал Фродо. — Интересно, сколько же меня не было: час, два?» Он немного растерялся.

— Ну что я могу поделать? — пробормотал он. — Если я не уйду сейчас, то не уйду никогда. Другого случая не будет. Очень не хочется бросать их вот так, тайком. Хотя они поймут, наверное. Сэм поймет. Ведь другого выхода нет…

Фродо медленно вытащил Кольцо, снова надел его и, невидимый, спустился с холма.

Отряд долго сидел на берегу Реки. Сначала все молчали, нервно озираясь по сторонам, а потом сошлись кружком и тихо разговаривали. Вспоминали о пройденных лигах, думали о тех, которые ждали их впереди, расспрашивали Арагорна о

Гондоре.

Древняя история нуменорского королевства хранила множество удивительных событий, даже здесь, на пограничных землях Эмин Майл, встречались следы былого величия: каменные короли на Реке, посты на Чутком и Зорком, лестница в скалах у Рэроса. Но о чем бы они ни говорили, мысли неизбежно возвращались к Хранителю и Кольцу. Как решит Фродо? Почему он медлит?

— По-моему, — заговорил Арагорн, — он пытается понять, какой путь менее безнадежен. Горлум выследил нас, это понятно. Значит, идти на восток опасно. Путь нашего отряда — больше не тайна для врага. Но Минас Тирит не приблизит нас к Огненной Горе и к уничтожению Кольца. Правитель Денетор со всеми своими войсками не сможет сохранить в тайне пребывание Кольца в Городе, точно так же, как не сможет сдержать полчищ Врага, когда он явится за Кольцом. Какой бы путь выбрали мы на месте Фродо? Не знаю. Вот когда нам особенно нужен был бы Гэндальф.

— Да, горестную потерю мы понесли, — кивнул Леголас. — Но что поделать: его нет, а решать надо. Если Фродо не может отважиться сделать выбор, мы должны помочь ему. Давайте позовем

его и проголосуем. Лично я — за Минас Тирит.

— И я тоже, — проворчал Гимли. — Да, нас никто не заставлял искать Роковую Гору. С нас не взяли никакой клятвы. Тяжко было покидать Лотлориен. Но теперь мы зашли так далеко, что остается только сделать последний выбор. Я не оставлю Фродо. Да, я пошел бы в Минас Тирит, но если он решит иначе, я пойду с ним.

— Ты прав, друг Гимли, — согласился Леголас. — Было бы бесчестным сказать ему «прощай» теперь. Я иду с ним, на восток или на запад.

— Пожалуй, это действительно выглядело бы предательством, — подтвердил Арагорн. — Но если он выберет путь на восток, всему отряду незачем идти с ним. Да все и не пойдут. На этом отчаянном пути риск одинаков и для восьмерых, и для двоих. Если бы вы позволили мне выбрать нашему Хранителю спутников, я бы назвал Сэма, он все равно не останется, Гимли и себя. Боромир хочет в Город, он и правда нужен отцу и своему народу. Остальным я посоветовал бы идти с ним. В особенности Мериадоку и Перегрину. Леголас решит сам.

— С чего это вдруг нам оставлять Фродо! — вскричал Мерри. — Да мы с Пиппином куда хочешь за ним пойдем. Ну и что, что мы не

представляли там, дома, каково это будет? Зато сейчас-то понятно, что это безумие — идти в Мордор. Надо остановить Фродо, ведь это верная гибель.

— Конечно, надо остановить, — поддержал его Пиппин. — Да только Фродо-то понимает, что мы будем его отговаривать, а просить кого-нибудь идти с ним он не захочет. Ему не позавидуешь: идти в Мордор, да еще в одиночку! — Пиппина передернуло. — Нет бы сообразить бедолаге, что не надо никаких просьб, просто если мы не отговорим его, то не отпустим, и все.

— Я, конечно, извиняюсь, — смущенно, но твердо вступил Сэм. — Плохо же вы моего хозяина знаете. Чего ему раздумывать? Чего он в этом Минас Тирите не видал? Прощения прошу, мастер Боромир… — Сэм обернулся, ища глазами гондорца, но того нигде не было. — Эй, а куда ж он подевался? — воскликнул Сэм с беспокойством. — Он странный какой-то в последнее время. Ну ладно, не об нем речь, раз он все равно до дому собрался. А Фродо точно нацелился к Горе этой самой идти. Только боится, конечно. А теперь, как до точки, значит, дошло, и подавно. Вот у него на душе кошки и скребутся. Это он еще в пути разного натерпелся, да все мы натерпе-

лись, чего там! А то бы вообще забросил Кольцо в Реку да удрал бы. А так-то он все решил, только начать никак не осмелится. Про нас ему чего волноваться? Он знает, что один не останется. Тут другое: если он себя накрутит все ж таки, так ведь один уйдет. Попомните мои слова! Вот вернется, увидите. Потому как он себя наверняка накрутит, не будь он Сумникс!

— Да-а, — покряхтел Арагорн. — Сэм-то, пожалуй, поумнее всех нас судит. И как же быть, если он прав?

— Да чего там! Не пускать — и точка! — выкрикнул Пиппин.

— Как-то ты, Перегрин, не понимаешь, — терпеливо, но с укоризной промолвил Арагорн. — Ведь он — Хранитель. Он отвечает за Кольцо. Не нам заставлять его выбрать то или иное. Да и не пройдет с ним такое. Здесь другие силы действуют, не чета нашим.

— Ну и ладно, — махнул рукой Пиппин. — Пусть он там себя «накручивает», только бы все это побыстрее кончилось. Не могу я ждать больше! Час-то уж давно прошел, поди?

— А ведь верно. — Арагорн поднялся на ноги. — Час давно прошел. Надо позвать его.

В это время появился хмурый Боромир. Он вы-

шел из-за деревьев, молча подошел к остальным, постоял, словно пересчитывая всех взглядом, и сел в сторонке, уставившись в землю.

— Где ты был? — спросил Арагорн. — Фродо не видел?

Боромир не сразу, но все же ответил:

— Да, я видел его. Там, на склоне. — Он неопределенно махнул рукой. — Мы говорили. Я уговаривал его идти в Минас Тирит и, боюсь, не сдержал себя. Он ушел… просто исчез и все. Я думал, такое только в сказках бывает. Наверное, он Кольцо надел. Я искал его, но не нашел. Думал, он вернулся сюда…

— Это — все? — пристально глядя на Боромира, сурово спросил Арагорн.

— Да, — пряча глаза, ответил воин. — Мне нечего больше сказать.

— Это же плохо! — подскочил Сэм. — Я не знаю, что у этого человека на уме было, но не стал бы Фродо просто так эту штуку надевать! Ему же нельзя! Теперь же только Небеса знают, что случиться может!

— Ладно, подожди, — обеспокоенно произнес Мерри. — Может, он его и снял тут же. Удрал от неприятного разговора и снял. Бильбо так и делал.

— Когда это случилось, Боромир? — с тревогой спросил Арагорн.

— С полчаса, должно быть, — ответил гондорец, — а может, и с час. Я еще побродил немного… Ну, не знаю я, не знаю! — вдруг с мукой выкрикнул он и уронил голову на руки.

— Во! Уже час! — закричал Сэм. — Надо же искать его!

— Погоди, не мельтеши, — остановил его Арагорн. — Надо разделиться по двое…

Но его не слушали. Сэм первый сорвался с места. За ним помчались Мерри с Пиппином и с криками «Фродо! Фродо!» исчезли в лесу. Побежали Леголас с Гимли. Казалось, внезапное безумие обуяло отряд.

— Этак мы все растеряемся, — охнул Арагорн. — Боромир! Не знаю, какую злую роль сыграл ты в этой беде, но сейчас не время каяться. Помоги! Не оставляй младших хоббитов. Иди с ними. Если нападешь на след, возвращайся. Я скоро приду.

Арагорн поспешил за Сэмом и нагнал его как раз на маленькой поляне, в рябиннике. Сэм, пыхтя и отдуваясь, карабкался вверх, все время зовя Фродо.

— Пойдем вместе, Сэм, — коротко бросил Арагорн. — Нельзя сейчас ходить поодиночке. Кругом

беда. Я ее чувствую. Хочу подняться на вершину Зоркого, посмотреть оттуда. О! Посмотри: следы! Я так и думал, что Фродо поднимался здесь. Не отставай! Иди за мной и смотри в оба!

Арагорн помчался вверх по склону.

Сэм принялся было поторапливаться, но где ему было угнаться за Следопытом! Арагорн уже скрылся из виду, и Сэм остановился.

— Стоп! — скомандовал он сам себе. — Раз уж ногами не вышел, так головой работай! Давай-ка сообразим. Боромир, похоже, не врет, не такой он человек; но и всего не говорит. Чем-то он допек нашего Фродо. Ну, и тот, конечно, разом себя накрутил. Уходить, значит, собрался. А куда? На восток, вестимо. И без Сэма, стало быть? А чего? И без Сэма уйдет. Ну это ж не по-хоббитски.

Сэм смахнул набежавшие слезы.

— Держись, держись, — забормотал он. — Думай, если сможешь. Через реку он не перелетит и с водопадов прыгать не станет. Он же с пустыми руками ушел, значит, что? К лодкам вернется. О! К лодкам! А ну-ка, Сэм, дуй на берег.

Он повернулся и кинулся вниз. Упал, ободрал колени, поднялся и побежал снова. Выскочив на поляну Порт Галена, он никого не застал там. Издалека слышались какие-то крики, но Сэм

даже прислушиваться не стал. Он остолбенел от удивления, глядя, как одна из лодок сама по себе съезжает в воду. Сэм заорал и бросился к берегу.

— Фродо! Я тут! Я иду уже! — кричал он, с разбегу влетая в воду и стараясь ухватиться за борт отплывающей лодки. Но он промахнулся и рухнул в воду, подняв фонтан брызг. Его тут же подхватило течением и окунуло с головой.

Досадливый возглас прозвучал из пустой лодки, она остановилась и развернулась. Фродо ухватил всплывшего, захлебывающегося и отбивающегося Сэма за волосы.

— Ну-ка, поднимайся давай, — произнес голос Фродо. — Держись за руку!

— Спасите меня, Фродо! — заполошно выкрикнул Сэм, кашляя и отплевываясь. — Не вижу я руку-то вашу! Ой, тону!

— Да вот она. Не хватайся, парень, полегче! Не упущу я тебя. Не шарахайся так, лодку перевернешь. Держись за борт, дай мне веслом поработать.

В несколько гребков Фродо подогнал лодку к берегу, и Сэм наконец выкарабкался на песок, мокрый, как водяная крыса. Фродо снял Кольцо.

— Мало мне неприятностей, Сэм, так вот ты еще на мою голову.

— Ой, Фродо, ну так же нехорошо, — дрожа, плачущим голосом проговорил Сэм. — Ну куда это вы без меня собрались, и вообще… А если бы я не догадался, где бы вы были?

— Шел бы себе благополучно своей дорогой.

— Да-а! Благополучно! — всхлипнул Сэм. — И один вовсе, без меня даже. А я бы не вынес этого, я бы умер, может!

— Ты умер бы, если бы со мной пошел. Ну и как тогда мне это выносить?

— Да уж хуже-то не будет.

— Я в Мордор иду.

— Само собой, сударь. Конечно, в Мордор, куда ж еще? И я с вами.

— Сэм, — проникновенно произнес Фродо, — ну не задерживай меня, а? Вот-вот остальные вернутся. Если я не успею уйти, придется объяснять, а у меня может духу не хватить. А надо. Это моя единственная возможность.

— Да я понимаю, сударь. Надо идти, а как же! Только со мной. Либо и я пойду, либо никто не пойдет. Я сейчас вот пробью все лодки!

Фродо расхохотался неожиданно. На сердце у него потеплело.

— Одну-то оставь! — посоветовал он. — Нам же понадобится. Хорошо, но не можешь же ты идти

без всего. Ни еды, ни вещей.

— Вы подождите секундочку, а я мигом, только котомку притащу, — вскинулся Сэм. — У меня ведь готово все. Я ж думал, сегодня идем-то!

Он метнулся к стоянке, выудил из общей кучи свой мешок, сгреб запасное одеяло и тючок с едой.

— Весь мой план насмарку! — встретил его Фродо. — От тебя не отвяжешься. Но на самом деле я рад, Сэм, даже не могу тебе сказать, как рад. Идем. Раз уж суждено вместе — так вместе. Мы уйдем, тогда, может, и остальные отыщут безопасную дорогу. Колоброд за ними приглядит. Только, наверное, не увидимся мы с ними больше.

— Ну, это еще как знать, сударь. Может, и увидимся! — солидно ответил Сэм.

Так и случилось, что последнюю часть Задачи приняли на свои плечи Фродо с Сэмом. Фродо отгреб от берега; Река подхватила и понесла их по западному рукаву к неприветливым скалам Тол Брандира. Рев водопадов приближался. Даже подгоняемая двумя веслами, лодка с трудом продвигалась поперек течения к восточному берегу.

Наконец они высадились у подножия южного склона Амон Лав. Лодку вытащили и спрятали высоко над водой, за большим валуном, потом

взвалили на плечи котомки и тронулись в путь, высматривая тропу. Скоро нашлась и тропа, она повела их через серые холмы Эмин Майл вниз, в Черную Страну.

Здесь кончается первая часть повествования о Войне Кольца. Действие второй части «Две Крепости» разворачивается между цитаделью Сарумана Ортханком и крепостью Минас Моргул, охраняющей вход в Мордор.

Во второй части рассказывается о подвигах остальных членов распавшегося Братства Кольца и об опасностях, с которыми они встречаются вплоть до наступления Великой Тьмы.

В третьей части «Возвращение Короля» говорится о сражении с Тьмой и о завершении миссии Хранителя.

